

№3 (90)
ИЮНЬ

2021

СИМБИРСКИЙ

12+

Литературный журнал

ЮНЕСКО
Организация
объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

У
УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Объявлена подписка
на 1-е полугодие 2022 г.

Цена подписки:
1 мес. – 206,53 руб.
6 мес. – 619,59 руб.

Индекс ПА041

К 70-летию ульяновской
писательской организации.
Интервью с О. Дарановой

стр. 17

Пушкинский праздник
в Языково

стр. 37

Николай Полотнянко.
Сказания земли Симбирской

стр. 43

Лауреаты премии
«Первая роса»

стр. 110

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

СИМБИРСКЪ

12+

№3 (90)

ИЮНЬ
2021

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

И в сердце луч горит. Слово редактора	3
С любовью ко всему родному	
Ирина Смирнова. Поэтесса Софья Рынкевич-Киндякова Антонина Лобкарева.	
П.А. Вяземский и И.А. Гончаров	10
Карамзину посвящается	
Любовь Сапченко. Неопубликованное письмо М.П. Погодина к М.А. Дмитриеву	14
Год книги	
К 70-летию Ульяновской писательской организации. Интервью с Ольгой Дарановой	17
Родина, сын я твой. О творчестве Виктора Сергеева.....	21
Виктор Сергеев. Зоотехник. Рассказ.....	23
Все живое	
Татьяна Мельник. Русские гавроши	33
При свете Пушкинского слова	
Ольга Даранова. Ко дню рождения А.С. Пушкина	34
Данила Ноздряков. Центр поэтической жизни	37
Соло	
Валерий Кузнецов. Из книги «Сатурн». Стихи.....	39
Книжная полка	
Николай Полотнянко. Сказания земли Симбирской (Вступительное слово В. Кузнецова)	43
Юбилеи	
Нина Никифорова. В поисках счастья. К юбилею художника Анатолия Обвинцева.	69
Увидеть и запечатлеть. Картины Анатолия Обвинцева	73
Страна поэзия	
Олеся Козина. Нагадай мне, солнышко, счастья поцветней	81
Анатолий Шутый. Я вошел в этот мир без оглядки	83
Олег Портнягин. В тишине	87
Евгения Хапланова. Земли и неба братство вековое	89
Вячеслав Ташлинский. Чтоб в каждом доме доброта жила	93
Нина Коваленко. Меж нами – золотая нить	96
Дороги памяти военной	
Нина Дубовик. Юнга Северного флота	99
Черемшан	
Памяти Владимира Кононова. «Друзья мои, спасибо, что вы есть!».....	107
Молодые голоса	
Через музыку вижу я. «Первая роса». Итоги	110
Елена Ибукова. Вопреки времени	112
Поэтическая мозаика (Стихи Е. Богдановой, О. Лазаревой, С. Николаева, К. Знаменцевой, Д. Ефремовой, Е. Михеевой, К. Никишиной, М. Найдина).	113
Пересмешник	
Федор Горобцов. Кабинетный рояль	115
Под сенью дружных муз	
Ирина Морозова. О выставке картин «Предчувствие весны»	118
Душа художника крылата. Работы творческой династии Горшуновых	121
Доброе слово.	
Пословицы в красках Марины Русановой	126
Маргарита Смирнова. Райский мир Марины Русановой	129
Юбилеи	
С заботой о людях и межнациональной культуре. (К юбилею Николая Ларионова)	130
Дорога к храму	
Надежда Разумовская. Лизина душа	133
Вера Седова. Ганя-Мотаня. Рассказ	140
Ульяновск-литературный город ЮНЕСКО	142
Юбилейный календарь	144
Николай Марянин. Литературная библия «Отчизны поэтов»	171
Краткая история Ульяновского отделения Союза писателей.....	174
Николай Марянин. Симбирским писателям. Стихи.....	175

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32 Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 15.06.2021 г.
Дата выхода 23.06.2021 г.
Тираж 700 экз. Заказ №408

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор». 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №3 (90), 2021

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: фото О. Тюльпа.
На обороте обложки: фото В. Ламзина.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Вы можете пригласить на дом почтальона
для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Все подписавшиеся на журнал Симбирск
на II полугодие 2021 года смогут участвовать
в розыгрыше призов. Тел. для справок: 41-04-32

Оформить подписку
на II полугодие 2021 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

И В СЕРДЦЕ ЛУЧ ГОРИТ

В июньском номере журнала – созвучие разных авторов и публикаций.

В этом выпуске – стихи и проза, интервью, краеведческие статьи и очерки. В плодотворном и литературном июне мы снова вспоминаем имена Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, И.А. Гончарова.

Статья Антонины Лобкаревой посвящена взаимоотношениям П.А. Вяземского и И.А. Гончарова, которых связывала служебная деятельность.

Любовь Сапченко рассказывает о неизданном (втором) письме историка М.П. Погодина об открытии памятника Н.М. Карамзину. Оно «представляет интерес с точки зрения воссоздания жизни Симбирска и царящей в эти дни праздничной атмосферы».

Ирина Смирнова знакомит читателей с итогами своих разысканий о жизни и творчестве поэтессы Софьи Рынкевич-Киндяковой (1881–1972), которая была потомком симбирских дворян Киндяковых. Впервые публикуем стихи Софьи Рынкевич.

Ряд публикаций номера посвящен 70-летию ульяновской писательской организации. Поздравляем коллег-писателей со славной датой!

В рубрике «Год книги» читайте интервью с председателем Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольгой Дарановой. На страницах номера представляем творчество ульяновских авторов, членов Союза писателей России: Виктора Сергеева, Валерия Кузнецова, Анатолия Шутого, Олеси Козиной, Николая Ларионова, Николая Марянина, Татьяны Мельник, Федора Горобцова. В подготовке номера принимали участие члены Союза писателей России: Раиса Кашкирова, Александр Дашко, Алина Осокина.

Особого внимания заслуживает публикация поэтических сказов из истории нашего края Николая Полотнянко «Сказания земли Симбирской». Это продолжение прозаической книги автора «Симбирские сказания». Иллюстрации Анатолия Обвинцева. В рубрике «Юбилеи» о жизни и творчестве А. Обвинцева рассказывает журналист Нина Никифорова. На цветных вкладках представлены работы художника.

Поэтические страницы номера продолжают ульяновские авторы Вячеслав Ташлинский и Нина Коваленко.

Гостями «Симбирска» стали поэты Елизавета Хапланова (Донецк) и Олег Портнягин (Сызрань).

К 80-летию начала Великой Отечественной войны в рубрике «Дороги памяти военной» публикуем страницы книги Нины Дубовик «По зову сердца и велению долга». В мае 2001 года в Ульяновске состоялось открытие памятника юнгам Соловецкой школы Северного флота.

Раздел «Черемшан» посвящен памяти димитровградского поэта, актера Владимира Кононова.

Подведены итоги молодежного литературного конкурса «Первая роса». Торжественная церемония вручения премий состоялась во Дворце книги. Публикуем эссе Елены Ибуковой и стихи участников конкурса.

В разделе «Под сенью дружных муз» Ирина Морозова рассказывает о недавно состоявшейся выставке творческой династии художников Горшуновых. Маргарита Смирнова знакомит с работами московской художницы Марины Русановой. Ее работы «Пословицы в красках» экспонируются в музее народного творчества.

В июне вновь состоялся Пушкинский праздник в Языково. Читайте репортаж Даниила Ноздрякова об этом событии и «Слово о Пушкине» Ольги Дарановой.

В рубрике «Дорога к храму» – рассказы Надежды Разумовской и Веры Седовой.

Новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» представляет Гала Узрютова.

К 70-летию Ульяновской писательской организации публикуем статью Николая Марянина о подготовленном к изданию биографическом словаре писателей, связанных с нашим краем.

Завершает номер «Юбилейный календарь».

Ольга Даранова в интервью так говорит о писательской организации: «Будущее Союза – в привлечении талантливой молодежи, в единстве поколений и духовном братстве».

На страницах литературного журнала происходит встреча писателей с читателем. Читательский отклик очень важен. Пишите свои отзывы, друзья!

Адрес электронной почты karamz_sad@mail.ru.

Всем хочется пожелать в наступившую летнюю пору радоваться каждому дню, «слушать птиц и счастливых людей голоса».

Чтобы вслед за Софьей Киндяковой можно было ошутить: «и в сердце луч горит».

Елена КУВШИННИКОВА

Ирина СМЕРНОВА, научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова.

ПОЭТЕССА СОФЬЯ РЫНКЕВИЧ-КИНДЯКОВА

13 февраля 2021 года исполнилось 140 лет со дня рождения поэтессы Софьи Ефимовны Рынкевич (13.02.1881–1972). Это имя вряд ли известно ульяновским любителям поэзии. Между тем Софья Рынкевич имеет непосредственное отношение к нашему краю. В 1930-х годах она стала известна в литературных кругах русской эмиграции в Польше как поэтесса Софья Киндякова. Этот литературный псевдоним она выбрала не случайно. Её бабушка Наталья Львовна Киндякова (1818–1854) происходила из старинного симбирского дворянского рода Киндяковых, ведшего своё происхождение от татарских князей. В 1839 году она вышла замуж за назначенного на службу в Симбирск молодого прокурора Ефима Ефимовича Рынкевича (1807–1849). Рынкевичи – белорусский шляхетский род, известный с XVII века. Таким образом, в их потомках сплелись Восток и Запад, так же как и в судьбе Софьи Рынкевич.

Наталья Львовна и Ефим Ефимович умерли молодыми, оставив круглыми сиротами пятерых несовершеннолетних детей: Александру – 14 лет, Дмитрия – 13 лет, Наталью – 11 лет, Ефима – 8 лет, Льва – 6 лет. Заботу о детях взяли на себя Киндяковы, оформив опекунство и предоставив средства на их воспитание и образование. Повзрослев, Александр стал женой симбирского дворянина, сызранского помещика, штабс-капитана Петра Васильевича Полочанинова. Наталья, по-видимому, своей семьи не создала. Лев умер совсем молодым, в 17 лет. Дмитрий и Ефим получили прекрасное образование в Санкт-Петербурге. Дмитрий окончил в 1863 году Императорское училище правоведения, более

40 лет прослужил в Казанском судебном округе, с 1897 по 1907 год был старшим председателем Казанской судебной палаты. Д.Е. Рынкевич дослужился до чина тайного советника, был назначен сенатором. Скончался в 1910 году в Петербурге.

Но более всего нас интересует судьба Ефима Ефимовича, отца Софьи.

Генерал-майор
Е.Е. Рынкевич (1846–1896)

Е.Е. Рынкевич (1846–1896) сделал блестящую военную карьеру. В 1875 году он окончил Академию Генерального штаба. В конце апреля 1877 года подполковник Генерального штаба Рынкевич был назначен начальником штаба Болгарского ополчения, которое формировалось в связи с подготовкой к войне с Турцией за освобождение Болгарии.

27 июня 1877 года русская армия переправилась через Дунай и вступила на территорию Болгарии.

Болгарское ополчение было включено в Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко. Болгарские ополченцы приняли участие во всех решающих сражениях за освобождение своей родины: у Стара-Загоры, Шипки, Шейново. В дальнейшем ополчение стало основой вооруженных сил Болгарского княжества. 9 (21) августа 1877 г., в первый день сражения за Шипкинский перевал, части русской армии и Болгарское ополчение отбили пять атак турецкой армии, превосходившей их по численности почти в пять раз. Е.Е. Рынкевич в этот день был ранен и должен был оставить свою должность. О пережитых событиях он написал очерк «Записки о Болгарском ополчении», который до сих пор используют в своих работах историки, изучающие события Русско-турецкой войны.

В 1879 году в Санкт-Петербурге Ефим Рынкевич женился на дочери инженер-подполковника, преподавателя Института Корпуса горных инженеров Александра Григорьевича Баторского Марии Александровне (1849–?). Венчание состоялось в

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Елисаветграде.
С фотографии XIX в.

церкви Рождества Иоанна Предтечи при Пажеском Его Величества корпусе. После свадьбы молодые супруги уехали к новому месту назначения Е.Е. Рынкевича. В 1879–1885 гг. он служил начальником Елисаветградского кавалерийского училища. В Елисаветграде родилась их единственная дочь Софья и была крещена в Покровской церкви. Восприимниками девочки стали военный инженер, капитан Сергей Александрович Баторский и Наталья Ефимовна Рынкевич.

В 1889 году Е.Е. Рынкевич получил чин генерал-майора. В 1890–1895 гг. он возглавлял знаменитое Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, самым известным выпускником которого был М.Ю. Лермонтов. В мае 1895 года Рынкевич был переведён на Кавказ и назначен начальником Кавказской кавалерийской дивизии, штаб которой размещался в Тифлисе. Е.Е. Рынкевич исполнял должность начальника дивизии до 23 декабря 1896 года. Он скончался в возрасте 50 лет.

Елисаветград. Кавалерийское училище

В 15 лет Софья потеряла горячо любимого отца. Она окончила курс Закавказского девичьего института в Тифлисе, после чего вместе с матерью поселилась в Санкт-Петербурге. Она свободно владела французским и английским языком, увлекалась живописью и литературой, сама с юности писала стихи. Софья написала предисловие к очерку отца «Записки о Болгарском ополчении», который был опубликован в 1902 году в «Военном сборнике». В Петербурге она поступила в Рисовальную школу при Императорском обществе поощрения художеств. Позднее отправилась совершенствоваться в живописи в Венецию, где выучила ещё и итальянский язык.

Как многие девушки в то время, она мечтала о высшем образовании. Но в России для женщин тогда это было невозможно. Только после революции 1905 г. вновь открылись Высшие женские курсы. Софья Рынкевич упорно и целеустремлённо, шаг за шагом идёт к осуществлению своей мечты – стать юристом. Она становится вольнослушательницей юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, а в сентябре 1907 г. поступает на юридический факультет частных Высших женских курсов Н.П. Раева. Курсы состояли из двух факультетов: историко-литературного и юридического. На юридическом преподавались все виды права (от церковного до международного),

политическая экономия, статистика, латинский язык. Выпускницы курсов могли сдавать государственные экзамены в императорских университетах и получать полноценный диплом. Качество образования было обеспечено высочайшим уровнем преподавательских кадров. Н.П. Раев лично заботился о привлечении лучших профессорских кадров на курсы. Самой знаменитой слушательницей курсов стала А.А. Ахматова, которая училась на историко-литературном факультете в 1911 году.

19 декабря 1911 г. был принят закон, по которому женщины допускались к экзаменам в государственных испытательных комиссиях при университетах и после их успешной сдачи получали права, сходные с правами мужчин. Софья Рынкевич немедленно воспользовалась этим правом и выдержала экзаменационные испытания в юридической испытательной комиссии Санкт-Петербургского университета.

Императорский Санкт-Петербургский университет

Софья Ефимовна интересовалась общественно-политической жизнью страны. В ноябре 1911 года она подписала открытое письмо «К русскому обществу», написанное В.Г. Короленко в связи с шумевшим тогда «Делом Бейлиса» – судебным процессом по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 года. Всего обращение подписали более 500 писателей, учёных и общественных деятелей, протестовавших против несправедливого обвинения. Среди них Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Александр Блок, Максим Горький, Фёдор Сологуб, Леонид Андреев, Вячеслав Иванов, Дмитрий Философов, Владимир Набоков, Александр Куприн, Владимир Немирович-Данченко и другие известные деятели русской культуры.

В 1912 году С.Е. Рынкевич отправилась изучать юриспруденцию во Фрайбургский университет, один из старейших университетов Германии. Вернувшись в Россию, с 1913 по 1916 г. она преподавала «Государственное право» на Высших Бестужевских курсах. В 1915 г. в сборнике «Философия права и нравственности» публикуется её диссертация «О природе собственности». С февраля 1916 по весенний семестр 1917 г. она сдавала магистерские экзамены. В мае 1917 года прочитала две пробные лекции в университете. И, наконец, приобрела право

занять должность приват-доцента политико-юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Приват-доцент – учёное звание внештатного преподавателя в университетах.

Приват-доцентам, как правило, поручалось чтение так называемых необязательных курсов. Позднее С.Е. Рынкевич была ассистентом политико-юридического отделения юридического кабинета ФОН. Вероятно, как преподаватель университета она получила комнату в коммунальной квартире и жила по адресу: ул. С. Халтурина (бывшая Миллионная), д. 27, кв. 3, ком. 17. В этом доме до революции размещался Английский клуб. В 1918 г. клуб был закрыт, а в здании были устроены коммунальные квартиры. В 1918–1919 учебном году Рынкевич читала курс «Пределы кровного наследования и наследование государства». Софья Ефимовна вела активную деятельность в юридической сфере: помогала бывшим студентам в ведении дел, была принята в сословие адвокатов в качестве помощницы присяжных поверенных. Можно сказать, что она пошла по стопам дяди Дмитрия Ефимовича и стала одной из первых женщин-юристов в России.

В октябре 1918 г. законом Советской власти должности приват-доцентов были упразднены. В состав профессоров переводились те приват-доценты, которые преподавали не менее трех лет. По-видимому, из-за недостаточного стажа С.Е. Рынкевич в 1919 году была уволена из университета. Позднее она эмигрировала в Польшу и поселилась в Варшаве. В 1922 году в Варшаве было организовано Общество юристов-эмигрантов с целью оказания материальной и правовой помощи членам общества и изучения юридических и социальных проблем. Весьма вероятно, что С.Е. Рынкевич стала членом этого общества.

Варшава была одним из центров русской эмиграции наряду с Парижем, Прагой, Ригой, Харбином. Здесь в период между двумя мировыми войнами жили и работали известные русские литераторы и общественные деятели. Самой заметной

С.Е. Рынкевич (1881–1972)

Фрайбургский университет

Вид Варшавы. 1939

и влиятельной фигурой польской эмиграции был Д.В. Философов – публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель. Он был членом редколлегии выходивших в Варшаве газет «Свобода» (1920–1921) и «За свободу!» (1921–1932), редактировал газету «Молва» (1932–1934); был соредактором варшавско-парижского журнала «Меч», преобразованного из-за разногласий с Мережковским и Гиппиус в варшавскую газету (1934–1939). В Варшаве жил М.П. Арцыбашев – известный русский писатель, драматург, публицист. В Польше Арцыбашев стал одним из руководителей и постоянным автором газеты «За свободу!» В Варшаве жил А.М. Хирьяков – известный сподвижник Л. Н. Толстого, русский писатель и поэт, литературный критик, журналист, мемуарист, один из ведущих сотрудников газет «За Свободу!», «Молва», «Меч».

В 1929 году в Варшаве при Союзе русских писателей и журналистов в Польше возникла молодёжная секция «Литературное содружество». С.Е. Рынкевич становится её членом как поэтесса Софья Киндякова. Таким образом, Софья Ефимовна оказалась в самом центре литературно-общественной жизни Варшавы 1930-х годов.

Одним из руководителей «Литературного содружества», его почётным председателем был Дмитрий Владимирович Философов. Собрания кружка проходили сначала в помещении редакции «За Свободу!», затем – в Российском общественном Комитете, председателем которого был Сергей Львович Войцеховский – политический и общественный деятель белой эмиграции, публицист, поэт.

С появлением в Варшаве молодого поэта из провинции Льва Гомолицкого Содружество резко расширило свою деятельность и достигло своего расцвета в 1931 году. В этом году им было устроено 33 закрытых и деловых собрания, большой вечер в День русской культуры, который отмечался 6 июня, открытое выступление содружников. В этот период количество гостей на закрытых собраниях возрастает до 30–40 человек. В Содружестве проводились вечера, где обсуждались и последние новости литературы эмиграции, и новые произведения членов Содружества. Сочинения членов Содружества, отчеты о встречах печатались в газете «За свободу!». Главным в деятельности Содружества был вопрос о новом поколении, выступившем в русской

литературе после революции и Гражданской войны. С 1931 года на заседаниях общества стали проводить обзоры разных периодов истории русской литературы, читались доклады о поэтах и писателях XVIII–XIX вв., о советской литературе, о работе русских писателей в изгнании, о молодой эмигрантской литературе. 17 мая 1931 года С. Киндякова выступила на очередном заседании с докладом «Неоплатонизм в доктрине Юлиана Отступника и попытка замены им христианства». Вместе с другими членами Содружества она выступала на заседаниях с чтением своих стихов, участвовала в обсуждении докладов.

Вечера Содружества вызывали интерес в кругах польской интеллигенции. На них выступали Юлиан Тувим, брат и сестра Юзеф и Мария Чапские, Ежи Стемповский, их посещали молодые польские поэты.

4 июля 1931 года открытое заседание «Литературного содружества», посвященное обсуждению вопроса о втором и третьем поколениях в эмиграции, посетил крупный политический деятель и ученый П.Б. Струве, приехавший с лекциями в Варшаву из Белграда. 1 ноября гостем «Литературного содружества» был приехавший из Эстонии по пути в Югославию Игорь Северянин, который прочёл свои новые стихи.

31 января 1932 года Содружество устроило вечер Юлиана Тувима, посвященный его переводу пушкинского «Медного всадника». Это было одно из самых ярких событий в истории Содружества.

Летом 1932 года «Литературное содружество» выпустило поэтические сборники четырёх своих членов. Первыми были книжки основателей Содружества С.Л. Войцеховского и В.В. Бранда. Затем были изданы сборники «Меандр» С. Киндяковой и «Дуновение» Л. Гомолицкого. Книжки были изданы на ротаторе в количестве 25 экземпляров и, конечно же, стали библиографической редкостью. В сборник «Меандр» вошли 18 стихотворений: два ранних, написанных в 1900 году, и шестнадцать стихотворений, написанных в эмиграции в 1926–1931 годах.

С начала 1933 года заседания Содружества становятся всё реже. В 1935 было принято решение о его закрытии.

В 1937 году Союз русских писателей и журналистов в Польше выпустил «Антологию русской поэзии в Польше», в которую вошли образцы произведений 35 местных авторов. Цель, поставленная составителями антологии, – дать возможно более полную картину поэтической жизни в Польше за последние 20 лет. В антологию вошло стихотворение С. Киндяковой «Вилла Адриана».

На выход этой книги откликнулся рецензией «Русские поэты в Польше. Новая книга: «Антология русской поэзии в Польше» Петр Пильский – русский писатель, журналист, оказавшийся в эмиграции в Латвии, обозреватель газеты «Сегодня», заведующий её литературным отделом. «Я удивился, – писал он, – да и кто мог предполагать, что сейчас в Польше живут, пишут, даже издают стихи 35 поэтов, – почти три дюжины. Еще удивительней: 14 из них выпустили свои сборники. Я подсчитал – 31 книга! «Союз русских писателей и журналистов» в Польше получил законное право издать целую антологию.

Тут и давно пишущие и совсем молодые. <...>. Каждый из поэтов показан только одним стихотворением: не слишком обширный материал для суждений. <...>. Интересно познакомиться с новыми для нас именами. Некоторым из них нельзя отказать в даровании. Но больших талантов нет. Не хватает и выразительности в этих авторских лицах. Все же следует отметить лучшие страницы. <...> Прозоров – участник варшавского объединения поэтов «Литературное Содружество». К нему же принадлежат Александр Хирьяков, С. Войцеховский, С. Киндякова, Софья Концевич, Сергей Нальянч, Георгий Соргонин. Легкими и грустными строками открывается стихотворение Софьи Концевич «Разлука» <...>. Можно было бы процитировать отдельные строки и из остальных поэтов этого «Литературного Содружества», – особенно «Виллу Адриана» С. Киндяковой».

Свои новые стихи Софья Рынкевич публиковала в газете «Меч». В 1935 году были напечатаны «В заснеженных полях убогий полустанок...», «Глухая ночь. Окно открыто...»

В середине 1930-х годов С.Е. Рынкевич увлекается теософией, начинает изучать книги Живой Этики Рерихов и вступает в переписку с Н.К. Рерихом. В 1939 году отправляет в Индию экземпляр сборника «Меандр» с дарственной надписью «Глубоко чтимой и дорогой Елене Ивановне Рерих от преданного автора». В настоящее время эта книга находится в Музее Рерихов в Москве.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, началась Вторая мировая война. Как складывалась судьба С.Е. Рынкевич в военные и послевоенные годы, неизвестно.

Творчество поэтессы Софьи Киндяковой не забыто. Её имя включено в электронные справочники «Сборники русских поэтесс (1770–1940)», «Писательницы России. Материалы для биобиблиографического словаря (Составитель Ю.А. Горбунов)». Два её стихотворения о Венеции помещены в книге А. Соболева и Р. Тименчика «Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972», изданной в 2019 году.

Имя этой незаурядной женщины должно появиться и на литературной карте Ульяновского края.

Софья КИНДЯКОВА

ВЕНЕЦИЯ

Черны, как ночь, на землю пали тени,
Что бросил свет колдующей луны,
И мрамором одетые ступени
В густую тьму уже погружены.

И волны тихо край их омывают...
Трепещет зыбью дремлющий канал,
Улыбку звезд приветно отражает
В немом дворце паркет пустынных зал.

Решетки окон в кружеве ажур
Минувших жизней повести хранят.
Спит кипарис... И, грезя, льет датура
Из чаши белой благовонный яд.

Скользит в саду полотен Тициана
Знакомый образ – в локонах лицо,
И у перил, при лепете фонтана
Гондолу ждет зацветшее кольцо.

Сквозит резьба на стрельчатом балконе,
Тяжелой страстью дышит старый лавр,
И чудится, навстречу Дездемоне
Спешит любовью опьяненный мавр.

Венеция, ты спишь на водном ложе,
Ползут века, меняются пути,
Но шепчет Вздохов Мост, Палаццо Дожей
Про львиный зев Совета Десяти;

Про догаресс, пиры и договоры,
Колоколов лепантских гордый звон,
И про небес лазурнейшие взоры
В жемчуг и яхонт убранных мадонн.

И вечная канцона гондольера,
Времен сразив завистливый черед,
Про forza dell' amore, dell' altiera,
До наших дней восторженно поет.

В ГОНДОЛЕ

Тебе, Венеция, жемчужина морей,
Я шлю привет мой тихий запоздалый...
Прими его, как стон души моей,
Души измученной, и скорбной, и усталой.
О, как ты хороша! Волшебный, странный сон
Истомой сладостной моё чело объемлет
В прозрачном сумраке, в тиши, со всех сторон
Громада пышная дворцов зубчатых дремлет,
И негой дышет ночь... Недвижная луна
Лагуны спящие спокойно озаряет,
Чуть веет ветерок, и зыбкая волна
Лучом серебряным капризно колышет.
На тёплом бархате канала свежих вод
Бесшумна и легка скользит моя гондола.
Riotto белого прохладный, мшистый свод
Играет звуками чуть слышной баркароллы,
И длинного весла ей вторит влажный всплеск.
Палаццо старого обросшие ступени,
Свидетели времён, когда роскошный блеск
Былых патрициев не знал досадной тени,
Манят взойти опять на звонкий мрамор плит.
Узорных фонарей цветное отраженье
На ложе призрачном причудливо дрожит,
И цепью тянется в бессчётном отраженье...
Всё замерло вокруг, всё тонет в ясном мире –
И слышится вдали: «Vorrei morire».

ВИЛЛА АДРИАНА

В былой Авзонии, где свод небес так жгуч,
 Оазисом средь выжженной пустыни
 Стоит она досель. Изломан и колюч,
 Ряд кактусов под куполами пиний
 Ведет в заглохшую аллею. По стенам
 Цепляются гирлянды, тут и там,
 И фиолетовых и розовых глициний,
 И острый, как стрела, их пререзает луч.
 Разрушен Цезаря уединенный дом,
 В развалинах кирпичных ступени.
 Лишь, полустертыя, украдкой, о былом
 Шепнут гостям обломки украшений.
 В бассейне атрия печальный островок
 Среди камней белеет одиночек, –
 Свидетель августа безмолвных размышлений...
 И мрамор сыплется под ласточки крылом.
 А там, где, в тишине, чуть пахнувший ирис
 Канал, травой заросший, окаймляет,
 Где, часовой веков, гигантский кипарис,
 Природы жизнь доньше охраняет –
 Там, чудится, как встарь, бессмертьем осиян,
 Неслышным шагом бродит Адриан
 И, памятью томим, все так же отдыхает,
 Припав на грудь твою, прекрасный Адонис.

* * *

Ты помнишь ли пустынную дорогу
 И вереска лиловые поля?
 Сливался холм с долиною отлого,
 Синела морем вдалеке земля.
 Был воздух полн росой гвоздик и тмина,
 Кузнечик пел всё звонче и смелей,
 И утро с душ сметало паутину
 Снопам солнца радостных лучей.
 Ты помнишь ли кудрявую опушку,
 Густую тень упавшего ствола?
 Кора трещала, и на мха подушку
 Слезой янтарной капала смола.
 Ты белое с цветами помнишь платье?
 И пёстрых бус разорванную нить?
 И тихий смех, и быстрое объятье,
 И те слова, что сердцем не забыть?

1930

* * *

Сползала тень по звёздному узору,
 Всё тяжелей сгущались облака.
 За шагом шаг мы поднимались в гору,
 Впивалась в руку цепкая рука.
 Изрыт был путь морщинами извилин,

Огонь зарниц то гаснул, то пылал,
 Листва гудела...И незримый филин
 В незримой чаще глухо прокричал.
 Сорвался ветер. Молнии извивы
 Черкнули знак загадочных письмён...
 В раздумьи ты склонился молчаливо
 Знамений рядом тягостно смущён.
 Оставь! Не верь! Дни счастья иль недели,
 Жизнь иль конец готовит нам судьба –
 Не всё ль равно? Лишь надо сметь: мы смели,
 И час был наш, и что нам ворожба.

1930

* * *

Часы бегут... и нет тебя со мною.
 Зажглись миры на небесах иных,
 Зажглись огни на улицах пустых,
 И заперто окно решёткой ледяною.
 И я одна. Блеснул на снега слое
 Луч фонаря. И в сердце луч горит:
 Там, у постели, в столике лежит
 Письмо, что прислано два дня назад тобою.

1930

* * *

Кто верует, для тех всесильно утешенье,
 Что в мир иной от жизни скорой сей
 Идёт душа, избегнув смерти тленья,
 И видит вновь толпу родных теней.
 Но я не верю той мечте и упованью...
 Нет, для меня – последнее рыданье,
 Земли сырой скатившийся комок,
 Последней песни отзвучавший слог,
 Надгробных свеч печальное мерцанье –
 Всё, мнится, шепчет мне: «Прощайся же навек
 Со всем, что для тебя так дорого и мило,
 Что ты так искренно, так пламенно любила.
 Со всем, что ныне прах, что было человек...»

1900

Словно мелом, помеченный точками –
 Желто-белыми липкими почками,
 Наклонился и дремлет каштан.
 Изумрудное небо вечернее...
 Тонких веток чеканною черниью
 Рассекается звезд караван.
 Но не дышит тепло запоздалое.
 Еще мерзлой улыбкой усталою
 Усмехается профиль луны.
 Не грусти! Льды весною расплавлены:
 На зиме уже точки поставлены
 Шаловливой рукою весны.

1929

Антонина ЛОБКАРЕВА, старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

«...ЕСЛИ КТО ИЩЕТ ДЕЛА...»

П.А. Вяземский и И.А. Гончаров (к истории вопроса)

П.А. Вяземский и И.А. Гончаров – этих двух выдающихся русских литераторов связывали не творческие узы, а служебная деятельность.

Совместная служба и сотрудничество Гончарова и Вяземского с перерывами продолжались более десяти лет, сначала в Министерстве финансов, а позже в Министерстве народного просвещения.

Приведённые в заглавии данной статьи слова Гончарова из его письма, написанного в 1866 году, полностью звучат так: «Задача – уметь находить прямое дело – в данную, всякую минуту, не увлекаясь ролью передового деятеля. Кроме этой видной роли, есть много других, практических ролей, если кто ищет дела». Подробное знакомство с биографиями этих писателей убеждает, что и Вяземского и Гончарова отличали чёткая гражданская позиция и желание делать дело, приносящее пользу Отечеству.

Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878) – потомок старинного княжеского рода, поэт, историк, критик, журналист, переводчик, политический деятель, публицист, мемуарист, близкий друг и почитатель А.С. Пушкина. Пушкин так писал о Вяземском:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род – с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Поэт не коснулся в своих стихах служебной карьеры Вяземского, которая продолжалась не один десяток лет. Один из периодов службы князя был связан с Министерством финансов. Николай I в 1830 году определяет Вяземского на государственную

Портрет П.А. Вяземского. 1838

И.А. Гончаров. 1862

службу, в финансовое ведомство. Вскоре его назначают на должность вице-директора Департамента внешней торговли. Сам он относился к своей должности с иронией и считал себя совершенно неспособным к финансовой деятельности. Но современные исследователи истории финансов в России считают, что служебная деятельность Вяземского в Министерстве финансов была весьма плодотворной: он написал несколько статей экономического характера, участвовал в разработке русско-английского договора 1843 года, неоднократно управлял Департаментом внешней торговли в отсутствие директора, выступил организатором Второй Всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве в 1831 году. Фактически на протяжении 13 лет внешняя торговая политика России находилась в ведении Вяземского. Не возглавил департамент он по чисто формальной причине: поскольку в структуру ведомства входил Корпус пограничной стражи, директором департамента мог быть только военный.

Иван Гончаров, выходец «из купеческих сыновей», в 1835 году поступил на службу в Департамент внешней торговли. В газете «Новое время» в 1891 году писали: «Попал Гончаров в департамент внешней торговли благодаря вице-директору

этого Департамента, поэту и другу Пушкина князю П.А. Вяземскому». Наверное, это могло бы быть правдой. Многие биографы Гончарова полагают, что устроиться молодому провинциалу в Петербурге помогал бывший симбирский губернатор А.М. Загряжский, с которым он и прибыл в Северную столицу. Бывший симбирский губернатор был родственником Натальи Николаевны Пушкиной и лично знал самого Александра Сергеевича, состоявшего в близкой дружбе с Вяземским. Тот, в свою очередь, был еще и в родстве со своим бывшим опекуном – знаменитым симбирским уроженцем, писателем и историком Н.М. Карамзиным. Однако это маловероятно. С августа 1834 года Вяземский с семьей находился за границей и прибыл в Россию, когда Гончаров уже был зачислен в штат департамента. Можно предположить, что протекция Загряжского сыграла свою роль: скромный чиновник 12-го класса Иван Гончаров был представлен вице-директору департамента. В этот период их знакомства разница в возрасте и социальном положении не способствовала развитию дружеских отношений. Но с полной уверенностью можно утверждать, что их отношения не ограничивались только служебными делами. В этом смысле интересно письмо начальника Гончарова по канцелярии В.А. Солоницына будущему писателю из-за границы в 1844 году: «Здесь сказывал мне Тургенев (*декабрист Н.И. Тургенев – А.Л.*), будто Вяземский стал на место Языкова (*Дмитрия Семёновича, директора департамента в 1835–1850 гг. – А.Л.*). Я не верю. Пожалуйста, вручите князю прилагаемый пакет, в котором заключаются письма к нему от меня и от Тургенева». Подобная просьба, несомненно, свидетельствует об особом доверии. Гончаров служил по ведомству западных границ и исполнял должность переводчика с европейских языков в канцелярии департамента. Можно предположить, что он имел не официальную возможность получать письма из западных стран минуя таможенную цензуру.

В 1846 году Вяземский был переведён на должность управляющего Главного заёмного банка, где служил до 1853 года, а затем его назначили членом совета при министре финансов.

И.А. Гончаров продолжал служить в Департаменте внешней торговли до осени 1852 года, когда он отправился на фрегате «Паллада» в Японию в составе дипломатической миссии.

В начале 1855 года Гончаров вернулся из путешествия. В это время Россия переживала трагедию поражения в Крымской войне. Николай I умер. В феврале 1855 года Гончаров присутствует на коронации нового императора в Москве.

После воцарения Александра II, который всегда относился к князю Вяземскому с большим уважением и симпатией, тот получил пост товарища министра народного просвещения при министре Аврааме Сергеевиче Норове. С декабря 1856 года, при сохранении прежней должности, Вяземский возглавляет Главное управление цензурой, руководит подготовкой цензурной реформы. Это назначение не случайно. Ещё в марте 1848 года Вяземский, в период ужесточения цензуры, связанного с революционными событиями во Франции, попытался обратиться к царю Николаю I с запиской о цензуре,

где предлагал коренным образом реформировать русскую цензуру и доверить руководство ею честному и образованному человеку. Записка имела обратный эффект: в результате был создан так называемый Бутурлинский комитет, который предназначался «для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений». С запиской Вяземского ознакомился и Наследник, который посчитал её разумной.

Свою деятельность в цензурном комитете князь начинает с решения кадрового вопроса, и при поддержке Норова ему удается быть наиболее решительным и последовательным. В это время Гончаров получает приглашение занять должность цензора. Излишне говорить, что писатель горячо сочувствовал реформам, раскрепощавшим русскую жизнь. С молодых лет он понимал, что крепостное право – главный тормоз развития страны, главная причина того сна, в который погружена Россия. Позже в «Необыкновенной истории» автор «Обломова» дал царствованию Александра II самые восторженные оценки: «С 1855 года начался ряд реформ – и я, конечно, рукоплескал им и теперь благословляю руку, совершившую их!». Гончаров с готовностью согласился принять участие в намечаемых реформах. Новых цензоров – писателей И.А. Гончарова и И.И. Лажечникова, философа и публициста Н.П. Гилярова-Платонова, будущего видного земского деятеля Н.Ф. фон Крузе – исследователи относят «к числу стремившихся быть правыми перед законом и совестью».

Сами по себе обновленные цензурные комитеты в силу субординации не могли, конечно, быть инициаторами сколько-нибудь заметной либерализации контроля за прохождением той или иной статьи. Здесь им помогло то, что вокруг Вяземского складывается, по выражению А.М. Скабичевского, «прогрессивная партия Главного управления цензуры», в которую входили управляющий II отделением и президент Академии наук граф Д.Н. Блудов, академик А.В. Никитенко, представитель Министерства внутренних дел, бывший редактор «Одесского вестника» А.Г. Тройницкий, новый председатель Петербургского цензурного комитета князь Г.Е. Щербатов. В стенах Главного управления цензуры ежедневно раздавались речи в защиту «разумных пределов» свободы периодики. Подтверждением цензурной «оттепели» служит быстрый количественный рост периодики. В 1857 году выходят 24 новых издания. Лишь 6 из них – официальные и ведомственные, а 18 – частные.

Но в среде высшей бюрократии могущественной остается инерционная сила руководящих методов и взглядов на печать. Ростки гласности пробиваются черепашьими темпами и непоследовательно. Хотя Александр II отдает себе отчет в том, что больше невозможно насильственно сдерживать проявления общественного мнения, но доминирует в его личных установках унаследованное от Николая I настороженное и подозрительное отношение к прессе и журналистике. Так в одном из частных писем в это время Александр I писал: «Я никогда не был вообще и в частности большим почитателем писателей, и я с грустью убедился, что это люди с очень опасными тенденциями и мыслями».

*С.Л. Левицкий. Портрет П.А. Вяземского.
Санкт-Петербург*

Император берет на себя роль цензора и верховного арбитра в спорных ситуациях, касающихся прессы, внимательно следит за публицистикой и ходом выполнения его поручений в области цензуры. Складывается система информирования царя о выступлениях печати и реакции на них публики. Это специально составленные для него обозрения Министерства народного просвещения, записки управляющего III отделением, доклады министров. Кстати сказать, министр народного просвещения Е.П. Ковалевский 25 февраля 1859 года, сразу после выхода второй части «Обломова», составляет для царя рапорт о первых двух частях романа как о произведении, выходящем «из ряда обыкновенных явлений беллетристики. Достоинства сочинения заключаются в художественном изложении и глубокой разработке подробностей, составляющих отличительную черту замечательного таланта г. Гончарова...». 27 апреля Е.П. Ковалевский пишет новый рапорт на имя императора с кратким изложением окончания романа «Обломов»: «Большой роман г. Гончарова кончен. Литература наша получила в нем капитальное приобретение...».

Возмущаясь «необузданностью» прессы, монарх не может не понимать, что эта «необузданность» есть следствие возбужденного общественного настроения, охватывающего и правительственные круги. Александру II приходится считаться с этим настроением, одним из лозунгов которого является гласность. Средствами гласности выступают и разговоры в салонах, на журфиксах, в дружеских кругах, речи на банкетах и застольные беседы.

Тем временем ситуация требует большей определенности в цензурной практике. Вяземский привлекает Гончарова к работе над запиской о первоочередных задачах по реформированию цензуры. А.В. Никитенко в своём дневнике так определил основную мысль записки: «о необходимости действовать по цензуре в смягчительном духе».

Гончаров значительно позже в одном из очерков выразил своё понимание сути литературы и необходимости свободы для неё: «Литература есть только орган, т.е. язык, выражающий все, что страна думает, чего желает, что она знает и что хочет и должна знать». По всей видимости, подобных взглядов на литературу придерживался и Вяземский.

На заседании Совета министров 16 января 1858 года А.С. Норов выступил с докладом о цензуре, подготовленным П.А. Вяземским и И.А. Гончаровым. В докладе говорилось, что «должно положительно определить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагает возможным предоставить науке и литературе». Предлагалось, пока эти границы определяются, в столичный цензурный комитет назначить от различных ведомств доверенных чиновников для разрешения спорных вопросов по статьям, касающимся этих ведомств. В Совете министров доклад Норова поддержки не нашёл. Норов вскоре подал в отставку.

Воспользовавшись отставкой Норова, в марте 1858 года Вяземский тоже уходит в отставку. Их увольнение с одобрением встречают как консерваторы из официальных кругов, нападающие на «попустительство» цензуры, так и либеральные литераторы, подвергающие руководителей Министерства народного просвещения суровой и пристрастной критике за то, что они слишком мало делают для смягчения цензурных порядков.

По мнению современных специалистов, по этому вопросу за период с середины 1855 до начала 1858 года программа Вяземского в значительной части выполняется. Обновляется цензорский корпус и начинается работа по пересмотру николаевского устава. Выдаются разрешения на издание около 60 новых журналов и газет, причем почти две трети из них – это органы общественно-политические, сатирические, библиографические. Под напором общественного настроения, нередко вопреки воле высших надзорных инстанций, расширяется круг социально значимых тем, обсуждаемых в печати. Несколько изменяется отношение власти к прессе: правительство допускает, хотя и ограниченную, гласность в освещении на страницах периодики проблем предстоящих реформ, деятельности администрации. Без сделанного в 1855–1857 гг. были бы невозможны дальнейшие шаги к цензурной реформе.

По-видимому, по рекомендации князя в начале 1859 года Гончарову была предложена должность распорядителя канцелярии «Bureau de la presse». «Бюро» – неосуществившееся правительственное учреждение, ставившее перед собой цель «нравственного» воздействия на литературу. В состав бюро предполагалось ввести несколько видных литераторов, которые бы с одной стороны, поддерживали связь с литературой, а с другой – писали статьи в духе правительства. Пётр Александрович Плетнёв, друг Пушкина и Гоголя, литературный критик, ректор Петербургского университета, сообщил Вяземскому, что Гончаров отказался от этой должности.

Иван Александрович не на много дольше Вяземского оставался в цензурном комитете. В январе

1860 года новый министр народного просвещения Евграф Петрович Ковалевский подал «всепопданнейшую записку» Александру II, в которой испрашивал разрешение на определение на должность «председателя Петербургского цензурного комитета одного из старейших и опытнейших цензоров статского советника Гончарова». Назначение Гончарова не состоялось. По высочайшему повелению на эту должность был назначен генерал-лейтенант барон Н.В. Медем. Гончаров подал в отставку.

Попечитель С.-Петербургского учебного округа Иван Давидович Делянов в отношении к министру народного просвещения Е.П. Ковалевскому, препровождая в 1860 году прошение Гончарова об отставке, писал: «Не находя с своей стороны никакого к сему препятствия, я имею честь о просьбе г-на Гончарова представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства. С тем вместе я дозволяю себе объяснить, что для С<анкт>-Петербургского цензурного комитета потеря г-на Гончарова как одного из просвещеннейших и полезнейших его деятелей будет, конечно, в высшей степени ощутительна, он соединял в себе редкое умение соглашать требования правительства с современными требованиями общества и, принося этим неоцененным в цензоре качеством пользу литературе, вместе с тем избавлял и само Министерство народного просвещения от пререканий и неприятностей, столь часто встречающихся по делам цензурным». Министр подписал отставку Гончарова. Впереди у Ивана Александровича была напряжённая работа и публикация романа «Обрыв».

За время совместной деятельности в Комитете цензуры отношения Гончарова и Вяземского стали более дружескими. После отставки их знакомство продолжалось. В январе 1861 года Гончаров читал две новые главы романа «Обрыв» у князя дома. Они обменивались мнениями о литературных новинках. Известно письмо Гончарова Вяземскому, где он характеризует трагедию Алексея Константиновича Толстого «Смерть Иоанна Грозного»

Павел Вяземский. 1860

как произведение «по высоте строя и тона относящееся к разряду шиллеровских, а по стихам – пушкинских созданий». О добрых отношениях семьи Вяземских к автору «Обломова» свидетельствует то, что сын князя Павел Петрович – филолог, председатель С.-Петербургского комитета иностранной цензуры с 1862 года – подарил Ивану Александровичу посмертное собрание сочинений П.А. Вяземского с дарственной надписью: «Ивану Александровичу Гончарову в память покойного и в знак уважения от Павла Вяземского. 18 декабря 1877». Этот подарок Гончаров передал в Карамзинскую библиотеку в родной Симбирск.

Любовь САПЧЕНКО, доктор филологических наук.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО М.П. ПОГОДИНА К М.А. ДМИТРИЕВУ О ПРЕБЫВАНИИ В СИМБИРСКЕ¹

«Симбирск, вы знаете, виден издалека...»

М.П. Погодин

Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину (к М.А. Дмитриеву)

В августе 1845 года в связи с открытием монумента Н.М. Карамзину в Симбирск был приглашен известный историк, почитатель, ученик и в то же время оппонент российского историографа М.П. Погодин. Произнесенная им у подножия памятника торжественная речь была опубликована², причем Погодин напечатал также в «Москвитяине» адресованное М.А. Дмитриеву письмо, где в подробностях описал свое пребывание в городе в этот день – 23 августа³. Кроме того, сохранился черновик второго письма, которое осталось неоконченным и неизданным. Второе письмо из Симбирска еще не рассматривалось как исторический источник.

Между тем оно представляет интерес не только в аспекте изучения погодинского наследия, но и с точки зрения воссоздания картины жизни Симбирска, характеристики его обитателей и царящей в эти дни праздничной атмосферы, связанной с особым отношением российского общества к Карамзину и увековечению его памяти. Это, разумеется, не частное письмо, хотя и имело конкретного адресата. Изначально, подобно первому письму, оно было рассчитано на публикацию, на внимание заинтересованного читателя. Затронутые в письме проблемы имели общественную значимость.

Называя свое письмо к М.А. Дмитриеву «рапортом», Погодин подробно описывает весь следующий проведенный им в Симбирске день, 24 августа. Вместе с сыновьями Карамзина – Андреем Николаевичем и Александром Николаевичем – историк отправился к преосвященному Феодотию, симбирскому архиепископу, где они застали сенатора И.П. Поливанова. Сын его, Николай Иванович, военный, друг юности М.Ю. Лермонтова, незадолго до этого совершил путешествие на лодке вниз по Волге. Будучи талантливым рисовальщиком, он запечатлел

немало волжских пейзажей (два альбома его рисунков хранятся в Ульяновском областном художественном музее). Пробыв у преосвященного почти всё утро, гости не заметили, как оно пролетело: «столько русского, живого, веселого, острого, крепкого, умного» они увидели и услышали. Разговор шел о скрытой силе и глубине русской души, о том, вырвется ли эта сила когда-нибудь наружу. Желая того, собеседники обращались с надеждой и молитвой к Богу. Погодин с биением сердца задумывался об увиденном в своем путешествии: о рассказах крестьянина в курной избе, о русском ямщике и мешанине уездного городка. Их здравые мысли и замечания, «которые и министрам не мешало бы принимать к сведению», порой потрясали путешественника.

При этом Погодин не оставил без внимания и самого преосвященного Феодотия, который одно время был викарием в Новгороде, хоронил знаменитого Фотия Спасского, обличавшего библеистов, близко знал митрополита Серафима Глаголевского и «слыхал о незабвенном Платоне» (Лёвшине, которого биография, как отмечает Погодин, должна быть «распространена значительно»). Отметив, что это «человек необыкновенный», автор письма с досадой и укоризной говорил о равнодушии своих современников, которые «так холодны, так нелепы, что, гоняясь за пустыми призраками или за блудящими огоньками у соседей, и каких соседей, в Бискайе или Техасе», оставляют «без внимания отечественные сокровища». Считая необходимым сохранять память о всех тех, кто оставил заметный след в отечественной истории, Погодин не находил интереса к прошлому у своих современников и выражал уверенность, что в других странах о Платоне создано было бы «двадцать сочинений», тогда как в России – одно: «Изображение

жизни и деяний Московского митрополита Платона», и то принадлежащее светскому писателю И.М. Снегиреву. «Одни боятся, другие остерегаются, третьи считают для себя неприличным. Итого – нет ничего!»

Историк передает услышанный в Симбирске рассказ о Платоне Лёвшине, который наказал одного келейника, когда тот велел экзаменовавшемуся дьякону на прослушивании пропеть то, «что никогда не поют». Этот «анекдот» вызвал у Погодина целый ряд мыслей о содержании современного ему образования, дающего совершенно бесполезные сведения.

В своих поездках по России Погодин посещал учебные заведения. Особенное внимание он уделял вопросам народного просвещения, настаивал на подаче российскому юноше сведений, близких к жизни, к действительности. Историк вспомнил о баснях И.И. Дмитриева и И.А. Крылова под одинаковым названием «Воспитание льва», где будущего правителя учили вить птичьи гнезда, «над чем так живо, так остро и так безутешно смеялись» два самых известных русских баснописца и что «так ясно понимал Платон».

На полях рукописи Погодин делает вставку о том, что «повод к разговору о митрополите Платоне подала картина, представившая его в клубке задом наперед». Историк сообщает, что, будучи в Вифании, т. е. в Спасо-Вифанском монастыре (подворье Троице-Сергиевры лавры), он видел подобную, но там Платон был изображен «перед певчими», которых нет на симбирском портрете. В Вифании Погодину пояснили, что «Платон надел так клубок в гневе, получив какое-то неприятное известие из Петербурга», в Симбирске же преосвященный Феодотий иначе толковал необычное изображение: Платон был «вне себя вследствие какого-то видения» и потому клубок оказался надет неправильно.

В этот день «все страсти», как пишет Погодин, «были в движении»: в Симбирске происходили очередные дворянские выборы, историк желал их увидеть, но, увлеченный беседой, пропустил время. Ожидая обеда, он долго стоял у крутого обрыва и любовался величественным видом, открывавшим бесконечные заречные дали, а также волжским Подгорьем, где были «рассыпаны целые слободы с церквами, садами, заведениями». Вспоминая о великом симбирянине, о его сочинениях, об автобиографическом «Рыцаре нашего времени», Погодин представлял Карамзина возвратившимся из Петербурга и в задумчивости стоящим на берегу Волги.

На другой день обед давал губернатор Н.М. Булдаков. По свидетельству Погодина, это был «обед богатейший, который удовлетворил бы самого изысканного гастронома, хоть Калигулу».

Погодину важно было подчеркнуть значительность происходящих событий и лиц, окружавших его в Симбирске. Однако и здесь автор письма повествует о бытовых деталях, занимательных подробностях, местных обычаях. Так, симбирский рыбный стол превзошел все его ожидания.

Если поданный на вчерашнем обеде осетр поражал своею величиною, пишет Погодин, то в этот день свежепойманная рыба была «такого вкуса, которого описать нельзя. Наливное яблоко как

будто рассыпалось во рту, а чувствовалось, что это была рыба».

Рассказывая о симбирском губернаторе, Погодин упоминает о государственной деятельности Булдакова, который «находился при распределении границ между Россией и Швецией, на самом крайнем севере, а потом производил несколько важных следствий в остзейских губерниях, особенно по поводу желаний латышей и чуди обратиться от ненавистного для них протестантизма к русскому православию. Множество любопытного он знает! Но увы, у нас нетерпима гласность!..»

Вечером, когда симбирское общество смотрело в театре спектакль какой-то заезжей труппы, Погодин вместе с Андреем Николаевичем Карамзиным отправились посетить сестру Ивана Ивановича Дмитриева Наталью Ивановну.

Для Натальи Ивановны этот визит стал настоящим потрясением. Услышав имя Карамзина, почтенная старушка целовала и обнимала его сына, «не знала куда посадить, беспрестанно вставала с места, суетилась, сердилась, что из передней разошлись оба лакея, совестились, что нам долго не отворялась дверь, что некому было снять шинелей, что мы всё нашли в беспорядке» и т. д.

Наталья Ивановна с искренним восторгом вспоминала Николая Михайловича и его близких. Оказалось, что ей посчастливилось повидаться в свое время с супругой историографа. Именно в тот день, когда Наталья Ивановна покидала Москву, туда приехала Екатерина Андреевна, и им довелось встретиться.

У сестры И.И. Дмитриева хранились подарки и письма ее знаменитого брата, где он, в частности, уведомлял симбирских родственников об успехах своего друга.

Наталья Ивановна «в скромной жалобе» рассказала также о том, что, пока Иван Иванович был министром, у нее часто бывали гости, а теперь она живет совершенно уединенно, о ней забыли и даже не уведомили об открытии памятника Карамзину, которое состоялось вчера.

Она помнила приезд в Симбирск великого князя Александра Николаевича, когда тот был еще наследником, в 1837 году. Его сопровождал воспитатель – Василий Андреевич Жуковский. Однако Наталье Ивановне не удалось повидать знаменитого поэта. Погодин передает ее рассказ, сохранивший черты характера Жуковского.

Уже покидая Симбирск и садясь в коляску, Жуковский расспрашивал провожавших о селе Богородском Сызранского уезда родине Ивана Ивановича Дмитриева – и старался рассчитать, в котором часу они с великим князем будут проезжать это место.

Когда один из чиновников описал ему дорогу, Жуковский, желая удостовериться в точности сведений, переспросил его: «Точно ли вы знаете это?». Чиновник убеждал в верности описания, ссылаясь на то, что расспрашивал саму Наталью Ивановну, сестру Дмитриева. На удивленный вопрос: «Разве у него есть сестра?», чиновник отвечал, что сестер у Ивана Ивановича две и они живут в Симбирске. Жуковский был расстроен и крайне сожалел, что не узнал этого прежде.

Достоверность рассказа подтверждается тем, что сохранился рисунок села Богородского, сделанный Жуковским и датированный 25 июня 1837 года, т. е. тем же числом, когда великий князь со своим наставником покинули Симбирск и достигли родины Дмитриева.

Сразу же по приезде в Москву Жуковский написал большое письмо Наталье Ивановне, принося извинения в том, что «не смог лично засвидетельствовать ей своего почтения».

Хозяйка дома делилась воспоминаниями с гостями, обращалась к ним с расспросами и знаками самого искреннего доброжелательства, очень хотела, чтобы Андрей Николаевич и Михаил Петрович посетили ее послезавтра, в день ее именин, но оба должны были отказаться, так как на завтра был намечен их отъезд из Симбирска. Однако можно предположить, что Погодин все же отозвался на просьбу Натальи Ивановны, т. к. в своем письме она благодарит его, что он разделил с нею «именинный пирог», о чем сообщает биограф Погодина, Н.П. Барсуков.

Вечером Погодина пригласили в домашнюю баню, к Феодотию, который, соблюдая дедовские обычаи, не принимал никаких отказов.

Андрей Николаевич Карамзин отправился в этот день в театр и в маскарад, а историка Погодина ожидал преосвященный.

После жаркой бани и домашнего угощения разговор обратился на серьезные темы, важные и «любезные» для собеседников, и занял весь вечер до полуночи. Говорили «о состоянии духовенства, о государственных крестьянах, об удельных, помещичьих, о чиновниках, об образовании...». Прерывая повествование, Погодин вновь с досадой замечает: «Но мы не любим гласности... Замолчу».

На следующий день (25 августа) историка удостоили своим посещением и Феодотий, и сам губернатор. Предводитель дворянства прислал Погодину благодарственное письмо от симбирских дворян за приезд на родину Карамзина и выразил желание, чтобы похвальное слово было на их счет напечатано. Хотя у Погодина были на этот счет свои соображения, он дал согласие.

В это утро у Погодина, т. е. в доме, где он остановился у П.М. Языкова, побывало еще множество лиц, которых хозяин дома представил историку. Завязались любопытные разговоры, из которых Погодин получил разнообразные сведения. Среди посетителей был двоюродный брат Александра Ивановича Тургенева И.С. Аржевитинов, с которым Погодин встретился в первый день своего приезда. В двадцатилетнем возрасте он участвовал в Бородинском сражении и лишился ноги, «сверх того получил удар саблей по лицу». Знаменитый военный хирург Ларрей, генерал-штаб-доктор наполеоновской армии, увидев его раненого и истекающего

кровью, сразу же сделал ему операцию и отдал распоряжение поместить русского офицера в Колоцкий монастырь, расположенный неподалеку от Можайска.

Погодин сообщает подробности: внимание одного из французских солдат привлекли серебряные шпоры пленного, и он, срывая сапог, причинил раненому «жесточайшую боль».

Поспешное бегство армии Наполеона не позволяло вести за собой военнопленных русских. В этой ситуации Аржевитинов был отпущен, причем Ларрей передал с ним письмо известному хирургу Виллие «с описанием операции и лечением, прося его обратить внимание на необыкновенную в истории медицины рану». По словам Погодина, Аржевитинов лечился в Симбирске во все продолжение войны, а по окончании записан в числе убитых. Аржевитинову стоило большого труда доказать потом «в разных департаментах и канцеляриях военного министерства», что он жив. Впоследствии он получил крест Святого Владимира, который, «разумеется, сиял на его груди бриллиантовой звездой».

Далее Погодин перечисляет других знаменитых симбирян: А.Н. Татарина, адресата посланий Н.М. Языкова и оппонента А.С. Хомякова в полемике о сельском хозяйстве, развернувшейся на страницах «Москвитянина», генерал-майора И.С. Головинского, 20 лет безупречно управлявшего Вышневолоцкой системой судоходства, губернского предводителя М.М. Наумова, в прошлом – адъютанта П.К. Эссена, бывшего военного губернатора Оренбурга, а также пользующегося всеобщим уважением симбирского вице-губернатора И.И. Будянского.

В своей записной книжке Погодин оставил большое место для сведений о геологических экспедициях и наблюдениях П.М. Языкова, для списка известных литераторов – выходцев из Симбирска, для записи достоверных рассказов о симбирских страницах восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева и т. д., однако не успел вовремя осуществить задуманное. Начатое письмо к М.А. Дмитриеву осталось в черновиках и не было отправлено. Погодин вернулся к нему через 20 лет, когда детали и подробности пребывания в Симбирске были им забыты.

Созданный Погодиным очерк одного дня имеет отношение не только к изучению культуры российской провинции, истории повседневности или «микроистории», к проблеме исторической памяти и персональной истории, но также к российской истории и литературе в целом. Хотя в письме из Симбирска автор пишет о разных людях, знаменитых и никому не известных, начиная с Карамзина и кончая банщиком преосвященного Феодотия, всё же дискурс Погодина направлен на то, чтобы подчеркнуть общерусский масштаб и нерядовое значение всего увиденного и услышанного в Симбирске.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н.М. Карамзин и его окружение».

2 Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в Собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным. М., 1845; то же: Москвитянин. 1846. № 1. С. 1–66. См. также: Симбирский юбилей Карамзина. Симбирск, 1867. С. 180–220; Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.

3 Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину (К М. А. Дмитриеву) // Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. Отд. 1. С. 1–18. См. также: М. П. Погодин. Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину (К М. А. Дмитриеву) // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.

К 70-летию ульяновской писательской организации

Ольга ДАРАНОВА, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России:

«БУДУЩЕЕ СОЮЗА – В ПРИВЛЕЧЕНИИ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ, В ЕДИНСТВЕ ПОКОЛЕНИЙ И ДУХОВНОМ БРАТСТВЕ»

– Ольга Николаевна, в начале нашей беседы позвольте поздравить вас и всех наших писателей со знаменательной датой.

– Спасибо!

– Чем живет и дышит ульяновская писательская организация сегодня?

Да, 2021 год – юбилейный год для ульяновской писательской организации. Ей исполняется 70 лет. Но история организации ещё более давняя и непростая. Если заглянуть в историю, то она начинается с 1930-х годов, сначала наша организация была составной частью писательской организации Средневолжского края, позже, в связи с переименованием Самары в Куйбышев и Сред-

неволжского края в Куйбышевский край, появилось Куйбышевское отделение Союза писателей СССР. На учёте здесь состояли в том числе и литераторы, жившие в Ульяновске и окружающих районах, а с 1943 года – писатели Ульяновской области. В июне 1951 года вышло Постановление Секретариата Союза писателей СССР, на основании которого было организовано Ульяновское региональное отделение Союза писателей СССР. Первые годы отделением руководил писатель Григорий Коновалов. В разные годы организацию возглавляли В.А. Дедюхин, В.В. Карпенко, В.И. Пырков, Н.Н. Благов, А.М. Наумов, Е.З. Мельников, Ю.Л. Соколов, С.И. Матлина, В.П. Марцинкевич, Г.И. Дёмин, О.Г. Шейпак, И.А. Таранов.

Творчество современных ульяновских прозаиков, поэтов разнообразно, многожанрово. Свой вклад в ульяновскую и современную российскую литературу внесли романы и повести Евгения Мельникова, исторические романы Николая Полотнянко, психологическая проза Виктора Сергеева, поэзия Анатолия Юмана и Валентины Тарават, лирические эссе Лидолии Никитиной, пронзительная поэзия Людмилы Бурлаковой и Анатолия Чеснокова, многожанровая, многоцветная поэзия Светланы Матлиной, глубокие мотивы в негромких стихах Елены Кувшинниковой, гражданственная и лирическая поэзия Виктора Малахова, Александра Лайкова, Николая Марянина, стихи и проза многих других авторов.

Сегодня ульяновская писательская организация состоит из 50 человек, это люди разного возраста и профессий, но их объединяет любовь к литературному творчеству, стремление выразить себя в слове. Созданы сотни прекрасных произведений, сделано много добрых и полезных дел. Организация представлена не только поэтами и прозаиками, проживающими в областном центре и в городе Димитровграде, – здесь есть представители глинки: Сурского, Ульяновского района, р.п. Кузватово. Это и писатели старшего поколения, и молодые литераторы, как, например, Александр Дашко, Мария Богдан, Алина Осокина, Татьяна Филатова, Анисья Матлина.

Творчество ульяновских писателей представлено в антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (составители – Николай Марянин и Ольга Шейпак), вышедшей в 2015 году. Это большой и серьёзный свод литературных текстов, включающий произведения 159 авторов, так или иначе имеющих отношение к Ульяновской области. В 2019 году организация выпустила сборник «Симбирская пристань», включивший прозу и поэзию 46 членов писательской организации. Молодёжь Ульяновска подготовила и выпустила в свет сборник поэзии «Новый Венец» (2018). В сборник вошли 63 молодых автора из Ульяновска, Димитровграда, Карсунского, Барышского, Сенгилеевского районов, а также молодые авторы, которые родились и выросли в Ульяновске, но сейчас живут в других регионах. Подготовлен к изданию сборник прозы и поэзии членов Ассоциации литературных объединений и творческих союзов Ульяновской области «Это России частица». Вышли новые книги наших авторов: старейшего поэта и прозаика из Димитровграда Евгения Ларина («Девушка в шинели»), писателя Николая Полотнянко («Симбирские сказания» и поэтический сборник «Поэт и Прекрасная Дама»), сборник прозы и стихов Александра Тимакова («Упрямая память невольно листает»), поэтический сборник Виктора Малахова («Венки сонетов»), документально-художественная проза Николая Ларионова («Подвиг во имя матери» и «Черновая работа»), новый роман Ольги Шейпак («Тарбагатай»), книги прозы Евгения Сафронова («Город У») и Андрея Цухлова («Рожь во спасение») и др.

Ульяновские писатели – желанные гости на страницах литературных журналов других регионов России. Подборки стихов и прозы ульяновцев можно увидеть на страницах журналов «Молодая

гвардия» (Москва), «Берега» (Калининград), «Волга – XXI век» (Саратов), «Сура» (Пенза), «Бийский вестник» (Бийск), «Русское эхо» (Самара) и других.

Собирает и сберегает творчество ульяновских поэтов и прозаиков, а также приглашает на свои страницы гостей – талантливых поэтов, прозаиков, филологов, краеведов, музейных и библиотечных работников наш региональный литературный журнал «Симбирск», который мы стараемся представить на всех крупных культурных форумах, фестивалях и конференциях у нас в регионе и за его пределами.

Ульяновские поэты и прозаики часто становились участниками и лауреатами различных литературных конкурсов. К примеру, известный прозаик, член Союза писателей СССР и России, лауреат Всероссийского конкурса «Проза – детям» Лидолия Никитина в 2020 году стала лауреатом международной премии «Филантроп» в номинации «Малая проза». Поэт Александр Лайков недавно стал лауреатом VI Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (Калининград). Прозаик Илья Таранов стал финалистом II Международного литературного конкурса «Огни золотые» (Саратов). Поэт, автор-исполнитель Владимир Артамонов стал лауреатом VII Межрегионального пензенского фестиваля поэзии и авторской песни «Часовые любви». Молодые члены писательского союза – частые участники Всероссийского литературного конкурса имени Михаила Анищенко (Самара). Таких примеров можно привести много.

В нашем регионе стимулом к творчеству, к изданию новых книг являются литературные премии – поэтическая премия имени Николая Благова, учреждённая в 2012 году и ставшая межрегиональной с 2018 года. За это время её лауреатами стали тринадцать ульяновских поэтов. Четыре члена нашей писательской организации стали лауреатами литературной премии имени И.А. Гончарова: Светлана Матлина, Николай Полотнянко, Евгений Сафронов, Ольга Шейпак.

Большой интерес у молодёжи вызывает литературный конкурс на соискание премии «Первая роса». Учреждённый ещё в 1999 году в память о талантливом журналисте Андрее Безденежных, конкурс продолжает жить и, подкреплённый материальной составляющей, привлекает к участию ежегодно до ста и более талантливых молодых людей.

Сложный 2020 год не стал камнем преткновения для развития организации. Писатели продолжали активно общаться онлайн. У организации есть свой сайт, свой чат и помещение для профессиональных и дружеских встреч при Дворце книги.

В год 75-летия Победы, каким был 2020 год, поэты Ульяновска приняли самое активное участие в патриотических акциях «Разрешите сказать о Победе», «3520 строк о Волге», в конкурсе «О войне написано не всё», в акциях, посвящённых Дню России.

Голоса ульяновских поэтов и прозаиков можно услышать на разных площадках города и области: в библиотеках и клубах, в университетах и школах, колледжах и техникумах. Ульяновцы и гости города с удовольствием встречают и слушают наших авторов на творческих вечерах Татьяны Мельник, Елены Кувшинниковой, Александра Тимакова, Фёдора

Горобцова, Елены Яговкиной, Виктора Малахова. По-прежнему уже не первый год встречает одобрение и отклик земляков проект «Литературная филармония» – выезды творческих бригад ульяновских писателей в районы Ульяновской области с презентациями книг и выступлениями. Стали традиционными юбилейные и тематические вечера ульяновских поэтов и прозаиков в стенах Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки, на площадках перед библиотекой в формате «открытый микрофон», в парках и скверах на городских и областных праздниках.

Члены Ульяновского регионального отделения стараются быть в курсе всего нового и интересного, что происходит в литературном процессе России, участвуют в совещаниях и форумах, таких как Всероссийское совещание молодых литераторов «На родине Гончарова» (2018), Международный форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2018, 2019). Вот и в июне этого юбилейного года мы проводим литературное собрание с символическим названием «И снова на родине Гончарова!», на котором, надеемся, встретимся с нашими дорогими коллегами из Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Ульяновска.

В организацию вливается талантливая молодёжь, деятельностью которой руководит Совет молодых литераторов Ульяновской области (председатель – Александр Дашко). Регулярно проводятся заседания литературной студии «ЛИК», на которой молодёжь анализирует свои стихи и прозу, слушает мнения своих коллег, критикует, советует, поддерживает.

– Чем дорожите, с чем связываете будущее нашего Союза?

– Дорожим дружбой и взаимопониманием. Дорожим общением, радуемся каждому новому стихотворению, каждой новой книге своего коллеги. Будущее Союза мне видится в привлечении талантливой молодёжи, в единстве поколений и духовном братстве. Как говорил наш великий земляк Иван Александрович Гончаров, «река времени течёт», ничто не исчезает бесследно, всё остаётся – в слове, в традициях, в человеческой памяти. Мы должны слышать друг друга, принимать новое, не растеряв накопленное ранее.

– Каковы болевые точки современного литературного процесса, на ваш взгляд? В чем видится развитие русской литературы, с чем связываете надежды, перспективы?

– Современная литература многолика и многообразна. В ней много имён, много направлений, много тем. В этом есть и плюсы, и минусы. Плюсы в том, что каждый найдёт свою книгу, а минусы как раз в том, как её найти. В прежние времена были институт критики, серьёзное научное литературоведение, которые служили ориентиром читателю в мире книг. Плюс целенаправленно комплектуемые библиотеки, плюс доступная книжная индустрия. Сейчас нет единого литературного процесса как такового, есть книги, авторы и издательства. Есть модные авторы, которых раскручивают модные издательства. Сейчас даже проблема формулируется иначе: она касается не современного литературного процесса, а современного книжного рынка. Нюансов здесь много, если коротко, не хотелось

бы, чтобы литература становилась объектом коммерциализации, а всё-таки оставалась основой духовного становления человека. Раньше попасть в мир большой литературы можно было только через публикации в толстых литературных журналах. Они держали планку творческого роста. Сейчас рукопись может напрямую попасть к издателю, хотя и это непросто из-за отсутствия литературных агентов. Но если попала, там уж как повезёт: сыграют роль и авторитет издательства, вкусы той аудитории, на кого нацелена книга. Не хочу показаться ретроградом, но всё-таки хотелось бы, чтобы книга оставалась стимулом духовного роста и внутреннего обогащения человека. Хотелось бы, чтобы не исчезла бумажная книга, чтобы чтение приносило удовольствие.

В такой ситуации большой вес, значимость и интерес представляют региональные литературные журналы, более открытые и доступные писателю. К примеру, наш литературный журнал «Симбирск» интересен творчеством местных авторов и публикациями писателей других регионов. Такое межрегиональное взаимодействие позволяет узнавать друг друга и быть в поле зрения литературы в целом.

– Расскажите о себе. В вашей жизни были значимые встречи, настоящие учителя, наставники?

– Я не буду оригинальной, если скажу, что всё начинается в детстве, в школе, в вузе. Я хорошо помню своих школьных учителей, мне повезло на педагогов. Людмила Семёновна Янович, Татьяна Николаевна Янушевская, Михаил Ильич Диников, Александр Ефимович Пещаницкий. Дальше следующая ступень – Ульяновской государственной педагогической институт... Здесь целая плеяда блестящих имён: Светлана Романовна Шустова, Маина Павловна Чередникова, Евгения Петровна Гиматова, Игорь Николаевич Полосухин, Элеонора Ильинична Денисова, Лидия Георгиевна Шахова. Все эти люди сопровождали моё вхождение в литературу, каждый вносил свой неопределимый вклад. После института практически сразу пришла во Дворец книги. Начала работать при директоре Зинаиде Владимировне Ерофеевой. Глубокий след оставили Инна Эдуардовна Барановская, Людмила Викторовна Белозерова. Это люди высокой культуры, интеллигентные, книжники, просветители, сберегающие историю и остро чувствующие время. Работа в библиотеке подарила незабываемые встречи с известными литературоведами, писателями: Игорем Золотусским, Андреем Балдиным, Алексеем Варламовым, Павлом Басинским, Леонидом Юзефовичем, Андреем Дементьевым. Каждая такая встреча оставляет след, учит, приоткрывает творческую мастерскую писателя, приближает большую литературу.

– Существует цепочка в культурном пространстве: писатель – библиотекарь – читатель. Вы гармонично сочетаете в себе все ипостаси. Вы – опытный читатель, вы много лет трудитесь в главной библиотеке региона, вы – поэт, возглавляющий писательскую организацию. Что для вас самое ценное, самое важное по внутреннему ощущению?

– Вот это триединство и важно. Библиотека, как межкультурное пространство, даёт возможность всё это совместить: читать, жить с книгой, встречаться с творческими людьми, вбирать и отдавать... Книжный мир, поэзия, которая всегда живёт в душе, живые встречи и впечатления, желание поделиться словом, мыслью, убеждением – вот такое восприятие жизни я ношу в себе.

– На что опираетесь душой? Какие темы в творчестве сейчас главные, волнующие?

– Опираюсь всегда на классику. Чем она дальше, тем явственнее звучат голоса мастеров русской литературы. Потому что они – нравственные ориентиры, потому что у них – о вечном. Меняются времена, эпохи, идеологии, мода, вкусы, пристрастия... Современные герои говорят на ином языке, живут в ином мире, и это естественно... Любить классику не значит не читать современную литературу. Но за актуальным сюжетом должен проступать, как фрески, сюжет вечный. И мы ещё долго будем восхищаться высотой духа Татьяны Лариной Пушкина, страстностью и самоотречением Веры Гончарова, силой любви Анны Карениной Толстого, женственностью и неподдельностью Наташи Ростовской...

Темы в творчестве специально как-то не выбираются, они приходят сами. Как помнится, в ваших стихах, Елена Викторовна, есть такая строчка: «О чем стихи?» – «А жизнь сама – о чем?» Главная тема в итоге всегда одна – человек и мир. А ненаписанные строчки ждут своего часа.

– Ваши пожелания коллегам в дни юбилея.

– Своим коллегам желаю счастья творчества, новых побед в конкурсах, новых публикаций, новых книг. Пусть страх перед чистым листом останется на всю жизнь, тем слаще будет радость от написанного. Желаю, чтобы то вдохновенное чувство, когда немедленно хочется схватить карандаш и бумагу или открыть телефонную записную книжку, посещало нас как можно чаще, а читатель, прочтя наши строки, воскликнул: «Это про меня!»

Завершим нашу беседу стихами...

*Стихотворение...
Жар вдохновения,
Строк соплетение,
Молодость дня.*

*В миге рождения
Чувства борение
Острым осколком
Поранит меня.*

*Стихотворение –
Ввысь устремление,
Птицы явление,
Шёпот листвы.*

*Радуги летней
Цветное явление,
Ласковый бархат
Зелёной травы.*

*Закабаление,
Самозабвение,
Ниспровержение,
Срыв, западня!*

*Страх откровения...
Долгое тление –
До обжигающей
Страсти огня!*

*Стихотворение –
Сердца биеение,
Жизни рождение,
Шаг от руки*

*До – изумления!
До – восхищения,
До – обретения
Верной строки.*

Беседовала Елена КУВШИННИКОВА

Члены Ульяновской писательской организации. Май 2018 г.

РОДИНА, СЫН Я ТВОЙ...

О жизни и творчестве ульяновского писателя Виктора Сергеева

На информационном портале «Улправда» вышла вторая передача проекта Ульяновского регионального отделения Союза писателей России «Мастерская писателя». На этот раз она посвящена творчеству старейшего ульяновского прозаика Виктора Сергеева.

Самое главное для человека – его родина, те места, где ты родился, рос, где жили твои предки, где прошло твоё детство, появились твои первые друзья.

Родина... Для кого-то это столица, для других – провинциальный городок, село, деревня. Туда не всегда ходят поезда, а чаще всего проносятся мимо, едва задерживаясь минуты на две-три. Родина... Там самые тихие и душевные вечера, самое высокое и звёздное небо, самые широкие поля и тёплая речка. Родина – это твоя душа, твоя защита и опора в жизни.

О родине верно сказал герой нашей передачи писатель Виктор Сергеев: *«...это место, где родились, выросли и наполнились тем, с чем по-доброму прожили всю жизнь».*

Сам о себе Виктор Николаевич говорит, что он продолжает традиции «писателей-деревенщиков»: Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Фёдора Абрамова, Василия Белова, Валентина Солоухина, Бориса Можаева, Евгения Носова, Георгия Семёнова. А своим любимым писателем-классиком называет Тургенева за его неповторимый язык и живописность.

Биография Виктора Сергеева скромна и обычна для советского человека, труженика. Виктор Николаевич Сергеев родился 27 июня 1943 года в селе Чуфарово Майнского района Ульяновской области в крестьянской семье. Отец Николай Иванович, шорник по специальности, пропал без вести в Великую Отечественную; мама Анисья Петровна осталась одна с тремя малыми детьми, работала в колхозе, как она говорила – «от тёмного до тёмного». Слова дорогие, но в них – жизнь целого поколения людей: война, потеря близких, трудные военные деревенские годы, детство, омрачённое и обожжённое войной...

Юный Виктор окончил Буйковскую среднюю школу в 1961 году. Детство, отрочество и юность прожил в Чуфарове. Дальше жизнь привела его в город Магнитогорск, где он получил профессию газосварщика в профессионально-техническом училище. Работать приходилось на заводах и стройках. «Поездки по городам (командировки на ремонт доменных печей, мартенов, прокатных станов...), – пишет в предисловии к книге «Гуси на крыло» Виктор Сергеев, – дали возможность увидеть и

Виктор Сергеев. Ульяновск. 1997

осознать значимость промышленного потенциала страны. И не так трудно было понять, что промышленные гиганты, необходимые государству, возводились за счёт села и деревни... Зная о неограниченных запасах внутренних сил деревни, надеясь, что они никогда не иссякнут, всё время упрямо вставляли вопросы, вопросы, вопросы... Тем более на чужой стороне ни новая обстановка, ни новые люди, ни новые впечатления не заслонили всё то, что дала мне малая родина, близкие люди, материны подруги – солдатские вдовы, земляки».

Нажитый жизненный опыт и давняя любовь к литературе, желание поделиться наблюдениями, мыслями и чувствами побудили Виктора к сочинительству. В настоящее время писатель, член Союза писателей России Виктор Сергеев – автор книг «Первый круг» (Саратов, 1985 год), «Родственники» (Москва, 1993 год), «Синее небо с белыми

облаками» (Ульяновск, «Регион-Инвест», 2007 год), «Свидетельницы» (Ульяновск, «Вектор-С», 2008 год), «На полустанке Зелёном» (Ульяновск, «Печатный двор», 2016), «Гуси на крыло» (Ульяновск, «Печатный двор», 2019). Его рассказы и повести публиковались в литературных журналах и альманахах Поволжья, в местной периодике, в российских периодических изданиях. Виктор Сергеев – участник Всероссийского семинара молодых литераторов в Пензе (1978) и VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1979). В 1988 году Виктор Сергеев был принят в Союз писателей России.

Вот как писал о Викторе Сергееве наш земляк, поэт, в то время ответственный секретарь Ульяновской областной писательской организации Николай Благов в статье «Ответственность слова», опубликованной 1 января 1981 года в газете «Ульяновская правда»: *«Этот человек нелёгкой рабочей семьи, – писал Николай Николаевич, – после сельской десятилетки были годы работы на крупных новостройках сварщиком. Его яркое дарование было сразу по достоинству оценено на творческом семинаре в г. Пензе, а потом на Всесоюзном совещании молодых литераторов. Хотя у Виктора Сергеева к тому времени печатных работ ещё и не было, кроме одной-двух в «Ульяновской правде», рукописи его вселяли хорошие надежды. О нём писали В. Липатов, Н. Почивалин,*

М. Шевченко. Известный писатель Г. Семёнов в журнале «Наш современник» называет В. Сергеева одним из наиболее перспективных молодых прозаиков России. По первому рассказу В. Сергеева, опубликованному в журнале «Октябрь», снимается художественный фильм. Книга его повестей и рассказов готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия». Так бережно в наши дни пестуется истинное дарование. Может быть, Виктору Сергееву повезло? Думаю, что нет. Думаю, в наши дни в литературе устанавливается благоприятный климат для прорастания каждого семени, чреватого полновесным колосом. Лишь бы пробился первый росток».

Рассказы и повести Виктора Николаевича во многом автобиографичны, в них встречаются такие географические названия, как Тагай, Чуфарово, Хохловка, описания нашей родной природы, используется местный сочный этнографический материал. Его строка доходчива и пронзительна, наполнена душевным теплом и правдой времени.

«Герои его произведений, – пишет в очерке «В его деревне огни не погашены» известный ульяновский журналист Вячеслав Ташлинский, – сельские жители, труженики земли русской. Не понаслышке знает писатель их быт, труд, уклад жизни, ибо сам плоть от плоти крестьянин, пусть в прошлом, но кровное и духовное родство – что может быть крепче?»

Первый росток пробился и дал полновесный колос. Трудная, суровая биография страны, родины, сельчан разворачивается в его повестях и рассказах. Запомнились слова одного из героев повести Виктора Сергеева Михаила Простякова: «Мы войну вытерпели, супостата одолели, а всё равно нас не сравнишь с теми людьми, то есть с нашими родителями. Вот уйдут они, потом мы, хлебнувшие фронтовой горечи, постареем и... тогда прощай и народ наш. Без наших деток у России-матушки ножки подсекутся... Нам нельзя бояться ни прошлого, ни настоящего, ни будущего...». Какие мудрые слова, сколько в них правды, боли и надежды!

Сюжеты книг Виктора Сергеева просты и рождены самой жизнью российской глубинки прошлого столетия. В них – деревенские будни, работа в колхозе, материнские и отцовские заботы, домашний и колхозный быт, любовь и разлука – всё человеческое есть в этих книгах. Герои его книг – комбайнёры, трактористы, конюхи, продавщицы продмагов, солдатские вдовы. И характеры у его героев самые разные, но живые, не придуманные, а увиденные и запомнившиеся. В его книгах – целая галерея прекрасных сельских женщин, вынесших на своих плечах все тяготы войны и уберечьших своих детей от голодной смерти. Среди них – Вера Будилина из повести «На сенокосе», Раиса Игнатьевна из повести «Эй, солдат!», Глаша Сутеева из рассказа «Дупло», Анисья Засечкина из рассказа «Петькины сны».

Из воспоминаний писателя и друга Николая Романова: «Его детские впечатления составили тот подспудный запас, который впоследствии мы по праву назовём его талантом и богатством».

А прозаик Борис Дедюхин в своей публикации «Незаёмное слово автора», посвящённой книге Виктора Сергеева «Первый круг», написал: «Особенно радует его психологическая точность в обрисовке

взаимоотношений людей, даже в тех случаях, когда это касается не главных героев, а проходных персонажей... Думается, что удаётся автору написать всё в равной степени убедительно и точно потому отчасти, что все без исключения рассказы его отмечены печатью доброты, постоянного и заботливого участия и сопереживания».

Крестьянская тема, которой верен Виктор Сергеев, выстрадана в годы военного лихолетья, с детских лет близка и понятна ему. Сельская тема волнует писателя не случайно. Он понимает, что основу крепости и благосостояния людей любого государства составляет благополучие крестьянства. Очень верно написал о Викторе Сергееве Сергей Осипов: «В центре внимания автора – не выкорчеванная ещё крестьянская сельская элита, люди от земли с их трудолюбием, терпением, здоровым оптимизмом, отзывчивостью к чужой судьбе, любовью к земле и животным, с их органической неприязнью к тунеядству, хамству, нечестности и пьянству, с их заботой о детях и беспомощных стариках, с их чувством кровного родства людей. Его герои – люди цельные, сильные, красивые».

На вопрос, какие книги были важными в 2019 году, прозаик Ольга Шейпак ответила: «Моя книга года – «Гуси на крыло» Виктора Сергеева. Я давно знаю и люблю этого ульяновского писателя, ветерана Союза писателей России. Как мастер деревенской прозы он ничуть не уступает Василию Белову. В этом году он не то чтобы удивил меня (в его таланте никогда не сомневалась), скорее – встряхнул, зацепил, заставил серьезно задуматься о судьбе русской деревни. Замечательная его книга «Гуси на крыло» меня потрясла, жаль, что вышла ничтожно маленьким тиражом. Каждая повесть этого сборника – неоцененные алмазы. Живой, насыщенный народной мудростью язык, скрупулезно выписанный деревенский быт, точные детали, лирические авторские интонации – все это замешано на безграничной любви к простым людям... читаешь, как трудно и жертвенно поднималась после войны деревня, и слёзы наворачиваются: ведь поднялась, ожила, накормила страну... и – рухнула, скошенная под корень».

Проза Виктора Сергеева добра и безыскусна. Автор любит своих героев, и его любовь передаётся читателю. И читатель вместе с автором гордится тем, что в наших весях не перевелись люди, составляющие корневую суть русского крестьянства, русского человека.

В разговоре дома с Виктором Николаевичем он прежде всего указывал на книжный шкаф. О книгах он говорит с любовью. Он из того, бывшего поколения людей, которые считали книгу главным учителем, главным богатством в семье, спутником жизни, источником знаний, самообразования и становления личности.

В этом году мы ждём выхода в свет новой книги прозы Виктора Сергеева «На покосе» – пожелаем автору здоровья, душевных и физических сил на творчество.

*Материал подготовила
Ольга ДАРАНОВА*

Виктор СЕРГЕЕВ, член Союза писателей России.

ЗООТЕХНИК

Повесть

Сушили Семён Григорьевич сидел возле своей библиотеки и громко вычитывал фразы: «из времён николаевской деспотии» или «он был европейски образован...» Что это значит? Наверное, с первой фразой согласится любой, а вот со второй...

В избу тихо вошла соседка тётя Маша.

– Дверь открыта. Огонь во всю горит. С кем-то разговариваешь? А сидишь один. Дай, думаю, зайду... Отдыхал бы. Глубокая ночь ведь.

– А-а... Тётя Маша, проходи, садись. Поговорим, – встрепенулся и засмутился Семён. – Да вот... фразы сногшибательные.

– Слышала, слышала... – проговорила тётя Маша.

– Царь Николай увлекался фрейлинами, а декабристов казнил. За что? Двух великих поэтов не уберёт. Пушкин и Лермонтов – это национальное достояние! Поэтому царя Николая лучше вытряхнуть из памяти и забыть.

– Среди казнённых декабристов был поэт Рылеев, – сказала тётя Маша.

– Всё верно. Но Рылеев не считал себя поэтом. Он называл себя Гражданином.

– Ох, Господи, историю ворошишь, а обложился книгами совсем другими.

– Тётя Маша, потихоньку подбегаю к профессии ветврача: два года осталось. Сложная наука. Практики вовсе нет.

– Вроде бы заочно не учат на ветврача? Это зоотехник кормами занимается. А врач...

– Сумел проскочить. Меня там помнят, даже оставляли. Вот и...

– Не прибедряйся. Боровков в деревне холостишь. Приглашают скотину забивать. У Мозыревых козу спас. Бедная, объелась. Ну, ладно. Что же вторая фраза?

– Вознесли Западную Европу до небес. А никто из европейских политиков не знает русского языка. И неприязненны к нему. Нас же считают дикарями.

– Ну и Бог с ними. Зачем переживать о прошлом? Мы им не поможем. Полночь уже, отдыхай.

– Нет, тётя Маша, прошлое задевает нас. Ты вот три языка европейских знаешь.

– Так я вела их в школе. И твоя мама знала немецкий.

– Разве Европе понять, что в заброшенной деревне проживает образованная русская женщина? Вот и косятся в нашу сторону, что земли у нас много. В сорок первом собрали нечисть и обрушились... – Помолчав, с накипью в голосе, добавил: – Дали им в зад, потому и злятся. Опять копят силу.

– Ладно, я пошла. Закрой за мной. И двери с

вечера запирай. Понятно, сынок? – строго наказала тётя Маша.

Семён повиновался. Она никогда не называла его сынком.

Он какой день собирался в очередную поездку в районный центр, но засиживался за учебниками. Всякий раз надеялся, что в управлении подскажут: может, что нашлось для него. Хотелось поскорее приткнуться где-нибудь со своей специальностью. Но нигде в зоотехнике не нуждаются. Колхозные фермы закрыли и разорили. Если и появились доморощенные фермеры, то почти сами справляются. В сохранившихся (случайно) колхозах и совхозах с двумястами и более коровами, имеют своих зоотехников.

Соседка тётя Маша говорит ему в дорогу, когда он садится в свою легковушку: «Тихо поедешь – беда догонит, шибко поедешь – беду догонишь».

Зря тётя Маша пугала его, хотя сожалела, что он никак не найдёт работу по специальности. Всё равно, если прикинуть и прокрутить его недавнюю жизнь, соседка была довольна им. Он возил её иконы в районную церковь, в коей батюшка, в прошлом художник, поновил иконы. Вот она обрадовалась! Сказала, что молилась и молится за него всегда.

Он часто вспоминал слова соседки, что ему нужно-де набраться терпения, а потому не унывать, а смотреть на отказы с улыбкой, мол, в жизни всякое бывает.

Когда Семён приезжал в районный центр, то обязательно заходил в магазин, в коем был и буфет. Возле него стояли два столика со стульями. Семён брал бутерброд и стакан чая. Кофе не любил. Иногда покупал два пирожка с разной начинкой.

Всухомятку питаться надоело. Но деваться некуда. Хорошо, что соседка тётя Маша подкармливала его разными супами.

В этот раз он решительно подошёл к буфету и сказал скучающей молоденькой продавщице:

– Девушка, ужасно пить хочу!

– Что вам, водки? – спросила она с лукавой улыбкой, как будто ждала его в эти минуты.

– Минеральной воды, – был ответ.

– А я думала, в о д к и-и, – притворно пожалела она, растягивая слово.

– Чтоб водку пить, нужны бешеные деньги и свободное время, но у меня – ни того, ни другого... – сказал он сухо.

– Вы хотите сказать, что потеряли свободное время? А где? В тюрьме? – осторожно попыталась она, прикусив нижнюю губу. – Утром один откровенничал (тоже пить просил), что освободился

после длительного отбывания срока. Родная улица, говорит, на которой родился, вырос и споткнулся... изменилась в лучшую сторону: зеленей, чище и прибранней стала. И всё равно там порядок на порядок выше, чем здесь, – скороговоркой закончила она. И цепко, даже с озорной хитринкой, поглядела на него.

– С пустыми карманами свободных минут и с огнём не сыскать. С тугим кошельком давно пригласил бы вас, красавица, в кафе вечернее или на концерт симфонической музыки. Люблю слушать виолончель, – втянулся он в разговор. В недавние его приходы она тихо и молча подавала ему пирожки и чай.

– Вижу, праздных людей вы не очень уважаете. Но с малознакомым не пошла бы на концерт, – ответила, насторожившись, будто про себя решила, что пошла бы с ним.

Девушка была так близка, что Семён хорошо видел на её зрачках мелкие-мелкие конопушки, словно веснушки на щеках, до коих не касались вездесущие следы парфюмерии. Туманно-лазерное свечение глаз, излучающих невинную доверчивость, внезапно привели его к вопросу: «Неужели хозяйку этих прелестных глаз не опалил жар первой любви? Иначе бы она не выдержала моего пристального взгляда. Либо хорошо познала нашего брата, либо и вправду чиста, невинна и наивна?..»

Девушка, словно разгадав его мысли, прикрыв ладонью свои губы, тихо посмеялась.

– В зной-жару, девушка, не до смеха. Жалко, что боитесь со мной на концерт пойти. Может быть, вы и правы. И рыжая лиса боится своего хвоста, – сказал он, прищурившись от фонтанирующих газовых струек минеральной воды, кою пил из гранёного стакана с зауженным донышком.

– Верно заметили. И я чуть-чуть рыжая! – со смущённой улыбкой сказала она. «Не подумал бы, что навязываюсь», – мелькнуло у неё. Девушка знала этого мужчину в лицо, он часто заходил в магазин за кефиром, а кефир – по её наблюдениям – пища холостяков да старичков-пенсионеров. Её слегка злило, что он не замечал не только её острых и весёлых шуточек, но и подруг-напарниц по работе, в общем-то – изящных красавиц... недавних выпускниц торгового колледжа. Себя к красавицам не причисляла, просто к слову пришлось.

– Мороженое какое любите? – спросил он.

– А я пять минут назад сливочное съела, – словно отчиталась девушка.

– Это наедине... А со мною не хотите? – предложил он. Хотя и бедным представился Семён (ни денег, ни свободного времени), даже казался рассеянным – не от мира сего. И сам часто вспоминал слова Фёдора Достоевского: «Бедный, но благородный...»

– Эх, на рабочем месте нежелательно разговоры вести. А то пакет со сметаной не подала дяденьке в руки, ну и шум поднял... Ножом принялась резать сыр, чтоб взвесить дяденьке пожилому... так он отмахнулся и не взял сыр. Сама, говорит, ешь маргарин с сыром. Ну и что, отвечаю, забыла убрать с лезвия остатки маргарина, до этого резала и отпустила, мол, кашу маслом не испортишь. Всё равно не угодила. Вот случится такой свёкор, так с ума сведёт.

Сегодня попадёт мне за вольную беседу с вами, – высказала девушка, заметив, что мужчина внимательно слушал её.

– Значит, некому пожалеть вас? Ох, бедная... – сказал Семён.

– Жалеть есть кому – не сиротка какая... мама, папа, бабушки, братья, сестра... – ответила она, посерьёзнев. Пусть и ловко перечислила, но на лице не радость прочитывалась, а скорбь.

– Вон почему общительны. Вроде и чужого мужа приняла за родню. Спасибо! А я, признаться, сирота и есть... – сказал Семён с печалью в глазах. И замкнулся, удивлённый её пронизательностью, прямо в психологи записывай.

Семён купил мороженое себе и ей. И пообещал не проходить мимо магазина.

Он выходил с грустной задумчивостью, обдумывая их разговор, в общем-то... знакомство...

Ей же почудилось, что он вот-вот вернётся... И они назовут свои имена.

...После памятного разговора с девушкой Семён дважды заходил в магазин, чтоб купить пирожков и кефиру, но за прилавком буфета стояла пожилая женщина. Хотел спросить её, мол, где девушка, торговашая недавно, но раздумал.

Выходя из магазина, он спросил у женщины, что подметала веником у крыльца, мол, куда подевалась девушка, что недавно работала в буфете?

Уборщица выпрямилась во весь рост, слегка поморщилась, схватившись за поясницу, посмотрела зорко в глаза Семёну и объяснила: та девушка теперь работает в придорожном кафе, кое на днях открыли. В магазине-то она с месяц поработала, а теперь перешла туда, где побольше платят. Да прямо за посёлком у поворота на шоссе открыли кафе. Говорят, фуры останавливаются, шофера обедают и отдыхают.

Семён поблагодарил женщину. Даже низко поклонился ей.

* * *

В этот день Семён ездил в дальнее, татарское село, в коем однокурсник года три директорствовал в совхозе. Однако Семёну, как он себе говорил, «не обломилось» и у товарища, то есть не нашлась работа. Коров почти половину распродал местным подворцам. Из соседней области покупатели приезжали. С сотню голов оставил. И стал разводить в совхозе овец. Отара разрослась до полутысячи голов. Большой нажим однокашник делал на полеводство. Зерновые имели спрос.

Возвращаясь домой, Семён решил заехать в придорожное кафе, хотя путь до него был втрое длиннее, чем до родной деревни.

Семён и знакомая уже девушка при встрече в кафе обменялись улыбками. Он поздоровался с нею. Она же ответила ему с лёгким приседанием. И сразу спросила:

– Кушать будете?

– Да. Второе блюдо и соку. Смотрю, яблочный у вас.

– А первое блюдо? На пирожках далеко не уедешь, – напомнила с улыбкой.

Он засмеялся и сказал:

– Далеко и не езжу. Спасибо, что помните. Правда, сегодня невольно гостил у однокашника. Угощал меня бараниной, а я не уважаю её.

– Так у нас щи с постной говядиной. Могу предложить половину порции. Половинку и на ночь можно. По себе сужу.

И он согласился с нею.

Прежде Семён видел её за высоким прилавком буфета, а здесь она ходила по залу. Оказывается, фигура без изъянов: ножки точёные, талия тонкая, грудь высокая, лицо красивое, волосы русые прибраны в две косы – ни к чему не придерёшься... Прямо настоящая стюардесса! Но глаза у неё сухие и холодные, словно выплаканы, да и походка сбивчивая, будто кто-то заставлял её ходить именно так. Может, походкой она выдавала свою внутреннюю тревогу, о чём не могла сказать вслух? Может, от усталости? Вон сколько людей за пятью столами.

И после этого вечера Семён не проезжал мимо кафе.

Девушка очень быстро обслуживала Семёна на обедом или ужином. Иногда и без очереди. Она слегка задерживалась у его стола, вроде ждала – может, мужчина, постоянный посетитель, спросит о её настроении, но, кроме благодарности за обед или ужин, она ничего не слышала. Хотя издали замечала, что он внимательно глядел в её сторону. Она сердилась и думала: мужчинам-де подавай внешние данные, а что в душе у неё, то их не интересует. А тут кошки скребут... Она даже постукивала кулаком по груди.

«Не мешало бы поскорее поближе познакомиться с этой милой девушкой. А то засмотрелся на неё, прости, Господи, как зоотехник на корову или на тёлку. Без работы я робкий и трусливый. Она не знает, что год назад я ползал по дну жизни, люди отвернулись... Но с Божьей помощью вышел из застойного состояния. Спасибо тётушке Маше, молилась за меня. И поучала!

Если скажу девушке, что пил горькую беспробудно, то вряд ли поверит, так как год назад бросил дружить с горькой, а потому, кажется, изменился в лучшую сторону, то есть похорошел.

Значит, девушка, если верить словам уборщицы, в магазине работала не больше месяца. А в кафе она недавно. Где же она раньше была? Правда, и у меня забот прибавилось: сижу за учебниками. Многие хозяева миниатюрных коровников не берут меня зоотехником, когда настойчиво предлагаю им свои профессиональные навыки, всё-таки за плечами высшее образование. Они больше нуждаются в ветвраче. Моя профессия была востребована на колхозных фермах, а теперь... колхозы исчезли, будто их и не было. Зачем же тронули совхозы? Они же государственные! Эх, в своё время меня склоняли учиться на ветврача, а я... Ничего, наверстаю! Деревенских частных коров подлечиваю, чем и живу. Хотя соседка тётя Маша советует не работу искать, а невесту, чтоб жениться. Пусть вдовушку в дом привести, то и ладно... Но разведённую бабу не брать, грех. А с семьёй любую работу облюбую».

* * *

Семёну не спалось. Видимо, дневной короткий сон сбил с толку ночной сон. Глядел в окно, выходящее на тропу по заснеженной дороге. Прежде по ней на подводах ездили к коровнику, а ныне... Ребятишки летом на велосипедах на рыбалку ездят, а зимой пешком. Раньше они гурьбой ходили на рыбалку, а теперь – двое-трое... Семьями уезжают из деревни.

Ночью выпал лёгкий снежок. Как ему не быть, коли мороз в пределах пяти-семи градусов.

Утро ясное. Белесые и лохматые по краям облака, исподволь набежавшие с севера, предвещавшие ненастье, на несколько минут нависли над деревней лёгким покрывалом, а вскоре завеса облачная исчезла за горизонтом.

К полудню западный горизонт окатила серая мгла, принёсшая густой снег. Минут десять спустя ветер рассеял тучи, и снова открылось небо с белесой синевой.

Семён, несмотря на непогоду, почти каждый день ездил в районный центр. Бывал и в областном городе, в коем намеревался попасть к губернатору, но нынче засиделся за учебниками.

Тётя Маша приносила обед – суп с рыбой. Он покушал и поблагодарил. Затем поколот у неё чурбаки из осины. В её крытом дворе поленья сложил вдоль стены избы. Отряхивая с рук древесные крошки, услышал громкий голос соседки, мол, на ужин принесёт жареную картошку на сале и козьего молока.

И верно: вечером соседка принесла ужин.

– Я опасалась за своего Стёпку не знаю как. Больно верченый был, прямо на калитке вертушок. Нет, не уберёт себя, – проговорила она, присев на лавку у стены.

– Тётя Маша, он же на Кавказе погиб. Пуля – не дура. Верченых в первую очередь ловит.

– Никто туда не посылал. Сам напросился, – ответила соседка. И, повздыхав, продолжила: – Не сложилась жизнь и у дочери. Муж пьёт горькую беспробудно. Бранится и шумит на публику. Ладно, она крупная и сильная, а то быть битой. Он и Анатолия побаивается.

Семён молчал. Соседка частенько говорила о дочери. Сейчас поторопила Семёна, чтоб ел картошку, а то остынет.

«Соседка, пусть и ненароком, предлагает обратить внимание на её дочь Дарью. Зачем? У неё же двое детей, ну и муж – пусть и бедовый, но... Семья же», – подумал Семён, жалея тётушку.

* * *

Семён, задержавшись до вечера в областном городе, по пути заглянул в придорожное кафе. Заказал ужин. И ждал недолго, так как девушка (либо молодая женщина), с которой собирался познакомиться – то есть хотел назвать своё имя, а её имя он знал – Леной зовут, быстро принесла на подносе щи, второе блюдо, винегрет, сметану и яблочный сок.

Он, задержав её добрыми словами, что, мол, видимо, она привыкла к содержанию его обеда, потому ему не пришлось долго ждать. Заметив под её глазами, слегка покрасневшимися, розовые тени, спросил:

– Лена, что с вами? Плакали? Меня зовут Семёном.

Она пристально посмотрела ему в глаза, отмахнулась и ушла. И походка у неё была не такой уверенной и плавной, что два дня назад.

К его столу подошёл крупный мужчина, примерно ровесник Семёну, поставил на край стола гранёный стакан и спросил:

– Уважаемый, плесните, пожалуйста. Вы два дня отсутствовали. – Он и стакан поближе пододвинул.

«Ох, пьяница, видимо, знает меня, коли обзывается, – удивился про себя Семён. – Меня же в деревне год назад точно так звали-обзывали кому не лень. Идешь по улице, а кто-то крикнет: эй, Плесни, помоги бревно откатить. А этот, наверное, чей-то сынок из соседней деревни, потому и наслышан обо мне».

– Слушай, землячок, ты же обозвал меня, – протодушно признался Семён, отодвинув порожнюю тарелку после щей.

– Как обозвал? Вы ошибаетесь. Возможно, перепутали? – проговорил мужчина с обидой на лице. Отступил на шаг от стола, но стакан не взял. Слегка покачнувшись, он схватился за край стола.

«Ох, Господи, такое крупное тело не так просто удержать. А руки-то у него здоровенные! Ладони – со сковороду! Выходит, он попал в винный плен? А жаль, что здоровущий мужик пропадает», – подумал Семён.

– Очень просто, землячок, – начал вспоминать Семён. – Как-то на работе, поближе к обеду, мужики собрались по рублю, послали одного в магазин... Я же без работы поблизости шатался. Ферму разорили новые порядки. Вот, землячок, я тоже умирал с похмелья... И осмелился подойти к мужикам, как ты вот, и спросил: не плеснут ли они капельку вина или пива. С той поры меня стали называть не по имени родному, а просто: Плесни да Плесни... А сейчас я за рулём. И теперь вино не пью, зарубил окончательно. В этом стакане не вино, а яблочный сок. Так что не обессудь. Лучше возьми посильную денежку. Вон та девушка купит в буфете.

– Подай в окно, а Бог и в подворотню подаст, – обидчиво пробасил мужчина, не взяв деньги.

«Эх, а голос у него крепкий и звонкий, значит – не всё потеряно», – оценил Семён.

– Знаете, ту женщину лучше не беспокоить. Она и так-то наплакалась...

– Чем обидели? Скажи, если не секрет, – попросил Семён, второпях допив сок в стакане.

– Долгая история. Мне лучше помолчать. – Броско отмахнувшись, мужчина перешёл на полушёпот. Он оглядывался и по-прежнему цеплялся за край стола.

– Слушай, ты, случайно, не из деревни Зеленец? – спросил Семён.

Мужчина оторвался от стола и, приплясывая неловко, пропел:

Я не вашего села –

не вашего селения.

Не по вашему пляшу –

прошу извинения.

Семён улыбнулся. Заметив, что шум и кривляние мужика не понравилось женщине, покормившей его, Семён, проходя мимо буфета, поблагодарил

её и пообещал обедать у неё почаще. Она попросила его, чтоб он вывел пьяного мужчину.

На крыльце мужчина сказал:

– Чаще не придётесь обедать здесь. – Оглянувшись на дверь, добавил: – Подбросьте до центра. Историю поведаю – ахнете.

– Так домой еду, в деревню. Поздно уже, – отказал было Семён. – Ну, ладно, са-дись.

– Вы на зелёном «жигулёнке» ездили. А сейчас вон на каком славном «Патриоте», – обрадованно удивился мужчина. – И это безработный?! – добавил. С него будто и похмелье слетело.

Когда отъехали от кафе, Семён сказал:

– Да нет, работу нашёл. Вернее, она нашла меня.

– При пиве, при бражке – много братьев, – напевно проговорил мужчина.

– Имя-то какое у тебя? – спросил Семён невольного попутчика. И в оправдание добавил: – Насчёт братьев я бы не сказал... В своё время испытал невзгоду, знаю. В общем, ловчить не научился.

– За нелепый намёк простите. Панькой зовут. Разуваев фамилия. По специальности механик. Сельхоз окончил, – ответил попутчик. И почти пропел: – И девки были русские, только юбки на них узкие.

– Не про жену ли так сочинил? – спросил Семён, уверенный, что разведён механик.

– Заново бисер метать не собираюсь, – громко и жёстко заявил Панька. – После первых годов совместной жизни вдруг подруга начала поглядывать на знатных да на богатых. Бог с ней. Лучше скажу о женщине, что в кафе вас кормит. Мы с ней вместе учились в школе. Затем она пошла в авиацию, стюардессой стала. Вышла замуж за командира экипажа. К сожалению, муж погиб. Царствие ему небесное. Дочь у них простудой приболела. Мать Лена в очередной рейс не полетела, осталась дома. Иначе бы Светочка круглой сироткой стала. Бог милował.

– Когда это случилось? – спросил Семён.

– Два года назад. Она приехала на малую родину. С родными тётушками проживает.

Панька, ударив кулаками по своим коленям, замолк со слезами.

– Я пусть и пьяница, но совесть не пропил, потому что с ранних пор она живёт во мне. Если и купишь совесть, но позже не продашь, – размышлял Панька, утирая кулаком слёзы на щеках. – Хозяин кафе лапает Лену. К греху склоняет. В общем-то, хозяйствует не он, а мать. Есть предположение, что на пятидесятом километре он открывает кафе с гостиницей. И вот что творить надумал. Возгордился! Голова закружилась от собственности частной. Я как-то повздорил с ним, прочитал лекцию, вспомнил и беззащитную Лену. Так у него дружков-сопляков – целый взвод. Подрался с ними, а... – Он повернулся лицом к Семёну. – Гляжу, вы хороший человек, посодействуйте. Иначе Лена пропадёт. Я видел вас в сельхозуправлении, о вас отзываются хорошо, но помочь с работой не в силах. Вам бы к губернатору на приём. Он же ветврач, поможет.

Семён сбавил скорость до предела. Почти к обочине прижался.

– Вот и приехали. Не удивляйтесь. Встречная промчалась с хозяйкой и с сыном, – обернувшись к заднему стеклу, с сожалением в голосе, проговорил

Панька. – Знаете, вчера Лена подала заявление на увольнение, а сынок взял листок, сложил вчетверо и положил себе в карман. Мать видела, но промолчала. Хотя за входной дверью стоят девки и молодые женщины, чтоб приняли на работу.

«Панька озабочен судьбой одноклассницы, потому плохо слушает меня. Я же теперь на службе», – подумал Семён.

– Может, повернуть назад? – спросил он.

– Да. Лену оставлять одну нельзя. Когда у них работал дворником и охранником, то как-то отшвырнул сынка хозяйки. Гадёныш, лапает вдову... Прежде жалели вдов, а ныне...

– Нравится тебе одноклассница?

– Разумеется. Красота у неё удивительная! Но я и в мыслях не держу, чтоб поставить себя рядом с ней. Она беззащитная. У меня задача одна: помочь ей.

Они подъехали к кафе. Панька попросил Семёна подождать малость.

Вскоре появилась Лена, а сзади неё Панька. Подталкивая её, чтоб смелее шла к машине с Семёном, он напутствовал:

– Не бойся, не бойся... Он довезёт тебя до дому. Ночь ведь. Семён прежде искал работу зоотехником, но где уж... Теперь он в управлении сельского хозяйства.

Она открыла дверь к заднему сиденью, а Панька попросил Лену сесть на переднее. Он сказал, что останется.

Минуты три ехали молча.

Семён заметил, что Лена тихо плакала с первых минут. Он свернул к обочине и остановил машину. С заднего сиденья достал сумку, извлёк из неё хрустящий пакет с носовыми платочками.

– Возьмите, пожалуйста, платочек. Вы же плачете, а слёзы вытираете рукавом. Платок хоть и новый, а всё равно не мешало бы постирать... Соседка тётя Маша собирается помочь мне справиться поминки по моей маме, наказала закупить платков.

Лена, взяв платок, поблагодарила.

Семён представился:

Меня зовут Семёном, а вас Леной. Правильно? В общем, я второй раз назвал себя.

– Да, меня зовут Леной, а по паспорту Ульяна. Со школьной скамьи пошло иначе. Знаете, я знаю ваше имя. Вы ведь больше года обедаете у нас. В последнее время редко заходите в кафе. Прежде вы были хмурый и озабоченный чем-то. Всегда глядели в тарелку, вроде никого не замечали. Рассчитывались и молча уходили.

– Нет, Ульяна, вас заметил с первого дня. Вы очень заметная! Хотя иногда обед подавала другая женщина. Теперь буду звать вас Ульяной.

– Наверное, не придётся невольно общаться. Подала заявление на увольнение. А хозяйский сынок бумажку сложил вчетверо и положил в нагрудный карман рубашки. Открывает новое кафе с гостиницей, приглашает меня работать на новом месте. Я отказалась. На днях уезжаю на родину мужа. Там у него квартира осталась.

– Панька почему не поехал с нами?

– Собирается снова в кафе на работу устроиться. Не знаю, примут ли. Разве на новом месте понадобится?

Помолчав, Ульяна снова заплакала, прижав платочек к губам. И плечи вздрагивали.

– Семён, простите меня. Я ведь солгала вам в магазине, что у меня родня обширная. У меня две тётки (мамины сёстры), мои двоюродные сёстры и моя дочь Света. И я вдова.

Семён обнял её за плечи и поцеловал мокрую от слёз левую щёку.

– Успокойся. Никакой это не обман. Правильно говорила. С большой роднёй, пусть и выдуманной, ты защищалась. Мало ли что. Всё равно я беднее тебя. У меня никого нет. Разве соседка тётя Маша вместо родни.

Ульяна прижалась к Семёну, обняла обеими руками и опять зарыдала.

...Семён часто ездил по области с тремя сотрудниками отдела. И все они – ветврачи! Он набирался от них, узнавая многие секреты врачебные, о коих раньше лишь догадывался. Они шуткой называли его вечным студентом.

Но он не обижался, а напротив – благодушно посмеивался и благодарил судьбу, что столкнулся с опытными ветврачами.

В одном совхозе, на скотном дворе, немолодой мужичок в протёртой фуфайчонке, видимо, местный остряк и говорун, назвал их патрулями. Неласково назвал! Вскоре совхоз исчез с лица земли. Губернатор пытался сохранить его, но ничего не получилось.

Женщины возили с собой саквояжи с инструментом и лекарствами. Но у него саквояжа пока не имелось. Они сказали: вот набёт руку, тогда дадут команду, что пора и ему разбогатеть саквояжем. Уколы делать бурёнкам или лошадям женщины доверяли ему. Они зорко наблюдали за его работой. Редкий раз им приходилось подсказывать или поправлять. И были вполне довольны его учёбой и практикой.

Две спутницы Семёна считались пожилыми, имевшими по двое взрослых детей, внуки появились. А вот третья – строгая начальница (недавно ей исполнилось сорок лет, то есть на семь лет постарше его), имевшая сына-офицера, нажившая его в девичестве случайно, так как не выходила замуж, всегда садилась на переднее сиденье. И внимательно поглядывала на Семёна, стараясь выманить его взгляды в её сторону. Женщины, сидевшие на заднем сиденье, всегда полушёпотом разговаривали, а порою дружно похохатывали, а начальница лишь поглядывала на весёлых сотрудниц, а порою оборачивалась к ним так, что касалась плечом Семёна.

Он привык к этим милым женщинам настолько, что казалось, они будто были ему близкими родственницами. Поэтому он часто вполголоса напевал свои любимые песни. Если он молчал, то женщины хлопали в ладоши и просили спеть им народную песню.

С Ульяной он почувствовал себя растерянно и скованно, даже напевать песню постеснялся, но всё-таки в воздухе кабины «Патриота» он ощутил некую полноту, коя постепенно поглотила скованность и робость, насевшие было в первые минуты.

Вынув платочек из пакета, хотел сказать о тех

женщинах, с которыми постоянно ездил по области, при себе имели (кроме саквояжей) и сумочки, а Ульяна, дескать, без всего. И хорошо, что не сказал, иначе слова походили бы на упрёк.

...Трёхэтажный кирпичный дом в районном центре был один. Семён без подсказки подъехал к первому подъезду, словно знал, что Ульяна живёт именно здесь.

Прежде чем Ульяне выйти, Семён попросил подождать. Он достал из сумки пакетик с шоколадными конфетами, чтоб подарить Ульяниной дочке.

– Ульяна, я провожу вас до квартиры. Не против? – сказал Семён.

Она промолчала. Но пожала плечами, мол, дело ваше.

На третьем этаже, перед дверью, обернувшись, Ульяна сказала:

– У вас дорога дальняя. Спешить надо, а вы со мной...

– Ульяна, познакомь меня с дочкой.

«Он же знает обо мне всё. Наверное, Панька рассказал», – подумала она.

На их звонок тётюшки открыли не сразу. Они в один голос спросили: кто там?

В прихожей Ульяна познакомила Семёна с дочкой Светой. Он девочке отдал пакетик с конфетами. Прежде чем взять его, Света строго поглядела матери в глаза, словно спрашивала разрешения. И, получив его, она прижала пакет к груди и поблагодарила с поклоном.

– Это мои тётю, мамины сёстры. Это вот тётю Аня, а это – тётю Соня, – проговорила Ульяна, знакомя с волнением. И, показав на гостя, сказала: – А это Семён.

Семён поклонился слегка. Улыбнувшись, сказал:

– Рад знакомству! Вас легко запомнить: Ульяна похожа на вас.

– Между нами была Ульянина мама, – сказала тётю Аня.

Старшая тётю Соня, видя, что им пора оставить гостя с Ульяной одних, повела девочку с присловьем, мол, третьим лишним пора по своим местам.

Оставшись одни, тем более тётюшки закрыли дверь за собой, Семён тихо проговорил, вернее – наказал Ульяне не ходить на работу одной. Он уладит недоразумение с заявлением сам. Лучше будет, если она подождёт его дома.

Она согласилась. Подошла к Семёну вплотную, обняла за плечи и поцеловала его в щёку.

Он привлёк Ульяну и поцеловал, слегка касаясь, в губы.

– Сладше мёда, – прошептал с улыбкой. – Мне пора, – добавил. Затем поднял её от пола и снова поцеловал в губы.

– Вот и познакомились. Я в кафе пыталась назвать своё имя, но... Теперь очень рада, что на свете не одна.

– Я же говорил, что с первого дня заметил тебя. И я рад, что теперь не один.

– Спасибо. Поезжай, поезжай... – поторопила она.

* * *

Семён, не обращая внимания на ночную темень, поехал в родную деревню объездной грунтовой дорогой. Включил ближний свет. И двигался на первой скорости. Этой дорогой всегда добирался до дому матери начальник районной милиции Творилов Анатолий. Только подумал о нём, как заметил, что дорогу пересекает туго натянутый белый шнур. «Неужели заминирована дорога? Зачем?» – Он резко остановил машину в двух метрах от шнура. И сразу дал задний ход. Почувствовав озноб (на лбу выступил пот), откинулся на сиденье. Подумал: «Не меня ли подстерегли? Нет, скорее всего, западня для Анатолия. Всем известно, что он именно здесь ездит, потому что до деревни ближе на четыре километра».

И всё-таки Семён вышел, заранее в записной книжке указав причину остановки.

Книжку положил в багажник.

На обоих концах белого шнура желтели крошечные мины. Их нелегко отключить, но... вспомнив армейский опыт, через час сумел мины обезвредить. Вспотел и устал. Но по этой дороге дальше не поехал, так как вместо белого шнура должен стоять чёрный, предположил он. Что-то подозрительно! Зачем? И Семён свернул к речке с ровным берегом, надеясь на вездеход «Патриот».

Остановился у тётю Машиной избы. Её и будить не надо, зажгла свет в избе и вышла встречать Семёна.

– Сёма, а я думала, что это Толя, – проговорила она. – Зайди, чайку согрею. Может, поужинаешь?

Семён попросил разрешения позвонить Анатолию. Он не мог сказать точно, по какой причине просит срочно приехать в деревню. Тот испуганно переспросил, мол, не с мамой ли что случилось, ведь он на днях был у неё, и не один. Она не жаловалась на здоровье. Семён передал трубку ей, хотя она слышала голос сына.

Сын находился в областном городе, но через час подъехал к дому матери.

– Что есть духу мчался, – проговорил он.

Семён тихо объяснил ему о причине вызова; рассказал о приключении на близкой дороге.

Анатолий задумался.

Мать спросила: в чём дело?

Он попросил её не волноваться, даже нежно обнял, мол, дело житейское и мужское, скоро и уладит – не первый раз.

Здесь же она вспомнила: днём подъезжала белая легковушка, даже номер назвала – пятьсот двадцатый.

– Эх, мама, пошли в милицию служить, – громко сказал сын, смеясь. – Всё, мама, я уезжаю домой.

– Сынок, ты же дома, – сказала мать. И всплакнула.

– Семён, спасибо, что всё время возле мамы. Тем делом завтра же займусь.

– Я здесь переночую, – сказал Семён.

Когда же выходили, он за калиткой, взяв соседа под руку, вполголоса сказал:

– Надо искать специалиста. Заминировали дорогу незадолго до моей езды. А ты не вздумай по ней возвращаться.

Анатолий уехал. А Семён решил побыть с тётюей.

– Сёма, плохо покушал. Вяло. Кто тебя покормил? Жениться тебе надо. И поскорее!

– Ох, тётя Маша. Женитьба не напасть, лишь бы женатому не пропасть.

Соседка промолчала с глубоким вздохом. Её сын второй раз женился на вдове с двумя детьми. У них ещё двое деток появилось. У сына со второй женой и работа заладилась, повеселел...

– Знаешь, Сёма, прежде невесту выбирали родители. Позже парень обходился без советов родителей, сам выискивал себе суженую. А ныне девка ищет сама себе мужика. У кого-то получается, а у кого-то... Вот и пойми, что произошло с семьёй. В общем, мужик в доме не хозяин: курочка кудахчет, а петух не кукарекает. Как у зоотехника бывает: выбирай не по рогам, а по родам.

– Тётя Маша, в одной песне есть такие слова: все гости нарядно одеты, невеста всех краше была.

– Да, Сёма, в этой песне есть и такие слова: невеста стояла бледна. Я Пушкина вспоминаю. Кажется, он сказал:

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься, не сердись!

В день уныния смиришь:

День веселья, верь, настанет.

– Тётя Маша, поэты всегда правы. Вот и хочу сказать: многие твои ученики, как говорится, в люди вышли. Иные чиновниками стали, пусть и небольшими. У коих есть возможность...

– Сёма, я догадываюсь, что хочешь сказать, – прервала тётя Маша. – Сыночек Толя редко навещает.

– Догадка почти верна. Но другое заметил: ни разу не видел, чтоб твои ученики побывали у тебя. И спросили бы: как поживаешь? как здоровье?

– По правде сказать, у многих моих учеников жизнь простая, а у иных... – Она отмахнулась. – Они же ученики и твоей мамы. И не только знания давали, но и о жизни говорили, о своём опыте. Главное – не теряться, а бороться, чтоб закалить личность. О нравственности говорили. В конце восьмидесятых мы с твоей мамой читали и толковали ученикам Евангелие.

– Помню. Ох, глубоко мы копнули. Пойду, тётя Маша, пора на покой. Устал малость. И рано вставать. Разных дел накопилось.

– Сёма, к поминкам матери закажи обедню.

– Постараюсь, – пообещал Семён. На выходе он услышал её привычное напутствие: с Богом.

* * *

Ульяна дождалась Семёна, хотя время подбиралось к полудню. Он сначала ездил в свою контору, где отпросился по личным делам. Поездку по области отменили. А женщины, с кем всегда ездил, новость встретили с радостью.

Воспользовавшись их хорошим настроением, он попросил женщин уладить в загсе вопрос быстрого оформления росписи, то есть женитьбы.

Женщины выслушали просьбу с широко открытыми глазами. Пообещали уладить просьбу и пожелали доброго пути.

Ульяна сказала, что хозяйка кафе звонила, чтоб приехала за трудовой.

– С Клавдией Ивановной слегка знаком. Раньше она работала в сельхозотделе бухгалтером, а теперь

вон... – сказал Семён, когда уселись в машину.

– Не верится, что с вами снова вместе, – тихо промолвила Ульяна, глядя себе под ноги. Она повернулась к нему лицом, под села поближе и поцеловала его в щёку.

Он остановил машину на обочине. Поцеловал Ульяну в губы.

– Так будет лучше, – сказал Семён. И спросил: – Дома всё нормально?

– Да.

– Ульяна, документы получишь – и в дорогу?

– Наверное.

– Это хорошо, что не совсем уверена. Ульяна, может, поженимся? И никуда не поедешь. Если и надумаешь поехать, то лучше со мной. Одну не пушу тебя. Договорились?

Ульяна заплакала, закрыв лицо ладонями. Плечи её вздрагивали.

– Семён, с вами поеду куда захотите.

– Ульяна, мы знакомы больше года, вот и называй меня попроще. И напрасно плачешь. Всё уладим.

– Да, ты в главной конторе служишь. А я кто?

Семён расхохотался.

– Ульяна, ты милая женщина! Этим всё сказано. Мы знаем друг друга визуально. Поговорить не удалось. Я был без работы, потому стыдился...

– Семён, спасибо, – сказала Ульяна, чуть снова не расплакалась.

– Тебе, наверное, Панька рассказал о моей работе?

...У кафе ни одной легковушки и ни одной фуры. В самом кафе пусто, столы не заняты.

Хозяйка встретила Ульяну и попросила к себе в крохотный кабинет.

– Удивляешься? Все к сыну едут. Он открыл кафе вовремя. Гостиница всегда полна. Зря ты не согласилась там работать. Может, и замуж бы вышла за сына.

Семён вошёл в кабинет хозяйки без стука в дверь.

– Зоотехник? А что тебе нужно? Я тебя не звала. Ну, нашёл работу? Подойди к буфетчице, пусть накормит тебя, – протараторила хозяйка.

– Я думал, вы не узнаете меня. А работу нашёл. И почти по специальности.

– Да, Семён сейчас в конторе губернатора. А я Семёну помощницей.

Хозяйка попросила Ульяну написать заявление. Она молча, склонив голову, оформила бумаги, вручила трудовую и пожелала удачи. В это время с её головы соскользнула причёска из двух толстых кос.

– Ох, простите, – пробормотала она, собирая косы в порядок.

– Клавдия Ивановна, красивые у вас косы. Любая женщина позавидует, – похвалил Семён. И добавил: – Обедать некогда. Да и лучше страдать брюхом, чем духом.

Семён и Ульяна не успели сесть в машину, как хозяйка окликнула их. Оба подошли к ней.

– Панька-то в больнице лежит. Вчера возле сыновнего кафе подрались с залётными, будто мзду просили. Сын не дал. Ну и... Паньке рёбра поломали, а сыну – челюсть. Ладно, помогли шофера с фур. Спасибо им, – сообщила хозяйка с горечью на лице. Резко повернулась и ушла к себе.

Ульяна попросила Семёна заехать на рынок.

– Накупить бы овощей, фруктов и сухофруктов, – сказала она.

– Ульяна, пожалуйста, – сказал Семён. – Знаешь, с рынка приедем, так обязательно попрошу тётушек твоих благословить, чтоб разрешили тебе выйти замуж за меня, – не без волнения проговорил, когда остановились у рынка. – Хотя мало знакомы, но докажу тётушкам, что хоть и визуально знакомы, но ведь ты кормила меня больше года. Бывало, что ужинал каждый вечер. Знаешь, заговорить с тобой стеснялся и стыдился, так как был без работы.

Ульяна заплакала.

– Ульяна, а что медлить? Я прав?

Она согласно кивнула, поглядев на него с улыбкой, но с заплаканными глазами.

На рынке Семён повстречал Анатолия, бывшего соседа. Тот, улыбаясь, сказал:

– Наконец-то решил оформиться.

Ульяна, улынувшись, сказала:

– Вы пока беседуйте, а я пойду за покупками.

Как только Ульяна ушла, Семён напомнил:

– Со шнуром разобрался?

– Пока нет. Но ты тогда правильно сделал, что свернул к реке. В конце грунтовок обнаружили ещё один шнур, но чёрный. Показывал знатоку-минёру. Он сказал, что ставили самодельные мины не спецы, а шалопаи... На концах белого шнура мины не взорвались бы, а вот на втором...

– Ты поищи тех, кому крепко досадил, – посоветовал Семён.

– Я рад, что ты нашёл спутницу. И красавицу! Скажу маме. Она обрадуется. Сегодня же поеду к ней. А по поводу досады... Знаешь, я всё делаю по закону.

...Дома тётушки согласились выдать племянницу замуж за Семёна. В благодарность, перемигнувшись с Ульяной, он, поочередно обнял тётушек, поцеловал в щёки. А перед Светой встал на колени, обнял и прижал к себе туго-туго...

Ульяна сказала, что они побудут в больнице не дольше получаса, в коей навесвят Паньку. Затем они снова приедут домой.

По дороге Семён спросил Ульяну о сумме, потраченной на овощи и фрукты. Мало того, купила большой торт.

Ульяна поняла, что он хочет возместить расходы. Засмеялась и ответила:

– Сёма, не помню. На рынке чеки не выдают.

Он отсчитал несколько тысяч и протянул их Ульяне. Она замахала руками... Не захотела брать деньги. Но всё-таки взяла. И поцеловав Семёна в щёку, сказала:

– Ты же хозяин. – И радостно засмеялась.

...Панька сидел в коридоре, вытянув ноги. Увидев Семёна и Ульяну с авоськой, постанывая, и, приложив руки ладонями к бандажу, встал и приободрился.

– Ох, рад, что вы вместе! – воскликнул он. И спокойнее спросил: – Как узнали, что я тут?

– А мы думали, здесь стон раздаётся над... – почти пропел Семён. – Расхворался, видишь ли, не вовремя, – добавил.

– Три ребра тронули, чертенята, – пожаловался

Панька, погладив бандаж. – Ничего, до свадьбы заживёт, – с отмашкой добавил.

– Паня, досадно, что в больнице оказался из-за пустяка, – озабоченно нахмурившись, сказала Ульяна.

– Ульяна права, что пострадал из-за пустяка, – сказал Семён, страдальчески сжав губы.

– Какая Ульяна? Лена же, – недоумевал Панька.

– Ульяна, Ульяна... – скороговоркой уточнил Семён. – Слушай, братец, бросай мушкетёрскую житуху, а поезжай в родную деревню. Там Бегунов ферму наметил, правда, бурёнок-то всего два десятка... Был я там: конюшню не мешало бы подлатать. Молоко пока некуда девать. Устроить там полную переработку. Я постараюсь помочь.

– Не слышал, Семён Григорьевич, – сказал Панька и насторожился.

– Вот так, болезный, Бегунов Борис заматался... Помощники нужны. Ты же главным инженером работал. Малость подлечишься, тогда позвонишь мне. Машинёшка моя стоит на стоянке, правда, два колеса заменить бы не мешало. В общем, возьмишь её насовсем. Дарственную напишу.

Панька снова уселся на скрипучий стул и взялся за опущенную голову.

– Коров я найду побольше, если согласишься пойти в помощники к Бегунову. Ну, нам пора. Извини. Позвони обязательно.

И они пошли к выходу.

Панька сказал спасибо за фрукты, но голову так и не поднял, чтоб проводить гостей хотя бы глазами.

...По дороге домой Семён вспомнил о своём недавнем прошлом.

– Ульяна, я тоже в подобном состоянии находился, что и Панька. Правда, не дрался и не лежал в больнице. Маму похоронил – умерла внезапно от сердечного приступа. – Он умолк, так как Ульяна плакала. – И твою маму сердце свалило?

– Да, Сёма. Учительницей работала. Из школы не вылезала.

– Тебе хорошо, родственники есть: тётки, двоюродные сёстры, дочь Светлана...

– Теперь и ты появился, – сказала Ульяна, прижавшись к его боку. И потянулась поцеловать Семёна.

– Ульяна, мы же спровоцируем аварию, – с улыбкой предупредил Семён, свернув поближе к обочине. – Ну и вот, квиты – сказал он, поцеловав её. Выехав на дорогу, продолжил вспоминать: – Колхоз и ферма исчезли мгновенно. Я потерял работу. И я запил. Меня даже по прозвищу называли: Плесни да Плесни...

– И Паньку так называют. наших клиентов беспокоил. Подойдёт к столу и попросит: плесни да плесни... – сказала Ульяна, кротко улынувшись.

– И ко мне подходил, – вспомнил Семён. – Я почти два года дурака валял. А успокоили меня грачи. Сижу под тополями у реки, а птицы весенние как раз гнёзда вили. Галдят, кричат, хоть уши затыкай... Дня через три на то место пришёл, так поразился: многие гнёзда были готовы. Ни прораба у них, ни строительного мастера, ни бригадира, ни зоотехника... Кто их научил?

– Бог, – промолвила Ульяна.

– Да, ты права. Моя соседка тётя Маша всегда так говорит. Вот, с той поры я завязал все шуры-муры, то есть перестал паниковать. Начал искать работу, надеясь, что где-нибудь фермочка осталась, мол, пригожусь зоотехником. Если где и находилось местечко, но было занято. Чуть не всю область исколесил на своём зелёном «жигулёнке».

– Поэтому ты всегда хмурый сидел за обедом, – вспомнила Ульяна.

– Да уж... Спасибо, что замечала. Жалко, что не спрашивал о твоём житье-бытье. Женщинам труднее живётся в похожих обстоятельствах, а я постеснялся тебя тревожить.

– А как попал к губернатору?

– Записался на приём. Поговорили с ним крутовато. И он предложил мне работу, то есть помощником. Если точнее – я сейчас в управлении сельского хозяйства области. Иногда отчитываюсь перед губернатором. Ему нравится слушать мои крутые доклады. А куда деваться, коли жизнь прижала. И с трудом отвыкаем от недавнего прошлого.

* * *

Семён побыл в гостях чуть больше часа. Ульяна угостила его обедом, особенно щами. Он, помнилось ей, заказывал в кафе именно щи.

За столом сидели все: тётушки, Светлана, Ульяна и Семён. Он достал из сумки три мобильных телефона. Один оставил, другой – Ульяне, а третий – для дома.

Тётя Соня пропела частушку:

Не ходите, девки, замуж –
больно трудно привыкать.
С половицы – на другую
не велят вам переступать.
Переступишь – виновата,
не поступишь – глуповата.

Все переглянулись. Тётя Анна захлопала в ладоши. Семён поддержал её.

– Тётя Соня, Ульяне это не грозит. У меня близких никого нет, так что упрекать некому. У меня и мамы нет. Ушла пять лет назад. Соседка тётя Маша, мать начальника районной милиции, дружила с моей мамой. В местной школе обе работали. Начальные классы вели. Тётя Маша иностранные языки давала, то есть подрабатывала. Вот. Она хочет помянуть своих близких и мою маму. Попросила меня к поминкам заказать обедню в вашей церкви.

– И родных никого нет? – спросила тётя Анна, окинув всех скорбным взглядом.

– Нет, к сожалению. Сколько с мамой жили в деревне, никто не приезжал в гости. Она со слезами вспоминала о своём прошлом, а мне было недосуг переспросить. Правда, спрашивал о другом.

– И о чём? – спросила тётя Соня. И добавила: – Может, мама твоя сироткой была?

– Возможно, возможно... – заповторял Семён. – Тётю Машу спрошу. Она всё знает. Так вот, у нас в деревне проживает бабушка Пелагея, коей лет под сто. Я спрашивал её: когда, мол, в деревне молодые люди перестали петь и плясать, то есть хороводить. Она ответила: на её Дарье и закончились гуляния. Я подсчитал: Дарья родилась в тридцать седьмом

году. Вот на том поколении и завершилась этнографическая и культурная часть деревни. В общем, где-то в середине пятидесятих годов двадцатого века и замерла деревня. Молодые разъехались.

– Да нет, Семён, колхозами убили деревню. Уравниловкой, – сказала тётя Соня.

Все за столом переглянулись.

– Ульяна, мне пора, – засобирился Семён. – Планы у нас такие: в загсе соберёмся все вместе, Светлана тоже. Я пришлю к вашему дому маршрутку и... Возможно, сам подкачу. А после загса – прямо в церковь венчаться.

– Обручение и венчание в один день, – проговорила тётя Соня.

– Совершенно верно. Я уже договорился, – сказал Семён, встав из-за стола. Поблагодарил хозяев за угощение.

Уже на площадке он спросил Ульяну:

– Ты не венчалась с лётчиком?

– Нет, Семён, – ответила она. И, повиснув на его плечах, туго обхватив шею, поцеловала его в губы. – Надеюсь, здесь не спровоцируем аварию, – прошептала и засмеялась. * * *

Семён и Ульяна не ожидали, что в загсе появится губернатор. Он на ушко сообщил Семёну, что четырёхкомнатная квартира молодым в подарок. Но в церковь губернатор не поехал. Молодые венчались почти через час после загса. Присутствовали все близкие, даже тёткина старшая дочь с детьми приехала издалека. А младшая дочь, к коей тётушка Соня перешла жить, с высоким животом, который поглаживала ладонью, стремилась встать поближе к молодым, хотя её сдерживала мать. Стояли поблизости и сотрудницы, с коими Семён работал и ездил по области.

Светлана прижималась к матери, взявшись за её руку. И всё время глядела на пожилого священника, стараясь запомнить его чудные слова и всё то, что он делал с молодожёнами.

...Вскоре Семён задумал потревожить тётю Ульяну, хотя и встретил, особенно от тётки Сони, неприязненное замечание к его задумкам. Дело в том, что он решил перевезти тётю в свою городскую квартиру, мол, в четырёхкомнатной простору много – всем хватит места, а районную, в коей проживала Ульяна с дочерью, оставить в покое, конечно, до поры до времени... Его горячо поддержала Ульяна. И все они переехали в город. Но незадолго до родов двоюродной сестры в воздухе мелькнула новая задумка, но уже Ульянина: почему бы семье двоюродной сестры не переехать в обширную квартиру в районном центре? Тем более у её мужа родители имеют там дом с огородом и садом. Свободной земли за их домом столько, что на одном картофеле вполне можно избавиться от вечной нужды. Да и районный центр близко от города, всего-то в двадцати минутах езды.

Ульянино предложение выслушали в семье внимательно, но... Только спустя год, когда у двоюродной сестры новорожденный сынишка встал на ноги, то есть научился ходить и бегать, вот тогда они и переехали домой. Именно домой – так сказала двоюродная. Городскую однокомнатную квартиру в старом фонде продали.

* * *

Тётя Маша сказала Семёну и Ульяне, кои приехали в деревню рано, что к поминкам вся деревня готовится. Лида Смирнова блинов напекла, Таня Трусилина сварила кашу гречневую, а пироги, дескать, забота у иных женщин.

Семён и Ульяна до поминок побывали на местном кладбище. Семён сказал Ульяне, что обязательно должен побывать у могилы её мамы.

Помянули соседкину родню и Семёнову маму все деревенские жители. А столетняя Пелагея не могла прийти. С нею было бы больше двадцати человек.

Тётя Маша сама ходила к ней с обедом. Обе повспоминали и поплакали об ушедших близких людях и о прожитых годах...

Приехал и Анатолий с семьёй. Он и сообщил Семёну, что болезный Панька восстановил «жигулёнок», в котором еле умещается, а сейчас занят поиском кирпичей, чтоб поднять помещение под оборудование для переработки молока.

Когда за тремя столами в просторной передней комнате собрались все деревенские люди, то Фёдор Рошин, местный говорун и активист, от имени всех присутствующих поприветствовал молодых, поздравил с законным браком. А Семён поблагодарил земляков за помин тётиных родственников и его мамы.

...Зимний день короток. Вечером тётя Маша, услышав, что Семён и Ульяна собираются уезжать, остановила их, сказав Семёну, чтоб остались ночевать дома. Женщины, мол, убралась в его избе, даже занавески поменяли, а постель она постелила свежую.

Семён и Ульяна переглянулись. Ульяна кивнула, мол, останутся.

Когда они выходили на высокое крыльцо, тётя Маша шепнула Семёну, мол, хорошенькую невесту подыскал. Молодец!

Многие мужчины остались до позднего часа. Фёдор Рошин рвался пойти к Семёну, вроде у него накопилось много вопросов к нему. И просьбы тоже...

– Разве дело? – не молчал Фёдор Рошин. – Раньше на Карпушинских полях, в общем-то, пригородных, что только не родилось и поспевало: и свекла,

и капуста, и морковка, и перец... Хочу сказать Семёну: возле губернатора крутится, так почему бы не облагородить пригородную землю. Под носом высокого начальства поля заросли бурьяном. Подыскали бы молодого фермера, дали бы денег...

И Фёдор Рошин встал с намерением пойти к Семёну.

Анатолий даже за руку удерживал Рошина.

– Молодым не до нас и не до земли. Остановись. Разве сам не был женихом?

– Натолый, он же может. Всегда вспоминаю его золотую работу на нашей ферме. Сроду падежи с ногшибали, телята дохли... А при нём?.. Эх, как вспомню... Сроду стога с соломой поднимали далеко в поле, а по весне к ним не подобраться. Так Семён решил задачку просто: сено и солому (грубый корм) стоговали почти у фермы. Мы же запросто вязанками носили корм бурёнкам. Знаете, вывел корову Зорьку, коя давала в год чуть более четырёх тысяч литров молока. И детки её приближались по надою. Мало того, нашёл место в поле, где посеял клевер. То есть перестали гонять стадо в лес. С председателем парами занимались. А когда начальство узнало, то председателя сняли с работы. Семёна не тронули.

Семён и Ульяна встали на рассвете. Поблагодарили тётю Машу за хлопоты. И уехали, пообещав навещать её.

...Через неделю Семён узнал, что его изба почти наполовину сгорела. Будто бы проводка подвела, хотя он менял её полгода назад.

Фёдор Рошин и тётя Маша рассказывали наперебой: благодаря обильному снегу, коим и закидали огонь. И, слава Богу, безветрие стояло.

Анатолий уговаривал мать, чтоб в ближайшее время переехала к нему, иначе... вон что творится... Почти про все пожары сообщают одинаково: будто проводка виновата. Семёнову избу наверняка с умыслом подожгли, чтоб и соседку припугнуть.

Мать отказалась переезжать к нему. И строго добавила:

– Чаще будешь приезжать и навещать меня. Может, ты кому-то дорогу перешёл? В милиции служить – не шутка.

Семён пообещал тёте, что избу восстановит. Возможно, каменную поставит.

Татьяна МЕЛЬНИК

РУССКИЕ ГАВРОШИ

Наверное, для профессионалов-орнитологов, видевших и наблюдавших не один десяток видов представителей пернатых, будет смешно, но моя самая любимая птица – воробей. Может захватить дух от величия и мощи орланов, можно часами любоваться красивыми и экзотическими экземплярами... Но только когда я смотрю на воробьев, у меня наворачиваются слезы. Если поверить легенде, что души умерших людей вселяются в птиц: воинов – в журавлей, влюбленных – в голубей... – то, на мой взгляд, воробьи – это души беспризорных детей. Самые беззащитные, никому не доверяющие (я никогда не видела и не слышала, чтобы воробьи, как, например, синицы, брали корм с рук), никому не нужные (уж этого добра-то у нас навалом! подумаешь – невидаль – воробей!), отчаянные от безысходности, чтобы выжить, бросающиеся за крошкой порой под самые ноги хищника или колеса машины и – гибнущие...

И у них у каждого – свой характер, но их характеры так похожи на детские: они умеют радоваться первому солнечному лучу даже в сильный мороз, ссорятся, дерутся, воруют, как беспризорные голодные дети, и все же вместе испуганной стайкой спасаются от врагов.

Фото автора

Да и их оперение неповторимо красиво: столько оттенков, такие тонкие переходы от более спокойного к более яркому и насыщенному! Если бы это был не коричневый цвет, а, допустим, синий или зеленый, все бы заметили это великолепие. А так... Но ведь, может быть, они просто, как дети, много пачкаются в пыли, вот оперение и запылилось?

Русские дерзкие гавроши нашего босоногого детства...

МЫСЛЬ! ДА БУДЕТ ЖЕ ОНА СВОБОДНА...

Ко дню рождения А.С. Пушкина

*Ольга Даранова выступает со словом о Пушкине.
Языково. 6.06.2021 года*

Задумывались ли вы над тем, какое чувство испытываете, когда всплывают в памяти незабвенные строки: «На холмах Грузии лежит ночная мгла / Шумит Арагва пред мною...» или вот эти: «Цыганы шумною толпой / По Бессарабии кочуют, / Они сегодня над рекой / В шатрах изодранных ночуют»? Или уж совсем знакомое: «Я помню чудное мгновение /, Передо мной явилась ты /, Как мимолётное виденье /, Как гений чистой красоты...»?

Смею надеяться, что это чувство полёта и гениальной завораживающей простоты слога, которая удивляет и восхищает.

Задумывались ли вы над тем, что хотя бы одну сказку Пушкина, хотя бы одно его четверостишие знает даже самый непросвещённый средний обыватель, не спутав его с Толстым, Тургеневым, Достоевским?

Современник Пушкина Филипп Вигель в своих воспоминаниях писал: «Сами завистники не смели отказать ему в таланте», а император Николай Первый после первой же беседы с Пушкиным назвал его «умнейшим человеком в России».

Почему Пушкин остаётся в нашем сознании как неоспоримая данность, как неоспоримая литературная высота и тот уровень мастерства, с которым мы сверяем свою культуру, свою образованность, своё понимание литературы, свою совесть, в конце концов?..

И слава Богу, что это есть, это так. Со дня гибели Пушкина прошло 184 года, со дня его рождения 222 года. А нам совсем не кажется архаичным его слог, несовременными его мысли, наша душа чутко отзывается на его поэзию и прозу.

«Наша память хранит с малолетства весёлое имя Пушкин», – сказал Блок в своей речи «О назначении поэта», произнесённой в Доме литераторов в 84-ю годовщину смерти поэта. Блок сделал попытку анализа поэта на фоне своей эпохи и отметил главное: «Пушкин – Поэт». А поэт – сын гармонии, и его миссия – внести гармонию во внешний мир – такова мысль Блока.

За свою короткую жизнь Пушкин успел это сделать. Хотя жизнь его отнюдь не всегда давала возможность эту гармонию сохранить.

Пушкиниана богата исследованиями о жизни и творчестве поэта. Мне хотелось бы выделить лишь некоторые моменты.

Влияние Карамзина

Пушкин был младшим современником Карамзина. Его тень витает в творениях поэта. Пушкин свято чтит Карамзина и стал не только продолжателем его дела реформирования русского языка, но и воспринял его взгляды на мироустройство, государственное управление. Идеалом государства, также как и у Карамзина, для Пушкина была просвещённая монархия. И в этом нет противоречия с его вольнолюбивыми мыслями, с его неистребимым желанием свободы, с его дружбой с декабристами. Пушкин верил в просвещённого правителя, способного держать и управлять «этой огромной махиной», как он говорил о России, он был против всякой тирании и насилия, за свободу духа и мысли, без насильственных действий. В конце жизни, предчувствуя свой конец, Пушкин пишет ряд мудрых философических стихотворений, в которых голос поэта звучит горько и устало, но провидчески мудро. Он пытается найти истинные цели пребывания Поэта в мире и видит их во внутренней свободе, в свободе духа, в творческой и человеческой независимости.

В частности, он пишет стихотворение «Из Пиндемонти», в котором говорит о том, что свобода и ценность человеческой жизни важнее любой мирской власти. Никакая власть, пусть даже самая либеральная и просвещённая, не властна над духовным миром человека:

*Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
<...>*

Вот счастье, вот права...

Так же как и Карамзин, Пушкин дорожил опытом исторического прошлого, искал в нем истоки

Белая птица.

Композиция, посвященная памяти Татьяны Эйхман

величия России, дорожил честью своего древнего рода, гордился собственными корнями и честью дворянина. Карамзин и Пушкин – это пример благородства души, чувства собственного достоинства, бескомпромиссности, служения Отечеству без склонённой выи, пример душевной щедрости и человеколюбия.

«Пушкин – наше всё» – так отозвался о поэте критик девятнадцатого века Аполлон Григорьев. Мы привыкли к этой фразе, а ведь в ней многое, и она вовсе не однозначна. Более того, мне очень понятны и близки слова современного русского писателя Алексея Варламова, так истолковывающего эти строки: «Пушкиным надо уколоться в младенчестве, услышать это чудное «Здравствуй, князь, ты мой прекрасный! Что ты тих, как день ненастный?» или «Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась»... *И навсегда пропасть*». Однажды на вопрос журналиста, почему так труднопереводим Пушкин и на Западе более известны Толстой, Достоевский и Чехов, почему очарование пушкинских строк теряется при переводе, Алексей Николаевич очень верно заметил: «В его строчках, и поэтических, и прозаических, и драматургических, есть что-то испаряющееся при переводе. Для меня это тайна, и она мне очень нравится. Она делает нас особенными, превращает тех, кому дороги русская литература и культура, кого объединяет русская мысль, в таинственное братство. Для того чтобы понять Пушкина, надо осознать все связанное с Россией... И поэтому, когда мы повторяем фразу Аполлона Григорьева «Пушкин – это наше всё», надо делать ударение на оба слова: именно НАШЕ и именно – ВСЁ».

Пушкин – Симбирск – Языков

В 1833 году, проездом в Оренбургскую губернию, Пушкин посетил Симбирск, побывал в имении братьев Языковых, в их городском доме, встретился с губернатором Загряжским. Дух поэта, его настроения, его бытие, его мысли слились с миром

Симбирска и по сей день витают над крутым Венцом, Волгой, в усадьбе Языковых, в вековом шелесте дубов и сосен, в звенящей тишине над языковскими прудами... Это Бог поцеловал нас, что подарил нам Пушкина и дал возможность почувствовать его нашим, быть причастным к его миру, поэзии, мыслям...

Симбирская-Ульяновская словесность опирается на классические традиции, питается духом и словом наших великих земляков-литераторов. Отзвуки пушкинской лиры слышатся в поэзии Николая Благова, Светланы Матлиной, Елены Кувшинниковой, Татьяны Эйхман, Александра Лайкова, Николая Марянина.

Исторический архипелаг Симбирской земли и поэтический венок Пушкину своим творчеством создал поэт и прозаик Николай Полотнянко, вписав имя Пушкина в летопись нашей истории и обозначив это имя как высшую степень совершенства, как честь и славу России, к которой мы, симбиряне-ульяновцы, имеем счастье быть причастными.

6 июня 2021 года ульяновские писатели приняли участие в Пушкинском празднике в Языково. С приветственным словом с главной сцены Языковского парка выступила и. о. министра искусства и культурной политики Ульяновской области Е.Е. Сидорова. Со словом о Пушкине выступила председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова. Выступили ульяновцы Валерий Ерёмин, Виктор Малахов, Мария Богдан. Поэтические строки прозвучали и от местных авторов. Состоялась церемония награждения юных талантливых детей, принявших участие в конкурсе «Друзья по вдохновению». Гости и организаторы праздника высказали много добрых слов в адрес Татьяны Александровны Эйхман, прекрасного человека, врача, поэта, бессменного организатора этого праздника и конкурса «Друзья по вдохновению». Как всегда, Карсунская земля была щедрой на гостеприимство, солнечной, хранящей традиции своего прославленного земляка и великого русского поэта Александра Пушкина.

Светило солнце, дул лёгкий ветерок, в прудах Языковского парка отражалось небо, верным стражем дружбы двух поэтов оставалась ель... Смеялись, пели, танцевали, читали стихи люди двадцать первого века... Но незримо Пушкин был здесь, на этих берегах, среди этой буйной зелени, в дружеском кругу «прекрасного союза»...

...Вспомнилось, как очаровательная Анна Петровна Керн в своих воспоминаниях отметила необыкновенный голос Пушкина: «Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган».

В литературной программе праздника приняли участие Виктор Малахов, Людмила Абрамушкина, Валерий Еремин, Илья Таранов.

Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический и, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»: *«И голос, шуму вод подобный»*.

Жизнь продолжается... И пусть останется вечной загадка пленительности и современности строк Пушкина... Потому что разгадать её, постигнуть тайну пушкинского мастерства – значит пленить дух свободы, полёта, живой дух культуры, за которую всегда ратовал сам поэт.

Пусть всегда мы будем осенены тайным светом пушкинского «моцартианства» и великой и непостижимой простотой пушкинского слога – простотой великодушия и глубины мысли.

Ольга ДАРАНОВА

Данила НОЗДРЯКОВ

ЦЕНТР ПОЭТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

На гостеприимной Языковской земле 6 июня вот уже в 53-й раз прошел традиционный Пушкинский день. Праздник был приурочен к 222-й годовщине со дня рождения солнца русской поэзии. Хотя дата не круглая, но нумерологически выглядит очень красиво.

Еще задолго до официального начала торжества в Языковский парк, по аллеям которого когда-то гулял Александр Пушкин, приехавший к своему другу – поэту Николаю Языкову, начали стекаться люди. Сельчане и гости Пушкинского дня соскучились по празднику – в прошлом году широкие торжества не проводились из-за пандемии коронавируса. В парке их уже ждали. Работники карсунских домов культуры и библиотек показывали костюмированные представления по мотивам пушкинских произведений – от «Цыган» до «Сказки о царе Салтане», а художники и мастера демонстрировали произведения своего творчества. А на сцене выступления официальных лиц перемежались с номерами артистов областной филармонии, радующих слух собравшихся исполнением старинных русских романсов.

Чести произнести слово о Пушкине в этом году удостоилась председатель правления регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова.

– Для нас Пушкин – это центр поэтической жизни. Именно он объединяет поэзию русскую и поэзию Симбирской-Ульяновской земли. И это бог поцеловал нас, когда Пушкин посетил наш край. И наша земля, наверное, по-прежнему сияет пушкинской добротой, пушкинским теплом, – сказала Ольга Николаевна.

Первый раз Пушкинский праздник проходит без Татьяны Эйхман, покинувшей брэнную землю в

прошлом году. Талантливый поэт, писатель, журналист, художник и врач, она была душой фестиваля. О Татьяне Александровне часто вспоминали и на сцене праздника, и в народе, среди посетителей. Татьяна Эйхман посвящен молодежный литературный конкурс «Друзья по вдохновению», инициатором и бессменным организатором которого она была. В Пушкинский день подвели итоги проходящего вот уже в пятнадцатый раз состязания юных поэтов. В нем приняли участие больше 80 человек, не только из Ульяновской области, но и из Санкт-Петербурга, Выборга, Алатыря, Тюмени, Ханты-Мансийска и даже далекого Сеула, столицы Южной Кореи.

Обладателем Гран-при конкурса за многократное участие в нем стал ученик Большепоселковой школы (Карсунский район) Олесь Туманов. Юный поэт прочитал вдохновенные строки, посвященные памяти Татьяны Эйхман:

Ты любила летние рассветы

И носила белые одежды,

Ты была врачом, была поэтом

И несла нам в души свет, надежду.

Но жизнь продолжается. Продолжается, как в великих строчках гениального именинника:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит.

Эти строки во время праздника вспомнила и продекламировала и. о. министра искусства и культурной политики Евгения Сидорова. Евгения

Евгеньевна рассказала, как будет дальше хорошеть Языковская земля:

– Волонтерами культуры на территории парка разбит фруктовый сад у Пушкинской ели, посажены саженцы вишни, сливы, яблони и крыжовника. В этом году обновится Языковская библиотека и станет центром притяжения для всех талантливых людей. А к юбилейному Пушкинскому году, 2024-му, мы обязательно будем заявлять на федеральном уровне необходимость восстановления Языковской усадьбы в парке.

Гости праздника могли увидеть, как уже благоустраивается Языковский парк. Асфальтируются дорожки, расчищаются родники и пруды, строятся мосты над водой и реставрируется ограждение. Работа, как говорится, кипит. Задача максимум, стоящая перед языковцами, – превратить поселок в настоящее место паломничества: создать творческие мастерские и проводить конференции, на которые будут съезжаться поэты, художники и писатели со всех концов необъятной страны.

А это значит, что Пушкинский праздник в Языково, переваливший за полувековой юбилей, продолжает жить и обретать новых друзей и почитателей.

СОЛО

*Валерий КУЗНЕЦОВ, член Союза писателей России,
доктор исторических наук.*

КАК СТРАННО, СТРАННО ЭТО ВСЁ...

Из книги «Сатурн»

ЛОТОСЫ

– Смотри, среди кувшинок не утони.
– Это лотосы. – Ну, тогда не утонешь.
Длинные стебли. Короткие дни.
И ты – когда-то человеческий детёныш.

Похоже, что там, за спиною она,
Оно или он. Назовём это прошлым.
Это сейчас пред тобой глубина.
Это сейчас ты выглядишь взрослым.

Но в мире лотосов всё не так,
И даже в мире кувшинок тоже.
Негоже верить во всякий пустяк,
Но и не верить тоже негоже.

И тянутся, тянутся стебли ввысь,
А где-то ты, но твоё ль это дело?
Ответь-ка лучше, что значит «жизнь»,
Ответь и падай в лотосы смело.

* * *

Прочитана и эта книга,
И все, что я хотел прочесть...
Что это было? В чём интрига?
Зачем я здесь? И где я здесь?

Молчу и недоумеваю:
Вот всё прошло, и что с того?
Я, словно подошедши к краю,
За ним не вижу ничего.

Но это ничего не значит:
Возможно, я всего лишь слеп,
А может, всё совсем иначе:
Я зряч, но этот мир нелеп,

И нет там ничего, что надо,
Что стоило бы мне понять...
Любитель книг и шоколада,
Ну как тебя еще назвать?

25 ИЮНЯ – 1 ИЮЛЯ 2020

Генетически обречены...
Медный лоб, в голове мякина...
О, пространства огромной страны!
О, как смотрится дурость невинно!

Даже камня с «Налево пойдёшь...»
Не найдёшь на просторах этих.
Путь один, его имя ложь,
Во-первых, во-вторых, и в-третьих.

Эх, закрою глаза и спою,
Эх, спляшу, как бывало когда-то,
Чтоб забыть безнадёгу мою,
Чтоб не видеть мне вас, ребята.

* * *

А если вот не так, то как?
Не это, то какое слово?
Не я, то кто? Скажи: «пустяк».
Скажи, дурак пустоголовый.

Потом-то выяснится, что...
«Потом» иначе значит «поздно»,
Но пальцем локон завитой
Подобен завитушке звёздной.

Творец миров? Галактик тех,
Что также в небесах спиральны?
Есть взгляд, молчание. Есть смех.
Цикл мирозданий обручальный.

Они так близко, вот сейчас,
Где всё вот так, а не иначе.
Пусть слёзы не текут из глаз,
Но это ничего не значит.

И горько убеждать: «Не струсь»
И верить в то, что пошлилось.
Сказать ты сможешь: «Ну и пусть»?
А я вот – нет, скажи на милость.

ДОЖДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Здесь низкие тучи
Цепляют дома,
Приказ им: измучить,
Свести нас с ума.
Наш вопль беззвучен,
Хоть рот и открыт,
Один полнозвучен
Борей здесь звучит.
От тоже не вечен,
Но что из того?
Весь город иссечен
Безумьем его.
О, тучи, о, тучи!
О, серость одна!
Мир нитью стал ссучен
Без веретена.
Кто срок здесь поставил,
И трон и закон?
Дано нам средь правил -
Идти на поклон.
Но глухи и слепы
Владыки небес,
Зато как свирепы
Их слуги окрест.
И льётся, и льётся
Всё с неба вода,
И поймано солнце
Уже в невода.
Укрыться, забыться...
И дни напролёт
По бывшей столице
Дождь плетью сечёт.

* * *

Лету сказок не надо,
Их расскажет и сам:
«Помню, бог винограда
Шёл по нашим лесам.

Его посох с резьбою
Изменял всё кругом,
Весь зелёной листвою
Покрывался наш дом.

Ну а рядом – менады.
Пусть несвязны слова,
Понимать и не надо,
Коль в огне голова.

Сколько песен и танцев,
Сколько смеха вокруг
Вечно юных посланцев
Той страны, где нет мук!

И всё звали с собою,
Не дождавшись ушли...».
Вот поэтому болью
Веет с нашей земли?

Лето, лето! Мне больно,
Даже боли пусть нет!
Вечный штырь треугольный
Надо мною воздет.

Я ушёл бы с тобою,
Но, увы, не могу,
Чтоб исчезнуть средь зноя
На зелёном лугу.

КАШЬЯПА

Словно древний мудрец Кашьяпа,
И я говорю: «Не надо».
Ничего не надо. Расплата
Неизбежна. Вот её лапа.
Она тяжела, и там когти,
Сломает хребет, изрежет,
Опозорит, измажет в дёгте,
Помнишь в Библии «зубовный скрежет?»
Ни дождя, ни солнца не надо,
Ни активности, ни покоя.
И не зноя, и не прохлады,
Даже и начинать не стоит.
И на все предложения ваши,
И на все желанья, надежды
Я отвечу «не надо», даже
Я заткну свои уши прежде.

* * *

Ещё вчера я плавал в море,
Был глупой рыбою морской,
Не зная радости и горя,
Не болен гневом и тоской.

Ужели это не нирвана,
Ужель не Буддою был я,
В тех древних водах океана
Вот так бессмысленно живя?

Что ж, Дарвин, объясни, коль можешь,
Так отчего и почему
На путь отчаянья и дрожи
Тогда пришлось ступить ему?

Стонать он будет и метаться,
Но изгнанный из рая, он,
Как ни пришлось ему б стараться,
Туда не будет возвращён.

И всё же будет он стремиться,
Чтобы безмыслия стеной
От жизни смог отгородиться
Он хоть минутою одной.

От этих мелочных стремлений,
От всех обманчивых надежд
И от подъёмов, от падений,
От окружения невежд.

Сесть в позе лотоса, иль даже
Хотя бы просто, как-нибудь,
Чтоб, как и раньше, без поклажи
Отправиться в обратный путь.

* * *

Нет никого. Одни на свете,
И травы выше головы.
Спасатель, сидя на комете,
Не разглядел нас вновь, увы.

Теперь его нам ждать так долго,
Когда свой эллипс он замкнёт,
И, может быть, опять без толка:
Он слеповат, спасатель тот.

Плоды ходили, собирали,
Траву косили, уголь жгли,
Всё было. В коже и в металле
Прошли победно полземли

И ставили победы знаки,
Но надоело всё давно:
И где Меркурий в зодиаке,
И как сказать, чтобы смешно.

Должно быть, сбить его придётся,
Прицелиться, и всё – он здесь,
Чтоб голым подгорев на солнце,
Свою он поубавил спесь.

Да, помечтать всегда приятно,
А чтобы ночь не шла на нас,
Планету медленно обратно
Мы развернём, как в прошлый раз.

БЛЕСНА

1
В состоянии приближения сна
Замаячила мне блесна,
И её бы мне заглотнуть,
К той блесне свой направить путь.

Рыба хочет пойманной быть,
В никуда она хочет плыть,
Но крючок никак не схватить,
И как жил, так и дальше жить.

А крючок открывает вход,
Где есть мир, но совсем не тот,
Что меня окружает здесь.
...Остается лишь верить – он есть.

2

* * *

Казалось бы, ещё одно усилие,
Но нет, опять, опять самообман,
Опять оно, постылое бескрылие,
Когда на слом я словно кем-то сдан.

И вроде бы рукой подать – и вот оно,
Но, как Ахилл за черепахой, я
Всё не поспею. Спутано и смотано,
Под шифр спрятано до судного до дня.

* * *

– Корней Иванович, как вы?
– Да вот, сказать смешно:
Я стал поэт для детворы,
Да, впрочем, всё равно.

Пусть «Мойдодыр» и «Айболит» ...
 А вы-то, вы-то как?
 Ведь вы...
 – Был пулею пробит,
 Но это всё пустяк.

Какая разница, как мы
 Все оказались здесь?
 Там, средь никчемной кутерьмы,
 Остались лезть и спесь.

И здесь уже не важно, что
 Я был поэтом там.
 Важнее честь, а что потом –
 За всё воздалось нам.

* * *

Ну, хорошо, ты это узнал,
 Понял, а что же дальше?
 Кому расскажешь?
 ...Как дымный опал,
 Или аккорд без фальши.

Вот так вот всё унесёшь с собой,
 А ведь узнал же, право.
 ...Как небосвод навсегда голубой,
 Как мягкие майские травы.

* * *

С маленькой колокольни видно не далеко,
 Ну а кажется, что далеко видно:
 Рядить не сложно, судить легко
 И никогда не бывает стыдно.

Со средней колокольни видно подальше уже,
 Начинаешь задумываться, задавать вопросы,
 Порою мутно становится на душе
 Порою текут невидные слёзы.

С большой колокольни, да что тут и говорить:
 Всё сложно настолько, что ничего не понятно,
 Изрекать приговоры, миловать или судить,
 Да хотя бы куда идти: туда иль обратно?

* * *

*Раскрылась бездна, звезд полна...
 (М.В. Ломоносов)*

Там холодно и там темно,
 А здесь светло и даже жарко.
 Стена в три кирпича, окно,
 Горячий чай и водки чарка.

Уютный маленький мирок,
 И во вселенской жуткой стуже
 Как оберег он нас берёт,
 Спасая и тела и души.

Как сложно противостоять
 Тому, что вечно и бескрайне.
 Как охранить, как удержать,
 Как сохранить, оставить в тайне?

Как странно, странно это всё!
 Средь бесконечности – вот это,
 И странно то, что мы живём,
 Источники тепла и света.

Порою ночью бросишь взгляд
 Туда, наверх, вперёд, где бездна,
 И хочется бежать назад,
 Хотя и знаешь: бесполезно.

* * *

Станет стыдно, и этот стыд
 Будет тогда мой ад.
 Будет сердце рыдать навзрыд,
 Будет больней стократ.

Будет мир как пустой мешок,
 Будет суха земля,
 Будет один болевой мой шок,
 Он-то и будет «я».

Вот и начнётся, теперь держись,
 И сквозь эту спираль
 Сумей спросить, что такое «жизнь».
 От боли не можешь? Жаль.

* * *

Он правит миром неудач –
 Король падений и ошибок,
 Неразрешаемых задач
 И планов, чей фундамент зыбок.

Легко он солнце бы затмил,
 Поскольку сам он солнце тоже,
 Но всё-таки из двух светил
 Не он на яркий шар похожий.

А что? А как-то всё не так:
 То поскользнётся, то запнётся,
 И вроде бы совсем пустяк,
 Но вот в Версале гаснет солнце.

* * *

О многом мечталось. Мало сбылось.
 Но была надежда на всё на это.
 Она и грела. Пронзала насквозь
 Лучами тепла и света.

Так что же было? Реальность-то в чём?
 Наверное, мир, где я жил все годы,
 Не тот, в котором мы как бы живём,
 А тот, где надежда возвела свои своды.

Когда всё осталось в сознании лишь,
 То разницы нет – где всё это было.
 Да, это я летал выше крыш,
 Да, это меня мое счастье любило.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Николай ПОЛОТНЯНКО, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова.

СКАЗАНИЯ ЗЕМЛИ СИМБИРСКОЙ

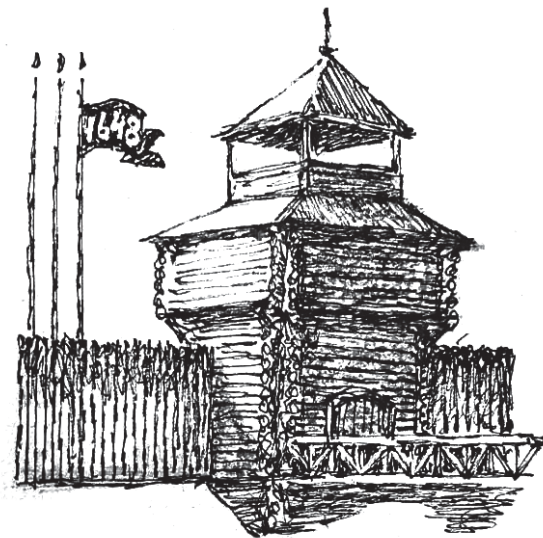
Я ПАМЯТНИК ВОЗДВИГ...

Пока все хвалят иль клянут свободу
И правят мненьями расчёт и суета,
Я памятник воздвиг великому народу
И городу Симбирску навсегда.

Край был основан не мечом, но плугом.
Всё было здесь: и крепость барских пут,
И Разинский, и Пугачёвский бунт,
Подобные слепым кровавым вьюгам.

Он мнил себя как город-дворянин,
Пока пожар не стал ему итогом.
И родился на пепелище сын,
Что на столетье стал мужицким богом.

Под прошлым всё ещё сочтется кровь,
Я памятник над ней воздвигнул граду.
И Богом данную к Отечеству любовь
Считаю для себя как высшую награду.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писателя Николая Полотнянко не надо представлять читателю. Поэт, прозаик, драматург, публицист, автор многих талантливых книг, он хорошо известен читающей публике Ульяновска и не только.

При всей многогранности его творчества можно выделить тему, которой он остаётся верным уже многие годы: это история Симбирского-Ульяновского края. На этом поприще ему удалось создать беспрецедентную для Ульяновска литературную летопись малой родины, посвятив этому целую серию своих произведений, как прозаических, так и поэтических и драматических.

Последнее на сегодняшний день направление литературной деятельности Н.А. Полотнянко – создание сборника поэтических сказов из истории нашего края. Задача благодарная и нужная. Предлагаемое вниманию читателя издание продолжает предыдущую прозаическую книгу автора «Симбирские сказания», вышедшую в 2019 г. и заслужившую признание любителей литературы и всех интересующихся историей Симбирска-Ульяновска.

Непростая это была история. Много случилось за прошедшие века. Переживал наш город чуму и страшный пожар, осаду войском Разина и войну между красными и белыми в начале XX века. Становился районным центром – многое было в его истории.

Много было в Симбирске лихого:
То чума обезлюдит, то бунт
Стеньки Разина иль Пугачёва
Вспыхнет – вырвать народы из пут.

История Симбирска-Ульяновска неразрывно связана с именами Богдана Хитрово, Степана Разина, Емельяна Пугачёва, Николая Карамзина, Александра Пушкина, Ивана Гончарова, Андрея Блаженного, Ильи Николаевича и Владимира Ульяновых. Это такие непохожие, но вместе с тем слабые имена нашей истории, чья жизнь и судьба отразились на страницах книги Николая Полотнянко.

Разные стихии кружили над Симбирском, но, наверное, главным было исконное бунтарство, тот бунташный дух, без которого просто нет ни российской, ни симбирской истории. Николай Полотнянко отдаёт должное их грозным теням, их именам, которые и анафемствовали, и предавали забвению. Не получилось:

Но нельзя развенчать
Казака Пугачёва,
Коль его до царя
Возвеличил народ.

И звенят
От пощёчины барской оковы.
И стучат топоры,
Громоздят эшафот.

Размахнулся палач...
И упала на плаху
Голова.
И народ ужаснулся над ней.
Из груди Емельяновой алая птаха
Взмыла вверх –
Выше древних московских церквей!

Не просто, совсем не просто шла российская история.

В книге, как и в истории, действуют цари, бояре, воеводы – вельможи своих эпох. Перед читателем встают Святослав Игоревич, Иван Грозный, Богдан Хитрово, Пётр Великий, которым писатель отдаёт должное:

Великий Пётр был остёр
Не только на бумаге.
Он крепко в руки брал топор
На верфи и на плахе.

Но не забывает Николай Полотнянко, вспоминает и простых русских людей: пахарей, мастеровых, солдат...

Владимирка!
Песни, былины
Про вечно гонимый народ.
Ухабы избиты, как спины
Безвестно ушедших вперёд.
Брели они с бритыми лбами,
С печальной надеждой в груди.
Века пронесли за веками,
А горе, как прежде, в пути!

Если взять чисто историческую сторону, то книга откликается на все значительные события русской истории, так или иначе связанные с Симбирском-Ульяновском: от нападения ордынцев на Волжскую Булгарию до распада СССР. В этом смысле она хорошее пособие и напоминание по истории России и Симбирска-Ульяновска.

«Сказания земли Симбирской» – значимый вклад Николая Полотнянко в дело популяризации истории родного края талантливым поэтическим словом.

Валерий КУЗНЕЦОВ,
доктор исторических наук

ЗАЧИН

Пусть прошлое туманно и неблизко,
Печаль о нём торжественно светла.
На площадях и улицах Симбирска –
Прислушайся! – звонят колокола.

Прислушайся! Восходит звон из глуби.
Что ни удар, то отзовется год.
И от волненья пересохнут губы.
И память горькой скорбью обожжёт.

Мы часто на решенья были скоры,
Беспамятны... Но ты нас не кори,
Былой Симбирск. Звонят твои соборы,
И тенями встают монастыри.

И кладбища, что скрыты под бетоном
Дорог и зданий, явственно видны.
Симбирск! К твоим истокам и иконам,
Настанет час, и припадут сыны.

СЛОВО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Испокон веков повелось на святой Руси, что в начале любого дела, даже самого малого, всегда было Слово, тем более когда оно решало, быть или не быть на Волге ещё одному граду-крепости, и произнести его мог во всём Московском государстве лишь его державный владыка – великий государь и царь Алексей Михайлович. Для этого по зимнему пути 1648 года из только что возведённого на засечной линии острога Корсун был вызван в Москву полковой воевода Богдан Хитрово, который не мешкая отправился в путь,

чтобы предстать перед могущественным самодержцем.

Полковому воеводе Хитрово кремлёвские порядки были хорошо ведомы по прежним временам его службы при самом великом государе. И стольник «на крюке» в государевой комнате не стал томить своего предшественника по должности ожиданием в сенях и зычно, перекрывая шепотки, возгласил:

– Полковой воевода Богдан Матвеевич Хитрово! Тебя призывает великий государь!

Глава 1

СКАЗ ПРО БОГДАНА ХИТРОВО

-1-

Лампада жёлто тлела под иконой.
Петушьим гребнем алая заря
Над Волгой воссияла.
Ржали кони.
Вилась позёмка, искрами горя.

Перекрестившись истоиво три раза,
Он из ковша плеснул в лицо воды.
День впереди – бдеть царские наказы,
Доносы разбирать, вершить суды...

Зевнул, по-волчьи клацнув челюстями.
Испил вина из кубка своего.
Почти всю ночь провёл в острожной яме
Без сна Богдан Матвейч Хитрово.

Вокруг народец на разбои пряткий.
Глаза сомкнёшь – и вот она, беда.
Вчера ногаец показал на пытке,
Что из Заволжья движется орда.

Он приказал не медлить и сегодня
Разведку выслать, ибо враг не ждёт.
В окошко глянул: наготове сотня
Казачков гарцевала у ворот.

Он знал, что не вернётся каждый пятый
Из посланных...

Коварен старый хан!
И в горницу угрюмо звероватый
Вошёл на зов походный атаман.
Окольничий сурово молвил:
– С Богом!
На всё три дня. Засады берегись!..
Ворота заскрипели. Из острога
Станица с гиком перешла на рысь.

За нею взвился белый хвост метели.
Вставало солнце, разгоняя мрак.
И к воеводе, как сквозняк сквозь щели,
Проник подъячий с кипкою бумага.

Бочонок – статью, мордочкой – лисица,
А вьёт слова, как будто чародей.
Окольничий скривился на мздоимца.
В кнуты б его, да жалко – грамотей.

Такого не найти во всей округе.
Всё ведаёт в делах, собачья сыть.
Вон – целый ворох притащил докуки,
На всё ответить надо, рассудить...

-2-

На крыше съезжей снег шуршал половиной.
Склонился люд... Богдану Хитрово
Царь повелел вершить в уделе новом
Суд праведный от имени его.

И в этот день пред ним прошли чредою:
Должник – на правее ему стоять,
Крестьянин беглый – выдать с головою,
Базарный тать – на год в оковы взять.

По всей Руси ещё гноила Смута,
От Пскова до окраинной земли.
Пришёл указ, чтобы повинных в бунте
Поймать, дабы на Дон не утекли.

И зорко бдеть за понизовой степью,
За каждой шайкой, каждым бунтарём.
Поволжье тлело, словно уголь под пеплом,
Чтоб распалиться разинским огнём.

Вокруг конца не видно лихолетью,
Как будто бесы кружат над страной...
Из думы отписали: лютой смертью
Казнить воров, что взяты за разбой.

Всё сделать, как в Москве приговорили,
Подъячему велел.
Свершился суд.
Чтоб прорубь на Свяиге прорубили,
А кат покрепче просолил свой кнут.

-3-

Снежинки комарьём в лицо метнулись.
Пахнуло свежим деревом с крыльца.
Под шубою тяжёлою сутулясь,
Смотрел на Волгу Хитрово с Венца.

Скулил у ног бродячий пёс острожный.
И воевода пнул его под дых:
Казачья сотня сгнула в Заволжье.
Четвёртый день, как нет вестей от них!

И где они?.. Увязли в снежных топях?
А может быть, не дале как вчера
Их стриженные головы на копьях
Подъяты возле ханского шатра?

И завтра огласится диким гулом
Окрестность от нахлынувшей орды.
Он приказал удвоить караулы
И за острогом выставить посты.

Стрельцам – готовить сабли и пищали.
Вокруг – сторожевые жечь костры.
Послал гонца в Корсун, чтоб не зевали,
Оставили похмелья и пиры.

Строптивцам посулил свою немилость,
Чтоб в строй встал каждый ратный человек.
И весь рубеж, засекою щетинясь,
Был наготове отразить набег.

В Москву б сейчас... Но далеко столица.
На помощь от неё надежды нет.
На нём сейчас поволжская граница,
И он один за всё несёт ответ.

Позор и слава – всё в руке у Бога,
Но воевода не порушит честь.
Гонец стучится во врата острога,
И он готов услышать злую весть.

Глава 2

СКАЗ ПРО ТО, КАК СИНБИРСКИЕ КАЗАКИ ВОЕВАЛИ СО СТЕПЬЮ

Казачья станица, широким загоном раскинувшись по степи, гулко копытила поросшую молодой травой твёрдую землю. На берегу Майны казаки застали дымящиеся головёшки господской усадьбы, крестьянских избёнок, несколько изрубленных тел. Из живых нашёлся один мальчонка, который забился в заросли полыни и конопли и видел, как всё было. Ногайцы подкрались незаметно под утро, выпустили десяток зажжённых стрел, завизжали, замахали саблями и пиками и ринулись на господский двор. Хозяин, русский дворянин, переселенец из Литвы, отстреливался из пищаля, затем выскочил на крыльцо с двумя пистолетами, застрелил двух ногайцев и тут же был насквозь пронзён пикой. Подбежали трое мужиков с копьями, но их расстреляли из луков. Налётчики вытолкали из дома жену шляхтича с дочерью, связали их, затем сложили, что было ценного в доме, в узлы, набили мешки металлической посудой, кувшинами, тазами, хотели взять зеркало, но разбили. Согнали в один табун лошадей, коров, овец и погнали в степь.

Следует сказать, что набеги на русские окраинные поселения к середине XVII века стали редки. Чаще калмыки, башкиры и ногайцы воевали между собой, но, случалось, появлялся среди них отчаянный храбрец, который не слушал старших своего рода, когда ему говорили о силе огненного боя русских воинов, их неустрашимости и стойкости в бою, и он начинал с шайкой молодцов опустошать русские окраины.

Но это были последние еле заметные всплески бури Великой Степи, которую породил Чингисхан, и она, испепелив Русь, докатилась до европейских столиц...

СКАЗ ПРО ЧИНГИСХАНА

Когда Чингис хребты сломал врагам
И увидел, как вырванное сердце
Последнего изменника лягушкой
Трепещет на ладони палача,
Он молча скрылся в златотканой юрте.

Три дня его не видели нойоны.
Три ночи он не призывал наложниц.
На троне императоров Китая
Он восседал, внимая вою ветра

И топоту горячих табунов.
Орда вокруг,
Как будто Змий огромный,
Свилась в кольцо.
Он был его главою,
А хвост терялся за полярным кругом.

Визжали жеребцы, ослы стонали,
Скрипели арбы. Мудрые верблюды,
Брюзгливо оттопыривая губы,
Глядели на костры.
Людское стадо,
Пропахшее курдючным ржавым салом,
Взглянуть не смело на бунчук владыки.

Он был один.
Взъярённые драконы
Смотрели с подлокотников во тьму.
И он глядел на пламя, камнелицей,
Как смерть, непроницаемый владыка,
В год Барса ставший всемонгольским ханом,
Как посуху, ступавший по крови.

Он руку протянул. Китаец – раб –
Подал ему с противоядьем чашу.
– Паршивый раб, скажи мне – я отравлен?
Ты жить оставлен мною для того,
Чтоб правду говорить! Другие лгут.
А молчуны опасней каракурта,
Ужалят и скрываются в ночи!

– О яшмовый владыка! Повелитель! –
Ответствовал Чингису старый раб.
– Нет на земле такого человека,
Кто бы замыслил подлое злодейство:
Последний был убит у ног твоих.
Ты не отравлен, ты страшнее болен...
Три дня назад почувствовал ты муку
В груди своей. Тебя сжигает жажда
Величия, бессмертия и славы.

Раб замолчал, распластанный пред троном.
Во тьме гортанно прокричала стража.
Скулили псы. Гудела юрта бубном.
В глазах владыки заметались тигры,
Он зубы сжал и молвил: «Говори!»

– Величие земных владык в победах.
Когда орда – твои клыки и когти –
Послушная тебе, как травы ветру,
Разрушит десять тысяч городов
И десять миллионов мёртвых тел
Покроют мир от моря и до моря,
Тобою покорённые народы
И твой обоз – вороны и шакалы –
Тебя восславят плачем и проклятьем,
Провоют и прокаркают хвалу,
Тогда ты будешь истинно бессмертен,
И неприступен для своих потомков.
Одно запомни: – десять миллионов!
Ведь кто погубит даже двести тысяч
Неотличим от подлого убийцы.
Детей им не пугают в колыбелях
И не слагают гимнов и молитв.
Из погребений кости вырывают,

Швыряют их по ветру. Грязный пёс,
В отбросах роясь, брезгает их смрадом.

Раб замолчал. На ставку шла гроза,
Столь редкая в степи, и было душно.
Воителя саврасый жеребец
На привязи забился.
– Подлый раб, –
Подумал хан, –
Ты должен быть правдивым,
А ты читаешь мысли...

Через день
Орда, поднявшись, двинулась на Запад
Всем скопищем кибиток, стад овечьих,
Храпящих табунов и гор верблюжьих.
В тот день в Багдаде рухнул минарет,
А в Киеве колокола вдруг зазвонили сами.
На брошенной стоянке, точно язвы,
Кострища тлели. И хромой шакал,
Отставший навсегда от жадной стаи,
Выл возле трупа старого раба.

СКАЗ ПРО ГИБЕЛЬ БУЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

-1-

Был Булгар Великий – многолюдьем
обильный и славный,
Защищённый от недругов
крепкой дубовой стеной.
Много белых, как снег,
украшали столицу мечетей.
Далеко было видно вокруг
серебро полумесяцев их.

Пять веков город был знаменит
мастерами ремёсел,
Что готовили замшу, сафьян,
выплавляли металл.
Славой Булгара были шеломы, мечи и кольчуги,
Но особо – воловьи, упругие,
как барабаны, щиты.

Полноводный Итиль
бороздили купцов караваны
Из персидских, и свейских, и русских земель.
Открывала радушно пред ними ворота столица,
И на торжищах бурных копила богатства свои.

Был Булгар Великий
владетелем нив плодородных,
Тучных стад крепкошеих быков
и несметных отар.
Табуны аргамаков копытили дикие степи.
И кипел в бурдюках,
вызревая к байраму, кумыс.

Были девы нежны и чисты,
словно майские луны.
Благонравные жёны хранили огонь в очагах.
А мужья были мощные вои. Мечи в их десницах
Беспощадно разили надменно
кичливых врагов.

И народы, что жили вокруг – черемисы,
мордва и чувашаи,
Приносили им дань: хлеб и мёд,
серебристых бобров и куниц.
Булгар всех государь был отцом и владыкой
для смертных.
И послы дальних стран пиروвали
за ханским столом.

-2-

Был Булгар Великий, стоять бы ему
до скончания века.
Но в каспийских степях
зародился неистовый смерч.
Сотни тысяч копыт враз ударили
в гулкую землю
И орда саранчой накатила
на булгарский край.

Это были монголы, свирепые волки пустыни,
Кровь привыкшие пить
из артерий своих жеребцов.
Головнёю горячей они по земле протекали,
И за ними три года на ней не росло ничего.

Медью прочной окованы были ворота столицы.
Но ударом тарана повержены были они.
И резня началась.
И по плитам текла изразцовым
Кровь невинных детей,
юных дев и седых стариков.

Трое суток монголы терзали и грабили город.
И, насытившись кровью и золотом, его подожгли.
Был Булгар Великий, от него не осталось и плача
Летописца – поэта,
лишь россыпи ржавых монет.

Глава 3

СКАЗ ПРО ПРИХОД БОГДАНА ХИТРОВО НА СИНБИРСКУЮ ГОРУ

– А вот и венец, – сказал Хитрово. – Самый край
берегового обрыва.

Где-то недалеко гроыхнул гром. Они привя-
зали коней к дереву и подошли к краю горы.

С почти отвесной высоты венца перед ними
необъятно распахнулся вид на Волгу и её пой-
му. Река петляла между островов, широко и стре-
мительно шла по коренному руслу и заводями,

заливами и протоками охватывала громадное, не уместяющееся в человеческий взгляд пространство земли и воды.

Туча не донесла свою тяжесть до высокого правого берега, опрокинулась посредине реки частым дождём, и налетевший неведомо откуда ветер быстро разметал дождевые струи над белолобыми волнами. Заходила Волга, заволновалась, бросилась на свои берега, взбаламучивая песок и глину.

– Здесь место для крепости самое подходящее, – сказал градоделец Першин. – Давно я города ставлю, но такого удобства не видывал. Заволжское Дикое поле всё как на ладони, просматривается, лес мы сведём на крепость и откроем простор взгляду во все стороны света.

Богдан Матвеевич, стоя на высоком волжском откосе, почувствовал, как в него вливается щемящее душу желание взмыть над Волгой в вольном полёте.

«Как здесь просторно! – думал он. – Для того Господь и создал такие места, чтобы человек почувствовал своё горнее будущее...»

СКАЗ ПРО ЗАСЕЧНУЮ ЧЕРТУ

Дабы край оберечь
от набегов башкир и ногайцев
И унять навсегда их
по-волчьи разбойную прыть,
Государь повелел Хитрово
от Карсуна к Синбирску
Ров копать, сыпать вал и засеки
немедля рубить.

Сберегать было что – по Суре от Курмышы
к Свяжску
Непрерывной чредой вековые стояли боры.
Меднотелые сосны, как струны, звенели
зимой от мороза,
Истекали смолой от истомной июльской жары.

На ручьях и речушках
гнездились бобровые гоны.
Даже днём становилось темно
от пролётных гусей.
Как бояре хмельные,
в малинниках спали медведи,
И обозы пчелиные к дуплам тянулись
с медовых полей.

В мелколесьях и пустошах
лоси бродили стадами.
И куницы за белками мчались
в ветвях верховых.
А в Суре жировала по заводям царская стерлядь,
И сомы щекотали русалок усами
в потёмках речных.

Край обильный, не ведавший русского слова,
Простирался на полдень вдоль Волги-реки.
Вкруг лежали ещё никогда не рождавшие земли.
Только дрофы ныряли в траву
да свистели сурки.

Край пустынный! Просторное Дикое поле,
Где ковыль, словно мех соболиный,
волнуясь, сиял.

Там во тьме зарождались несметные орды,
И московский престол
от кровавых набегов дрожал.

Сберегать было что –
Волга стала проезжей дорогой
От Москвы и до Каспия, до шемаханских краёв.
Струги с красным товаром упругую пенили воду
На стремнине, разбойных страшась берегов.

Государь повелел, и по слову его каждый пятый
Двор послал мужика на царёвы труды.
Так возникли Тагай и Уренск, и Сокольск,
и Юшанский,
И другие острожки
Карсунско-Синбирской черты.

Громоздили валы, заострённые брёвна вбивали,
Рыли рвы в три сажени, а там, где был лес,
Там засеку рубили почти в полверсты шириною,
А пред ней выпускали на поиск казачий разъезд.

Под защитой черты поселялись стрельцы и
крестьяне,
Созидатели края, первооткрыватели русских слобод.
И плодились несчетно, пахали и сеяли жито,
И стекался к ним беглый гулящий народ.

Оглядевшись, подняв целину
и построив жилища,
Для души возводили церквей многоглавую вязь.
Сквозь леса и болота дороги к столице торили,
Чтобы крепла с Москвою державная связь.

СКАЗ ПРО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

Ветер дул с понизовья, упругий и свежий.
В небесах отражался закатный пожар.
Русский князь Святослав шёл на Белую Вежу,
Чтоб безжалостный меч обнажить на хазар.

Были полны добычей из Булгара чёлны.
На могилах друзей отшумели пиры.
И дружина устала грести через волны
И пристала к подножью Синбирской горы.

Запылали костры. И над станом дружины
Плыл от Волги туман, предвещая тепло.
Князь отведал сопрепой сырой строганины,
Лёг на землю, главу преклонив на седло.

И объял его шум листвяного напева.
И прозрела душа, устремляясь во тьму.
И, восстав из воды, златовласая дева,
Наготово сияя, явилась ему.

И сказала она: «Ты Хазарское царство
Разгромишь и развеешь по ветру, как прах.
Только помни, о князь, опасайся коварства
На днепровских порогах, в ковыльных степях».

Месяц плыл над землёю туманным осколком.
– Кто ты?.. И как мне найти тебя, где?
И промолвила дева речная: «Я – Волга».
И сокрылась в прибрежной кипящей воде.

Он проснулся и встал. Кумачового цвета
Облака проплывали над ним на заре.
И шумели прибоем деревья от ветра
На высокой и древней Синбирской горе.

СКАЗ ПРО НИКОЛИНУ ГОРУ

Рассветный час.
В тяжёлых снежных тучах
Мелькают ярко всполохи зари.
И на краю высокой древней кручи
Смотрю я вдаль с Николиной горы.

Распахнутый простор смущает душу:
Засурье, лес огнисто-золотой...
Рассветный час.
Легко смотреть и слушать,
Как бы паря над отчей стороной.

Здесь каждый вздох минувшим отзовется,
Как эхом, из глубин седых веков.
Явление Николая Чудотворца
Здесь изумило некогда врагов.

И в ужасе они бежали в степи.
И затерялся навсегда их след.
Здесь созидались рубежи и крепки,
И святости струился дивный свет.

СКАЗ ПРО ВАЛУН

На нём свои оставили следы
Мороз и солнце, суховой и ливень.
И на вершине глинистой гряды
Лежит он, словно исполинский бивень.

Он много видел: толпы диких орд
Здесь табунились, крах готовя Рима.

И космы шкур и лошадиных морд
В нём отражались, проплывая мимо.

Он помнит первых пахарей Руси
И знает дату каждого набега
В те времена, когда дичали псы
На мёртвых пепелищах человека.

О многом может камень рассказать,
Но разве от него добьёшься слова?
Лежит он, как гранитная печать,
На беспробудной памяти былого.

СКАЗ ПРО АНДРЕЕВСКИЙ КУРГАН

Разъят курган.
На дне его – гробница.
В ней прах вождя неведомой страны.
Сжимает меч костлявая десница.
Пустые очи сумрачно темны.

И рядом с ним – два воина в кольчугах
Стоят, как стража, с копьями в руках,
Что добровольно и вождя, и друга
Пошли сопровождать в могильный мрак.

У ног его – ничком скелет девичий
Наложницы: пусть не скучает он.
Живьём зарытой, как велел обычай,
На торжестве угрюмом похорон.

И конский остов под седлом богат,
И на сосудах серебристый тлен.
Гнетущее величие распада.
Слепая неизбежность перемен.

СКАЗ ПРО ВИТЯЗЯ НА РАСПУТЬЕ

Кончилась дорога.
Чёрный камень
На распутье медленно всплыл.
Фыркнул конь.
Метнулся ярый пламень
Из ноздрей и надпись осветил.

Хмурый витязь
По складам читает
Древнее пророчество в стихах.
Ничего оно не обещает,
Кроме смерти,
На крутых путях.

Мир велик,
Но где пути другие?
Как идти, когда подсказки нет?
А страна за камнем тем –
Россия!
И над ней восходит дивный свет.

Витязь булаву забросил в яму.
Снял доспехи.
Меч вонзил в траву.
И босой
По бездорожью прямо
Он пошёл,
Склонив на грудь главу.

Тридцать дней
Он шёл без сна и хлеба.
Конь за ним ступал стопа в стопу.
Он увидел озеро и небо
И услышал ангела трубу.
Этот глас
На путь его направил.
Понял он, что Богом не забыт.
И на этом месте крест поставил.
И в бугре песчаном вырыл скит.

Тридцать лет
Он с тщаньем и любовью
Бога славил, пашню поднимал.
– Больше ты не пахнешь, витязь, кровью.
В мир иди... Нашёл ты что искал!

СКАЗ ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО НА СУРЕ

Казань близка. В мордовских дебрях рати
Князь Курбский вёл три ночи и три дня.
И, выйдя из лесов, на кровавом закате
У берега Суры остановил коня.

Царь Иоанн оставил спешно Муром
И шёл навстречу с войском основным.
Клубились облака на небе хмуром.
Над станом вился горький белый дым.

Там, где Барыш с Сурой сливались вместе,
Вставала из воды седая хмарь.
И прискакавший Иоаннов вестник
Всем объявил, что завтра будет царь.

Князь Курбский из шатра шагнул наружу.
Вокруг костров мерцал багровый свет.
Звезда, взлетев, отяготила душу
Предчувствием уже недалних бед.

Он знал, что за казанскую победу
Придётся заплатить ему сполна.
Но князь в тот час того ещё не ведал,
Что будет и Ливонская война.

Что будут мятежи, опалы, казни,
Опричина, потоки подлой лжи.
Но в этот миг он мог помыслить разве,
Что скоро сам в Литву перебежит?..

Наутро они встретились. Пожаром
Рассвет в Суре волну окровавил.
И князь перед великим государем
Бестрепетно колено преклонил.

СКАЗ ПРО ПЕРВОСЁЛА

Он построил из глины и дёрна жилище.
Зиму провёл в задымлённой норе.
Первенца-сына отнёс на кладбище,
Что основал на недалнем бугре.

Богу молился, чтобы страх уничтожить.
Сбрую чинил, глядя в звёздную тьму.
Выжила б только кормилица-лошадь,
Счастье же пашня подарит ему.

Вновь журавли в небе синем поплыли,
Липа взмахнула зелёным крылом.
Вышел во двор, в ноздри дунул кобыле:
– Отзимовали, Карюха, живём!

Ну-ко пошли... Навались!
Жирным дёрном
Пласт отвалился, блеснув чернотой.

С хрустом холстинным лопались корни
Под деревянной скрипучей сохой.

Долог денёк за крестьянской работой.
Пышет, как печь, вековая страда.
Терпким мужицким пропитана потом
Каждая в поле его борозда.

Глава 4

СКАЗ ПРО ЗАМУЧЕННОГО В ПУСТОЗЕРСКЕ СИНБИРСКОГО ПРОТОПОПА НИКИФОРА

В XVII веке на Руси стала популярна Кирилова книга, где предсказывалось, что пришествие Антихриста на Русь должно было произойти в 1666 году, и многие старообрядцы склонны были считать таковым Антихристом патриарха Никона.

«Понеже Антихрист прииде ко вратам двора, – писал вернувшийся из сибирской ссылки протопоп Аввакум, – и народилось выблядков его полная небесная...»

Церковная реформа вызвала яростное возмущение со стороны части народа, который увидел в ней попытку разрушения устоявшихся многовековых представлений о религиозной жизни. Сопротивление реформам поддержала и значительная часть духовенства.

Синбирский протопоп Никифор был осуждён вместе с Аввакумом, Лазарем и Епифанием к ссылке в Пустозерск, место «тундряное, льдистое и безлюдное». В Пустозерск прибыли 12 декабря 1667 года.

«Меня и Никифора – протопопа, – пишет Аввакум, – не казня, сослали в Пустозерск». Сам указ о ссылке подписан 26 августа 1667 года. На следующий день Лазаря и Епифания казнили на Болоте (Замоскворечье), урезав им языки.

В четвёртой челобитной царю Алексею протопоп Аввакум пишет: «Прости же, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, а недоумением содержим есмь; помышляю мои деяния и будущего судища ужас. Брат наш синбирский протопоп Никифор, сего суетного света отъиде; посем та чаша и меня ждёт...»

Это случилось около 1668 года.

СКАЗ ПРО ПРОТОПОПА АВВАКУМА

– Доколе нам мучение, доколе?
– До смерти, протопопица, терпи.
Сияет снег, слезя глаза до боли,
Вокруг тайга, гранитные столпы.

Даурия! Медвежий гиблый угол,
Отсюда враз не кинешься в бега.
Край инородцев и шаманских пугал,
Приисканный для сбора ясака.

Ни тёплых изб, ни храмов, ни погостов.
Тоска такая, хоть молись на куст.
Здесь ни один евангельский апостол
Не отворял для проповеди уст.

Повсюду власть язычника мороза.
Промёрз венок походный, точно гроб.
По следу воеводского обоза
Бредёт с семьёй мятежный протопоп.

Под ветхой шубой греется иконка.
Господь воздаст страдающим в миру!
Заиндевила, смёрзлась борода
От укоризн заблудшему царю.

Он вытерпеть готов и боль, и холод,
Для истины единственной своей.
Русь расщепила трещина раскола,
Нет единодушья больше в ней.

Людская кровь сочтётся из разлома,
И губит души дьявольский обман.
Русь вопиет, но нет Господня грома
На предавших Христа никониан!

– Умру за аз единый, за двуперстье,
Никонианство есть бесовский глум!
За древнее родное благочестье
Несёт свой крест мятежный Аввакум.

Он весь горит от истового пыла,
Огонь сочтётся с воспалённых губ.
Им сотворённых слов святая сила
Тенями близких населяет сруб.

И вокруг него слезят глаза до боли
Снега, снега... Гранитные столпы.
– Доколе нам мучение, доколе?
– До смерти, протопопица, терпи.

СКАЗ ПРО БЕГЛОГО

Таясь в ночи, он переплыл Суру.
Разжёг костёр и высушил одежду.
И, пожевав краюшку, поутру
Пошёл на юг искать свою надежду.

И вдруг наехал на него разъезд
Сторожевых казаков из станицы.
И в Корсуне, столице здешних мест,
Он брошен был в подвал сырой темницы.

Наутро его вывели на свет
И к сапогам швырнули воеводы.
И он услышал сверху: «Подлый смерд!
Послать его в засеку, на работы!...»

Ему на съезжей дали батогов,
Затем – горшок с казённым тухлым просом.

До Покрова он рыл в Уренске ров,
Ходил в Казань с пороховым обозом.

И вновь бежал – на Волгу, в Жигули,
Мечтая о счастливой лучшей доле.
Все обошёл окраины земли,
Немало басурманской крови пролил.

Он пожил всласть.
Все восемь полных лет
Катилась жизнь в разбойничьем угаре,
Пока совсем не затерялся след
В Стамбуле, на невольничьем базаре.

СКАЗ ПРО ВИДЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Потемнев лицом, что морёный дуб,
Иоанн сидит,
Тяжело глядит он за Земщиной.
Ало складка губ
Под усы бежит змейкой-трещиной.
Не утешится сердце вешнее
Ни вином хмельным,
Ни наветом злым...

Пир гудит-шумит,
Пьёт и млад и стар,
В головах угар,
А в сердцах пожар...
Вдруг услышал царь
Шепоток в ушах.
Обуял его небывалый страх:
«Не почестен пир –
Воровской стан.

Каждый сладко льстив,
А душой поган.
Послетались на пир
Злыдни – вороны.
Разлетятся кровянить
Отчи стороны.

Ой, заплачет Русь,
Мать заплачет.
Всех опричина заест,
Особачит.
И калики побредут –
Дайте корочку...
И царевича убьют,
Дмитрия... ребёнка...»

Как взвопил Иоанн:
«Дьявол, дьявол – прочь!
Твой отец – обман,
Мать – сырая ночь.
Сгинь! За кровь
Я душой плачу.
Богу дать ответ
Я за всё хочу...»

И выходят все.
Солнце клонится.
Стольный град Москва
В темь хоронится.
Государь один...
Сердце жжёт вина...
Звёздный луч блеснул
На стекле окна
Слезой пьяного.
Бог простит его, окаянного...

СКАЗ ПРО ЧУМУ

-1-

Всё полынь, да ковыль, да полынь...
То жара, то морозная стынь.
Ветер хлынет – и пыль закружится.
Из песков азиатских равнин
Время чёрному мору явиться.

Зреют в норах бубоны чумы.
Как орда, ниоткуда из тьмы
Мор идёт в европейские страны.
Кверху брюхом лежат тарбаганы.

Час живому настал – умереть.
На дорогах гниющие трупы.
И кочевников хриплые трубы
Возгласили про чёрную смерть.

Впереди мора крысы идут.
Ими взят астраханский редут.
Миллионы хвостатой пехоты
Смерть и ужас в Россию несут,
Чтоб её обезлюдеть народы.

Крысы лавой идут на Москву,
Переносчики чёрного мора.
И чума косит люд, как траву,
Не щадя никого, без разбора.

-2-

Зимой в степи был джуг: снега и льды
Сковались в наст, что не пробить копытом.
И вымерло в Ногае пол-орды
В году давно беспмятно забытом.

И в град Синбирск,
Чуть кончилась зима,
И жаром из степей едва дохнуло,
На спинах крыс бубонная чума
Тайком вползла, минуя караулы.

На Троицу был жаркий ясный день.
Ни облачка на небе не сияло.
Вдруг чёрная стремительная тень
Над городом внезапно пробежала.

На паперти юродивый вскричал
И наземь опрокинулся в падучей.
Лишь он один в мелькнувшей чёрной туче
Наездницу, что это смерть, узнал.

И всех вокруг объял ознобный страх,
Предчувствие недоброго начала.
Чума пришла в Синбирск и на костях
Всё лето и всю осень пировала.

Был на земле великий мор и глад,
Что до сих пор их люди не забыли.
Пришла зима, и опустевший град
Снега и вьюги саваном покрыли.

Глава 5

СКАЗ ПРО ОСАДУ СИНБИРСКА СТЕПАНОМ РАЗИНЫМ

-1-

Русь была некрепка.
И казак Стенька Разин
Поманил голытьбу на удачу и риск.
И свирепого бунта пошли метастазы
На Москву,
Но запнулись о верный Синбирск.

Город был возведён
Как форпост на востоке,
От набегов разбойничьих стража и крепь.
Он стоял на обрыве, крутом и высоком,
И сторожко глядел на немирную степь.

Стенька Разин поджёг
Русь святую низовий.
Пал Царицын,
Саратов, Самара – вослед.
И дохнуло пожаром и запахом крови
На Синбирск,
И крутым приближением бед.

– Вор у стен, –
Доносил своему государю
Князь Бярятинский, –
Выжжен посад.
Сдан стрельцами острог,
Но снесём эту кару,
Уповая на Бога
И строй иноземный солдат.

Но Господь не помог.
И бежал по Казанской дороге
Князь и с ним недобитая рать.
На казацком кругу,
В синбирянами сданном остроге,
Решено было крепость осадю брать.

А пока
Распустил Стенька Разин загоны
По округе, чтоб гнёзда дворянские жгли,
И казачьи повсюду вводили законы,
И рабов превращали в хозяев земли.

И стекались к Синбирску
Несметные толпы.
И кипели, как брага,
От хмеля и зла:
Казаки, бурлаки, бобыли и холопы...
Жажда мести и воли
Их на приступ вела.

Целый месяц Синбирск
В круговой был осаде.
Но не дрогнул державный
Двуглавый орёл.
А в Казани Бярятинский новые рати
Собирал
И на выручку городу шёл.

-2-

И октябрьским утром
Сошлись они в пойме Свяги,
Где клубился в кустах тальниковых туман.
И врубились в ряды царских воев казаки,
Впереди – на гнедом жеребце – атаман.
Мужичьё накатило
С дубинами, вилами.
И всю пойму накрыл
Лязг железный и рёв.
Рабья Русь и дворянская
Мерились силами.
И стекала в Свягу
Безумия кровь.

Вопли ужаса, стоны
И конские храпы,
Топот толп,
Самопалов пальба.
И катилось ослепшее солнце
На Запад, и неведомо было,
Кому улыбнётся судьба.

Заскрипели ворота в кремле.
Из огады
Осаждённые ринулись
Разинцам в тыл.
И ударили дружно
Стрельцы из засады,
И удар этот участь сраженья решил.

Уцелевшие
К чёлнам в подгорье бежали,
Но немногие к ним
Второпях добрались.
Как снопы,
Казаков побеждённых вязали,
И к земле бородами
Бросали их ниц.

Бунт есть бунт.
Усмиренье не знает пощады.
Только смерть
Тем, кто вольно надеялся жить.
Пробил час неизбежной,
Свирепой расплаты
За разбойную волю,
За безумную прыть.

И всю ночь
Топоры на подгорье стучали
Под луной, чей кровавый гаращился лик.
И глаголи над Волгой рядами вставали,
И качались пеньковые петли на них.

-3-

Восстание повержено,
Разбито.
Горит Синбирск
Под колокольный звон.
Так закатилась
Стенькина планида.
Он, бросив всех,
Бежит на вольный Дон.

Что ранен –
Не казачье оправданье.
Погибшими
Завалены все рвы.
Ещё немало, налетев по-враньи,
Накосит смерть народу, что травы.

Вокруг него –
Соратников ватага.
И у судьбы
Для всех готов расчёт.
Их побратали вольность и отвага,
А разлучит московский эшафот.

Но кажется,
Что смерть ещё не близко,
А воля и судьба всегда с тобой.
Летит стружок,
И зарево Синбирска,
Как солнце,
Закатилось за горой.

Сияет вечность
Ясной звёздной пылью.
И жизнь – мгновенье
В вековом кругу.
И мыслит Стенька:
– Обрету я крылья,
И снова Русь с Поволжья подожгу!

Она ж темна, Россия,
И слепа...
А дальше так,
Как выпадет судьба!

СКАЗ ПРО СТЕПАНА РАЗИНА ПОЭТА ДМИТРИЯ САДОВНИКОВА

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И весёлый, и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» –
Раздаётся по окрестным...
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился –
Сам наутро бабой стал...

Ошалел...» Насмешки, шёпот
Слышит пьяный атаман –
Персиянки полонённой
Крепче обнял полный стан;

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови чёрные нависли,
Собирается гроза.
«Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, –
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полонённую княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка-чёрт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин её души!..»

СКАЗ ПРО ОТШЕЛЬНИКА

На Венце по-над Волгой пещера,
Потаённый приют старовера.
Две доски, да охапка соломы,
Да иконка, да книга святая.
А над Волгой – то вьюги, то громы,
Редко ведро, всё непогодь злая.

В Пустозёрске сожгли Аввакума.
Стенька Разин спалил пол-Синбирска.
Сердце гложет кромешная дума:
Суд Господень, неистовый, близко.

Он глядит из норы на раздолье
Волжских плёсов, осенние дали,
На плоты, где на каждом глаголи:
Восхотелось детинушкам воли,
Да пеньковый ошейник достали.

– Это нам за грехи наказание, –
Мыслит старец, – свершились знаменья.
Всё свершилось согласно Писанью...
Все до буквы сошлись Откровенья.

И ложится на доски у входа,
На груди скрестив руки смиренно,
Дожидаясь безмолвно ухода
В край, где жизнь и чиста, и нетленна.

СКАЗ ПРО ЕМЕЛЬЯНОВУ ПТАХУ

Из земли
Здесь вставляли бунтарские грозы,
И кровавой надеждой
Питалась заря...
Вот везут,
Вот везут по синбирскому взвозу
В кандалах и железах
Надёжу – царя.

Свищет кнут,
И крутые бунтарские выи
Возлюбила петля
Да топор палача.
Вот везут,
Вот везут по дорогам России
В зарешёченном троне
Царя – Пугача.
Тяжелы,
Словно скипетр государев,
Колодки.
Опостылил и солнца
Державный венец.
Вот звенят,
Вот звенят цепей кованых чётки:
– Отгулял, отгулял,
Молодец – удалец!

Блещет взгляд Пугачёва
Державною сталью.
Поезд царский послушно
Встречает народ,
Но не кличем заздравным –
Молчаньем повальным.
Только птица
На клетке царёвой поёт.

И откуда взялась
Эта дивная птаха?
Из казачьего ль сердца,
Из воли степной?..
Но выводят царя,
И граф Панин с размаха
Бьёт его по лицу
Пухлой барской рукой.

Но нельзя развенчать
Казака Пугачёва,
Коль его до царя
Возвеличил народ.
И звенят
От пощёчины барской оковы.
И стучат топоры,
Громоздят эшафот.

Размахнулся палач...
И упала на плаху
Голова.
И народ ужаснулся над ней:
Из груди Емельяновой алая птаха
Взмыла вверх –
Выше древних московских церквей!

Глава 6

СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ В СИНБИРСКЕ ЧАИ ГОНЯЛ

Жили-были синбиряне в полной уверенности, что до бога высоко, до царя далеко. А тут на тебе!.. Воевода Хрущёв и все именитые горожане заворожено смотрели на Волгу, по которой шла армада парусных и гребных судов, наполненных солдатами гвардейских и линейных полков, и среди них царская галера под громадным белым парусом, над которым, на конце мачты, трепетал Андреевский флаг.

Воеводу Хрущёва будто в голову бревном шибануло: сигнал пушкарям подавать! Он потянул из-за пазухи белый плат, но поручик, командовавший крепостной артиллерией, сам догадался. Медные единороги сделали залп, потом второй, третий, вершина Синбирской горы закудрявилась белым дымом, а с армады в ответ грянуло, потрясая окрестности:

– Виват! Виват! Виват!

Суда с полками прошли мимо Синбирска, а царская галера остановилась возле пристани. С неё спустили шлюпку, в которую сошли государь Пётр Алексеевич, его супруга Екатерина Алексеевна, генерал-адмирал граф Апраксин и ближний вельможа Толстой. Когда государь ступил на Синбирскую землю, опять троекратно ударили единороги и во всех соборах и церквах зазвонили колокола. Император и императрица приняли благословление от соборного протопопа и недовольно посмотрели на встречающих, которые все пали на колени.

– Подыми, воевода, свою братию, – сказал царь. – Нечего на коленях по песку елозить. Поклона вам мало, всё норовите башкой в землю уткнуться!

Первым опамятовался именитый купец Борис Твердышев. Вскочил на ноги, схватил серебряную братину с золотыми червонцами и просунул к царю:

– Прими, государь, от синбирского купечества! Пётр Алексеевич благосклонно посмотрел на статного купца.

– Принимаю, пойдём со мной чай пить. И ты, воевода, отряхнись и за нами следуй.

Императрица Екатерина Алексеевна с улыбкой смотрела на происходящее и радовалась, какие у неё послушные и любящие подданные, в других странах давно таких нет.

Государь сразу проникся к Твердышеву интересом, усадил его за столом по правую сторону от себя, а воевода Хрущёв на краешке стола примостился и с опасливым недоумением смотрел на стоявший перед ним на тонкой ножке бокал с вином – как бы посудину не разбить, сраму не оберёшься.

– Россия твёрдой ногой стала на Балтийском море, – сказал государь. – Теперь будем утверждаться на Каспии и Кавказе!

Подали закуски, в основном всякую волжскую рыбу, пироги, сладости.

– Знаю о тебе, Твердышев, что ты богат, честен, но почему больших государственных дел сторонись? – спросил Пётр Алексеевич.

Купец не смутился:

– Моё дело торговое, государь. Купец там, где прибыль, но я не только торгую. Суконную и винокуренную мануфактуру имею.

– Об этом мне ведомо, но это в размере всей России мелочь. Тебе надо, как Демидову, развернуться, нечего сиднем на синбирском бугре сидеть.

– Легко сказать, как Демидов, – вздохнул Твердышев. – В одиночку не осилю.

– Я тебе, чем не помощник? – улыбнулся государь. – Бери земли Каргалы в оренбургской степи, там люди испокон веков медь добывали. Сколько запросишь земли, столь и отпишем на тебя. Крестьян для рудников и заводов отпишем. Ты только начни. А как привезёшь мне первые десять пудов добытой меди, так тебе и полное моё благоволение.

Твердышев задумался. О Каргалах он слышал, место окраинное, дикое, кругом немирные народцы, опасное дело предлагал царь, но внутренний голос прямо-таки вопил: «Бери, дурак! Второго раза такой удачи не будет!»

– Ну как, берёшься за медь? – спросил Пётр Алексеевич.

– Берусь, государь! – уверенным голосом произнёс Твердышев.

– Вот это дело, – повеселел император.

– Пётр Андреевич! Пиши указ: отдать купцу Твердышеву оренбургских земель сколь пожелает для добычи меди, и крестьян отпиши монастырских тысячу душ, нет, полторы!

Толстой поднялся из-за стола и поманил за собой Твердышева.

Синбирское чаепитие Петра Великого было недолгим, парус царской галеры наполнился свежим ветром, крепостные пушки ударили прощальным салютом, и зазвонили колокола соборов и церквей, невиданное доселе торжество встречи государя закончилось.

Неведомо нам, как зачинал Борис Твердышев своё великое медное дело, привёз ли Петру Алексеевичу обещанные десять пудов меди, но в царствования «кроткая Елизавет» и Екатерины II он, а затем

его сыновья Яков и Иван в компании с Иваном Мясниковым, который был женат на его сестре Татьяне, имели в Оренбургском крае громадные земельные пространства, рудники, медеплавильные заводы, десятки тысяч крепостных крестьян. Вся русская медь того времени была их медью. По сути дела, они занимались добычей денег, ибо почти вся ходячая монета была медной.

СКАЗ ПРО ДЕРЖАВНЫЙ ТОПОР ПЕТРА ВЕЛИКОГО

-1-

Великий Пётр был остёр
Не только на бумаге.
Он крепко в руки брал топор
На верфи и на плахе.

Набатом каждый бил указ
Над затхлою стариною.
Он поднял русской жизни пласт,
Утоптанной Ордою.

И вёл победные полки,
Увенчанные славой.
Сияли русские штыки
Под Ригой и Полтавой.

Россия встала в полный рост,
Тем изумив Европу...
Царь не жалел чинов и звёзд
Толковому холопу.

Он по-хозяйски, как избу,
Срубил стране основу.
Предугадал её судьбу
И в путь отправил новый.

Он верил в русскую звезду.
И в труд свой дерзкий верил.
Людское горе и беду
Великий Пётр не мерил.

И гнал народы в топь и глад.
В болотной невиской яме
Он замостил престольный град
Крестьянскими костями.

И что он сделал топором,
То зачеркнуть нельзя пером.

СКАЗ ПРО КОНЧИНУ ПЕРВОГО ИМПЕРАТОРА

– Оставьте все, – рука Петра
Упала, фразы не осилив.
Ночь наступила для царя
И самодержца всей России.

Все – это целый русский мир
За невиским утренним туманом,
Урал, и Север, и Сибирь
С могучим ревом океанов.

Смешенье рас и языков,
Богов, обычаев и нравов.
Победный свет полтавской славы.
И звоны каторжных оков.

Былая Русь пошла на слом,
Расчищен путь для дел грядущих.
Кто сможет охватить умом
Наследство это из живущих?..

Вокруг одра, где Пётр лежит,
Сияют ближних бриллианты.
Нахмурясь, Меньшиков глядит
Нетерпеливо на куранты.

Он слышит злобный шепоток
И в гневе напрягает жилы.
Он знает, кто в России бог,
За кем стоят сегодня силы.

Полощет ветром русский стяг.
К дворцу царя, чеканя шаг,
Идут колоннами гвардейцы –
Семёновцы, преображенцы...

Глава 7

СКАЗ ПРО СИНБИРСКОЕ СВАТОВСТВО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Сказывают, что после кончины суматошного императора Петра Алексеевича, поднявшего Россию на дыбы и перетряхнувшего весь уклад жизни государства, настали тихие почти дремотные времена. И очень скоро навывкло российское барство жить под мягкой женской рукой и другого счастья себе не искало. Но когда почил в бозе императрица «кроткая Елизавет», выскочил на престол как чёрт из табакерки, голштинской выделки Пётр III, седьмая вода на киселе от Петра Великого. Так ему в один час гвардейцы братья Орловы на Ропшинской мызе свернули шею. И с воцарением его супруги, будущей Екатерины Великой, пролились на российское барство неслыханные благоденствия: вышел указ о вольности дворянства, что служить отечеству оно может только по своей охоте и власть над крепостными у него полная и безраздельная.

Возликовали и наши синбирские помещики. Совежливые дворяне стремились служить в гвардии или в линейных полках, но большинство оказались домоседами: залегли в своих поместьях, как медведи в берлогах, и носа даже в Синбирск не кажут, благоденствуют себе в родовых имениях.

В самом граде тоже кое-какие перемены случились: учинили вместо приказной избы несколько канцелярий, ратушу для учёта купцов и ремесленников, и чиновничья вошь начала плодиться на тягость простому люду. Там, где раньше приказной

выжига за составление прошения брал пятачок, теперь канцелярский служка хапал полтинник. Купцам вроде послабление вышло, построили их по разрядам – гильдиям, у кого какая мошна. Почта появилась, одно время цифирную школу завели, учить недорослей грамоте и счёту, так желающих учиться из дворян почти не нашлось, стали учить в ней солдатских детей, тех можно было силком заставить, да и пороть их можно, если урока не вызубрят.

В этом довольстве собой и бахвальстве застала государыня Екатерина синбирян в лето 1767 года. Весь день она занималась делами, а у графа Орлова тем часом из головы не выходила мысль, как разве-селить свою царственную подругу.

Он стоял возле окна в коридоре и смотрел, как одна за другой покидали покои государыни её камеристки. Помедлив, он двинулся к заветным дверям, но возле лестницы его остановило какое-то шуршание. Он откинул портьеру и увидел прижавшуюся к стене хорошенькую девушку, которая зарделась, как маков цвет.

– Ты кто такая? – спросил Орлов.

– Я хозяйская дочь, ваша милость, Екатерина.

Граф улыбнулся. Чудно ему показалось – опять Екатерина.

– И сколько ещё таких розанов здесь произрастают?

– У батюшки моего нас четверо.

– И все так же прекрасны?

По-гвардейски привычно схватил девушку в охапку и поцеловал в губы.

– Ах, сладка ягодка!

Девушка убежала вниз по лестнице, а граф задумался, почесал затылок и радостно улыбнулся – его осенила блестящая идея, чем занять государыню. Вошёл в покои, увидел свою Катерину, убранную ко сну, в прозрачной батистовой рубашке, подхватил на руки, закружил.

– Нашёл я тебе заботу, матушка! всю твою грусть, скуку окаянную как рукой снимет! Нужно заковать четырёх девиц в крепкие оковы!

– Это как же они провинились?

– Ох и провинились! Представь: молоды, с лица далеко не дурны, за каждой два завода, двадцать тысяч душ, миллионы рублей серебром да золотом. Немедленно возложи на них узы Гименея!

– Ты предлагаешь мне быть свахой? – государыня рассмеялась. – Завтра ведь у нас куртаг. Озаботься, Гришенька, чтобы наши хозяева были.

В дом Мясникова съехались самые родовитые синбирские дворяне, занесённые в шестую часть Бархатной книги российского дворянства. Государыня, встречая гостей, милостиво улыбалась. Ни обеда, ни возлияний на куртаге не предполагалось, это было время общения избранной знати со своей повелительницей, и приглашение на него означало причастность к самому высшему кругу лиц и крайнюю близость к трону. Но сегодня был вечер, где главное внимание уделялось не потомкам Рюрика и Гедемина, а Мясниковым. В карты ни Иван Семёнович, ни Татьяна Борисовна не играли, и на сегодня ломбер был оставлен. Музыканты играли длинный польский или полонез, кавалеры и дамы дефилировали с ритмическими приседаниями по залу, а всё общество, глядя на танцующих, приосанивалось,

видя себя таким прекрасным, таким знатным, таким пышным, таким учтивым.

Екатерина была великая мастерица вести всякого рода переговоры.

– Я слышала, – сказала она Мясникову, которого не опускала от себя ни на шаг, – у тебя много красного товара имеется, а у меня – добрые молодцы?

Ивана Семёновича окатило жаром, он сразу понял, о чём идёт речь, и не стушевался.

– Товар имеется красный, да только по плечу ли он молодцам будет? Мы люди простые, наукам не обученные.

– Полно тебе, Иван Семёнович, – улыбнулась государыня. – Не след тебе приbedняться. Всё от твоего слова зависит.

– С превеликой благодарностью вручаю судьбу дочерей вам, ваше величество, – сказал Мясников и прижался губами к милостиво протянутой руке императрицы.

И начались свадьбы: и в Синбирске, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Мужья получили жён с большим приданным, Екатерина развеяла синбирскую скуку, а граф Орлов был доволен удалением своих вероятных соперников. Синбирское сватовство Екатерины – редкий случай, когда все остались довольны. Призвание государей – видеть своих подданных счастливыми, и Екатерина это удалось сделать в граде Синбирске, славном и похвальном.

СКАЗ ПРО ИСТОРИКА КАРАМЗИНА

-1-

Век восемнадцатый безбожный,
Паденье нравов и святынь.
И свет масонства – мёртвый, ложный –
Изведал юный Карамзин.

Попав в объятья Новикова,
Вдохнул мистический туман,
Способный с толку сбить любого,
Но не поддался на обман

Людей учёных, без сомненья,
Но склонных к тайной суете,
Сказав, мол, жаждут просвещенья,
А пребывают в темноте.

Что в нём их дух не обитает,
А тот, что был, давно прокис.
И ум его всегда питает
Обычный русский здравый смысл.

Что он не падок на обновы
И в жизни ценит простоту,
В масонстве видит пустоту,
И в оной духа нет святого.

-2-

История России не погост,
Для русского она живая книга,
Как, спотыкаясь, шёл державный рост
Всего, что есть, от мала до велика.

Он оживил минувших лет течение,
И мысль свою направил в высоту.
Вся от истоков Русь пришла в движенье,
Ход набирая от листа к листу.

И оживала под пером бумага,
Чтоб прошлое не стало мёртвым сном.
Не ведая пристрастия и страха,
Поведал нам историк о былом.

От книги к книге мощь державы крепла.
И озаряя миллионы лиц,
Слова вставали из огня и пепла,
Герои поднимались из гробниц.

История России величава,
Как Божий храм, который Карамзин
Возвёл трудом монашеским один,
Чтоб воссияла русская держава.

-3-

Карамзин был божественной пробы,
С Геродотом размахом сравним.
Указал он дороги и тропы
Россиянам к истокам своим.

И помог им не только былое
Обрести, а надеждой горя,
Недостатки державного строя
Он в «Записке...» довёл до царя.

Государь их прочёл и сурово
Начертал на странице ответ:
«На Руси все крамольны обновы,
И они государству во вред».
Годы славные, годы лихие –
Всё на свете имеет свой срок.
И не царь правит грешной Россией,
Ей владеет как вотчиной Бог.

Карамзин был державного роста,
Духом твёрд, но душою раним.
Разговаривать было непросто
Самодержцу российскому с ним.

-4-

Историю страны творит народ
Усилиями сотен поколений.
Но воссоздать её державный взлёт
Способен лишь великий русский гений.

Таким был Карамзин. Ему судьба
Минувшее провидеть даровала.
И музы Клио вечности труба
В его твореньях веще прозвучала.

России славу гений вострубил,
Не отвергая сумрачных преданий.
И предков для потомков воскресил
Во всей красе и мужестве деяний.

Веками сохранялась эта связь...
Но в наши времена растленья духа
С тревогою они глядят на нас,
Чьим делом стали смута и разруха.

Не дотянуться нам ни в чём до них,
Не чтим мы предков мудрые заветы.
Нас обуял отступничества стих:
Оболганы великие победы,
И музы Клио вечности труба
Безмолвствует, коль гласа нет народа.
России поколеблена судьба,
И торжествует пошлая свобода.

СКАЗ ПРО НИКОЛЬСКОЕ–НА–ЧЕРЕМШАНЕ

Над гладью Черемшанского залива
Печально увядал светила лик.
Из сумеречных вод, сгущавшихся лениво,
Туманный силуэт дворца возник.

За копьями узорчатой ограды
(Я б не поверил, коль не видел сам)
Мерцали мрамором сквозные колоннады.
Как шлемы были башни по углам.

Журчал фонтан. Песчаные дорожки
Вели к крыльцу под каменным шатром.
За окнами порывисто и дрожко
Мерцали свечи трепетным огнём.

Играл оркестр. И в зале силуэты
В причудливых нарядах, париках
Под музыку скользили по паркету,
Беседуя на разных языках.

А рядом – стол, где яств был преизбыток.
Здесь царствовало под хрустальный звон
Токайское – любимейший напиток
Вельмож екатерининских времён.

О свежих новостях велась беседа,
Что чернью обезглавлен Людовик,
И, усмирив мятежного соседа,
Суворов обратил к французам штык.

За ломберным столом сдавали карты.
Четыре старца углубились в вист.
И вдруг в саду захлопали петарды,
Взвились шутихи, сыпля гроздь искр.

А к берегу причаливали лодьи
С рожечниками, с хором, полным сил.
Хозяин всех гостей своих сегодня
Речной прогулкой угостить решил.

Всяк тешил как умел свою охоту...
Но занялась восхода полоса,
И каменный дворец ушёл под воду.
Утихла музыка, и смолкли голоса.

Костёр погас. Росы ознобной сырость
Сочилась из тумана на траву.
И я не знал: всё это мне приснилось,
Иль видел чудеса я наяву?..

Свет памяти минувших поколений
Внезапно вспыхнул и погас во мгле.
И, может, правда – всех ушедших тени
Блуждают на покинутой земле.

Глава 8

СКАЗ ПРО
ПЕЩАНОЕ МОРЕ И ОСТРОВ
СЧАСТЬЯ

Слушайте, синбиряне – большие и малые, молодые и старые, – про дела небывалые, про то, как во славном и похвальном граде Синбирске заспорили лет этак триста назад два игумена о том, какой он – рай. Один уверяет, что рай – это понятие мысленное, откроется человеку только в другой жизни. Другой твердит, что правда твоя, но есть и на земле рай, только даётся он не каждому.

Спорили, спорили и порешили найти сметливого человека, снабдить его на дорогу одежей, припасами, дать ему денег полтину, затем крепкий тычок в спину и отправить его искать заповедную страну, где нет зла, а правит добро, где все сыты, довольны, у каждого христианина земли вволю, и урожай самсто, и бояр с приставами нет, да и царя тоже, потому что в раю правят не государевы, а Божьи законы. Звали удалого молодца, как водится, Иваном. Очень не хотел Иван шастать по чужим краям, у него свадьба ладилась с одной красавицей, что отпаивала парным молоком телят для архиерейского стола, но прознали про эту телятницу шпыни, шепнули монастырскому келарю, и запечатал он Матрёну в самую потайную келью до Иванова возвращения.

И побегал Иван первой попавшейся под ноги дорогой через леса дремучие. Бежит день, бежит два... Степь кончилась, пошли пески зыбучие, жара окаянная, безводье. Но одолел всё-таки, вышел к реке, вода в ней чисто лёд, холодная. Достал из-за пазухи сухарь, размочил в воде, съел, стал оглядываться – осматриваться. Видит – едет берегом реки казак, папаха на нём белая, чекмень малиновый, сапожки козловые, сабля серебряная, копьё ясеневое.

– Будь здоров, казак! Мне бы ватамана увидеть надобно.

– Может, мне своё дело обскажешь?

Упёрся Иван, ни в какую не хочет говорить ни с кем, окромя ватамана.

Засмеялся казак и говорит:

– Я и есть ватаман. И мне ведомо, зачем ты явился. Поедем ко мне в приёмный дворец.

Получил Иван от ватамана полную казацкую справу, доброго коня и в сопровождении дюжины казаков добрался до моря, сел на попутный торговый корабль и через несколько недель прибыл на остров Счастья, его дожидался встречальщик.

– Поспеши, Иван, старцы сошлись и готовы тебя выслушать!

На площади подле собора стояли вкруговую

скамьи, и на них восседали одетые в белые одежды старцы. Поведал им Иван про спор игуменов и о своём пути на Пещаное море, и один старец за всех ему отвечает:

– Скажи, добрый молодец, высокочтимым отцам Русской православной церкви, что ни о мысленном, ни о земном рае мы не ведаем. Мы живём по Божеским законам, как их нам Бог на душу положил. И у нас здесь решено, что все люди равны от своего рождения, и поэтому ни царя, ни патриарха, ни бояр ихних, ни другого дьяческого и подьяческого семени не держим. На нашем острове один господин – равенство во всём. Вот гляди: все жители у нас одинакового роста, примерно равной силы, стати, красоты и приятности, только одни чернявые, другие белявые. Грамоты мы не знаем, книг не читаем, потому что это зловредное занятие, ведущее к гордыне и умопотрясению. Вместо книг у нас предания об отцах, дедах, прадедах, их славе и разуме. Чудный остров, дарованный нам промыслом Божиим, природу имеет, тоже склонную к равенству. У каждого хозяина всего рождается вровень: пшеницы, огородных плодов. Овцы приносят по два ягнёнка, кобылы – по одному жеребёнку, коровы – телёнку. От такого Божьего расположения нет у нас бедных и богатых. Потому нет зависти, корысти, гордыни, преступлений, свар, нехороших слов в обращении. Для житья и работы у каждого есть своего в достатке, поэтому мы не одалживаемся друг у друга, не ходим друг к другу в гости. А все праздники встречаем вместе на этой площади за общими столами, после того как помолимся в храме. На праздниках и дома хмельного не употребляем, но все веселы и довольны. Хотя и не бодем, но приходит срок, и все умираем. А рая у нас, как видишь, нет.

– Ваш остров невелик, и весь Синбирск не поместится, – сказал Иван. – Но как на великой Руси порядки завести вроде здешних?

– На этот вопрос ответа дать сразу не можем, – сказали старцы. – Ходи по городу, смотри, разглядывай, а мы держать совет будем.

Походил-побродил Иван по городу, подивился на здешние порядки; за весь день ни одного бранного слова не услышал, ни одного пьяного не увидел, все люди вежливо с ним здоровались, потчевали разными фруктами.

Старцы, видно, весь день с мест не вставали, потные сидят, а для прохлады молоко пьют кокосовое.

– Слушай, Иван, наш приговор! – промолвил маститый старец, видимо, главный между прочими. – Передай своим игуменам, что ответа от нас им не будет. Они свой спор почерпнули из книг, а мы люди неграмотные, поэтому спросу с нас нет. Скажи ещё, что равенство на Руси быть не может, ибо русские люди изначально не сумели жить мирным общежитием, а поставили над собой царя, бояр, дворян, воевод, дьяков, приставов, старост, которые ими управляют или по праву рождения, или по силе наглости. И Русь с самого начала не освобождается от грехов и неправд, а копит их всё больше и больше. Всё на Руси повязано насилием и неправдами, и порвать эти цепи сможет только народный бунт. Когда-нибудь явится на свет атаман вся гулевой Руси, вздыбит мужиков на бояр, и начнётся резня

и великое пролитие крови. А теперь, Иван, ступай на корабль, он идёт в Царьград, затем в крымскую Кафу, а там и до Руси рукой подать.

Сел утром Иван на корабль и через два месяца был в Синбирске. Выслушали игумены Ивана, затопали ногами, забрызгали слюной и приказали отцу-эконому бить батогами Ивана на конюшне. Выдали Ивану сто батогов и бросили в горячий коровий навоз, чтобы отлежался. Там нашла его телятница Матрёна и уволокла к себе в избёнку. Отмыла его настоем чистотела и спрашивает:

– Где же ты, Ванюша, пил-гулял? Меня, болезную, забыл, а я глазоньки выплакала, тебя поджидаючи.

– Не плачь, Матрёна. Разверни-ка мой кушак и достань подарок с Пешаного моря.

Развернула Матрена кушак, достала плат, накинула на плечи, и в избёнке стало светлым-светло.

Через несколько дён ушли они убёгом на Терек, к вольным казакам. Построил Иван камышовую хатку и стал казаковать. А Матрёна что ни год казачок да казачек ему рожала.

СКАЗ ПРО РАДИЩЕВА

Затяжно бушует ненастье.
Клубится промозглая мгла.
Не брезжит грядущее счастье
Во тьме всероссийского зла.

Державными светят орлами,
Летят верстовые столбы.
И рваными свищет ноздрями
Буран в пугачёвской степи.

Снег волчьими звёздами прыщет.
Конвойные смотрят во тьму.
И едет угрюмый Радищев
За Каменный пояс в тюрьму.

Скрежещут и стонут полозья,
Бубенчик поддужный звенит.
Просторной, безлюдной, морозной
Россия навстречу летит.

И нет ни конца ей, ни края.
Повсюду кнуты, железа.
Радищев молчит и вздыхает,
Прискорбно сощурился глаза.

Повсюду согбенные выи,
Ужасные яви и сны.
Длинна непогода в России,
Ненастные ночи темны.

СКАЗ ПРО ЕРЕТИКА ЯКОВА ЯРОВА

Топоры по берёзам – туп! туп!..
Что, мужики, рубите?.. Сруб!..
В дерево звонко стучит топор.
Берёза сухая – жарче костёр.

А вокруг посадская шныряет ребятня.
А вокруг зеваки позорища ждут.
Завтра на рассвете морозного дня
Здесь колдуна в срубе сожгут.

В клетки острожной мечется тень.
Кандалы железные – звень! звень!
Кончилась ночь. Утро встаёт.
В красной рубахе палач идёт.

Сруб на Венце, по-над Волгой, готов.
Яр воевода. Ноздрей сопит.
Яков Яров идёт без оков:
На дыбе изломан – не улетит.

Снег под лаптишками – хруп! хруп!
Якова Ярова бросили в сруб.
Искра упала в сухое сенцо.
Мать уронила в ладони лицо.

СКАЗ ПРО СИНБИРСКИХ БУРЛАКОВ

Отшумел на Волге ледоход.
Ребятня кричит, плескаясь в воложке.
На путину собрался народ –
Бурлаки, отпетые головушки.

Тянет влажным холодом с реки.
У дорог желтеют одуванчики.
И гудят в Синбирске кабаки –
Люд поят сметливые подрядчики.

Их наутро путь-дорога ждёт,
Лямочки с тяжёлыми расшивами.
Отходную празднует народ,
По рукам ударив с водоливами.

Путь на Нижний труден и далёк.
И на переходе между станами
Ноги им сожжёт горюч-песок,
Выстудит насквозь нутро туманами.

Не дождутся многих в деревнях.
Эх, судьба бурлацкая, ненастная!
На песчаных волжских берегах
Косточки белеют вплоть до Каспия.

Веселится-празднует народ.
Началась бурлацкая путина.
Завтра будут лямка, боль и пот.
А пока гуляй и пей, детина!

СКАЗ ПРО ЖАДОВСКУЮ ПУСТЫНЬ

Пустынна Жадовская пустынь,
Что простояла здесь века.
И под ногами хруст капустный
Уже морозного снежка.

Дымится речка Самородка.
Рябиновый пылает куст.
И вдруг пронзительно и чётко
Всем сердцем ощущаешь Русь.

Русь черноризную, что в кельях
Поклоны била об пол лбом.
Но мы на наших новосельях
Давно не ведаем о том.

Мы стали трезвыми до скуки,
Во всём преследуя расчёт.
Вот и родник. Вода на руки
Мои, ознобная, течёт.

Смотри и кайся... Весь проржавел
Безверьем, скукой – ты устал.
О суетной судьбе и славе
Когда-то призрачно мечтал.

Но не обрёл в душе свободы.
Всё, что ни делал, – пыль и хлам.
Сюда заехал мимоходом,
Мотаясь по пустым делам.

Вокруг покой. Снежинки тихо
Летят, кружась, звезда к звезде.
Но не увижу я, как Тихон,
Лик Богородицы в воде.

Когда-то он, упав на глину,
Вгляделся пристально в родник.
И лишь ему, простолюдину,
Открылось чудо в вещий миг.

СКАЗ ПРО КЛАДЫ СИМБИРСКИЕ

-1-

Над Волгой в Шиловской горе
Есть древний клад: в глухой норе,
Нечистой силою заклятой,
Людские кости, мёртвый прах.
И на серебряных цепях
Висит, распятый на столбах,
Большой бочонок, полный злата.
И серебра двенадцать нош,
Вокруг рассыпанные – то ж
Клад запечатан. Кровь пролита
На вход из чёртова копыта,
И космы ведьмы сожжены...
Из меловой глухой стены
Медведь выходит и ревёт,
Лихих людей на ключья рвёт.
Но ты возьми травы разрывной,
Смочи слюною голубиной
Заветный папоротника цвет.
На камень кинь.
И брызнет свет.
Иди за ним вослед без дрожи.
Коль чист душой, то Бог поможет.

-2-

Чтоб клад открылся,
Добровольно
Три года перед тем постись,
Усердно Господу молись,
Пребудь смиренным и довольным.
Потом на Ундоровский мыс

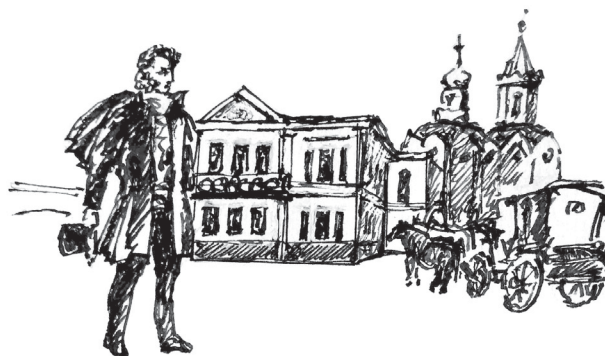
Взойди и крикни:
«Расступись, земля сырая!»
Камень треснет.
Иди, зажмурясь. В тайном месте
Лежит казацкая казна:
Златые цепи, изумруды,
Пуды серебряной посуды
Набиты жемчугом чрез край...
Бери – и нищим треть раздай.
И треть пожертвуй церкви Божьей.
Лишь треть – себе. И не таи –
Не то ослепнешь, обезножишь,
И горьки будут дни твои.

-3-

В избушке ветхой на Часовне
Живёт старик, седой ведун.
Он колдунам мордовским ровня
По знанью тайных знаков лун.
Следи за ним! Крадись стороной,
Когда он с чёрною иконкой
Пойдёт по травам в лунный лес,
Скользя, как уж, вертясь, как бес...
На месте том, где он исчезнет,
Воткни с молитвой гвоздь железный.

И если кровь проступит в нём,
Мешок наполни серебром.
Но ведуну оставь полтину.
И гвоздь возьми – забей в осину!

Глава 9 СКАЗ ПРО ПРЕБЫВАНИЕ ПУШКИНА В СИМБИРСКЕ

-1-

Изведал он презренье и гоненье,
Но ни умом, ни сердцем не остыл.
От тьмы земной его спасло стремленье
В поэзии достичь высот светил.
И мощным взлётом Гений подтвердил
Высокое своё предназначенье.

Его судьбы заветный пробил час.
Но вымолвил он слово не для вас,
Кто слеп и глух к его мечте и воле,
Кто захватил все должности, все роли,
Все почести, все славы...

Он другой.
Он Гений тех, кто видит Русь живой,
И в божьей справедливости счастливой.
Он Гений тех, кто верует в любовь,
И каждое его стихотворенье –
Освобождение от людских оков,
От страстного земного притяженья.

Поэзии молитвенный посыл,
Ко всем, живущим в двадцать первом веке,
Что мощным взлётом Гений подтвердил
Божественное в каждом человеке.

-2-

Напрасный труд о Пушкине читать
Словоплетений путаное кружево.
Пора бы всем нам наконец узнать,
Что Пушкин приезжал в Симбирск не ужинать
К Языковым, Загряжским иль другим
Симбирским хлебосолам записным.

Иные чувства к нам его влекли.
Здесь зрело в нём пророческое слово.
Здесь, как вулкан, поднялся из земли
Народный бунт.
На царство Пугачёва
Венчал народ.
Восстание, как лава,
Катилось на Москву.
Здесь дрогнула держава.

Он вслушивался в строй разбойных песен,
И чувствовал, как зло вскипала в них
Кровь неизбежной, беспощадной мести.
Раскола кровь – на наших и чужих.

Поэт народа есть всегда пророк.
И здесь у нас на полосе тетрадной
Он записал:
– Не дай увидеть бог
Наш русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный!

-3-

Из многих на Руси делами славных мест,
Овеянных преданьем, благолепьем,
К Симбирску был особый интерес
У Пушкина:
Здесь древний русский лес
Граничил с азиатской степью.

Из марева её как волны шли и шли
Густые толпы меднолицых гуннов,
Сметая всё с поверхности земли
Тяжёлой поступью народов юных.

Им были ненавистны города.
Их возбуждали кровь и трупный запах.
Атилы азиатская орда
Обрушилась как Божий бич на Запад.

И к нам из века в век насилье из степи
Шло, сея и раздоры, и измены.
И, как волков, на Русь спускал с цепи
Батыга-хан кровавые тумены.

Как знать, что мыслил, глядя в даль,
Поэт, гуляя на Венце подолгу.
И Грозного царя России дар,
Внизу играла с островами Волга.

СКАЗ ПРО ДЕКАБРИСТОВ

-1-

Россию молодит начало века.
Сулит начало века мятежи.
В них зреет мощь
Для нового разбега
И взлёта русской мысли и души.
В Петре начало нашей доброй славы,
Не очернённой даже свистом розг.
И марши победителя Полтавы
В наш век ещё слышны,
Великий росс!
Забронзовев в полёте над Невою,
Он видел, как на ветреной заре
Другому веку присягнуло кровью
Расстрелянное пушками каре.
Бессилен бунт романтиков,
Поэтов,
И на колени брошены они.
Пять виселиц,
Пять скорбных силуэтов,
Навечно в память врезались страны.
Первопроходцы каторжной Сибири,
Гусары, презирающие страх,
Узнали горький вкус забойной пыли
В далёких забайкальских рудниках.

На прочность их испытывала жизнь.
И там, во тьме рудничной,
Словно знамя,
Как вздох свободы,
Строки родились:
«Из искры возгорится пламя...»

-2-

Но тьма ещё бездонно глубока.
Удел прозревших и угрюм, и страшен.
Спасает лишь любовь.
Издалика
Зовёт свою любимую Ивашев.
Он цену одиночества вкусил
И равнодушья к умственным вопросам.
И под сибирским каторжным морозом
Любовь, одну любовь свою, хранил.

Как угли раскалённые, с пера
Слова стекают с потаённым пылом:
– Я жил, желая Родине добра,
Но что случилось, милая Камилла?..
Тоска на сердце тяжелей свинца.
А впереди – беспамятные годы.
Не знали мы России до конца,
Когда восстали для её свободы.

Сейчас же всё постиг я без прикрас
Мечтаний жарких и заумных прений.
Свобода, может, будет и у нас,
Но только через много поколений.

А жизнь одна...
Случайно, как свечу,
Её задует ветер Забайкалья.
Я так с тобой увидеться хочу!
Но даст ли Бог?
Надеюсь, но едва ли...

Он смял перо.
Опять – слова, слова...
О чём жалеть, ведь жизнь не повторится.
И в печку на смолистые дрова
Упали, вспыхнув, смятые страницы.

Скреблась в оконце, буйствуя, метель.
Плясали вихри снежные на крыше.
Он запахнул казённую шинель
И на крутой крещенский холод вышел.

СКАЗ ПРО СИБИРСКИХ МАСОНОВ

В саду витает прели сладкий запах,
Грот освещён, и в нём вокруг стола
В передниках, перчатках, чёрных шляпах
Вершат масоны тайные дела.

Пустотами глазниц взирает череп.
Ногастый циркуль, молоток, свеча.
Испещрены символикою черен
И ножны ритуального меча.

И рядом гроб. Но что в нём – неизвестно,
Возможно, обиталище мышей.
Таинственность в скупых словах и жестах
Была дворянам юным по душе.

Не ведали они, во что играли,
К какой опасной близилась черте.
Салонные мечты об идеале,
Пустая болтовня о доброте.

Без вольнодумства жить им было скучно,
Без умных книг Руссо и Кондорсе.
Хотя... за милу душу на конюшнях
Своих рабов они пороли все.

В передниках, перчатках, чёрных шляпах
Таинственный свершался ритуал.
Дворян симбирских просвещённый Запад,
Как нынче нас, новинками смущал.

СКАЗ ПРО ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Прекрасна поздняя любовь
На склоне лет, в седую зрелость.
Как шумно будоражит кровь
Поступков и речей несмелость!

Вон из деревни!
Вьётся пыль.
И коренник хрипит в запале.
Так жадно он давно не жил,
Забыв на время об опале.

С дороги – прямо в шумный дом.
По-молодому сердце бьётся.
Он звонко щёлкнет каблуком
И в полонезе с ней сойдётся.

Поправит молодецкий ус.
Обнимет нежный стан девичий.
Старухи шепчутся?.. И пусть!
Ему сейчас не до приличий.

Никто не знает всё равно,
Что эта дева – не забава.
Дуэли, женщины, вино –
Дурная у гусара слава.

Красавиц много покорил
Герой гитары и сражений.
И сколь всего присочинил
Для стихотворных упражнений!..

Но эта пылкая любовь,
Уже последняя, быть может,
И шумно будоражит кровь,
И сердце холодом тревожит.

СКАЗ ПРО ОГАРЁВА

Опять, мой друг, развалины бывшего
Я повстречал...
– Усадьба Огарёва?..
Мужик махнул вдоль улицы рукой.
Я грязь месил осеннюю... Бог мой!
Зияя пустотой провалов окон,
Стояли стен обломки...

Здесь он жил, предтеча революций,
Здесь любил,
Писал стихи, мечтая о высоком.
От податей крестьян освободил,
Устроил фабрику...
В Симбирске и столицах,
Как Герцен, стал он притчей во языцех.
И жаждал оказаться за границей
Своей отчизны на чужом пиру.

Из-за бугра народ звал к топору,
Который не держал в руках ни разу.
И «Колокол» – новейшую заразу –
Привил на неокрепшие умы.
Доказывал, что Русь есть царство тьмы
И скопище рабов... Всё выдержит бумага!
И кончил жизнь в семейных передрыгах...
По мне бы, лучше жизнь он прожил тихо.
В симбирской глухомани, в Проломихе,
Плодил детей и набивал мощну.
Всё лучше, чем облаивать страну
Из лондонской осклизлой подворотни.
Но что о нём мы б ведали сегодня?..

СКАЗ ПРО ВОЛГУ

Обрыв над Волгой у Симбирска.
 Мерцанье чаек в вышине.
 И удаль разинского риска
 В седой раскатистой волне.

Течёт река путём былинным
 Сквозь поколенья, сквозь века.
 Омыты свистом соловьиным
 Её крутые берега.

Просторно сердцу, вольно взгляду...
 И вспомнишь, глядя на волну,
 Про атаманову усладу,
 Про шемаханскую княжну.

Их обвенчал каспийский ветер,
 Их разлучил казацкий смех.
 Улыбку девы в лунном следе
 Таит царица русских рек.

И кто расскажет, как любилось
 Им под разбойничьей луной?..
 Куда колечко закатилось,
 Тяжёлой сорвано рукой?..

В крутой волне замес свинцовый.
 Стихия волжская слепа.
 Не избежать судьбы бедовой,
 Ведь это русская судьба.

СКАЗ ПРО СЕРЁЖУ АКСАКОВА

Сыростью пахнет из леса.
 Влажно блестит мурава.
 Края земельного среза
 Солнце коснулось едва.

Лают спросонья собаки.
 Узенькой тропкой во ржи

Мальчик Серёжа Аксаков
 С удочкой к речке бежит.

Душу сжимает волнение
 И опадает огнём.
 Первое стихотворенье
 Робко проклюнулось в нём.

В солнечной жаркой полуде
 Заводи тихая гладь...
 Через полвека он будет
 Эти часы вспоминать.

Вспомнит рыбачью охоту,
 Белый дымок над рекой.
 Русских лесов позолоту,
 Запах грибницы сырой.

С трепетно жарким волнением
 Детские вспомнит года,
 Первое стихотворенье,
 Что родилось в нём тогда.

Глава 10 СКАЗ ПРО ПОСЕЩЕНИЕ ПУШКИНЫМ ПОДВАЛА, В КОТОРОМ ПЫТАЛИ ПУГАЧЁВА

Узнав о приезде Пушкина, губернатор поднял на ноги прислугу, чтобы она навела порядок и чистоту в коридоре верхнего этажа и в портретной галерее, а также послал человека на помощь Степану в оранжерею, которую он хотел показать гостю как человеку, сведущему в искусстве. Было всего девять утра, и Загряжский после беспокойной ночи выглядел помятым, поэтому полностью отдал себя в руки Пьера, который за какой-то час сотворил из губернатора светского льва, каковым тот и предстал перед Пушкиным, когда тот, сияя белозубой улыбкой, вошёл к нему в кабинет.

Они пожали друг другу руки, затем Пушкин отступил на шаг и восхищённо вымолвил:

– У нас в Петербурге почему-то считают, что в Симбирске по улицам разгуливают медведи, но разве это может быть в губернии, где губернатор уже с утра смотрится лондонским денди.

– В России всего много, – легко хохотнул Загряжский. – Есть и денди, и медведи, но другого такого поэта как вы, Александр Сергеевич, нет. Пушкин один, и этим сказано всё.

– Полно меня хвалить, Александр Михайлович, – улыбнулся Пушкин. – Не спорю, что я один такой, но разве есть в России ещё один такой же Загряжский?

– Конечно, нет, – Загряжский подмигнул гостю. – Меня здесь за глаза называют ветрогоном за моё лёгкое отношение к жизни. Но разве она нуждается, чтобы о ней задумывались?

В ответ на столь глубокомысленное заявление Пушкин только развёл руками и вспыхнул белозубой улыбкой.

– Мне вспомнилось, что Симбирск – родина Карамзина, – сказал он. – Память о первом историке государства Российского должна быть увековечена. И это не только моё мнение. Два месяца назад государь позволил начать сбор средств на возведение памятника. И в Петербурге только на одном обеде было собрано, кажется, более четырёх тысяч рублей. Симбирскому дворянству надо просить государя, чтобы памятник Карамзину был поставлен на его родине.

– Я слышал, что этим делом занялись три брата Языковых, один из них, кажется, поэт.

– Я сегодня еду к нему, в деревню, – сказал Пушкин.

– До неё, говорят, не более чем сорок вёрст. – Мы надеемся, что вы не уедете, не отобедав с нами.

– Как можно отправляться в дорогу на пустой желудок? – засмеялся Пушкин. – А пока, с вашего позволения, я пройду по тем местам, что видели Пугачёва.

Будучи в Казани, Александр Сергеевич объехал места, связанные с кровавыми безумствами пугачёвской вольницы: Адмиралтейскую слободу, пущенную на огненный распыл башкирами Салавата Юлаева, городскую крепость, единственное, что осталось невредимым в буре пламени, дотла уничтожившим почти всю Казань, Арское поле, на которое, подкалывая пиками, согнали жителей, поставили их на карачки, и мужицкий царь с коня вопрошал, любят ли его ограбленные и бездомные люди... Ответ был громким и утвердительным, Пугачёв призывно махнул рукой, и народу выкатили несколько громадных бочек с вином, к которым бросились все, а утром гренадёры подполковника Михельсона взяли пьяные толпы без разбору в штыки, и началась такая резня, что трупы запрудили речку Казанку, и она вышла из берегов.

По дороге в Симбирск эта ужасная картина не раз ему представлялась как живая, и всё существо поэта обжигала скорбная мысль, что судьба человека, а то и всего народа, может зависеть от игры случая. Откуда взялся этот Пугачёв, который никак не мог своим умишком прийти к решению объявить себя самодержцем всея Руси? Определённо его кто-то направлял, и этот вопрос занимал в своё время генерала Павла Потёмкина, который толковал по душам с вздёрнутым на дыбу мужицким царём и вынес из этой беседы твёрдое убеждение, что в Емельке нет ничего людского, а душа его насквозь прокопчена подлым духом ненавистника всего дворянского сословия.

В Симбирске Пугачёва содержали в подвале дома Пустынникова, перед которым стоял Александр Сергеевич, разглядывая почерневшие кирпичные стены, тяжёлые железные ворота, из которых дворник выметал опавшие с деревьев листья. Увидев Пушкина, он обнажил голову, поклонился и опять взялся за метлу.

– Скажи, старинушка, не здесь ли держали Пугачёва?

– Здесь, – подтвердил дворник. – В подвале его держали на двух цепях. Было бы что показывать, а там что?.. Мётлы, доски, бочки...

– Я на хлам глазеть не буду. Веди!

Подвальная камора, куда вошёл Пушкин, была довольно обширной и занимала примерно четвертую часть от всего подвала. Дворник запалил смольё, Александр Сергеевич огляделся, но ничего интересного для себя не заметил.

– Не туда глядишь, барин, – сказал старик. – Подними-ка голову. Видишь кольцо в потолке? Вот, рассказывают, на нём и вздёрнули Емельяна Ивановича, когда пытали.

Пушкин поднял голову и в мечущемся из стороны в сторону пламени от смолья увидел большое железное кольцо, намертво вделанное в кирпичную кладку. Через него палачи просовывали цепи,

чтобы приподнять узника над полом, сорвать с его плеч рубаху и после заданного вопроса, не дожидаясь ответа, ожечь размашистым ударом сыромятного кнута.

Александр Сергеевич резко повернулся и поспешил выйти на свет. Дворник, не отставая, шёл следом. Возле ворот Пушкин остановился и отдал старику деньги.

– Я бы всё тебе показал, барин, только ничего больше не осталось от Емельяна Ивановича, лишь одно кольцо.

От дома Пустынникова к губернаторскому дворцу Пушкин пошёл по кромке крутого берега Волги, который был заметно обустроен: аллея между лип и вязов посыпана песком, имелось четыре фонарных столба и несколько скамеек, все свежeverкрашенные, каждая с дарственной надписью. Александр Сергеевич отвернулся от памятников человеческой глупости и тщеславию и сразу о них забыл, поражённый величественным простором Заволжья.

«Это уже не Европа, – подумал поэт. – В Европе такого простора нет и быть не может. Это – Азия, прародина всех европейских народов. Здесь, на Волге, находится рубеж между лесом и степью, и Грозный Иоанн, покорив Волгу от верха до низа, соединил в России две цивилизации – европейскую и азиатскую».

СКАЗ ПРО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА ГОНЧАРОВА

Не первый год ищу я ключик-слово,
Чтобы разгадать загадку Гончарова.
Он для меня таинственен своей
И мудростью, и глубиной прозренья
В характер русский, что до наших дней
Живёт в неспешной части поколенья,
На коем Русь державная стоит,
Пока другая часть волнуется, шумит,
На митингах поклоны бьёт свободе,
И на словах болеет о народе...

Нет смысла в торопливости пустой.
И я слова нашёл – «ж и в о й п о к о й».
Вот чем писатель русский был насыщен,
И поделился с каждым, кто очищен
От суеты, и зависти, и лжи,
Покою русской мировой души
В своём «Обломове»...

Его прозренья мощь,
Всегда была великой русской силой.
Покою Божьим Русь себя хранила.
И никакая западная ночь
Над волжскими не встанет берегами,
Коль Гончаров всегда пребудет с нами.

СКАЗ ПРО АНДРЕЯ БЛАЖЕННОГО

-1-

Крадётся в город стужа.
Летит листва с ветвей.
Бредёт босой по лужам
Юродивый Андрей.

Всё небо в звёздах стылых.
На Русь грядут снега.
И свишет ветер в дырах
Худого армяка.

В мешке краюшка хлеба,
В кармане сахарок.
Он жадно смотрит в небо
И ждёт, что скажет Бог.

И чудо! – дух нетленный
Над ним прошелестел,
И пал он на колени
Пред тем, кого узрел.

Сияньем встрепенулась
Вокруг Андрея тьма.
И благодать коснулась
И сердца, и ума.

-2-

То пожары, то бунты, то глады
На Руси пребывали всегда.
– Без святого не выстоять граду, –
Сокрушались, – и это беда.
Надо ждать, пока он народится
И защитой станет для нас.
Будет время ему появиться
В предназначенный Господом час...

Много было в Симбирске лихого:
То чума обезлюдит, то бунт
Стеньки Разина иль Пугачёва
Вспыхнет – вырвать народы из пут.

Два столетия прошло с основанья...
Отпевали...
Крестили детей...
И людские сбылись ожидания –
К ним явился Блаженный Андрей.

Это стало для всех божьим даром
Что, казалось, был дан навсегда.
При Блаженном Андрее пожаров
Не бывало почти никогда.

Но когда он скончался, то вскоре
Град Симбирск сгинул в огненном море.

СКАЗ ПРО СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ

Симбирск, тому всего два века,
Был важный «Город-дворянин».
Он с высоты крутого берега,
Смотрел, как властный господин,

На Волгу, что живой и людной,
Была с весны и до зимы,
Кормилицей и песней чудной,
Мечтой, ласкающей умы,
Что счастье явится к ним скоро,
И случай даст разбогатеть.
Хоть у судьбы всем без разбора
Одно лишь счастье – умереть,

Чтобы избавиться от страха...
Судьбы коварная игра –
Идти по жизни, как по плахе,
В конце не видя топора.

Но кто об этом знает в детстве,
Кто строит по расчёту жизнь?...
Мы в счастье верим
с чистым сердцем,
И потому стремимся ввысь.

Ведь русский – тот,
кто жив в надежде
По правде жить, хотя бы раз.
И наши предки были те же
Мечтатели, как мы сейчас.

Не надо их корить за ломку
Того, что отжило дотла.
Не мне – усталому потомку –
Судить великие дела.

Дела людей оценит время.
И точный даст на всё ответ.
Взойдёт ли ленинское семья?...
Иль сгинет Русь в пучине бед?..

СКАЗ ПРО СИБИРСКИЕ КОЛОКОЛА

Не избыть из души
Приснопамятных дней.
Как и всюду тогда
В государстве Российском,
Три собора
И тридцать приходских церквей
Возвышались призывно
Над градом Симбирском.

И светились, как звёзды,
Над ним купола.
И святые кресты
Негасимо сияли.
И гудели приподнято
Колокола
В дни вселенских торжеств
И вселенской печали.

Возвышалась пред ликом
Христовым судьба,
Обретая в моленьях
Полёт и свободу.
Из столетия в столетье
Россия себя
Сохраняла под сенью
Незыблемых сводов.

Не сломили устоев её
Мятежи,
Ни набеги,
Ни пропасть чиновной утробы.
Но пришли времена
Запустенья души.

Век двадцатый настал,
Равнодушья и злобы.

И не видно вдали
Очищающих дней.
Запустенье и мрак
В государстве Российском...

Три собора
И тридцать приходских церквей
Возвышались когда-то
Над градом Симбирском.

СКАЗ ПРО ВЕЛИКИЙ ПОЖАР, 1864

Сады над Волгой млели в лунном свете.
Земля и стены источали пыл.
Стояла сушь, и даже в полночь ветер
Набухших жаром крыш не остудил.

Ночь шла на убыль. Вновь звезда упала.
Проснулись петухи. Струился пар.
И над Симбирском зарево вставало,
Но это не заря была – пожар!

Сначала вспыхнул дом сухой берестой,
За ним – другой... И занялся квартал.
И, набирая мощь, стихии грозной,
Всё сокрушая, покатился вал

Огня и пепла. Задыхаясь гарью,
Метались люди в море огневом.
Семён искал Петра,
Иван звал Марью.
Мать в полямья рванулась за дитём.
Горело всё: деревья и заборы,
Взрывались крыши, падали мосты,
Пылали церкви, рушились соборы,
На колокольнях плавилась кресты.

В огне и смраде пировало лихо.
Казалось, время судному концу.
И над Симбирском раскалённый вихорь,
Сжигая всё, как Змий, летел к Венцу.

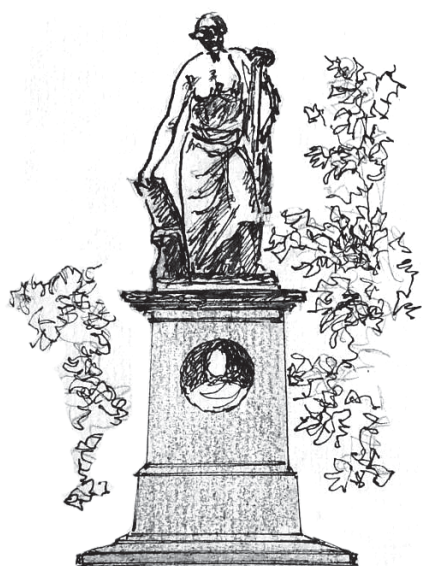
Московский тракт усыпан был вещами
Людей, бежавших из своих домов.
Настало время скорби и печали
И покаянных запоздалых слов.

И не один Симбирск горел в то время.
Горели петербургские дворы.
Но ветер окаянства и безверья
Лишь только начал раздувать костры

Братоубийства и безбожной розни,
Посевова зла, из коих встала смерть.
И, может быть, понять ещё не поздно,
Когда Россия начала гореть.

Продолжение следует

Иллюстрации Анатолия Обвинцева

Наша Справка:

Николай ПОЛОТНЯНКО, поэт, прозаик, драматург, родился 30 мая 1943 года в пгт Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов и прозы: «Братина», «Круги земные», «Симбирский временник», «Государев наместник», «Клад Емельяна Пугачева» и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, орденом Ф.М. Достоевского. Живет в Ульяновске.

ЮБИЛЕИ

Нина НИКИФОРАКИ, член Союза журналистов России.

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

К юбилею Анатолия Обвинцева

Совпадением это назвать нельзя. Просто сошлись два юбилея. Ульяновское региональное отделение ВТОО «Союз художников России» отмечает 85-летие со дня своего основания в 1936 году. В главном выставочном зале страны, «На Покровке», экспонируются лучшие работы наших живописцев, графиков, скульпторов, дизайнеров-прикладников. Событие по всем параметрам значимое, статусное, а по нынешним временам – еще и удивительное.

У художника Анатолия Александровича Обвинцева – юбилей личного характера, но тоже важный: 2 июля 2021 года ему исполняется 80 лет. К тому же на стыке роковых постперестроечных годов (1991–1993 гг.) он как раз возглавлял Ульяновский союз художников (УСХ). Председателю правления УСХ досталось за всё и сразу: за отсутствие спроса на картины, за «обнуление» официальных заказов, за резкое понижение внимания к мастерам изобразительного искусства.

Если говорить начистоту, то Ульяновск как культурная столица Поволжья во многом обязана именно художникам. Традиционно сюда привлекались, приглашались и зазывались выпускники главных столичных учебных заведений:

Суриковки, Репинки, Мухинки, Строгановки. Это и сегодня топовые академии и университеты страны. Молодых и перспективных искушали квартирами, мастерскими, заказами и, надо сказать, не обманывали.

А вот Анатолий Александрович переехал в Ульяновск в 1972 году сам и по большой любви. Да с каким творческим багажом! К тому времени он – выпускник Московского высшего художественно-промышленного училища (ныне академии им. С.Г. Строганова) – несколько лет проработал главным художником города Пензы. Как водится, талантливых «москвичей» старались приобщать и к педагогической деятельности. Новому «урбоначальнику» предложили по совместительству послужить в Пензенском художественном училище им. К.А. Савицкого.

Он согласился. И это решение оказалось роковым. Во-первых, на декоративном отделении он встретил свою любовь – студентку Людмилу. Через два года последовал за ней в Ульяновск. Во-вторых, так и не смог отвязаться от педагогического наваждения. Ульяновское училище культуры, а затем и открывшийся Ульяновский государственный университет буквально преследовали художника, приглашая его на преподавательскую работу.

Итак, прибытие в Ульяновск произошло по семейным обстоятельствам. А уже в следующем, 1973, году Обвинцева приглашают в Ульяновское областное управление торговли. Там при комбинате «Торгмонтаж» требовалось создать подразделение торговой рекламы: надо было обновлять интерьеры магазинов, витрин, выставочных площадей. Внедрение советского опыта рекламных шоу-хау 70-х прошло успешно, потому что уже в 1976 году Анатолий Александрович переходит на работу в Архитектурно-планировочное управление на должность главного художника города Ульяновска и остается на ней в течение долгих восьми лет. Так что звание первого официального дизайнера 70-х – 80-х по праву принадлежит именно Обвинцеву.

Удивительно, но сил хватало и на личное творчество. Увлечение графикой, которое появилось еще во время учебы в Строганах, никуда не ушло. Именно в этот период Обвинцев вдохновенно создает свои лучшие и любимые до сих пор экслибрисы. Его работы в этом жанре экспонировались по всему миру: в Дании и Польше, Венгрии и Югославии, ГДР, Швейцарии, Чехословакии... Ему заказывали миниатюры для своих каталогов известнейшие коллекционеры. Экслибрис для Норберта Липпоци, опубликованный в 1971 году, буквально окрылил молодого автора. Миниатюры Обвинцева начали печататься в журналах, альманахах, в газете «Книжное обозрение» и других центральных изданиях. К московской Олимпиаде 1980 года художник создает экслибрис Бориса Михайлова, и эта ксилография выходит на страницах специального сборника «Спорт-экслибрис».

Эти миниатюрные произведения требуют особой тщательности и кропотливого труда. Кстати, инструментами для гравюры художник обзавелся еще в студенческие годы. Большую часть резцов смастерил сам из ножей рубанка: распиливал их на заготовки, доводил на наждаке, закаливал, полировал и затачивал. Дерево для гравюр «промышляли» тогда на кафедре, находили даже самшит – редкий и ценный материал. В среде молодежи Строгановки увлечение графикой было явлением повальным и осознанным.

Именно в статусе графика Анатолий Александрович подступал к вершине официального признания в профессии – к вступлению в Союз художников. Солидные должности, дипломы лучших вузов страны значение, конечно, имели, но решающими факторами оставались талант, умение нестандартно мыслить, создавать оригинальные произведения искусства.

Ульяновское региональное отделение Союза художников СССР было мощным, всеохватывающим творческим объединением. Более четверти века (1956 – 1985 гг.) коллектив единомышленников возглавлял народный художник РФ А.В. Моторин. В те годы осуществлялось строительство Дома художников, производственных и индивидуальных мастерских, шла реконструкция Картинной галереи по ул. Гончарова.

В истории развития культуры нашего края остались имена живописцев, скульпторов, графиков. Среди них: У.М. Парамонов, А.И. Дягилев, И.В. Лежнин, С.П. Горинов, Р.А. Айрапетян, Л.А. Турская, А.И. Клюев, В.П. Шеломов, супруги Франго и Богомолковы...

Выставкомы с участием авторитетных мастеров, на которых решалась судьба молодых дарований, превращались не только в суровые испытания, но и в дружеские мастер-классы. Любое замечание ценилось и внедрялось в процесс. Только лучшие из лучших произведений отправлялись на региональные, республиканские, всероссийские выставки, на столичные тематические вернисажи и конкурсы.

Надо отдать должное, столь же щепетильно мэтры оценивали и друг друга. Конкуренция шла на самом высоком уровне. Сравнивались не только картины, но и академии!

Приятно отметить, что работы Анатолия Обвинцева в этом потоке шедевров не терялись. Уже в 1973 году он участвует в первой зональной выставке молодых художников в Чебоксарах, а в 1974-м показывается на Четвертой зональной «Большой Волге» в Горьком. Значимыми событиями в судьбе автора становятся «Молодость России» (1976) и «Советская Россия-VI» (1980). Оба вернисажа проходят в Москве, в крупнейшем выставочном зале – «Манеже».

В 1982 году Анатолий Обвинцев был принят в Союз художников СССР. Через два года он окончательно сдает официальный пост в мэрии Ульяновска и переходит на творческую работу. Начинается другая жизнь, открываются новые просторы деятельности.

В судьбе каждого состоявшегося художника важны любые детали, любые события. Вот потому Анатолий Александрович с особой теплотой вспоминает и первую коробочку с настоящими медовыми акварельными красками – подарок старшего брата Константина, и первые репродукции картин великих мастеров, увиденные в журнале «Огонек», и то, как оформлял школьные и армейские стенгазеты и плакаты.

Принимать, познавать искусство как смысл жизни, как источник людских радостей Обвинцев начал с раннего детства. Он родился 2 июля 1941 года в городе Садка Челябинской области. Был младшим, седьмым по счету ребенком в дружной

рабоче-крестьянской семье. Рабоче-крестьянской в полной мере. Потому что труд на заводе «Магnezит», градообразующем предприятии небольшого уральского поселения, не освобождал семью от ведения обширного натурального хозяйства.

Шла Великая Отечественная война. Уходили на фронт братья и сестры. Старший, Леонид, еще в 1940 году поступил в летное училище города Шадринска. Очная встреча братьев произошла только после Победы. Взрослый, в офицерской форме человек вызывал восхищение. Осознать степень родства пятилетнему ребенку было тогда непросто...

Склонность к рисованию Анатолию пригодилась уже в школе. Классный руководитель включила мальчика в редколлегию. Юные оформители были изобретательными: писали заголовки шрифтом с... рублевых денежных купюр. Все школьные годы Обвинцев исправно выпускал газеты, иллюстрировал заметки, сочинял карикатуры.

Впрочем, была и настоящая, профессиональная подготовка. При Дворце культуры «Магnezит» действовала изостудия для взрослых. На разведку отправились вместе с отцом. Долго уговаривать родителей не пришлось – Александр Тимофеевич поддерживал сына.

Вениамин Петрович Карякин, руководитель студии, оказался выпускником Свердловского художественного училища. Кроме рисунка, были занятия по живописи. Натюрморты выполняли акварелью и маслом. К тому времени на свой страх и риск Анатолий уже пробовал копировать классиков: «Чаепитие в Мытищах» Василия Петрова и даже Илью Репина – «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

В качестве «подработки» расписывал по эскизам популярных пейзажей прикроватные коврики. И уже тогда молодой художник экспериментировал: додумался разбавлять краски масляным лаком. На зависть конкурентам – ковры блестели!

Трудовая биография Обвинцева уникальна. Три года после десятилетки работал на заводе: электрослесарем, помощником машиниста, машинистом электровоза. Всем домашним ремеслам обучил сына отец – именитый умелец, мастер на все руки. Сельскохозяйственные навыки осваивали всей семьей. Работали на земле много и постоянно. Так что к службе в рядах Советской армии Анатолий был подготовлен всесторонне. Но и там дальнейшую жизнь призвания определило искусство. Случай неординарный, но еще во время службы Анатолию удалось окончить двухгодичные курсы рисунка и живописи Заочного народного университета культуры им. Н.К. Крупской.

Провожали на гражданку с почетом. Сослуживцы по очереди несли тяжеленный чемодан с красками и художественными работами. Товарищи верили, что путь «на Москву» выбран правильно.

Умопомрачительное время студенчества в знаменитой Строгановке Анатолий Александрович описывает в своих мемуарах «Годы мои, годы...». Эти воспоминания опубликованы в 2014 году в журнале «Литературный Ульяновск». Там подробно рассказано о детстве и юности, о незабвенных родителях, о судьбах братьев и сестер. Не жалеет автор

и добрых слов о других людях, встреча и дружба с которыми наполнили и обогатили его последующую жизнь.

Пятилетнее обучение премудростям на факультете дизайна интерьеров и оборудования закончилось тривиально – защитой диплома. Именитым мэтрам приемной комиссии были предоставлены арт-объекты – четыре настоящих мягких кресла. Правда, вдобавок к ним – почти двадцать планшетов со схемами, замерами, рисунками и вычислениями. Солидный графический материал в купе с полезными предметами мебели был одобрен в течение получаса...

Диплом получен. Однако оценить диапазон собственных возможностей было проблематично. Художнику в первом поколении сложно ориентироваться в профессии – подсказки ждать неоткуда. Хорошо, что после вузов было распределение. Пришла заявка и на должность главного художника Пензы. Сейчас в такое верится с трудом. А тогда новоиспеченный молодой специалист Анатолий Обвинцев поехал по распределению.

Свободным художником Анатолий Александрович стал далеко не сразу. Как упоминалось выше, ему пришлось потрудиться в качестве главного художника двух областных городов – Пензы и Ульяновска. Переход на творческую работу случился в 1984 году. Это значило: долой чиновничью обязательку, да здравствует волюшка-воля! Все есть у свободного художника, кроме одного – систематической зарплаты. Трудись, пиши картины, наслаждайся искусством. При этом у тебя двое детей и супруга – тоже художница. Думаю, было о чем поразмыслить главе семьи, прежде чем решиться на этот важный шаг.

Это только кажется, что на свободе легко и просто. Художники-живописцы, например, чтобы «не увязнуть» в одной картине, берутся одновременно за несколько полотен. У Обвинцева же диапазон значительно шире. Графические работы требуют колоссальной подготовки и разнообразной деятельности. От эскизного рисунка до печатного станка – целое производство.

Еще одно увлечение тех лет – ювелирное дело. Работа с металлом, драгоценными и полудрагоценными камнями сама по себе наука щепетильная, берет основу в народных промыслах. Но трудиться было для кого: любимые жена и дочка охотно носят украшения. Да и каким барышням не понравилось бы такое внимание!

«Вариться» в масштабах собственной мастерской человеку деятельному и много умеющему вскоре стало тесно. Да и опыт организационной работы скопился немалый. Коллеги-художники сначала избрали Обвинцева в члены правления, а через несколько лет Анатолий Александрович уже возглавил творческую организацию Ульяновского отделения СХ.

Начало 90-х. Вся страна – в переменах, «в перестройках». Пришли они и в творческие организации и отразились не лучшим образом. Не стало официальных заказов, картины залеживались в мастерских, нечего было оформлять и не для кого. Из

привилегированной, в общем-то, прослойки общества художники в одночасье перешли в обычную массу граждан.

От руководителей области, к которым тогда обращались художники, помощь получили неожиданную: берите землю и кормитесь, займитесь сельским хозяйством. Предлагали деревни Смородино, Артюшкино, Подкуровка. Хорошо, что не тундру, как в наши дни!

И взяли, и вспахали, и засеяли. Теперь Смородино, что в Сенгилеевском районе, освоено творческими людьми с завидным усердием. И зовут деревню теперь любовно - «Смородина».

Этот участок земли стал для семьи Обвинцевых «местом силы». «Смородина. По первому снегу», «Сирень и ландыши», «Пионы», «Ирисы», «Дельфиниум», натюрморты всевозможных даров природы написаны автором с натуры. В своей усадьбе Анатолий Александрович все построил своими руками, добротнo и основательно. Конечно, не без помощи Людмилы Викторовны. Той самой девушки-студентки, за которой рванул в Ульяновск полвека назад. Золотую свадьбу супруги Обвинцевы отметят в следующем году.

За последние 20 лет Анатолий Александрович создал солидный объем работ как в живописи, так и в графике. Например, проиллюстрировал всемирно известное произведение Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел». Это единственный латинский роман, дошедший до нас целиком. Удивительная история любопытного Луция, по случайности обращенного в осла, переведена в России еще в XVIII веке. Даже если вы никогда не читали романа, то слышали хотя бы сказочку об Амуре и Психее. Восемь иллюстраций из этой серии были опубликованы в каталоге Международного открытого фестиваля в Волгограде в 2013 году. В современном графическом искусстве такой труд – уникальное явление.

Следующей крупной удачей художника, безусловно, можно назвать серию иллюстраций к роману И.А. Гончарова «Обломов». К счастью, ряд из них мы уже смогли увидеть на страницах альманаха «Литературный Ульяновск» (2013–2014) и в литературном журнале «Симбирскъ» (2019). Хочется верить, что публикации продолжатся, и не только в Ульяновске.

В 2007 году заслуженная победа пришла на Межрегиональной выставке-конкурсе ПФО, где триптих «Страницы каменной летописи» получил первое место в номинации «Графика» конкурса «Золотая палитра». Эта работа выполнена в сложной технике офорта, акватинты и цветной печати. Сегодня она представляет автора на юбилейной выставке в Москве.

Недавно я с удовольствием побывала в мастерской Анатолия Александровича. И в очередной раз была поражена. Художник создал серию работ под общим названием «Кентавромахия». Это пять живописных полотен, на которых развернуто повествование из древнегреческой мифологии. Центральное событие – «Битва между кентаврами и лапифами». Самый распространенный сюжет той далекой баталии – «Похищение лапифянки», вдохновивший плеяду великих мастеров античности, Возрождения и... наших дней.

Согласитесь, что сам выбор темы, масштабность исполнения вызывают по меньшей мере восхищение. И это – уже в живописи!

А рядом, стопочкой вдоль соседней стенки мастерской, картины других мотивов и образов: «Вечерний Ульяновск», «Станция Садка», «С. Прислоניה. Праздник – Пластовская осень», «Купола. Ростов Великий», «Юные ходоки», «После бури. Утро»... И как тут разобраться, какие легенды и были истории нам ближе, понятнее, роднее?

Как я уже упоминала, Анатолий Александрович работал в Ульяновском училище культуры и на факультете культуры и искусства УлГУ. Почти 15 лет совмещал творчество и преподавательскую деятельность. У него был высокий рейтинг среди преподавателей творческих кафедр университета. Его студенты успешно работают сегодня дизайнерами в ведущих фирмах России и зарубежных стран.

И своих детей Обвинцевы талантом не обидели. дочь Анна Вилкова тоже член Союза художников России, кандидат педагогических наук. Она не только доцент УлГУ, но и с недавних пор возглавляет старейшую детскую художественную школу в нашем городе. Сын Виктор стал архитектором, сейчас он член Союза архитекторов России. Живет и работает в Москве. В столице также учатся и работают трое внуков: Александр, Екатерина и Машенька. Пусть все у них будет хорошо!

Солидный юбилей – время о многом задуматься. Однако экскурсом в историю собственной жизни художник не ограничивается. Перед ним – новые творческие горизонты. Анатолий Александрович задумал создать очередной цикл работ – теперь это будут иллюстрации к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Задача, согласитесь, не только эпического или эстетического воззрения, но и практического свойства. Уже выполнены первые карандашные наброски, намечены характеры персонажей. Вот-вот и появится она, та самая атмосфера народного стремления жить хорошо, весело, вольготно и, конечно, на родной Руси.

На кону – поиск счастья. Он бесконечен и радостен.

УВИДЕТЬ И ЗАПЕЧАТЛЕТЬ

Картины Анатолия Обвинцева

Анатолий Обвинцев. Колокольчики

Анатолий Обвинцев. Купавки

Анатолий Обвинцев. Сирень и ландыши

Анатолий Обвинцев. Уральские пейзажи

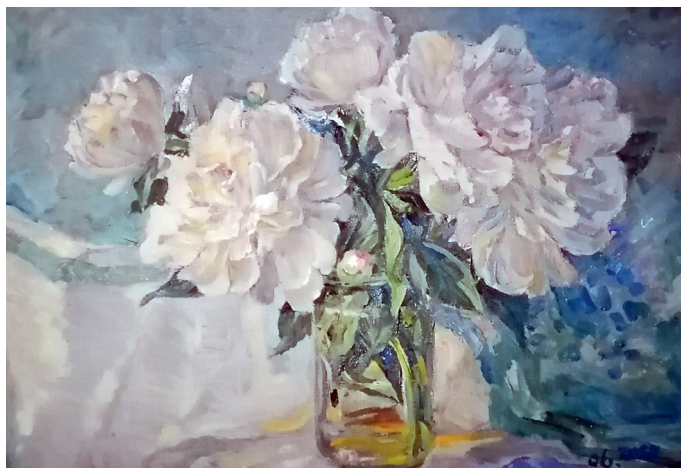
Анатолий Обвинцев. Станция Сатка

Анатолий Обвинцев. Меланхолия

Анатолий Обвинцев. Похищение Лапифянки

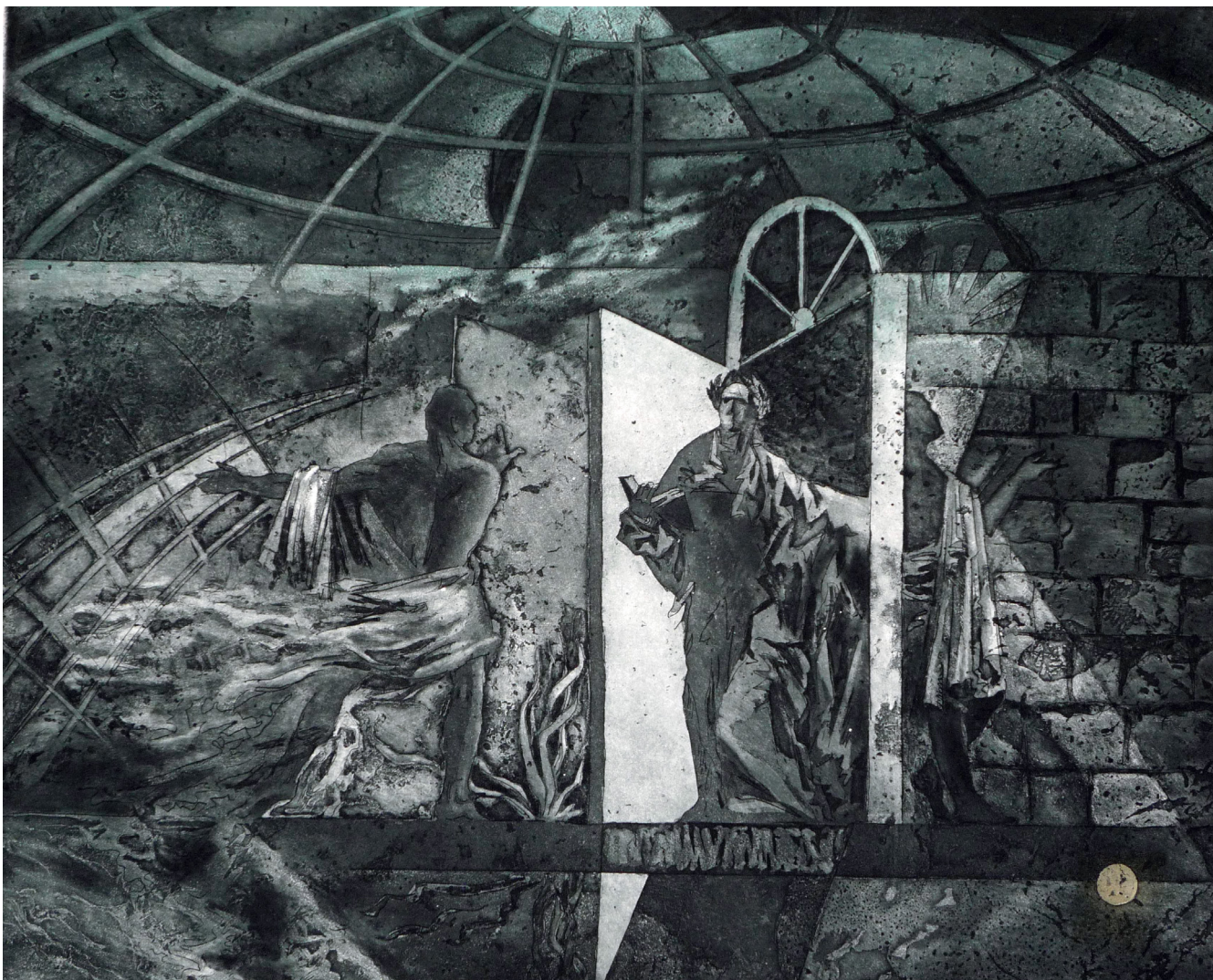
Анатолий Обвинцев. Пионы

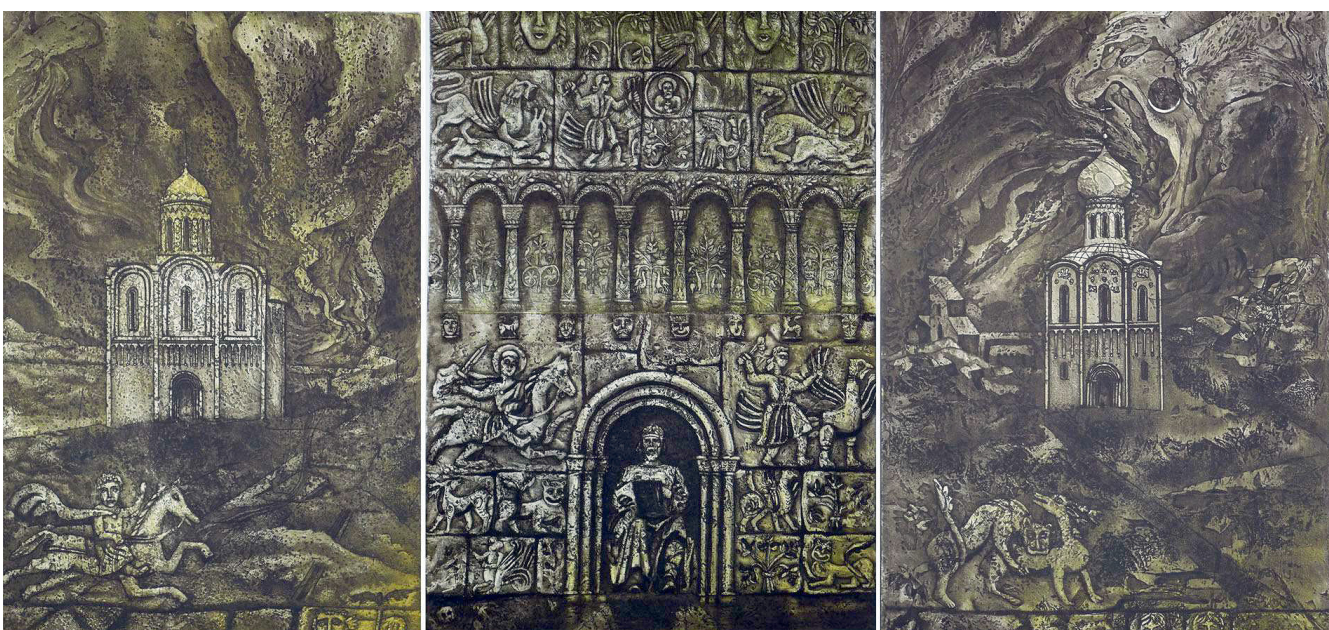
Анатолий Обвинцев. Колокольчики мои

Анатолий Обвинцев. Летние цветы

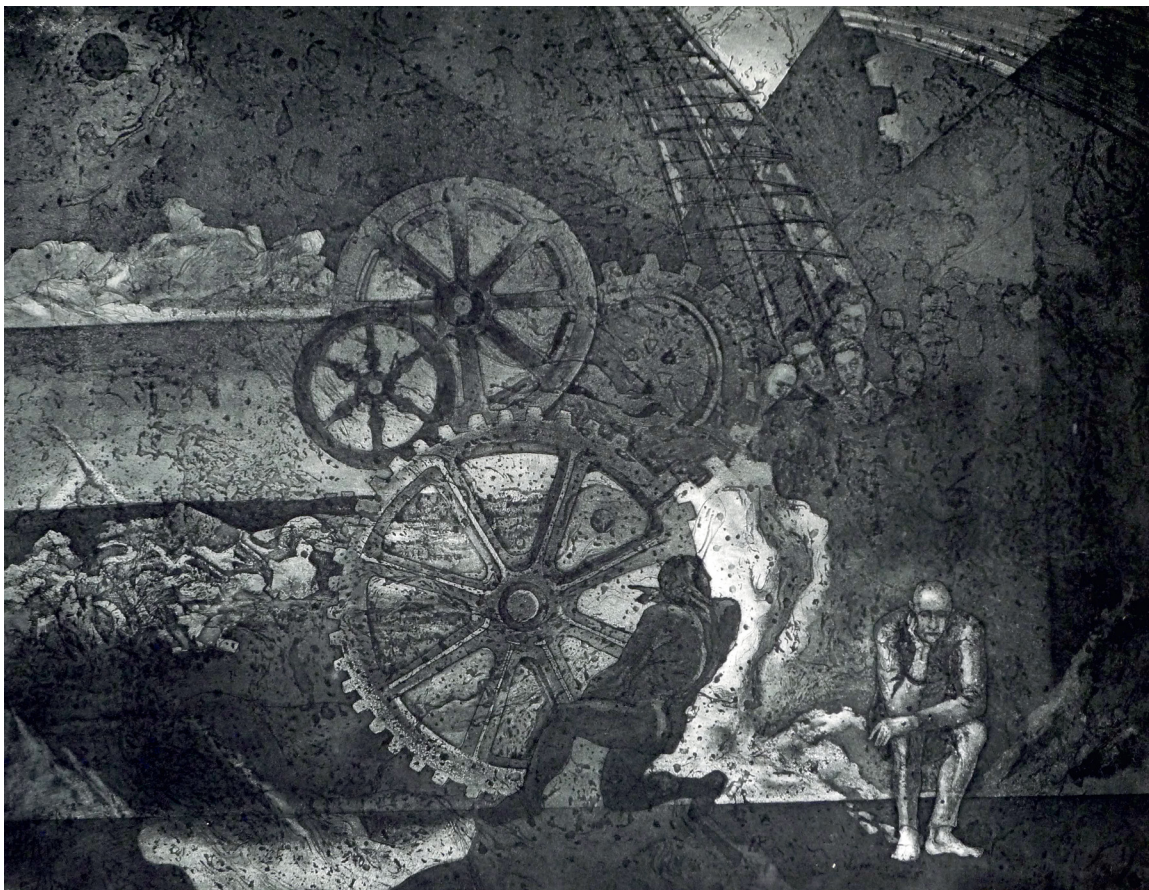
Анатолий Обвинцев. Стихи и проза. Из серии «Люди и судьбы». 1996–2004 гг. Офорт, акватинта, 30x40

Анатолий Обвинцев. Слово о полку Игореве. Стр. кам. летоп

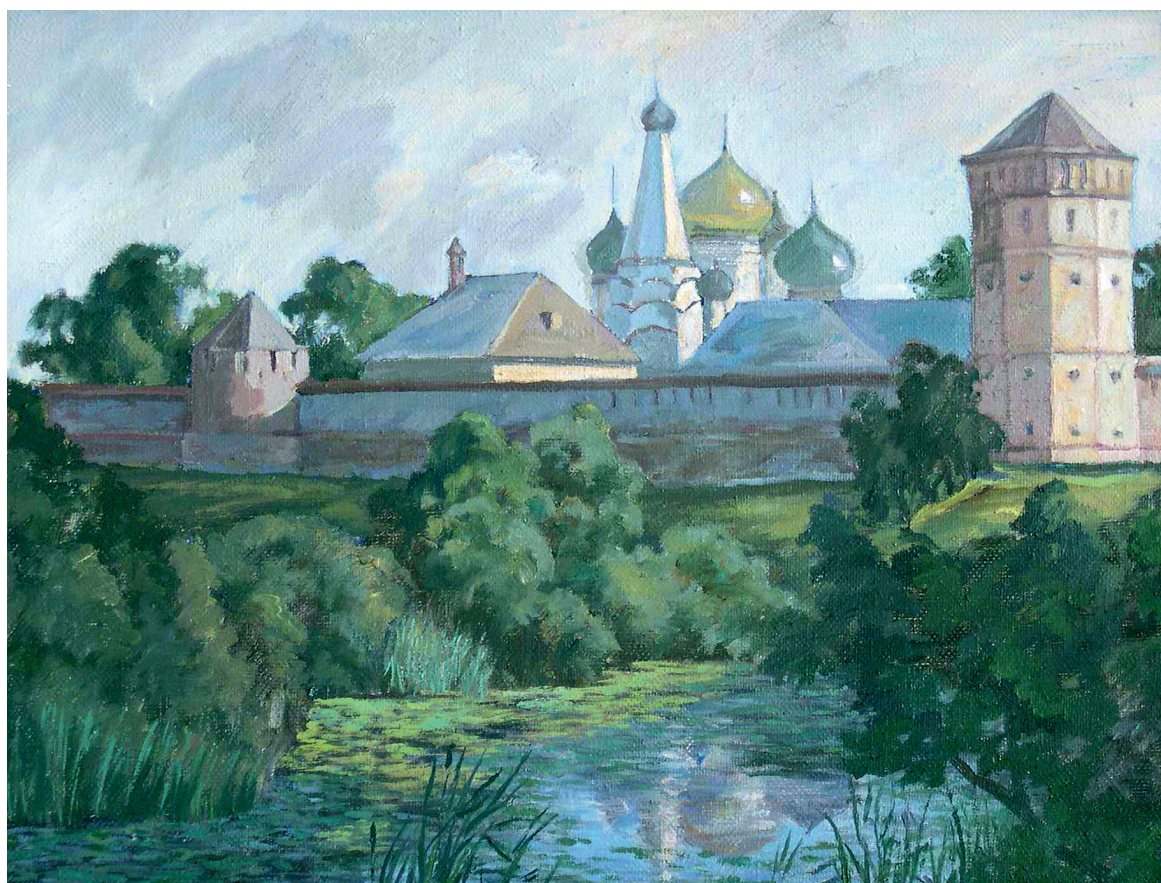
Анатолий Обвинцев. Перекасти-поле. Из серии «Люди и судьбы». 1996–2004 гг.
Офорт, акватинта, 30x40

Анатолий Обвинцев. Философ. Из серии «Люди и судьбы». 1996–2004 гг.
Офорт, акватинта, 30x40

Анатолий Обвинцев. Прислониха. Пластовская осень

Анатолий Обвинцев. Суздаль

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Олеся КОЗИНА, поэт, член Союза писателей России.

НАГАДАЙ МНЕ, СОЛНЫШКО, СЧАСТЬЯ ПОЦВЕТНЕЙ

ЗИМА

* * *

...мишура, огни, игрушки.
Радость к ниткам привяжу
и до ёлочной макушки
ветви ярко наряжу.

Прочь все горести-утраты;
убирайтесь, наконец.
Снега сахарная вата.
Неба синий леденец.

Как же хочется и нужно:
за порог да наугад.
В снегопад, метель и стужу,
чтоб мела-мела пурга.

И сквозь снежную завесу –
по наитию домой,
в льдинках тающего веса,
с тенью зимне-голубой.

Вот бы тесную усталость
скинуть-выбросить в сугроб...
загадать простую малость:
счастья медленный озноб.

* * *

...хруст-хруст-хруст...
Зимняя прогулка.
Куст, куст, куст
мёрзнет в переулке.

8.01.2021

Дин-дон-дон:
по небу бубенчик.
Снежный сон
хрупок и застенчив.
Тук-тук-тук:
веточка о ветку.
Пара рук
держится так крепко.
Шаг-два-три,
эхо по тропинке.
Ой, смотри:
тишина в снежинках.
Тсс, Зима!
Дремлет город белый.
...
(а сама
всю дорогу пела
...)

13.01.2021

ВЕСНА

* * *

Воздух – солнечный, морозный,
чуть звенящий, чуть хрустящий...
Как я весело бродила...
День повсюду ликовал!..

Синий-синий, несерьёзный
ветер – свежий, настоящий,
он признался мне, бескрылой,
что весну уже догнал...

И, придумывая лужи,
капли рвутся прочь из клеток:
ослепительнее льдинки!
...чьё-то счастье – на весу...

...с одобреньем птичьим дружным,
подгоняемая веткой,
я в весеннюю починку
скоро сердце отнесу...

28.02.2018

* * *

...тренькает залиvisto
птичка сквозь февраль.
Небо скоро выместит,
отворяя даль!..
Золотеют донышки
безголосых дней.
Нагадай мне, солнышко,
счастья поцветней.
...не стояла раньше я
столько у окна.
Ах, душа вчерашняя,
скоро же весна!

22.02.2020

ЛЕТО

* * *

...июль ушёл, и зелень потускнела.
Порывы ветра невпопад
и наступающий закат...
И желтизна в траве струится смело.

...июль ушёл, уже недосыпаем.
Беспечный блеск исчез с листвы.
И этой солнечной молвы
мне в августовской хмури не хватает...

6.08.2020

* * *

Тяжёлый август, ветренный и влажный,
густой как мёд.
Блестит деревьев синяя поклажа...
и солнца пот...
Сквозь запах дней – с назойливой горчинкой
осенний вкус!
...ах, лунная родная половинка...
Бессонный груз.

...
Пусть тёмен дождь,
но в клетке брызг беспечных
сверкает лист, –
от веточного струнного предплечья,
чей звук так чист.

...
Плывущий август, запахи и чары
в твоей волне.
И что-то – от покоя! – просто даром
на сердце мне.

9.08.2019

ОСЕНЬ

* * *

...струнную ветра рапсодию
цвета ликующий подиум
листья, объятые танцами
неутолённые странствия
смертную боль превеликую
лица, раскрытые бликами
воздуха тон клавиноновый
шёпот бессонниц сатиновый
неба обрезки под крыльями
посох немомо бессилия
горькое эхо признания
утра величие раннее
чью-то тоску безыскусную...
вот что я осенью чувствую

30.09.2018

* * *

В липу нырнуть бы,
в звон позолоты!..
В вечности прутьях –
дивное что-то...
тише печали,
ярче тревоги,
дольше спирали
синей дороги...
...музыкой – с липы,
вздогнув в прохожем!
Листья рассыпав,
солнца дороже...

23.10.2019

*Анатолий ШУТЫЙ, член Союза писателей России,
доктор физико-математических наук.*

Я ВОШЕЛ В ЭТОТ МИР БЕЗ ОГЛЯДКИ

* * *

КРАЯ СБЛИЖАЮТСЯ – ЗАКОН!

И ВОТ СТИХИ А-ЛЯ ВИЙОН

Что хочешь скрыть, о том скажи;
Всё пропадёт, что под замками;
Где излиянья, много лжи;
И ближе те, что уж не с нами.
Все неумехи всё «с усами»;
Кто ест не вдоволь, тот и сит;
Всегда спешим, сидя часами;
Но переспорит кто молчит.

Как привлекателен изъян!
В движенье станешь неизменным.
Лояльностью рожден тиран;
Не уследишь за постепенным;
Даривший волю будет пленным;
В осколки рухнет монолит;
Благоговеем перед тленом;
Но переспорит кто молчит.

Чему не быть, о том мечтай;
Всего больнее ранит мелочь;
Изысканней ликёра чай;
А всё постигнет только неуч;
Сильнее силы будет немочь;
Влечет к падению зенит;
И темной зовется светоч;
Но переспорит кто молчит.

Труслива лающая свора;
А громче хора только соло;
Что под броней, то и голо;
И не хранит имен гранит.
Всего загадочнее... слово.
Но переспорит кто молчит.

О том, что жизнь парадоксальна,
Но парадокс и есть закон,
В котором близки мышь и слон,
Сухарик с торгом, смех и стон –
Что не придумать специально –
Давным-давно писал Вийон.
Ему и шлю я свой поклон!

26.01.2020

ЕСЕНИНСКАЯ КНИГА

Прочитать бы мне такую
Книгу жизни на земле,
Где поля по мне тоскуют
В уютном октябре...

Где склоняются березы
Над беспечной головой
И где первые морозы
Пред последнюю главой...

Книгу, где поют в округе
Мне о смерти и любви
То ли девы... то ли вьюги...
Все обнимут – позови!

О сомнениях и сути,
Где легки... и где лихи
Дни мои на перепутье
Были б как его стихи.

26.09.2020

ТАТЬЯНЕ ЭЙХМАН

В поднебесье увижу звезду,
Что была незаметной доньше.
Хоть ноябрь, а земля уже стынет...
«Ах, воробышки, скоро приду...»

За судьбу – за земную грядку –
Нынче видится – как же иначе?..
Воздух сладок, и чист, и прозрачен...
Наконец-то – в тяжелом году.

В серебристом гуляя саду,
Вспоминаю дерев многозвучье
Нашей жизни короткой... певучей...
«Ах, воробышки, скоро приду...»

29.11.2020

ОШИБКА СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ – 1

Печально весел взгляд у Маленького принца.
Неправда, что змея пустила желтый яд!
Смогла тоска в груди ребенка поселиться,
Когда он всей душой хотел лететь назад,

Туда, где навсегда свою оставил розу
 Без друга, без воды, накрытую стеклом,
 Туда, где без него летят с планеты грезы,
 Где растворился плач неведомо о ком.

Он тихо заболел, и таяла граница
 Меж солнечным лучом и горем пустоты...
 Он не дыша упал, как падает ресница,
 И замолчали все далекие цветы.

Но шарфик на песке лежал лишь, будто птица,
 А мальчика унес дошедший свет зари.
 Бывает, с розой он в конце июля снится...
 Когда на всей земле включают фонари.
 Ошибся Антуан де Сент-Экзюпери.

01.06.2020

ОШИБКА СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ – 2

Не змея его укусила –
 От тоски дышать перестал.
 Да, бывает такая сила
 У любви. Ну а он был мал.
 Только сила та двусторонняя –
 Ей ничто океана шквал,
 Притяжение ей неровня!..
 А тем паче, когда ты мал.
 Унесла она к звездам Принца,
 Где смеялся он и рыдал
 Вместе с розой. Как дивно ал
 Был закат, что он с ней наблюдал...
 Нет, ошибочна та страница –
 Что-то взрослое там таится,
 Ну а Принц был лучист и мал...
 Расскажу ему – удивится.

01.06.2020

* * *

И ступени, и поручни шатки,
 И хрустально, и хрупко, и тонко,
 Где с судьбой мы играемся в прятки,
 Но с улыбкой, с глазами ребенка
 Я вошел в этот мир без оглядки.

04.04.2020

* * *

Мы, проходя по Млечному Пути,
 Неся, как воду, жизнь свою в горсти,
 Не гости, не хозяева юдоли,
 И в жажде понимания, и в боли
 В неоспоримой данности сети
 Должны любовью спутника спасти.
 И это будет всё по нашей воле.
 А после скажем: «Господи, прости!» –
 Мы, проходя по Млечному Пути.

05.04.2020

ЛЕГЕНДА О РАДУГЕ И БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Помечтай об иных городах,
 В наше небо взглянув из оконца...
 Есть легенда о Райских Вратах
 И зверушках – любимых питомцах:

Будто те, что ушли от земли,
 Не имея средь ангелов дома,
 Лишь на радуге радость нашли,
 Где нет холода, боль не знакома...

По прекрасным нездешним цветам
 И резвятся они, и играют,
 Но лишь кто-то подходит к Вратам –
 Как один все на миг замирают!

Только миг – и, надежду храня,
 По дорожкам цветным полукруга –
 «Может, он?..», «Может, это меня?..» –
 Все бегут, обгоняя друг друга!

И хозяина сразу узнав,
 Кто-то с радуги прыгает в ноги!..
 Тут, наверно, поэт будет прав,
 Отвергая привычные слог.

Дальше вместе идут – под дугой:
 Отворяется путь Небесами!
 Кто ж остался, оттуда с тоской
 Провожает счастливых глазами...

Не сердись на пушистых, колючих,
 На кусачих, царапко-мяучих...
 Ни в зеленых, ни в зрелых летах!
 Вспомни притчу о Райских Вратах.

15.11.2019

* * *

Ах, школьная память – надежный мой берег,
 Во все неудачи дающий приют,
 Где даже печали с улыбкой живут.
 И игры я помню на десять копеек,
 И лица друзей, что не встречу уже,
 Что раньше меня перешли по меже...
 Ах, школьная память – ко мне не строга –
 Ошибки из детства закрыла страница,
 И всякая птица там синяя птица –
 Мгновения счастьем окрасить смогла.
 Ах, школьная память – не гаснущий лучик,
 Мой добрый учитель, мой вечный попутчик.

07.02.2021

* * *

Когда в который раз встает вопрос,
 Что выбрать мне, коврижки или шишки,
 Я обращаю взгляд к тому мальчишке,
 Что много лет назад вот тут же рос.

Не знает он, что посулил расчет,
 Он многое не знает в этом мире –
 Зеленые ему повсюду мили...
 Но часто я ему даю отчет.

Я помню, как он в школу шел с отцом
И как дожди с метелями слепили...
Поддайся я теперь недоброй силе,
Мне же тогда не встать к нему лицом!

А в день обычный, в круге суеты,
Когда встают все краски серым фоном
И вечный быт бессмысленностью полон,
Дают мне смысл и цель его мечты.

Бывает, что вступаю в торг со мной,
Зовут петлять по «выгодному» следу,
Не понимая, что ведут беседу
С мальчишкой тем, который за спиной.

23.01.2021

* * *

Вот и праздники отзвенели –
Начинается время буден.
Это слово всего грустнее,
Но ему ведь созвучно «Будет»!

Ничего – зима не застудит!
Будет день, что не хмур, не пресен,
Будет жизнь и слиянье судеб,
Будут строчки стихов и песен...

Только льду скоро будет тесно,
Потому-то и жду капли...
Там весны подоспеет тесто...
Все ли праздники отзвенели?!

08.01.2021

В ДЕРЕВНЕ

Шагают этажи всё выше,
Но не достать им до небес,
А там лазурь ласкает крыши
И хвоей обнимает лес...

Там не экраны – мир вживую
Приходит вечером на чай,
И Королеву ледяную
Там можно встретить невзначай.

В травинках копошатся гномы,
Что здесь пугаются машин,
И ветки делают поклоны
С проходом ветряных дружин!

Там ближе розовые дали
И что ни шелест – то рассказ,
Там Пушкину стихи шептали...
Наверно, ангелы подчас!

То мир исконный, добрый, древний
Нам дал спасительную нить.
Я что-то детское в деревне
Оставил, чтобы сохранить.

17.01.2021

* * *

Ты посмотри на картины художника –
Разве не слышишь с полотен стихов?!
Жар от песка, холодок подорожника –
Это стихи, может, только без слов.
Вот пробегает ручей между рифмами...
Вот и соловушки льется припев...
Грустные строки написаны ивами
Я разобрал бы, под ветви присев...
И завершил бы картины сонетами,
Счастья с печалью увидел мотив,
В вечный рассвет между зимами с летами
Солнечной краской свой путь уместив.

31.01.2021

* * *

Меня не ранит, не снесет
Ни времени водоворот,
Ни ураганы, буйствую,
Ни хворь моя, ни чья-то злость,
Но дайте мне опоры ось –
Одно зерно сочувствия.

Март 2021 г.

* * *

Стихотворение –
Тихо творение
Веления времени!
От носка до темени
Пламенение
И ветра веянье –
Стихотворение!

11.03.2021

КОНСТАНТИН

Был зимний вечер в тихом городке,
И с неба просто падали снежинки...
А он, держа вселенную в руке,
Смеялся, и лучистые морщинки
Скрывались в убеленной бороде,
И вечность заглянула в окна дома...
Не мог он знать, в каком году и где
Салютом будет рокот космодрома,
Но он его уже услышать смог
В той тишине, что вечером разлита,
И встал на покосившийся порог –
Его встречала звезд небесных свита...
Тот тихий городок спокойно спал,
Когда он лег счастливый и свободный,
Когда поддался космоса кристалл
Тому, чье имя означает Твердый!

14.02.2021

* * *

Виолетта! Виолетта!
Где ты? Где ты?
«Где-то... Где-то...»
Кончились весна и лето,
Спето осени либретто...
Где ж ты, друг мой, Виолетта?!
Не дождусь никак ответа.
Только в небе до рассвета
Мне увиделась комета –
В голубой туман одета...

Виолетта! Виолетта!
 Где ты? Где ты?
 «Где-то... Где-то...»
 И приснилось мне: из света
 В сказку движется карета...
 И волшебная планета...
 Там, наверно, Виолетта.
 Если б не было запрета
 На полеты в Царство Цвета,
 Дальше ветра... Как же это?!
 Виолетта! Виолетта!
 Где ты? Где ты?
 «Где-то... Где-то...»

18.10.2018

* * *

Под тенью уносимых облаков
 У каждого свое благое место,
 Где от печалей выпавших покров,
 Где дух крылат среди земных оков,
 И тайна мира, кажется, известна.

Там тает солнце средь вечерних волн,
 И можно пить целительную воду,
 И время, разливающее звон,
 Коснулось явью, и пустынный склон
 Незримой силе сочиняет оду.

Там ощущаешь: ты – еще дитя,
 Но отчий дом, что согревает, рядом...
 А «за судьбою» по делам уйдя,
 И год, и два, и много лет спустя
 Там памятью паришь – незримым взглядом.

Февраль 2021 г.

* * *

Былое уходит, и солнечный зайчик
 Вчерашнего дня убежал за леса.
 Улыбка исчезла, просохла слеза...
 С собою под солнце уносит их, значит.

Уносится ветром дыханье твое,
 И голос исчез в тишине приходящей,
 Теперь настоящей, все время щемящей...
 Ни вор, ни пожар, ни ночей воронье,

А реки времен унесли что дороже –
 Тепло от руки, торопливость шагов
 И данный от всякого лиха покров...
 И я, уносимый течением тоже

С минутами счастья, за ними вослед...
 Меня здесь все меньше при каждой утрате.
 Спешу я за ними не памяти ради,
 Отчасти без них и меня больше нет.

За солнечным зайчиком путь ведь не труден –
 Минуя метели, к былому теплу...
 Глаза лишь закрою – туда я плыву...
 И скоро не будет меня среди буден.

Апрель 2021 г.

ДОЛ

За всё и вся теперь оплата,
 И там и тут висит цена...
 Но вот в глазах встает война,
 Когда и твердь Земли разъята.

В боях, у Неба на виду,
 Без извинений и поправок,
 Не ожидая славу, мзду,
 Там смерть держали за узду!
 Отчизна – это не прилавок!

И не считая пуль и ран!..
 Победа – вот одна награда!
 За плату ль были в пасти ада?!
 Отчизна – это не карман!

И нет цены у правой крови,
 Когда идет на поле рать,
 Чтоб умирать за всех – за Мать!
 Отчизна – это долг сыновий!
 А долг на рынке не продать.

23.02.2020

* * *

Снова в воздухе пахнет войной.
 И погибший у дома мальчонка...
 В небе птицы откликнулись звонко,
 Разлетаясь тревожной весной.

И с железом идут поезда
 К докрасна раскаленной границе.
 Лица, лица... безликие лица,
 Не моргая взирают сюда.

Что-то варится в адском котле,
 И в пространстве и зыбком, и бренном
 Бурой кровью, текущей по венам,
 Уже пахнет по утренней мгме.

Как о завтра узнать наперед?
 У сметенного миной ребенка?
 Небо, небо... прозрачно и тонко –
 Не порвало бы то, что грядет.

12.03.2021

Олег ПОРТНЯГИН, Сызрань. Родился в 1948 году в Сибири, в г. Мариинске.

Служил во флоте. Окончил Иркутский университет. Публиковаться начал с 1972 года в университетской газете. Живет в Сызрани, работает заместителем редактора газеты «Волжские вести». Автор сборников стихов «День рождения», «От любви и печали». Несколько лет возглавлял городское литературное объединение. Член Союза журналистов России (1980), член Союза писателей России (1998), отв. секретарь Сызранской городской организации Союза писателей России.

В ТИШИНЕ

К ВЕСНЕ

Всё раньше и раньше светает.
Всё зримей тропинки к весне.
Снег даже при минусе тает
На солнечной той стороне,
Где любят с детишками мамы
Гулять, невзирая на грязь,
Где парочки крутят романы,
Уже никого не боясь.
Ещё возвращаются вьюги
И в печках дровишки горят.
Но птицы на солнечном юге
Всё чаще на север глядят.
Наверно, хотят возвратиться
В родные края поскорей.
На родине людям и птицам
В любую погоду теплей.

ЯЗЫК

Учил я когда-то немецкий язык,
Казался каким-то он диким.
Не нравился мне он, но всё же привык
К умляутам я и артиклям.

В войну собиралась играть пацанва –
Делилась на «немцев» и «наших».
Немецкие тоже звучали слова
В сражениях и рукопашных.

Давался немецкий язык нелегко.
И хоть не сгодился он позже,
По нраву нам были слова «Хенде хох!»,
А «Гитлер капут!» – даже больше.

ГРАД

Разразилась гроза крупным градом.
Больно бьёт ледяная шрапнель
И вдали, и вблизи, прямо рядом.
И уже по тебе, что страшней.

Люди громко кричат, заполошно:
– Ох, наделает бед этот град!
И задумчиво смотрит в окошко
Поседевший бывалый солдат.

Он, прошедший горячие точки,
Тоже граду, конечно, не рад.
Но страшней, это знает он точно,
Установка с названием «Град».

В ТИШИНЕ

Никаких в природе происшествий.
Разве что в полночной тишине
Голос то ли детский, то ли женский
Издали послышался вдруг мне.

То ли мамка плачущее чадо
Успокоить не могла никак,
То ли вдруг девчонке стало надо
В темноте окликнуть паренька.

Никогда мне этого, конечно,
Не узнать. Оно и ни к чему.
Пусть звучат таинственно и нежно
Голоса, пронизывая тьму

Лучиками завтрашнего света
В невообразимой тишине.
Ведь ещё кому-то нужно это
В ночь такую, а не только мне.

КАРАГАЧ

Что нам осталось от брошенных дач,
Бывших садов-огородов?
Всё заглушая, растёт карагач –
Даже без водопровода.

Да и нужна ли вода – сам решай,
Бросив привычку трепаться,
Если к вору утекал урожай,
Словно вода между пальцев.

Много чегоросло с той поры.
Дебри рубить не пора ли?
Некому только точить топоры.
К слову, их тоже украли.

Больше и больше заброшенных дач
Не в сновиденьях недужных.
И прорастает уже карагач
В наших запущенных душах.

ДУЭЛЬ

На скамье с безразличием неким,
Отрешившись от всяческих дел,
Засиделся Евгений Онегин.
Чуть поодаль и Ленский сидел.

Если б молча они посидели,
А потом кто куда разошлись,
Если б не было глупой дуэли, –
По-другому сложилась бы жизнь.

Был бы ствол пистолета опущен,
Секундант заявил бы протест.
И дожил бы до старости Пушкин,
И безвестным остался б Дантес.
Всем хватает в истории места:
От ничтожных людишек до звёзд.
Только жаль, что Мартынов Дантеса
Никогда на дуэль не зовёт.

* * *

Ты наденешь платьице в горошек,
Я рубашку в клеточку возьму.
Вот таких, красивых и хороших,
Мы покажем городу всему.
Может, позавидуют нам люди,
Даже позлословят. Что с них взять?!
Но зато у тёщи радость будет:
Экий у неё завидный зять!
А потом за тещею, конечно,
В радость окунётся и свекровь.
Это всё так искренне и нежно,
Если настоящая любовь!
Снимков понаделаем хороших,
Чтоб увидеть через много лет:
С платья не осыпался горошек,
И рубашка сохранила цвет.

ПОМНЮ

Одних война убила наповал,
Других годами убивала болью.
Тому, кто под бомбёжку не попал,
Могло не повезти на минном поле.
Я помню покалеченных войной:
Хромых, безногих – в самых разных видах.
Они сегодня вновь передо мной –
На костылях, в колясках инвалидных.
Стучат неторопливо костыли,
На солнышке блестят колясок спицы.
Фронтовики проехали, прошли
По детству моему, чтоб не забыться.
И пусть калек не звали на парад –
Любой из них достоин пьедестала.
Не будь их, ног лишившихся солдат, –
Страна бы на ногах не устояла.

ОСЬМУШКА

Страну не сберегли
Ни словеса, ни пушки.
Шестая часть Земли
Ужалась до осьмушки.

На запад и восток
Раскинулась планета.
Но лакомый кусок –
Лишь здесь, осьмушка эта.

Вокруг неё зверьё,
Оскаленные пасти,
Готовые на всё,
Чтоб рвать её на части.

Теперь не до словес.
Но в арсенале пушки
У нас такие есть,
Что не отнять осьмушки.

Всех гадов не побьём –
Опять проявим жалость.
Но если пасть порвём –
Уж вы не обижайтесь.

А.П.

ЧЕЛОВЕК

Полночь. Звёзды. Тишина.
Звери спят и человеки.
Вся советская страна
Далеко – в двадцатом веке.

Прохиндеи разных сфер
Свой момент не упустили:
Карта РСФСР
Станет картою России.

Те, кто Родину отверг,
Беглецов ряды умножат.
А советский человек
Жить без Родины не сможет.

Всё изменится не раз,
Флаги новые взвоятся.
Только не было бы нас
Без Советского Союза.

ГАРМОНИЯ

Взваливший ношу тяжкую на плечи,
Не помнящий, где минус, а где плюс,
Сплетённый из одних противоречий,
Я всё-таки к гармонии стремлюсь.
Листаю жизни новые страницы
И замечаю где-то между строк:
Гармония найти меня стремится,
Хотя не назначает встречи срок.
Друг друга, верю я, не зря мы ищем.
И даже если мимо все пути, –
Уже сам поиск этот гармоничен
Стремлением гармонию найти.

Елизавета ХАПЛАНОВА, член Союза писателей России, правления Межрегионального союза писателей, член-корреспондент Международной славянской литературно-художественной академии (Болгария).

Родилась в г. Макеевка (Донбасс). Окончила Харьковский национальный университет внутренних дел. По образованию - юрист. Автор нескольких поэтических книг, двух томов художественно-публицистической трилогии «Макеевка. История города», публикаций в изданиях ближнего и дальнего зарубежья. Стихи переводились на украинский и болгарский языки. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка», зам. главного редактора журнала «Пять стихий». Лауреат литературных премий им. О. Бишарева, им. М. Матусовского, «Свой вариант», региональной литературной премии им. О. Герасимова.

ЗЕМЛИ И НЕБА БРАТСТВО ВЕКОВОЕ

ЗВЕЗДОЧЁТ

В лукошко неба падает звезда,
Подброшенная вверх моей рукою.
Я – звездочёт, идущая тропею
Неведомо откуда и куда...

Когда-нибудь окончу этот путь –
Растает соль открытых мною истин.
Но звёзды, что над Родиной повисли,
Со мной в родстве. И не дадут задуть

Свечи моей, сгорающей дотла
В цейтноте дел, открытий и стремлений.
...И на последней жизненной ступени
Отдам остатки звёздного тепла.

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ

Вольному – воля. Иду по оси земной
С малой котомкою, с болью Руси великой.
Милая Родина, что ж потускнели лики,
Что ж ты склонилась низко своей главой?

Путь по оси... Единение всех безумств.
Ты каждой чёткой вписана в суть ладони.
В каждой травинке – мои полноводья чувств.
В песне любой познаю свою кровь и корни.

Вольному – воля. Воспрянь, золотая Русь!
Знаю, отринут от света густые тени.
Милая Родина, я за тебя боюсь...
Светлая Русь, я в тебя неизменно верю.

ЗАРЯ

Заря созвездья сонные качала,
На землю сбросив розовую шаль.
Звезда моя твою благословляла.
И запахи шалфея и сандала,
Рассеиваясь, всё тянулись вдаль...

Ничто не предвещало многоточий,
Разбросанных по призрачной реке.
Я видела тебя весенней ночью:
Ты говорил с зарёю на восточном,
Лишь нам с тобой понятном языке.

И волны, что качали нас на небе
В сиреновом космическом дыму,
И звёздной пятерни высокий гребень,
И думы о духовном сущем хлебе... –
Всё наше, словно отчье, приму.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

Рассыпался пушистой бахромой,
Платком пуховым на деревьях снег.
Мне так сегодня хочется с тобой
Смотреть в окно, любимый человек.

Одеться. На тебе поправить шарф.
И выбежать счастливыми во двор.
И, словно на двоих одна душа, –
Вести с тобой неспешный разговор.

Друг другу щёки снегом растереть,
А после – целовать их горячо.
Пока луны обманчивая медь
Не тронет день за детское плечо.

Вечерний свет сквозь снежные дома.
И счастья простота и естество...
Ты посмотри в окно – пришла зима!
И Светлое Христово Рождество.

В ГЛАЗА ВСЕЛЕННОЙ...

Мне тяжело смотреть в глаза Вселенной –
Она со мною слишком откровенна...
И я привычно впитываю боль.
Я перед ней коленопреклоненна,
И память всех столетий льёт по венам, –
Пью, как напиток, горькую юдоль.

Но дышит время – и горят созвездья.
И люди на земле... Покуда вместе,
Им кажется, всё выдержат... поймут.
Но из глубинной тайны наднебесья
Избранникам Творец дарует Песни,
И херувимы тайну берегут.

Всё иллюзорно – время и пространство.
И только у Любви бессмертно царство,
Удержит за рукав в последний миг...
И боль моя – прозрачное убранство.
...Земли и неба вековое братство
Лишь тот, кто любит, может быть, постиг.

СТЁКЛА ДРОЖАТ

Стёкла дрожат, время калечит нервы.
Чей арнабат станет сегодня первым?
Кто отойдёт вслед за последним снегом?
...И не спастись, и не найти Ковчега.

Дышат едва, верят лишь в Высший Разум,
В парке – листва, в строках – слова и фразы,
В яслях – малыш, в небе – скворцы и звёзды...
Милый, ты спишь? Мне без тебя здесь слёзно.

Вёрсты и дни – данность двух близких судеб.
В небе огни рыжие клубья крутят.
Стёкла дрожат... ясли в доме качает...
Мысль о тебе, словно покров, спасает...

ЕРЕВАН ВЫЗЫВАЕТ БАКУ...

Ереван вызывает Баку. По ту сторону - мама.
Но уже не доходят звонки, смс, телеграммы.
Ереван вызывает Баку. Там безудержна осень...
И никто примиренья не ждёт
и пощады не просит.

Ереван отвечает Баку поманившею смертью.
Почему не хватает любви
твоим солнечным детям,
Добрый Отче?
В Баку дозревают бордово гранаты,
А в горах Габалы – зреет алая струйка заката.

Над Арменией - солнце.
Кавказское гостеприимство...
Ереван вызывает Баку. Дробью падают листья.
Затаила дыхание Осень - две тысячи двадцать.
Еревану ответит Баку...
Что ж творите вы, братцы?!

СТУК–ТУК...

Стук-тук. Перезвоны монет...
Мы есть... Или нас уже нет?
Царём перекрыт кислород
Тому, кто зовётся народ.

Стук-тук... Ритм отсчитан давно.
Мы все стали лишним звеном.
На чьей бы ни был стороне, –
Везде ты идёшь по войне.

Везде горлом кровь и строка –
Разлились, как в водах Байкал.
Стук-тук. Грозно тянется кнут
К тому, кто зовётся здесь... Брут.

Стук-тук... Славь царя и раба! –
В тот час, когда правда – в гробах.
В тот миг, когда время не ждёт.
Когда перекрыт кислород...

МНЕ ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

Мне хочется верить, что времени цокот
Меняет обличье, но души шлифует.
Мне хочется верить, что в небе высоко
Очистимся, – вóйны сведём к поцелую.

Мне хочется верить, что люди как свечи –
И плавится воск лишь во имя рассвета.
Что время конечно, но жизнь – бесконечна!
И вечна любовь, будто слово поэта.

И стрелки часов, и движение страсти –
Бессмысленно вечны, как образ, как цели...
И в то, что рождаемся все мы для счастья,
Хоть трудно, но всё-таки хочется верить.

ЛИШНИМ ПОЛНИТСЯ МИР...

Интернет перегружен картинками,
лайками, смайлами...
Словно Мир,
что вбирает в себя наши мелкие чаянья.
Словно лес,
где дорога твоя покрывается тайною.
Лишним полнится Мир,
что с тобой не всегда понимаем мы.

Лишним полнится жизнь!
И от этого горько и холодно.
И от этого некуда деться –
в дому ли... за городом...
И невидимо глазу, как мир,
на кусочки расколотый,
Сквозняком наших душ
всё щекочет у Бога за воротом.

Если вдаль поглядишь,
то узрешь сквозь веки прикрытые:
В небесах колокольца церковные,
предком отлитые...
А вдоль сельской тропинки погост –
и кресты позабытые.
И старушка – одна на погост –
с вековой молитвою...

А у города – мы. А у города –
ритм отчеканенный.
И спешим по делам,
задыхаясь в невидимой камере –
а по сути по кругу бежим...
Время – ложь. Время – замерло.
Лишним полнимся мы.
...Всё ли, люди, мы делаем правильно?

КАЖДЫЙ НАШ ШАГ...

Каждый наш шаг – приближение к Смерти,
К вечной загадке в ценном конверте.
Жажда движения тянет к забвению.
Так продолжают поколения...

Каждое слово – начало страдания.
Каждая встреча ценна ожиданием.
Что под опилками наших сомнений? –
Только лишь Времени жалкое бремя.

Ямки сквозные на бархате неба
 Каждому выделяют камни и склепы.
 Чтобы, отринув от жизненной тверди,
 В срок получали загадку в конверте...

УЧУСЬ МОЛЧАТЬ...

Учусь молчать. Ступаю вслед за верой,
 Терпенье постигая от земли...
 Учусь молчать и видеть в чёрном – белый,
 А в хаосе угадывать Дали.

Судьбы твоей быть дальним отголоском...
 Быть близкой, но мучительно чужой.
 Стоять на перепутье... перекрёстке,
 За малым светом – видеть путь большой.

Учусь молчанью трав под ветром знойным, –
 Пусть засухи останется печать.
 Учусь дышать, не замечая боли.
 Гляжу в твои глаза... – учусь молчать.

ОТ ЧЬЕЙ-ТО ТЕНИ ОТРЫВАЯСЬ...

От чьей-то тени отрываясь,
 Неведомую даль ищу.
 И справа – ложь, а слева – зависть,
 У изголовья кот-вещун.

Но каждый тянет вниз, и в целом
 Я – средоточье всех мастей...
 Рабыня или королева
 Среди пажей и средь ферзей?

Когда проступит сквозь завесу
 Мой незнакомый новый лик,
 Кем окажусь: слугой? Принцессой?
 На жизнь или на краткий миг

Смогу облечь наивность сердца
 В неверия пустую блажь?
 Иду в миры высоких терций,
 Но всё же помню: мир – мираж...

ОТПУСТИ...

Отпусти меня к другим берегам,
 К синеоким небесам отпусти –
 Без меня тебе не стоит грустить...
 Я вернусь – и всё сторицей воздам.

Отпусти меня в края тишины,
 В бесконечность небосвода и гор.
 ...Я в глазах твоих читаю укор,
 Ты в моих увидишь – чувство вины.

Отпусти! С природой слиться хочу –
 Может так, как слиться нужно с тобой
 Под высокой желтоглавой луной...
 За мечту целковый счастья плачу.

Отпусти на миг, на долю судьбы!
 Эфемерностью разбавь эту боль...
 В нотах сердца доминантой – бемоль.
 Мы с тобою и цари, и рабы.

Отпусти меня туда, где ветра
 Расплетут моих волос первоцвет,
 Где на всё природа даст мне ответ,
 Опоив водой и запахом трав.

Мы вольны, своим словам вопреки.
 Ты и я – всего две горстки земли.
 Нам вослед поют её соловьи,
 И баюкает журчанье реки...

Словно хлеба, я прошу эту ночь.
 Соков жизни не хватает, прости.
 Разомкни объятия и... отпусти.
 Лишь тогда познаешь, что есмь Любовь.

Я ЛЮБЛЮ ЕГО, ГОСПОДИ!

*Сделай, Господи, так,
 чтоб счастливой была эта женщина,
 Нет... Не делай!.. Я сам...
 Остальное я, Господи, сам!*
 Александр Казанцев

Чередою утрат год ушедший покрыт,
 словно проседью...

Чередою разлук наши встречи укрыты
 как снегом...

Ты ведь знаешь, как сильно его я люблю,
 добрый Господи!

Сделай так, чтобы он позвонил,
 прилетел и приехал...

Я молюсь за него... –
 за детей так не молятся матери!

Сквозь мистерии сна –
 стол накрою светло и красиво:

Две свечи... среди блюд
 на жемчужно-лазуревой скатерти...

Только сделай, Господь, чтоб была я,
 как прежде, любима.

Сквозь иллюзии свет разрушаю
 пустые сомнения...

Раньше вольной была,
 отрекалась от чьих-то признаний...

Сделай, Господи, так, чтоб словам,
 как молитве, я верила.

Чтоб его повстречав,
 не ждала от судьбы наказаний...

Бесприютных ночей опостытели
 серые простыни...

Где-то сердце стучит,
 что когда-то мне было обещано:

Пусть живёт... пусть стучит много лет...
 Слышишь, ласковый Господи?!

Лишь тогда буду счастлива я –
 его верная женщина.

ВОТ И СНЕГ

Вот и снег... Вот и снова укрылась земля
Серебристым покровом.

Но стала ли этим сильнее?
За границей судьбы –
тополя... тополя... тополя...
За границей любви – те слова,
что сказать не посмели.

Год придёт... Обнадёжит, а после – предаст.
Так давно повелось,
только мы не всегда замечаем.
Я вчера - умерла. А сегодня читаю для вас
Благодарный акафист,
исполненный светлой печали.

Он спешит, этот снежный упрямый песок,
Хочет нас научить укрываться
от зимнего сплина.
Год 20-й уйдёт и оставит особый урок –
Пониманье того, что мы все,
словно вздох, неделимы.

Вот и снег... Он отныне ценнее стократ.
Как и всё в этом мире! Как мир...
Как бездонное небо!
Мы идём по земле: на удачу, на смерть... наугад.
А за нами растут города, песнопенья и склепы.

Вот и снег... Вот и снова укрылась земля.

ПРИГУБЛЯЮ ВЕСНУ...

Наливается утро ароматом
чарующей нежности...
К лепесткам тёплых губ
прикасается свежесть тепла.
Пригубляю Весну...
награждаю безумие Вечностью.
Ночь прошла...

На пороге бессонниц открою второе дыхание.
И согреет не плед,

а забытое в прошлом тепло...

От весны не укрыться
за самыми прочными ставнями!

Всё прошло:

Холода... и унылость дождей...
и тоска о несбывшемся...

Всё осталось за гранью,
смешавшей и горечь, и мёд...

Пригубляю Весну...

И сквозь утренний шёпот мне слышится:
Всё пройдёт...

НА РУСИ

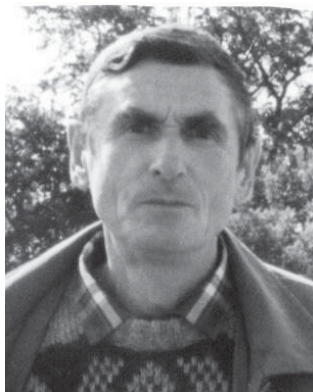
Ладаном пахнет воздух.
Господи мой, прости!
...Из песнопений создан
Тот, кто рождён на Руси.

Небо залито светом
Сквозь череду дождей.
Пахари и поэты –
Дети Руси моей.

Нет, не за лёгким счастьем
К свету бредёт душа...
Свечечка не погаснет,
А за душой – ни гроша!

В этом святая сила
Каждого на Руси.
В шёпоте негасимом:
«Отче наш, иже еси...»

Вячеслав ТАШЛИНСКИЙ, поэт, член Союза журналистов России.
 Автор книг «Великое и вечное – работа» (2003), «Старый дом» (2004), «Осенний день» (2006), «Стихотворения. Избранная лирика» (2009), «Голуби на подоконнике» (2010), «Проталины» (2012), «Мне хочется сбежать из мира взрослых» (2014), «Я сижу на сквозняке» Стихи для детей (2016), «Отпустите пленённую птицу» (2018), «Я живу на земле, где ещё так тревожно» (2019).

ЧТОБ В КАЖДОМ ДОМЕ ДОБРОТА ЖИЛА

* * *

Соль на столе светилась, словно звёзды.
 Пар от печи напоминал туман.
 Меня впустили в дом порою поздней.
 Я странный гость, никто меня не звал.

Картошкой с солью в доме угощали.
 Горячий чай дымился на столе.
 Хозяева меня не ожидали,
 Но всё равно внимательны ко мне.

Я к ним пришёл, застигнутый ненастьем,
 Ко мне ласкался их пушистый кот.
 Спасибо скромным людям за участие.
 А за окном и молнии, и лёёт.

А утром снова позовёт дорога,
 И уведёт от тихого села.
 А я хочу и много, и немного:
 Чтоб в каждом доме доброта жила.

* * *

Нине

В этом мире простом и, конечно же, сложном
 Разве можно понять всё, как есть, до конца.
 Я живу на земле, где ещё так тревожно,
 Где ветра злобно воют и пули свистят.

Вот дойти бы туда, где ни взрывов, ни боли,
 Где всё ясно, и день, как улыбки детей.
 Где живут и поют, никого не неволя,
 И становятся люди добрей и добрей.

Там поднимется солнце, рассвет окликают,
 Заблестит под лучами искристо роса.
 И пойду я тогда по весеннему маю
 Слушать птиц и счастливых людей голоса.

* * *

Неслышно молодость уходит.
 А вдруг не правы зеркала?
 Но палец медленный находит
 Морщинку, что у глаз легла.
 Но нет же, нет, совсем не старость.
 Она, конечно, далека.
 А грусть неожиданная закралась

Сединкой около виска.
 Смахнуть её, увы, не сможешь.
 Смиришься, так тому и быть.
 Твой взгляд как будто бы чуть строже,
 Но возраст не за что винить.
 Нам календарь года итожит.
 Стоит зима белым-бела.
 Неслышно молодость уходит.
 А вдруг не правы зеркала?

* * *

От холода людского куда деться?
 Там ненависть лютоюще остра.
 А мне бы хоть немножечко погреться,
 Как в детстве, у весёлого костра.

Мне ни к чему пустые разговоры,
 Ухмылки и колючие глаза.
 Мне по душе широкие просторы
 И ярко-голубые небеса.

Как узок мир замыленного быта,
 Где перебранки скучные, тоска.
 Ах, это коммунальное корыто.
 В нём злость полощут, кажется, века.

И это многих невесёлых пристань.
 Их якорь – пустословие двора.
 А мне бы стать хоть маленькою искрой
 От нашего весёлого костра.

* * *

В комнате со мною вместе кот.
 У него глаза, как виноградины.
 Рукопись мою он не прочтёт,
 Хочет только, чтоб его погладили.

К сытой жизни кот уже привык.
 Был он в прошлом выброшен на улицу,
 Словно отслуживший половик.
 А теперь все гости им любят.

Каждый гость погладить его рад.
 А в ответ приятное урчание.
 Песнями он точно не богат,
 Но зато в нём столько обаяния.

В доме нашем всем он очень мил.
Мне в работе помогать старается.
Я бы без него не сочинил
Этот стих, где главным кот является.

* * *

Из детства мой бумажный самолётик
Летает быстрокрылый до сих пор.
Ах, детство, детство, в радостном полёте
Ты ощущаешь, как велик простор.

И нет тебе преград на всей планете,
Нет никаких придуманных границ.
На нашем самом белом, белом свете
Тебе всегда дозволено парить.

Мой самолётик, дерзкий и упрямый,
Он заодно с крутою высотой.
Он восхищён воздушным океаном
И покорён небесной красотой.

Не может быть, чтоб он устал в полёте.
Он приближает звёздную мечту.
Вот крыльями махнул на развороте,
И снова набирает высоту.

* * *

Приносит ветер запах терпких трав,
Весёлой лентой речка серебрится.
Как хорошо, от суеты устав,
Красе цветка простого удивиться.

Про сложный мир твердят нам знатоки.
Их взгляд сосредоточенно серьёзен.
А я в обнимку с ветром у реки
Прочту стихи любимые берёзе.

Проблемы мира где-то далеко.
Неистовствуют буйные стихии.
А я люблюсь луговым цветком.
Мне не решить проблемы мировые.

ГОРИЗОНТ

Горизонт не казался далёким:
Мне всего-то одиннадцать лет.
Солнце снова встаёт на востоке.
Там рождается новый рассвет.

Поманили весёлые дали.
Доберусь до них, всё трын-трава.
Говорить мне родные устали,
Мол, шальная твоя голова.

Только я их тогда не слушал.
Мне хотелось пуститься вдаль.
Но однажды я планы нарушил.
Так бывает в детстве всегда.

Появилось другое стремленье.
И в душе его затая,
Наподобие стихотворенья
На листке, чуть дыша, вывел я...

В окружении слов молчащих
И строптивых нескладных строк
Повторяю себе всё чаще:
Горизонт без конца далёк.

* * *

Дочке Танечке

Небесный колокольчик – голос твой.
Пленительной чарует красотой,
Как пенье птиц ликующей весной,
Как переливы звонкого ручья.
Другие голоса не так звучат.

И я всегда узнаю голос твой,
И различу, конечно, среди прочих,
Неповторимый и такой родной,
Серебряный небесный колокольчик.

* * *

Внучке Маришке

Детский голос окликнул меня –
Это детство ко мне обратилось.
На рассвете огромного дня
Звонким эхом оно покатилося.

Докатилося до тёмных полей,
До унылых, промёрзших бараков.
Только память ясней и ясней,
В сердце нет ни обиды, ни страхов.

Новый день ничего не сулил.
Но жила во мне тихая радость:
Чёрный хлеб крупной солью солил.
Вот такая была моя сладость.

В книжке яркой слова учил.
Только я не вполне тогда ведал,
Что прекрасное слово «мир»
Было рядом с великой Победой...

Детский голос окликнул меня.
Это детство ко мне обратилось.
На рассвете огромного дня
Звонким эхом оно покатилося.

* * *

За баракком унылое поле.
Хлещет дождь целый день напролёт.
Репродуктор о русском раздолье
Звонко песню в бараке поёт.

И становится как-то теплее
На земле, неприютной такой.
И погода как будто светлее,
Среди туч – островок голубой.

И под песню зовущую эту,
Что запомнилась в детстве мне,
Рисовал я свою планету
С ярким солнцем над ней в вышине.

* * *

Силаевы жили в землянке.
Вокруг был огромный пустырь.
Мы рядом катались на санках
Порою до темноты.

Не ведали мы, что в землянке,
В землистой сырой тишине,
Есть фото, где воин на танке
Вовсю улыбался родне.

Он без вести не был пропавшим
В какой-то чужой стороне.
Он в танке подбитом, дымящем
Погиб на великой войне.

А братьев не тронула пуля.
Вернулись в родные края.
В землянке унылой зимуют.
Землянка, но всё же своя.

Незримые катятся годы.
Квартиры у братьев давно,
И семьи, большие заботы.
Судьбою им больше дано.

Стою я на месте землянки,
И фото всё видится мне,
Как воин Силаев на танке
Вовсю улыбался родне.

* * *

Было трудным прошлое.
Нет его давно.
Снежною порошею
Бьёт в моё окно.
Разошлась метелица.
Ветер не унять.
Память в сердце целится,
Не велит молчать.
Трудным было прошлое,
Вдалеке года.
Помнится хорошее,
Помнится всегда.

Нина КОВАЛЕНКО, член Союза российских писателей, автор книги стихов «Синусоида чувств» (2020) и книги прозы «Какая встреча!» (2021).
Живет в Ульяновске.

МЕЖ НАМИ – ЗОЛОТАЯ НИТЬ

* * *

Устало голову сложив
На стол в рук тяжком перекрестье,
Задумаешься: так ли жил
И в том ли оказался месте...
Спокоен, кто любви не знал,
А ты всё корчился от боли,
Но тот, кто в жизни не страдал, –
Солонка зряшная без соли!

* * *

Трагическое более понятно,
Страданье к сердцу движется быстрее –
Такие предпочтения во внятном
Менталитете Родины моей.

* * *

Да, мы по-русски терпеливы,
Не сразу соберём дружины.
Вот так свободо-мы-любивы
Особо – свойствами пружины.

* * *

Русский твёрд менталитет:
Совесь! Перевода нет.
Слова нашего простого
Нет в понятиях чужого.

ДОБРЫЕ ГЛАЗА

Шёл мимо молчаливый дед
С такими добрыми глазами!
Всепонимания в них свет
За потаёнными слезами...

Его молчание – укор,
Хотя он нас не укоряет.
Кругом – стена, кругом – забор,
Сосед соседа знать не знает.

Бывало, на крыльцо детей
Подбрасывали лихомани,
И семьи бедные людей
Их молчаливо принимали.

Деревней строили избу
Несчастливым погоревшим,
Перед иконой за гульбу
Отмаливали грешных...

И добрые глаза слезой
Та память покрывает,
Дед нас обходит стороной,
Он нас не укоряет...

* * *

Я люблю поезда,
потому что люблю дорогу,
Так и родину всю
оглядишь понемногу.
Всё леса да поля,
полустанки и сёла России,
Тополя да берёзы,
и небо высокое в сини...

Хорошо на душе,
словно Родина – тихий попутчик,
Неизбывной красотой
за окном изумляет меня,
Вдаль летит поезд мой
под своё многостучье,
И над ним крылья ангелов
нежно звенят...

УТРО В СТЕПИ

Первый луч ласкает мои очи,
А вокруг в минутной тишине,
Не стряхнувши сновиденья ночи,
Всё застыло, холодно, во сне
Степь не дышит, чтоб через минуту
Вдруг вздохнуть, ожить, заговорить...
Родина родная, с добрым утром!
Никогда тебя не разлюбить...

* * *

Мой стол бумагами покрыт:
Журнал «Симбирск» лежит раскрыт,
Стихов ночных здесь черновик,
На фото – папа-фронтовик,
Мои рисунки спящей мамы
И дома нашего, где там мы –
Большую дружную семьёй,
Хоть половина в мир иной
Уже ушла, но в сердце рядом.
Весь стол покрыт бесценным кладом...

9 МАЯ

– Расскажи нам, папа, о войне...
Сразу взгляд становится печальным,
Отвечает папа: «Не-не-не!
Много боли в памяти той дальней...».
Ордена, медали есть в столе,
Он их очень редко надевает,
Скажет: «Вижу часто я во сне,
Как товарищ рядом погибает...
Помню я Победу, май, весну,
Как нам ликовалось, обнималось!

Но не расскажу вам про войну,
 Что осколками во мне осталась...
 В День Победы, праздник наш святой,
 Будет снова сниться мне, я знаю:
 Другу, что в могиле под звездой,
 Я свои медали надеваю...».

* * *

Отец во сне кричит: – Огонь!
 И матерно лютует.
 А мама говорит: – Не тронь,
 Пускай уж довоюет...

ПАСХА

Слушают, потрескивая, свечи
 Радость слов духовного целенья,
 Я читаю им в пасхальный вечер
 Вслух молитвы и стихотворенья...

ТУМАННЫЙ ДЕНЬ

Туманным утром я бреду
 Сквозь тихий Карамзинский сад,
 И никого там не найду,
 Лишь эхо вторит мне стократ.
 Любимый город исхожу
 Напра-налево, поперёк,
 И только память разбуду
 И грусть вдруг набежавших строк...
 За мною – юность по пятам,
 Весёлый смех таит туман,
 Как много счастья скрылось там
 И боли незаживших ран!
 Быть может, юность – в двух шагах?
 Густой туман в осаду взял...
 Легко отодвигаю страх –
 Во временной вхожу портал...

ДЕРЕВЕНСКИЕ

Всегда добры, всегда сердечны,
 Наивны могут быть как дети,
 Но лучше понимать о Вечном
 Они умеют, уж поверьте...
 Проста изба, в углу – иконы,
 Душа здесь будто отдыхает,
 Беседуют без пустозвона,
 Подолом руки вытирают...

* * *

В городских квартирах не поют.
 А в деревне с песней – всяко дело,
 Мастерицы вяжут или шьют –
 Обязательно одна запела.
 И подхватят песню голоса,
 Душу растревожат, кто услышит,
 И ответят песне небеса
 Золотыми звёздами над крышей.
 Вечер песню слушает, замрёт,
 И луна в его объятьях тает,
 На крылечке вся семья поёт...
 В городах такого не бывает...

ВЕТЕР

Ветер, всюду ты вольно летаешь,
 В светозарных кружишь облаках,
 На земле своей силой играешь,
 Поезда обгоняешь в степях.
 Ты плетёшь в поле косы пшенице,
 Ты в лесах клонишь спину осин,
 Поднимаешь крыло юной птице,
 Горизонт продуваешь равнин...
 Вольный ветер, и я за тобою
 Поднимусь, облечу белый свет,
 Под струёю твоею живою
 Всех печалей с лица сдую след.

* * *

Не упади! Дороги нет,
 Мелькают волчьи тени,
 А ты иди, иди на свет,
 Не подгибай колени.
 Пусть камни на пути кладёт
 Судьба и роет ямы –
 Осилит путь тот, кто идёт,
 На свет идёт упрямо.

*Мои настенные и настольные часы
 показывают разное время...*

Часы друг с другом говорят:
 – Да я догнать тебя бы рад,
 Но разновременье всё ставит
 Неадекват, что нами правит,
 И хочет он то растянуть,
 То сократить дневной свой путь...
 Так тикают они, ворчат,
 Что с ними я живу не в лад...

А Времени бессмертный глаз
 Глядит с усмешкою на нас...

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ХАРАКТЕРА

Сказал случайный собеседник:
 – Дочь что творит, нахалка!
 Жена вопит, что сын бездельник –
 А мне троих всех жалко...

Такие русские мы люди,
 Мы всех подряд жалеем,
 И даже к тем, чьей жертвой будем,
 Сочувствие имеем...

* * *

Природа, нет, не молчалива.
 ВСЁ говорит, пока живёт.
 И тонким слухом различимо:
 Там больше звуков, больше нот.

Раздавленная всхлипнет слива,
 И ухнет яблоко с ветвей,
 И листья языком журливым
 Поют о радости своей.

Качает ветер ветку-скрипку
 Под окнами, скрипит минор,
 А ветер – дальше, за калитку –
 Всем веткам-скрипкам дирижёр...

Я слышу! Эта речь знакома,
Меж нами – золотая нить.
Вновь уходя с порога дома,
Иду с природой говорить.

* * *

Вдруг поймёшь, что серьёзное дело,
Не безделица это – стихи...
Вроде рифмы находишь умело,
Отчего же так ломит виски?
Сам себе признаёшься, что ложно
Это чувство, что выплеснул вскачь,
Мук душевных уйти невозможно,
Или в аут уходит твой мяч...
Маята... И спина заболела,
Ночь прошла, уж поют петуши...
Вдруг поймёшь, что серьёзное дело,
Не безделица это – стихи...

* * *

Чем ближе к обрыву,
Тем шире видней
Поля золотые
Тех юности дней...
Там, за горизонтом
Сияют они,
Счастливые, яркие,
Полные дни.
Там молоды были,
И там мы любили...

СПЯТ В ПОСТЕЛИ ДВОЕ...

Греется мужчина лаской женщины,
Успокоясь на её груди,
Зарастают сердца его трещины,
И души метанья позади...

В вере и любви хранимо венчана,
Средь мирских бушующих морей
Женщина уткнётся лбом доверчиво
В спину мужа, что защита ей...

За стеною ветры одиночками
Воют и схлестнутся норовят... –
Поцелуем обменявшись с дочками,
Здесь теплом к теплу супруги спят...

* * *

Любящие вовсе не прощаются,
Даже если счастье терпит крах.
Может, наши души обнимаются
Где-то там, в высоких облаках...

ГРУСТЬ

Небо высокое – вечная крыша,
Вот прохудилась – и снова дожди.
Где ты, любимый? С зонтиком вышел
Грустную память свою беречь?

Время промчалось, а чувства всё те же.
Дождь был дождём – и остался дождём.
Нежные всё ещё живы надежды,
Встречу последнюю всё ещё ждём...

* * *

Когда в душе живёт любовь,
Пусть даже ей там сиротливо,
И кто-то не вернётся вновь –
Уже считай себя счастливой.

Чтоб свет сиял в нас изнутри,
Познать любовь – вот всё, что нужно.
Над миром лишь она царит,
И смерть пред нею безоружна.

* * *

Так и живу я у портрета,
И я смирилась с долей этой.
С тобою новостью делюсь,
Тебе сто раз я улыбнусь,
С тобой весь день проговорю...
Ты знаешь, как тебя люблю –
И улыбаешься в ответ.
И это наш с тобой секрет.

СКАЖИ СЕЙЧАС

Как знать, успеем ли сказать
Слова прощенья и любви,
Иль горько будем мы молчать,
Кидая вслед лишь горсть земли...

* * *

Душа от чувств на части рвется,
Людские беды узнавая.
Слезой из этого колодца
Самозабвенья обретаю.
Чужого горя не бывает,
Коль сам познал его глубины,
Ты не один, где сострадают,
И мы сильнее, где мы едины...

КРИК

Всех похоронивши –
всех, кого люблю,
Красоту земную
всё равно ценю,
Листьев трепетанье,
тополя качанье,
неба нежданье –
Всё боготворю!
Как с тобой расстаться,
если восхищаться
я не устаю,
гимн тебе пою,
быть с тобой молю,
Не хочу прощаться!

* * *

«Сквозь земные несчастья – радуйтесь!»
(Лилит Козлова)

Я знаю, как вы в горе маетесь,
И сердце болит и болит...
Но вот: «Сквозь несчастья – радуйтесь!» –
Добрейшая молвит Лилит.
Нам чудо от Бога даровано –
День каждый дышать и любить,
И жить до конца очарованно,
И в сердце любимых носить.

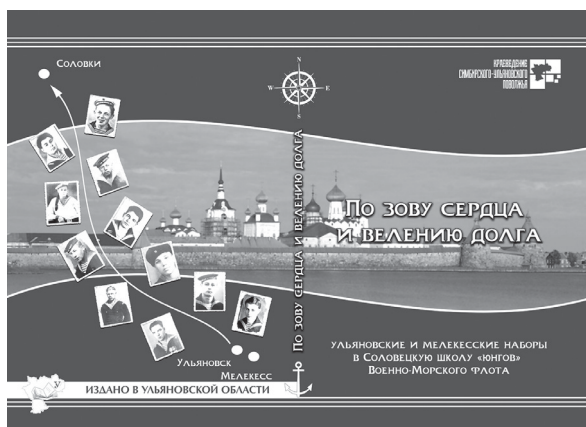
Нина ДУБОВИК, краевед, член Российского союза профессиональных литераторов. Автор недавно вышедшей книги о юнгах Северного флота «По зову сердца и велению долга».

ЮНГАМ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

В канун празднования 76-й годовщины Великой Победы, 8 мая 2021 года ульяновцы стали свидетелями торжественного открытия в парке имени Александра Матросова памятника юным героям-ульяновцам, юнгам Соловецкой школы Северного флота. Всё было до слёз трогательно: в момент снятия покрывала прозвучал гимн Российской Федерации, и перед нами предстал юнга в бронзе.

В одной руке он держит бинокль, а в другой – сигнальные флажки. Со слезами на глазах смотрели родственники, потомки героев, и, наверное, думали, что неужели дождались этого момента, когда героизм их отцов отмечен малой родиной так достойно, как они того заслуживают.

Всё было тщательно продумано: знамённая группа, взвод почётного караула, возложение цветов, минута молчания и прохождение торжественным маршем военнослужащих Ульяновского гарнизона. Вахту памяти нёс единственный юнга, оставшийся в живых, – Ефим Иванович Семёнов. Когда он узнал, что в Ульяновске будет стоять памятник юнгам – по его испещрённому морщинами лицу потекли слёзы... Мы с его дочерью Ольгой Семёновной долго думали, привозить ли его на праздник, и решились привезти. Ефим Иванович не только выступил с приветствием, но и прочитал стихотворение о юнгах и благодарил... благодарил...

Презентация книги состоялась 15 мая 2021 года в библиотеке №4 им. Е. Евтушенко.

Во второй части митинга доктором исторических наук, руководителем Института истории и культуры региона Центра стратегических исследований Сергеем Алексеевичем Прокопенко и мной были вручены только что изданные книги о юнгах родственникам героев. Книга называется «По зову сердца и велению долга», её автором-составителем являюсь я.

Сын барышского юнга Стас Филимонов исполнил песню, посвященную своему отцу.

Как я пришла к этой неизученной теме? Работая над книгой о Герое Советского Союза Александре

Матросове, в интернете наткнулась на маленький кусочек материалов о юнгах Северного флота, и мне захотелось рассказать об ульяновцах и мелекесцах и последней главой вставить в книгу материал о Матросове. Но, прикоснувшись к этому материалу, я поняла, что это должна быть отдельная книга о мальчиках, которые в 14–17 лет рвались на фронт, когда не было скидки на возраст. Они били врага за своих погибших старших братьев и отцов, за мирное небо над страной, за то, чтобы сегодняшнее поколение таких же юнцов не знало ужасов войны.

Памятник юнгам

Возложение цветов

Ефим Иванович Семёнов юнга 3-го набора (второй справа)

Кто такой юнга?

Если заглянуть в несколько разных словарей, то можно прочитать следующее: «Юнга в дореволюционном русском флоте и флотах зарубежных стран – подросток, проходящий на морском судне подготовку к службе в качестве матроса; младший матрос». «Юнга – подросток, исполняющий на корабле обязанности матроса и обучающийся морскому делу». Звание «юнга» появилось на флоте гораздо раньше, чем «капитан».

Есть сведения, что, как только был построен Кронштадт, Пётр I одним из своих приказов повелел открыть в Кронштадте первую школу юнг, которые участвовали в морских баталиях при Гангуте, Чесме, Корфу, воевали и гибли в Цусимском проливе. Юнги шли в бой рядом с бывальыми матросами, ничуть не дрогнув, прямо смотрели смерти в лицо. Много замечательных страниц вписали они в нашу историю. И сам Пётр I начал службу на море с каютного юнга.

А в 1942 году ребята попали на боевые корабли вот таким образом.

Шёл 1942 год, сопровождавшийся ожесточёнными схватками с гитлеровскими захватчиками. Тяжёлые, кровопролитные бои шли на Севастопольском участке фронта, на Курском направлении, в районах Воронежа, Новочеркасска, Ростова. Совсем скоро должна была начаться битва за Сталинград. В стране был дефицит войск. Моряков отправляли на фронт, как морскую пехоту. Они отчаянно дрались и погибали.

Нарком ВМВ Н.Г. Кузнецов

Вот тогда Народный комиссар ВМФ Николай Герасимович Кузнецов, сам пройдя путь от юнга до адмирала, видя ситуацию на фронтах и флотах в 1942 году и понимая, что учить, как в старые времена, матросов на кораблях во время постоянных боевых операций невозможно, принимает смелое и единственно верное решение – создать учебное заведение для юнг.

25 мая 1942 года он подписал приказ № 108.

В нём сказано: «Школу укомплектовать юношами, комсомольцами и некомсомольцами, в возрасте 15-16 лет, имеющими образование в объеме 6-7 классов, исключительно добровольцами через комсомольские организации в районах по согласованию с ЦК ВЛКСМ.

Из принимаемого контингента готовить следующих специалистов:

- а) боцманов
- б) рулевых,
- в) радистов,
- г) артиллерийских электриков,
- д) торпедных электриков,
- е) мотористов,
- ж) электриков.

А в это время мальчики осаждали военкоматы, но военкомы призвать их на фронт не могли по

возрасту. И... о, счастье! Московский комитет комсомола разослал развёрстки по не занятым врагом областям. В те годы Ульяновск и Мелекес (Дмитровград) относились к Куйбышевской области. Она должна была предоставить 250 человек. В первый набор попали 45 ульяновцев и 30 мелекесцев. Во второй набор 1943 года уехали 31 ульяновец и 19 мелекесцев. По третьему набору развёрстка не найдена, но она была такой же, как во втором наборе. Было проведено три военных набора. Всего юнгами стали 175 ребят, из них около 70 погибли.

Требования при наборе соблюдались строгие.

Уже при подаче документов мальчишки встречались с трудностями, а иногда и с крушением надежд, потому что, кроме заявлений, нужно было предоставить:

- 1) выписку из ЗАГСа о рождении;
- 2) справку о состоянии здоровья;
- 3) справку об образовании;
- 4) автобиографию;

5) справку с места работы о согласии отпустить (если кандидат работал).

Отсев кандидатов был в основном по причине непригодности к службе на флоте по медицинским показаниям (слабый слух, зрение и другие серьёзные заболевания). И ещё было не менее важным – рост ниже 150 см.

Несмотря на условия добровольности, при поступлении в школу требовалось обязательное согласие родителей. Не каждая мать решалась дать такое согласие, ведь школа школой, а мальчишки, окончившие её, получали направления на боевые корабли.

Но мальчиков останавливать было бесполезно. Родина предоставила им шанс, они шли на всяческие подделки документов, прибавляя себе годы, писали друг другу разрешения матерей или просто уходили из дома, оставив записки.

28 июля 1942 года все кандидаты в юнги собрались в детском парке (парк им. А. Матросова). Проводы прошли торжественно, с оркестром, с цветами и напутственными словами. Едва стихли последние аккорды «Славянки», семьдесят пять мальчишек из Ульяновского и Мелекесского районов Куйбышевской области в сопровождении морских офицеров отправились на железнодорожный вокзал. Провожали юнг, как на войну.

Стрижены, круглоголовы,
Сжавшие кулаки,
Мальчики 42-го,
Щупленькие пареньки.

Серая панорама:

Рельсы, оркестр, перрон...

– Что же ты плачешь, мама?

Мы ведь ещё не на фронт.

Их вагон прицепили к воинскому эшелону, который шёл к месту назначения – в Архангельск, где вновь была комиссия, которая проверяла прибывающих юнг и распределяла их по специальностям. Здесь ребята прошли строжайшую медкомиссию, а затем мандатную.

И, как выяснилось, в первый набор были зачислены шесть подростков, которым исполнилось только 14 лет, а один оказался двенадцатилетним.

Перед отправкой из Архангельска на Соловки, командир построил на Красной пристани мальчишек с Урала, Сибири, Поволжья, Русского Севера.

Окинул взглядом: морская форма явно не по росту, ботинки велики. А бантик на бескозырках будто подчеркивал: не воины тут собрались, а дети. Сотни доверчивых глаз были устремлены на командира. Тот вздохнул и начал говорить:

– Там, куда вы поедете, будет трудно. Первое время даже очень трудно. Ничего готового там для вас нет: ни жилья, ни учебных классов. Всё придется строить самим. Каждому ли из вас будут трудности по плечу? У кого есть сомнения, остаются здесь...

Командир замолчал, давая ребятам время на размышление, а потом скомандовал:

– Желающие вернуться домой – два шага вперед!

Строй не шелохнулся.

Когда к Кавказу рвался враг,
Фашисты рвались в Сталинград.

Такой момент нельзя забыть:

Чтоб специальность получить,

Немало мальчиков в тот год

Пришли учиться в Красный флот.

А перед вами – карапет,

Ему четырнадцать лишь лет,

А он ведь в будущем радист,

Электрик, боцман, моторист.

Когда пройдёт учебный год,

Он в море, на войну уйдёт,

Он будет честью дорожить,

Он будет Родине служить.

Так позднее напишет юнга 1-го набора В. Василевский.

2 августа 1942 года госпитальное судно взяло курс на Соловецкие острова, а через сутки дети высадились на берегу Соловков, на место, которое станет отправной точкой и компасом их жизни.

Что собой представляли Соловецкие острова?

Это край суровой северной природы, крупнейший по площади архипелаг Белого моря в 165 км от Полярного круга. Кроме шести больших островов, архипелагу принадлежат также сотни маленьких островков. Они появились после того, как 12 тысяч лет назад отступило оледенение. Ледники ушли, а принесенные ими камни, песок и почва остались. На Соловках нет рек и почти нет родников. Первые люди там появились в 1-го столетии до новой эры.

Со времени Ивана Грозного здесь на протяжении почти трёх с половиной столетий существовала соловецкая монастырская тюрьма, где в основном держали государственных преступников. В XIX веке в Соловецкой монастырской тюрьме находились в заключении представители всех «трёх этапов русского революционного движения» (дворянского – декабристы, разночинного – народовольцы, пролетарского – социалисты). Царская тюрьма на Соловках прекратила своё существование только в 1903 г., но возродилась уже в 1920-х гг. при советской власти, став позднее одним из самых страшных концлагерей ГУЛАГа.

Да, для ребят ничего не было приготовлено.

Разбили палатки, жили по 13-15 человек в каждой. Сначала спали на сосновых лапах, потом на матрасах, набитых морской травой, под головой – вещмешки.

Лето в Заполярье короткое, нужно было торопиться до наступления холодов построить крышу над головой.

7 августа было определено место строительства Школы юнг в глубине острова, в посёлке Савватеево. Начались суровые будни.

На следующий после приезда день ребята начали строить школу. На голом месте голыми руками. Не хватало топоров, лопат, гвоздей. На всю школу имелись только машина-полуторка и лошадь. За тяжёлый труд иногда получали по две миски каши. Кубрики для жилья строили в виде землянок. Вот так писал в своей книге «Юнги Северного флота» бывший комиссар Школы юнг Сергей Сергеевич Шахов: «С середины сентября по ноябрь на Соловках беспрестанно шли дожди. Вы когда-нибудь перекатывали валуны под дождём? А они перекатывали. Не могли перекатить – раскаляли и обливали водой. Пока не треснет. Вспоминается, как группа юнговшей (15-20 человек) тянула из котлована огромный камень, силёнок не хватает, плачут, а тянут...»

Осенью, когда начались первые заморозки, большая часть отряда слегла в госпиталь. От холода и грязи ребята покрывались фурункулами.

Юнги обслуживали себя сами. Умывались и стирали одежду в проруби на озере, студя руки в ледяной воде. Питьевую воду ходили набирать за 150 метров из озера, зимой пробивали прорубь.

Обычное меню было таким: суп из трески, каша овсяная или суп гороховый и соевая каша. На третье – компот. И три раза в день – отвар из хвои перед едой от цинги. Очень горький, противный, но очень полезный. Кто не пил – остался без зубов. И вторая беда – аппендициты. Ещё собирали бруснику, приносили в землянку, ссыпали в бочку с водой и зимой пили этот настой – восполняли недостаток витаминов.

Юнг приучали к чистоте и опрятности, быстроте выполнения приказов. Уборки тщательнейшим образом проверялись старшиной. Переделывали столько раз, сколько надо было для наведения блеска.

Полностью военный городок построили к 7 ноября 1942 года, включая продовольственные, вещевые склады и склады боепитания. В Трещанской губе была устроена шлюпочная станция. Тридцать полуземлянок-кубриков вместимостью 52 человека, каждая с койками в 3 яруса и печками-буржуйками. Название «землянка» больше соответствовало действительности: жилище было выкопано в склоне горы. Стены и потолок обшивались досками в два ряда, между которыми набивали мох и листья. Вдоль стен располагались трёхъярусные нары, на них лежали матрасы и подушки, набитые морской травой. В головах нары были полочки для мелочей: мыльницы (давали один кусок мыла в месяц), ложки, писем, фотографий родных, самодельных ножей... Конспекты на полки не помещались, их прятали под подушкой или под матрасом.

Посередине кубрика стояли стол в 5-6 метров длиной и скамьи с двух сторон. Перед отходом ко сну на них укладывалось обмундирование. Стол представлял собой рундук, разделённый на ячейки, где юнги хранили одежду – на каждой ячейке была бирка с фамилией.

Света в землянках поначалу не было, зажигали коптилки – железные чернильницы с фитилями. В качестве «горючего» использовали рыбий жир,

выдаваемый для смазки ботинок. Стены от такого «освещения» становились чёрными. Затем кубрики стали освещаться электролампочками, но движок прекращал работу в 24.00, и свет гас. За ночь кубрики остывали. Но ребята нашли выход. Перед тем, как ложиться спать, нагревали на плите по кирпичу и брали его с собой под одеяло. К утру раздавались громовые раскаты: это с третьего яруса (кто-то повернулся) кирпич падал на пол, юнги просыпались, вскакивали с кроватей, тем самым, в суматохе забыв про свои кирпичи, ненароком сбрасывая их наземь.

7 ноября 1942 года юнги приняли военную присягу... После принятия присяги Школа стала полноценной воинской частью, которой был присвоен номер 30835 и выдано боевое знамя.

Шла война, подростки, которым не исполнилось и шестнадцати лет, дали присягу, и с них спрашивалось, как со взрослых бойцов. А ведь попавшие в школу юнг были разными: и сильными, и слабыми, избалованными и маменькиными сыночками. Но из каждого необходимо было сформировать боевого матроса, готового шагнуть на палубу корабля.

Наконец приступили к учебе, одновременно продолжая заниматься стройкой. Выходные были только от учебы, на стройке же работали каждый световой день напролёт. С перекурами на десять минут. Но юнгам курить не полагалось, и потому предприимчивые старшины заменяли перекур строевой подготовкой. Только перед обедом звучала долгожданная команда: «На десять минут разойтись!»

Двухгодичную программу нужно было освоить за тринадцать месяцев, поэтому занимались по десять – двенадцать часов в день. Ребята сначала поверить не могли, что смогут запомнить сотни названий частей корабля. А всего терминов при изучении морского дела нужно было знать назубок около полутора тысяч. Голова пухла от «грот-брам-рей» и «грот-бом-брам-брасов», но они зубрили, зубрили, зубрили... А ведь были ещё и другие предметы.

Учебников не хватало: один на десять человек. Не было карандашей, бумаги, часто писали на газетах. Мальчишки умудрялись учиться на хорошо и отлично.

Каждый юнга знал назубок распорядок дня:

6 часов утра – подъем

22 ч. 30 мин. – отбой.

Юнг готовили, как старшин, без жалости, давая им самую сложную теорию.

Учили быстро есть. Дежурный по камбузу часто предупреждал о том, что идёт жестокая война, чтобы выжить и победить врага, нужна сноровка, быстрота соображений и действий, надо научиться кушать быстро – это на кораблях пригодится, в противном случае можете остаться без еды».

По учебному плану юнги изучали следующие предметы:

1. Специальность.
2. Общевоинская подготовка.
3. Военно-морское дело.

4. Общеобразовательные предметы: русский язык, математика, физика, география и черчение.

5. Политподготовка.

Все юнги без исключения проходили практику по военно-морскому делу. Ребята выходили в море на шлюпках под парусами и на веслах. Хватало кровавых мозолей, минут страха перед штормящим морем, но духом юнги не падали.

Наставником морской практики был сам начальник Школы. Морской офицер, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, **Авраамов** заслужил особую любовь, когда юнги стали ходить в море. Человек уже пожилой, в немалом звании, он не гнушался самолично проводить с ними шлюпочные занятия.

Он привил ребятам любовь к воде. Проплывая вдоль берегов на шлюпке, он приказывал: «Каждый пусть нырнёт и... достанет мне что-нибудь со дна». Авраамов сделал так, что море для них из затаённой опасности превратилось в дружескую стихию, а вода – в колыбель».

Выходили в шлюпках юнги и в штормовую погоду – учились управляться с парусами. Чтобы отработать навыки спасения на воде, делали так: когда до берега оставалось сто метров, старшина выдёргивал пробку из днища шлюпки, вода начинала её заполнять, и ребята должны были бороться за спасение плавсредства и собственные жизни. Ещё более жёстко проходило учение «спасение с горящего корабля». Неподалеку от линии прибой был выкопан колодец и соединён с морем трубой. На верхний край этого сооружения наливалась солянка и... поджигалась. Юнги в полном снаряжении (шинель, ботинки) с высоты трёх метров должны были нырнуть через это горящее кольцо в колодец, проплыть по трубе и выбраться морем. Вне сомнений, для таких учений нужна была отличная физическая подготовка. Этому способствовали занятия спортом.

Кроме шлюпок, школа имела несколько торпедных катеров и мотобот. На всю жизнь остался в памяти каждого юнги день, когда он впервые встал за штурвал быстроходного торпедного катера и повёл его по Белому морю.

Николай Юрьевич Авраамов был для юнгашей и остался на всю их жизнь путеводным маяком, совестью и честью.

Когда юнги учились – называли его «батей», а спустя многие годы стали называть «главным юнгой».

Именно этот человек оказался добрым и справедливым, и ребята сразу потянулись к нему, как к отцу родному... Особое уважение вызывал тот факт,

Н.Ю. Авраамов и ульяновец Юрий Павлов

что по его книгам «Рулевое дело» юнги учились и ему же отвечали на занятиях. Не знать материала или отвечать ему плохо было просто стыдно.

Строгим Авраамов казался только по внешнему виду. На самом деле он был человеком редкостной души. Юнг любил всех и называл их сынками. Николай Юрьевич понимал, что эти сынки – мальчишки – рано расстались с детством, покинули родной дом, добровольно надели матросские шинели, чтобы получить флотскую специальность и заменить выбывших из строя отца или брата. Вот кем были для него эти мальчишки.

Навсегда запомнили юнги слова «бати» об учёбе:

– Кто будет плохо учиться, тот выберет себе незавидную судьбу – флот в балласте не нуждается. А потому знайте: у вас не уроки, а боевая подготовка, не экзамен – а бой, который надо выиграть. Помните, отличники боевой и политической подготовки получают право выбора любого флота страны и любого класса корабля...

Нам трудно было – мы терпели,
«Грызя гранит» науки свой,
Попасть на фронт скорей хотели
Фашистов бить свой рукой.
Наш «батя», грозный Авраамов,
Учил нас гордости морской,
Готовил к жизни, как к аврамам,
Чтоб каждый был из нас герой!

Одновременно с назначением Аврамова Николая Юрьевича был назначен и стал бессменным комиссаром Школы Сергей Сергеевич Шахов. Боевой подводник принял своё новое назначение без восторга. Он, боевой офицер, должен возиться с мальчишками? Шахов считал, что в такое время его место в бою... Боевому и смелому моряку раньше никогда не приходилось работать с подростками. И поэтому он осторожно, чтобы не ошибиться, начал знакомиться с юнгами. А обстановка была очень сложной, поэтому Шахову на Соловках пришлось начинать всё с нуля.

Приходили ребятам письма из дома, в которых говорилось о гибели отцов и братьев... Как сказать, чтобы горе можно было оправдать, чтобы утихла боль, но и посеять в сердцах горение оправданного мщения врагу?..

Вот так говорил комиссар, глядя в глаза юнги, положив свои крепкие ладони на хрупкие плечики:

– Ты уже взрослый, сынок, без пяти минут боевой моряк, мужайся. И помни, всегда помни, что гибель отца твоего не напрасна, он погиб героем, спасая жизни многих людей. А ты, сынок, отомстишь за него!

Огромная ответственность выпала на долю преподавателей и старшин. Они должны были дать юнгам прочные знания по специальности, привить им любовь к морю, к кораблю, но и многим из них заменить родителей. Из 65 преподавателей 27 имели высшее образование, 4 – незаконченное высшее, 34 – среднее специальное. Многие преподаватели и старшины были участниками Великой Отечественной войны.

Юнги первого набора внесли вклад в дело Победы, будучи ещё учениками. Им было предписано выдавать жалованье 8 рублей 50 копеек в

месяц. На эти деньги можно было покупать бумагу для писем, конверты, бритвы, так как многие юноши уже брились, ну и, конечно, любимые сладости. Однако юнги и их командиры решили собрать деньги на постройку торпедного катера под названием «Юнга». Они смогли сделать это уже в марте 1943 года. Вскоре от Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма: «Из Москвы. Правительственная. Красная Армия 20/09 – 07, в два адреса. Авраамову, Шахову. Передайте юнгам, собравшим 160 тыс. рублей и 40 тыс. облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии. Желание юнг будет исполнено. И.В. Сталин».

В августе 1943 года у юнг начались настоящие стрельбы, в караул выдавались боевые патроны.

Принимать выпускные экзамены приехали офицеры с боевых кораблей. Результаты: 77% отличников, 20% хорошистов и 3% посредственников.

Первый выпуск юнг состоялся в сентябре 1943 года.

У всех было одно стремление – скорее попасть на действующий флот, на корабли, чтобы встать в ряды защитников Родины.

Остров Соловецкий,
древних стен тишина...
Здесь мальчишек советских
опалила война.

Испытала на стойкость,
честность, верность стране.

Детство их непростое
всё досталось войне.

Постигали науки
и в сражения шли
Соловецкие юнги
Беломорской земли...

Их военные были
«Одиссее» сродни.
Только жизни их были
уязвимей брони...

Выпускников выстроили на плацу перед штабом. Начальник школы Н.Ю. Авраамов зачитал приказ Наркома ВМФ о направлении юнг на флоты и флотилии. Каждому выпускнику было вручено свидетельство об окончании школы. Юнги дали клятву на верность своему воинскому долгу. Вот её текст:

«Родина! Великая Советская держава!

В день отправки нас на боевые корабли принесим тебе свою клятву!

Мы клянёмся с достоинством и честью оправдать оказанное нам доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и оберегать честь Школы юнг ВМФ.

Мы клянёмся отдать все силы, отдать жизнь, если надо, за свободу и независимость нашей Родины.

Мы клянёмся до полного разгрома и уничтожения врага не знать отдыха, не знать покоя, быть в первых рядах самых мужественных, самых смелых, самых храбрых советских моряков. Если ослабнет воля, если подведу товарищей, если трусость постигнет в бою, то пусть презирают меня в веках, пусть покарает меня суровый закон Родины».

Автор текста С.С. Шахов, комиссар Школы юнг ВМФ.

После окончания Школы юнгам полагался месячный отпуск. Но когда в строю им зачитали просьбу командования желающим сразу же отправиться на действующий флот, по команде: «Желающие, шаг вперёд! – шагнули все.

Выпускники с нетерпением ждали начальника школы Николая Юрьевича Аврамова. Строй двинулся. И вдруг все увидели фигуру «бати». Он стоял в стороне от дороги, стрункой вытянувшись при приближении колонны. Дав команду остановиться, произнёс всего несколько слов: «Вы первый выпуск нашей родной Школы. За вами пойдут другие. Но запомните, вы – первые! Так будьте же первыми и на флоте, мои родные североморцы. Впереди большая и чистая жизнь. Большая и чистая, как морская вода. Прощайте!»

У ребят по телу пробежала дрожь. Они услышали сокровенные слова, навеки оставшиеся в памяти. Но следующее действие Аврамова потрясло. Он приказал двигаться и низко поклонился уходящим на фронт мальчишкам. Юнги шагали вперёд, но через каждый шаг оглядывались, строй уже нарушился, ведь каждый хотел ещё и ещё раз увидеть фигуру Аврамова. Последний раз... А он стоял как вкопанный, не шелохнувшись. Только седая голова была повернута в сторону уходящей колонны. Как человек до мозга костей военный, он, провояжая своих питомцев, совсем ещё детей, понимал, что посылает их навстречу верной гибели. Старый моряк стоял и плакал...

Юнги первого набора были распределены на все флоты и флотилии, где шли жаркие бои, где катастрофически не хватало специалистов. И у каждого из них был свой флот, свой корабль и своя война...

Стихли ветра норд-веста,
Водная гладь – стекло,
Облаком дым завесы
Солнце заволокло.
И пулеметы хором
Рявкнули в небеса, –
Грянула над простором
Огненная гроза.
Только летят упрямо
В самый ад катера...
– Я ж несмертельно, мама,
Вылечат доктора.

Юнги на боевых кораблях осваивали по несколько специальностей и показывали в боях исключительное мужество.

Эрик Лукъянов из Ульяновска, попал в школу юнг в 15 лет, выпустился, погиб. Во время боя с фашистски-

Эрик Лукъянов

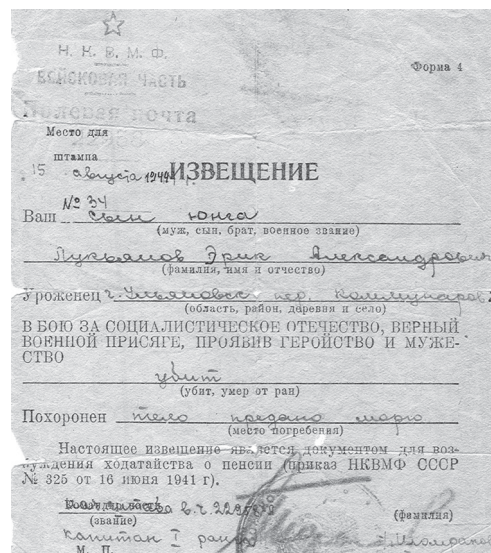
Евгений Борисук

*Калинычев Николай
Кириллович, 1985*

Александр Майоров

Похоронка

ми самолётами был убит пулемётчик и Эрик встал на его место. Немецкий осколок попал юнге Лукъянову в голову. Домой пришла похоронка: «Похоронен в море».

Хочется рассказать о мелекесце юнге Калинычеве, воевавшем на Балтийском флоте на тральщике. Жизнь экипажа тральщика была нелёгкой: траление фарватеров, рейды по проводке кораблей через минные поля, участие в высадке десантов.

26 июня 1944 года дивизион получил приказ высадить десант в бухте Алахта (Финляндия). Команда катера поддерживала всем имеющимся на борту вооружением высадившийся десант. И тут противник накрыл катер шрапнелью. Был убит командир, погиб рулевой, моторист, который вёл огонь из пулемёта, минёр... Из семи человек команды в живых остался только тяжелораненый Николай Калинычев. Добравшись до штурвала, он под шквальным огнём вывел катер из зоны обстрела и довёл его до родного пирса.

Моряки, вбежавшие на катер, увидели шесть трупов и повисшего на штурвале юнгу. За этот бой Николай Калинычев был награждён орденом Красного Знамени. Погибший экипаж похоронили, а Николая направили в Ленинград, в военно-морской госпиталь. Ранение в левую ногу и грудную клетку. После шестимесячного лечения матрос Калинычев был признан негодным к военной службе и был списан из Военно-морского флота в январе 1945 года. Нога не работала совсем. Инвалид I группы в 18 лет. Но нет, он не сдался! Упорные тренировки и езда на велосипеде сделали своё дело!

В наградном листе орденом Красной Звезды говорится: «Красно-

флотец Борисюк, плавая на катере с начала навигации в качестве ученика радиста, в совершенстве овладел специальностью как радиста, так и пулемётчика. Борисюк участвовал во всех операциях траления и проводке кораблей, а также при высадке десанта. Во время высадки десанта он огнём из пулемёта подавлял вражеские огневые точки на берегу. 30.07.1944 года во время операции вёл наблюдение за воздухом, кроме того, помогал химику в постановке ДЗ и сбрасыванию шашек. После потопления вражеской лодки активно принимал участие в подборе плененных. Маневрируя среди обломков, на винт катера намоталась ветوشь. После передачи пленных на катер МО-103 Борисюк спустился за борт и в течение 3 минут очистил винт. Катер получил возможность развить полный ход, что было кстати, так как противник начал вести массированный огонь с берега. Катер начал постановку дымзавесы. Борисюк снова пришёл на помощь химику».

* * *

*Командир
группы катеров Л – т /Верин/
1.08.44 г.*

В музее парка им. А. Матросова хранится книга о трагической судьбе юнги Геннадии Тарашуке, а на титульном её листе рукой его боевого товарища Злыдарева написано: «Я свидетель боя 22 апреля 1944 года, когда мы, два катера, вышли в бой против одиннадцати кораблей противника и потопили три вражеских корабля». И так можно говорить о каждом...

Каждый из них был героем!

ПОБЕДА! Как давно страна ждала её, какими невероятными усилиями и множеством человеческих жертв она нам досталась, но в том, что ОНА придёт – сомнений не было ни у кого. Возвращались воевавшие, попавшие в плен, воссоединялись семьи. Только матери мальчиков, ушедших в Школу юнг в 1942, в 1943 и 1944 годах, продолжали ждать, так как их сыновей призвали на службу в Морской флот, потому что в 1945 году они достигли призывного возраста. Ждали, успокаивая себя, что война закончилась, а служить нестрашно, пять лет пробегут. Только матери не знали, в чём заключалась служба сынов. А служба заключалась в охране границ и в уборке смертельного «мусора», который оставила война. Так что для юнг, ставших старшими матросами, старшинами, младшими лейтенантами, война продолжалась.

Они тралили оставшиеся на дне морей мины и бомбы, подрываючись и погибали, как погиб в 1950 году ульяновский юнга Александр Майоров.

Морскую гладь он «пашет» днём и ночью,
Под знойным солнцем и холодной луной.
Его работа видится воочию,
Как только трал опущен за кормой.
Всплывают мины якорные, вскоре
Вскипает море от разрывов мин,
И с каждым взрывом прочь уходит горе
С дороги той, где тральщик лишь один.
В свой новый рейс, с волной морскою споря,
Идут суда дорогой голубой,
И только тральщик «пашет» где-то море,
И снова трал опущен за кормой.

Во сто крат больнее получать похоронки в мирное время, в которых написано: «Погиб при исполнении боевого задания».

Вот так бывший комиссар Соловецкой школы юнг писал в своей книге: «Как непосредственный участник и живой свидетель событий, с полной ответственностью могу подтвердить: юнги сдержали клятву. Проверку боем они выдержали с честью и до конца».

С 1948 по 1952 год наконец возмужавшие мальчики начали возвращаться домой. Понимая, какое трудное положение в стране с кадрами, все, как один, не отдыхая, устраивались на работу благо, специальности у них были. Наконец, жизнь им позволила влюбляться, строить семейные отношения, познать радость отцовства. Без отрыва от производства учились. И обязательно встречались, проводили уроки мужества в школах, поддерживали друг друга, вместе радовались и делили на всех беды... И все до одного хотели побывать на Соловецких островах, там, где осталось их детство, там, где они стали взрослыми и откуда ушли на боевые корабли.

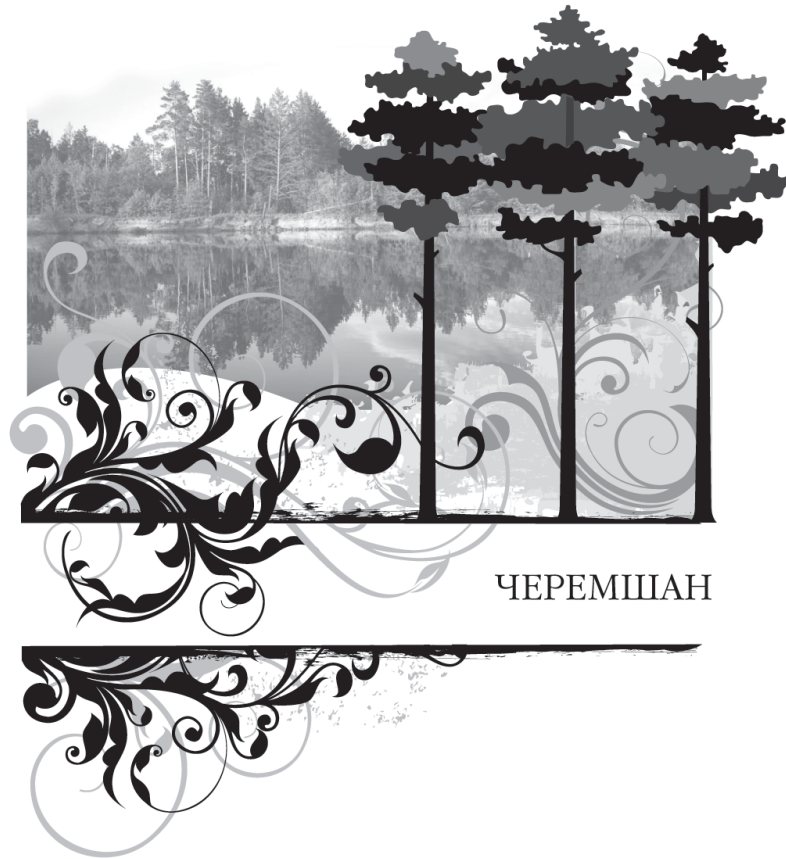
О них сняты художественные фильмы и написано немало книг, в основном самими юнгами, а моя книга будет во всех библиотеках и школах города и области. Но я думаю, что у летописи о Соловецких юнгах не будет последней страницы...

ПАМЯТЬ

Задохнулись канонады,
В мире тишина,
На большой земле однажды
Кончилась война.
Будем жить, встречать рассветы,
Верить и любить.
Только не забыть бы это,
Не забыть бы это,
Лишь бы не забыть!
Роберт Рождественский.

*Из книги Нины Дубовик
«По зову сердца и велению долга»*

ЧЕРЕМШАН

Памяти Владимира Кононова

ДРУЗЬЯ МОИ, СПАСИБО, ЧТО ВЫ ЕСТЬ!

Владимир Кононов. Художник Елена Первушина

2 марта 2021 года на 52-м году жизни не стало талантливого, неординарного человека, поэта, актёра, руководителя и основателя молодёжного театра «Сфера», руководителя димитровградского филиала Ульяновского театра кукол имени Валентины Леонтьевой Владимира Викторовича Кононова. Провожали всем миром. Так много людей пришло проститься с Володей. Плакали мужчины и женщины, старики и молодые, дети, с которыми он занимался, близкие, друзья, которым он отдал частичку души и которые так любили его, те, кто что-то не успел сказать ему или сделать для него... Но мы верим – в тот момент он видел всех и каждого, каждого понял, каждого простил.

Много творческих планов было у Владимира Кононова. Жаль, что не всё успел, не всё сделал... Мы, коллеги по литературному цеху, навсегда запоем Володю как одного из трех столпов клуба молодых литераторов и интернет-газеты «Глагол», участника Лопатинских чтений и множества литературных мероприятий.

Светлая память!

Сегодня, дорогие читатели, мы публикуем последние стихи Владимира Кононова.

Владимир Кононов

Лопатинские чтения. Крайний слева В. Кононов

* * *

Друзья мои, спасибо, что вы есть!..
Спасибо вам за встречи и разлуки,
За вдохновенья сладостные муки...
Ещё за что? Да всё не перечесать!..

Вы часть меня! Вы часть моей любви!
А вместе мы, как атомы пространства –
Рождаем свет и звук. И без жеманства,
Душа с душой при встрече говорит.

Давайте не теряться в суете
И находить возможности для встречи!
Увы, земной наш путь небесноконечен
И утопает в реках новостей...

Что годы и уходы, – мир един!
Торопит, как всегда, нас только время.
И мы, ногою упираясь в стремя,
Навстречу неизвестности летим!

4.01.2021

* * *

Не закрывай окна, дай повод мне вернуться.
Рождественская ночь – пора чудес!
Всё в ожидании... От поля до небес
Легко рукой и сердцем дотянуться.

Не говори... Молчи, не говори.
Не разрушай словами эту благодать!..
Вот-вот случится чудо! Дух парит...
Рождается любовь! И в мир приходит радость!

И я лечу... И всё летит вокруг...
И близь... и даль так трепетна светла.
И счастье – каждый миг, и каждый звук!
Не закрывай, пожалуйста, окна!

30.12.2020

* * *

Сквозь клетку разума и тела
Смотрю на улицу в окно.
Ещё немного – и темно...
Садится солнце за пределы.

Последний взгляд... и всё, привет...
Вернётся завтра – точно знаю!
Вернусь и я... Перерождаясь,
Найду и силы, и ответ...

Вспорхну из клетки в мир, на волю,
Как Феникс. Уж в который раз
Спасает свет любимых глаз.
И всё того, конечно, стоит!

28.12.2020

* * *

Я танцую стихи, под словесные звуки и ритмы.
Эти танго и вальсы меня до рассвета кружат.
Рвётся голос наружу мой, хриплый и сильный.
От желания всем
про любовь и про жизнь рассказать.

Счастье есть! И не в сказках и старых романах.
Это только лишь взгляд,
это только лишь выдох и вдох.
Приходил, уходил...
И за гранью миров неустанно
Я искал сам себя... и любовь,
как волшебный цветок.

Счастье здесь! Очень близко и рядом...
Не тушуйся и руку вперёд протяни!..
Всё в тебе – вся Вселенная, с раем и адом...
Посмотри – ты внимательно, друг, посмотри.

14.08.2020

* * *

Двадцатый год уходит и уводит
 Вслед за собою многих, очень многих,
 В уплату долга глупости людской.

Мир изменился и не будет прежним.
 Свет истины всегда лишь на краю.
 И аргумент для нас всегда лишь страх.

Но что-то говорит – надейся, верь!
 Должно случится чудо!
 Возобладает разум – будет ЖИЗНЬ!..

12.12.2020

* * *

Бодаешь раму лбом... Усталость... Боль...
 Ты в поисках остатков оптимизма
 Стоишь и смотришь проявления жизни,
 А тело умножает всё на ноль.

Печаль-тоска... Ноябрь. День морозный...
 Всё в инее сверкает поутру...
 Красиво!.. Только боль не по нутру...
 Букет эмоций сложный, очень сложный.

Куда уходит детство в этот миг, –
 То где любая мелочь, это счастье?
 – Нехватка дофамина и участия.
 Нет, доктор, я душою не старик!..

Всё низводить до химии не надо.
 Мой оптимизм притух, но не угас!
 Я вынырну со дна!.. Не первый раз...
 Ждёт публика!.. Ждёт дочка шоколада...
 4.11.2020

* * *

Мне в этот год не хочется зимы!
 Желая солнца, неба, много света,
 Решения вопросов... И ответа, –
 Нет, Гамлет, не по поводу тюрьмы.

Тюрьма внутри тебя, а не вовне...
 С тобою мы об этом говорили.
 Ты сделал выбор свой – и вот приплыли...
 Не хочешь «быть» – теперь гори в огне!

Претензий нет. Но этою дорогой
 я не пойду. – Спасибо, дорогой...
 Твоя игра – убийства! Бог с тобой...
 Судьба к тебе воистину жестока!

Мой выбор – он другой. И донкихотство
 Совсем не повод в поле воевать –
 Копьё в копьё... и грудью, рать на рать!..
 Да, бесит нескрываемое скотство...

И ты идёшь наперекор системы,
 Невольно создавая новый мир.
 Тебе кричат – Где идол? Где кумир?
 И льют, и льют... в мозги, в сердца и вены.

Куда, куда ты денешься – чудак?
 С подводной лодки выход только в воду...
 Беги в поля, беги на огороды!..
 И не мути болото просто так...

Увольте – нет!.. Попробуем по правде...
 Ох, лицемеры, как же вы хитры,
 Под маскою словесной мишуры!
 История гласит – есть в каждом Клавдий!

...
 Какой бы ни был выбран дальше путь,
 Вам жизнь предъявит счёт опять в финале.
 Не соскочить с него, не улизнуть...
 И ты, «уже не тот, что был вначале...»
 26.10.2020

* * *

Приобретает лес ажурный вид –
 деревья построили все изрядно.
 Гуляет ветер в парках, как в парадных,
 Всех подгоняя... Лист вперёд летит...

Куда? Куда твой путь, мой друг-листочек?
 Куда стремишься в этот день и час?
 Что ищешь, – волю, радость, нежность глаз?
 Иль вспоминаешь сочность внешних почек?

Про детство, юность, зрелый оптимизм?
 Всё есть в тебе... Всё было... Значит, будет!..
 Любой из нас сплетенье многих судеб –
 Многообразный мир... и это – жизнь!
 18.10.2020

* * *

Друзья! Любимые друзья,
 Не становитесь быстро старыми!
 С глазами тусклыми, усталыми,
 Не уходите от меня!

Друзья! Любимые друзья!
 Мы в силах, с опытом и разумом,
 И здорово, что все мы разные –
 Не уходите от меня!

Друзья! Любимые друзья,
 Ещё не всё дохулиганили,
 Мы просто были очень ранние...
 Не уходите от меня!

Друзья мои, я вас люблю!
 Давайте помнить друг о друге,
 Мы не случайно в этом круге –
 Друзья! Я помню вас!
 Я вас люблю!

20.10.2020

Подготовила Раиса Каширкова

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ЧЕРЕЗ МУЗЫКУ ВИЖУ Я...

«Первая роса». Итоги

20 марта состоялось подведение итогов областной литературной молодежной премии «Первая роса».

В номинации «Проза» победителем стал Леонид Дроздов, в номинации «Иной жанр» – Елена Ибукова, в номинации «Поэзия» – Влада Митрофанова. Впервые было вручено Гран-при конкурса. Его завоевала молодая писательница Екатерина Богданова.

Кроме победителей в каждой номинации члены жюри выделили и отметили памятными призами отдельных авторов – дипломантов конкурса. Ими стали: Виктория Варфоломеева, Артём Даллакян, Дарья Ефремова, Ольга Лазарева, Евгений Никишин, Ксения Никишина, Сергей Николаев, Наталья Тибушкина и Виктория Шейко. Специальными призами были отмечены Кристина Знамцева и Илья Разумовский.

«Первой росе» уже 22 года. Андрей Безденежных вряд ли предполагал, что придуманный им в 1999-м конкурс станет волшебной дверцей в мир литературы для целого поколения ульяновской молодёжи, ведь ему самому-то было тогда лишь 32... Всего за несколько лет до этого он принёс свои первые рассказы в газету «Град Симбирск», где я вёл литературную страницу. А позже он уже меня уговаривал принять участие в «Первой росе», когда однажды в конкурсе для эксперимента были сняты возрастные ограничения. Всё это уже история, а сегодня для юных талантов «Первая роса» действительно открывает дверь к первому признанию. На этот раз в трёх номинациях заявили о себе 85 молодых поэтов и прозаиков. Если сказать образно, широта творческой фантазии юных ульяновских литераторов вполне сравнима с разливом Волги между Ундорами и Старой Майной.

Гран-при конкурса заслуженно достался Екатерине Богдановой, «по-царски» отличившейся во всех номинациях. Эпиграфом к её победе я бы взял

строки из её же стихотворения: «Моё имя – Екатерина, / И давали его царицам». Лауреатом в номинации «Поэзия» стала 19-летняя Влада Митрофанова. Надеюсь, её ждёт яркое поэтическое будущее, ведь уже сейчас она смогла сформулировать секрет своего дара: «Через музыку вижу я, как через чистый хрусталь, / То, что тщательно прячут от нас и века, и года». Леонид Дроздов по оценкам жюри стал лауреатом в номинации «Проза», выделившись среди конкурентов неожиданной «дворянской» повестью из 19-го века. А Елена Ибукова удивила оригинальным взглядом на известные имена, книги и фильмы, поэтому заслужила звание лауреата в номинации «Иной жанр». Среди не попавших в число лауреатов я бы выделил ещё Артёма Даллакяна, Викторию Варфоломееву и Ивана Баранова, их победы, видимо, ещё впереди», – резюмировал Николай Марянин, член жюри.

Елена ИБУКОВА – корреспондент объединенной редакции издательского дома «Ульяновская правда». Живет и работает в Ишеевке. О себе: «Литература – главное увлечение моей жизни. Пишу стихи, прозу».

Лауреат III ст. конкурса «Первая роса – 2016» в номинации «Поэзия», дипломант конкурса «Первая роса – 2018» в номинациях «Поэзия» и «Проза». Лауреат премии литературного конкурса «Первая роса – 2020» в номинации «Иной жанр».

ВОПРЕКИ ВРЕМЕНИ

Размышления в четырех частях

1.

Представь: перед тобой лист бумаги, стандартный А4, и, как бы ты ни ужимала и без того мелкий почерк и ни пыталась поместить бесчисленное количество мыслей между строк, ты ограничена одним листом. Только разреши себе исправления. Право ошибаться – это первое и главное право, запомни! А теперь приступай...

Сколько бы раз я ни пыталась мысленно провести этот сомнительный эксперимент – неизменно возникал естественный вопрос: я ограничена только в пространстве или еще и во времени? В том-то и дело, что не знаешь. Есть лист, и есть ты.

Я решаю: каждый день по... строчке. Тогда времени может оказаться больше, чем места. Начинаю пропускать дни, недели, слова копятся внутри, из многоголосья отсеиваются ненужные. Со временем отсеивать все строже, строки теснее, слова мельче. Переворачиваю лист и провожу нехитрые расчеты. Должно хватить. Лишь бы хватило слов. Ведь многие уже отброшены безвозвратно.

Пробегаю глазами по неровным строчкам: свободный стихийный поток, затихающий, превращающийся в редкие, одиночные всплески... Скажут – на грани безумия. Но разве можно иначе?

Я все продумала и рассчитала. Но замечаю лишние слова, устаревающие, рискующие раствориться в повседневном речевом потоке. Всматриваюсь в длинные и витиеватые обороты. Кого я хочу обмануть? Можно было бы раздробить фразы, заменить на равноценные покороче. Избежать ошибок и повторов. Удержать себя в обозначенных границах. Не быть расточительной и беспечной.

Есть еще оборот листа. Буду внимательнее. Вдумчивее.

Пробую прочитать все разом, без запинок, без пауз, на одном дыхании. Но интонационно сбиваюсь, спотыкаюсь на неровностях, зависаю на недосказанностях. А на что ты надеялась? Выпросила хотя бы тетрадь. И уложила бы? И бережнее обращалась бы со словами? И точнее бы высказалась?

Тебе и в голову не могло прийти, что можно было оставить лист нетронутым. Чистым.

2.

В одном из рассказов Юрий Олеша признавался, что триста раз переписывал начало «Зависти». «И ни одна из этих страниц не стала окончательным началом». Мне хочется верить этому. Думаю, писал

он порывами, внезапно, спонтанно, неудержимо. А начинал вчитываться и вдумываться – всё, бессилие. Трудно представить, что он перебирал слова, переставлял их с места на место, зачеркивал, замазывал, вырывал страницы...

Поэтому я воображаю, что он мучился только началами. Это моя фантазия, не хочу лишать себя ее!

Его отношение к писательству, которое сейчас бы назвали модным словом (с налетом самолюбования и кокетства) перфекционизм, – слишком сильное и острое желание высказать невысказываемое. Он испытывал священный трепет перед каждой фразой. Отсюда и самоуничтожение, горькое осознание своей ограниченности. Олеша – тот самый художник, который не может существовать в тесных рамках. Он был обречен, он знал, какую цену ему придется заплатить, и понимал, чем отличается от устанавливающих себе цену и умеющих ее выторговать. Пожалуй, он самый честный писатель, самый открытый. А недоговоренность... в ней намек на тайное знание и попытка его раскрыть, поделиться.

«Ни дня без строчки» – книга безысходная, выстраданная. Она полна мыслей, которые не доведены до конца и брошены в пустоту. Это тот самый «поиск утраченного времени», сожаление о жизни, об упущенном, о неприобретенном. Не попытка самооправдаться, а желание объяснить и, может быть, самоидентифицироваться. Сопоставить себя с эпохой, найти себя в утраченном времени, оглянуться без предвзятости, но не без тоски, не без щемящего чувства потери. Ощущение бессилия перед временем.

«В конце концов, неважно, чего я достиг в жизни, – важно, что я каждую минуту жил». Но как жить «на кончике луча» и не сорваться, не сгореть?

3.

Мера всему – линия. Чем тверже карандаш, тем незаметнее. Беру нейтральный НВ.

Наточить аккуратно не получается: стружка летит в разные стороны, пальцы в графите, но мыть не тороплюсь, оставляю как сопричастность к будущему рисунку. Пробую на бумаге, нет, еще острее, линии тоньше, невесомее... Вот так.

Определяюсь с форматом. Чем больше лист, тем больше возможностей. И сложнее совладать с пропорциями.

Первая линия изгибается, чуть выравниваю ее, задаю направление. Я управляю ей. Обманчивая уверенность.

Первые штрихи едва видны, очертания не спешат проявляться, лишь осторожно намечаются. На безграничном пространстве листа, соблюдая композиционные ориентиры, обозначаю слабые вибрирующие контуры. Рядом, чтобы можно было легко зацепить пальцем, – ластик, проведешь острым кончиком по линии, привычным нетерпеливым движением смахнешь катышки, и новая линия на том же месте, только ярче, увереннее. Плавно извиваясь, она ведет за собой, намекает на форму, то замирает, то чуть дрожит от нетерпения.

И вот проявляется что-то знакомое, я отвожу глаза, будто не верю себе. Быстрый взгляд на зарождающийся рисунок – отдаляю лист, полагаюсь на расстояние. Проступают неточности, кое-где заметны вспомогательные линии. Если бы отстраниться, мысленно дистанцироваться.

Снова беру карандаш. Не спешу, не снисхожу до деталей. Лишь бы собрать, удержать образ. Время исчезает, карандаш шуршит по бумаге, рука свободна, все напряжение – в глазах.

Волшебство, к которому невозможно привыкнуть.

4

Фильмы братьев Люмьер длились примерно пятьдесят секунд. Столько позволял изобретенный ими киноаппарат. Пятьдесят секунд, вырванные из жизни. Камера была статична, двигались только «актеры». Что чувствовали люди, запечатленные на пленку, когда видели себя со стороны чуть искаженными, немного кривляющимися? Что чувствуем мы, когда через сто с лишним лет смотрим на этих

людей и через них пытаемся постигнуть эпоху?

Не так много возможностей было у первых режиссеров. Выбор темы, которую можно было уложить во временной лимит. Выбор точки съемки и ракурса. Выбор оператора, способного крутить ручку, не сбиваясь. А у зрителей – широкое пространство для восприятия: озвучить, раскрасить, мысленно нарисовать до и после.

Спустя сто лет режиссерам с мировыми именами из разных стран и континентов предложили отметить вековой юбилей кинематографа, сняв свой фильм люмьеровской камерой. Они предпочли не отказываться от монтажа, звука и прочих ухищрений. Но та же камера и тот же отрезок времени в пятьдесят секунд. Киноальманах «Люмьер и компания» – результат этого эксперимента – интересен как попытка найти отправную точку кино. Вернуться к его истокам. Получилось (за редким исключением) предсказуемо. Без азарта, с которым брались за дело Люмьеры. Без чувства новизны и страсти первооткрывателей. Без легкости, естественности и искренности. И лица другие, и современность неизбежно проступает, заявляет о себе. Отсюда суетливые движения, мельтешения, хаотичные порывы.

Братья Люмьер не чувствовали, что время их ограничивает, они расширяли его, делали объемным и открытым, событийно более ярким, удивительным, наполненным. Но над их последователями время тяготело так, что, кажется, можно услышать тиканье часов и бормотание «успеть, успеть, успеть».

Но разве не в этом временном ограничении – главный двигатель творческого порыва – довлеющее осознание конечности, попытка придать осмысленность, добиться завершенности?

ДЛЯ РАДОСТИ МНЕ РОСКОШИ НЕ НАДО...

Стихи участников конкурса «Первая роса»

Екатерина БОГДАНОВА, 24 года

* * *

Как сладостна вечерняя прохлада
И ночь, что так спокойна до утра!
Для радости мне роскоши не надо:
Достаточно и лёгкого пера.

Ничто не злит, не мучит, не тревожит,
И время, словно шёлковая нить.
Теперь мне мир в душе всего дороже,
И научилась я его хранить.

Ольга ЛАЗАРЕВА, 35 лет

МЕЧ

Ты знаешь, как плавится сталь?
Ты знаешь, как бьются надежды?
В огне, что сжигает дюраль,
Никто не останется прежним.
И даже прославленный меч,
Чьё лезвие тоньше микрона,
Не сможет тебя уберечь
От горечи или Афона...
И он растворится в веках,
Затупится, ржёт пораженный.
И в жерло вулкана попал,
Расплавится, в лаву вpletенный.

Сергей НИКОЛАЕВ, 27 лет

РУБЕЖИ

Льды взрывала весна,
Ожидая апрель.
Мир очнулся от сна,
Расплескав акварель.

Взгляд серьезнее стал –
Нам держать строгий пост,
С осознанием, что мал,
Что душе нужен рост.

Стало видно асфальт,
И герои-цветы
Пробивают базальт,
Достигая мечты.

Так и нам, стало быть,
Рвать коросту с души
И, вдохнув воздух, жить,
Проходя рубежи.

Вот и мне двадцать пять –
Четверть века, поверь,
Я родился, чтоб ждать
Воскресенье.
Апрель.

Дарья ЕФРЕМОВА, 25 лет

ДЕТСТВО

Желтым вагоном
Идущего мимо трамвая
Скрылась за станцией где-то
Весна, напевая.
Вот и закончилось детство,
И оторопь бродит,
Между лопаток, мешая,
перышком водит.
Я на земле так недолго –
А вроде бы – вечность,
Что-то сбылось, что-то сгнуло,
Скрылось беспечно.
Где-то под стуком трамвая
мерещилось сердце,
Руки в огонь опускала –
Чтобы согреться.
В трещинах пальцы,
в мыслях рождается песня,
Строчка за строчкой. Чем кончится?
Неизвестно.
Едет трамвай – уж далёко,
И новые люди
смотрят из окон на станции,
Где нас не будет,
Рисуют прозрачные замки
На красочных стёклах,
Где кто-то признанья писал,
Что теперь уж поплёкли.
Как много всего происходит
В том желтом трамвае,
И мчится вагон за вагоном
Судьбу обгоняя.

Кристина ЗНАМЦЕВА, 16 лет

ПРЕДЗИМЬЕ

Под осенней листвою сотни тысяч дорог,
Ливней след из зеркал на асфальте остывшем.
Весь пейзаж растворился в тумане густом.
Увядания грусть, лик природы поникшей...

Горизонт растерял желто-бурые краски,
Серых туч пелена в ледяной пустоте.
Осень – смерти лицо в позолоченной маске,
Жизни новой рассвет на финальной черте...

Первый снег за окном, провожающий осень.
Пленкой льда покрываясь, блестят зеркала.
Грусть прощания метель ледяная уносит.
Сказку белую дарит природе зима...

Екатерина МИХЕЕВА, 18 лет

* * *

Отчего так печально на сердце?
Отчего так пылает душа?
Годы мчатся в открытую дверцу,
С каждым днем ускоряя свой шаг.

Время многое в нас изменило...
Только мы не меняем его.
И увы, все хорошее было,
Ну а, может быть, будет еще?

Ну, а может быть, завтра не будет?
Не дано нам грядущее знать.
Жизнь так быстро пронесется, люди.
Нужно жить, а не существовать.

Ксения НИКИШИНА, 24 года

* * *

Она состоит из хвои, реки и неба,
Он – из бензина, гудрона и стали.
На её полотне, ослепительно-белом,
Оживают цветы в предрассветной печали.

На его тяжёлом и каменном сердце
Вырастают огромные, сильные башни,
Он из рук выпускает железных пришельцев –
Самолётов, на её рассвет опоздавших.

В её небе щебечут птицы,
А в его завывают ракеты,
Только Город всегда ей снится,
А ему Деревни рассветы.

Максим НАЙДИН, 17 лет

РОЖДЕСТВО

Сегодня пусть, как в самом первом веке,
Объединит Христос сердца людей.
И Бог родится в каждом человеке,
Порвав рутинным ставший слой цепей

Из злобы, зависти, жестокости и гнева,
Что держит человека день за днём.
Когда в сердца опустится Бог с неба,
Тогда мы непременно заживём!

Подготовила Алина ОСОКИНА

*Фёдор ГОРОБЦОВ, член Союза писателей России,
адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов.*

КАБИНЕТНЫЙ РОЯЛЬ

1.

Тяжела жизнь провинциального пианиста. Очень тяжела. Зарплата в филармонии, прямо скажем, убийственно маленькая. А с другой стороны – зачем человеку искусства деньги? Он же не депутат и не чиновник.

Эти лучшие представители рода человеческого, имею в виду чиновников и депутатов, благополучно попилив бюджет, сядут в кресла концертного зала и, поглаживая перетруженные заботой о народе брюха, будут имитировать восхищение виртуозной игрой пианиста и щурить осоловелые от сытости глаза, а пианист, шлёпая по клавишам костяшками тонких длинных пальцев, будет с ужасом думать о долгах по квартплате, об изношенном костюме, да и мало ли о чём ещё он будет думать.

Вечная погоня за рублём так измотала пианиста, что он взгромоздился на свой кабинетный рояль, сунул голову в петлю и повесился. Да вот беда – он был настолько лёгок, настолько невесом, что этот отчаянный жест не спас его от убийственной жизни, поскольку его же собственного веса не хватило для затяжки петли на шее. Безнадёжно повисев, пианист вернулся к жизни и развязав тонкими, мелко дрожащими, невероятно длинными пальцами узел, нервно пнул несчастный, виноватый рояль, через минуту облегчённо вздохнул, перекрестился и улёгся на стоявший рядом продавленный диван. Мимолётная попытка неудачного суицида взорвала мозг! Тысячи мыслей и образов промелькнуло в его голове, и он уже с ужасом думал о том, что всего секунду назад он мог бы безвольно висеть, вывалив

синий, отвратительный язык на небритый подбородок, а его потёртые штаны, мокрые и вонючие от невольных испражнений, вызывали бы отвращение у заставших эту не эстетическую картину.

Солнце предсказуемо скрылось за горизонтом. Квартира погрузилась во тьму, но в голове пианиста наступило просветление. Он решил бросить музыку со всеми фугами и нотами и заняться добычей денег, благо, что возможности для этого имелись. А что? Не боги горшки обжигают. И потом – есть ещё русский авось и богатенькие поклонники, которые не останутся безучастными к нуждам большого таланта. Мысли вихрем носились в голове, прыгали по голове и не давали уснуть.

2.

Бизнесмен имел широкую душу и иногда принимал посильное участие в судьбах людей искусства. Оказывая кому-либо помощь, он испытывал радостное умиление и восторг от того, что он имеет возможность продемонстрировать широту меценатствующей души и что человек, им облагодетельствованный, испытывает к нему чувство благодарности. Большими проектами он не занимался, поскольку был не настолько богат как хотелось, но вспоминая людям искусства, утешал себя мыслью, что жизнь состоит из сплошных мелочей, и, помогая человеку в мелочах, он уже помогает ему жить, справедливо считая, что главное – это участие.

В кабинет бизнесмена пианист вошёл без стука. Бизнесмен широко улыбнулся, встал с крутящегося кресла и, распахнув свои могучие объятия, шагнул навстречу музыканту. Кости пианиста предательски затрещали, но пианист, скрывая боль, вымучил на лице радостную улыбку и, не утруждая себя расспросами о здоровье, попросил триста тысяч рублей в долг на один год под хорошие проценты. Свободные деньги после удачной аферы у бизнесмена имелись. Предлагаемый процент был вполне приличным и абсолютно реальным. Распихав триста тысяч по карманам, пианист отправился воплощать в дело свои коммерческие планы.

3.

Прошёл год.

В филармонию пианист уже не вернулся, по кабакам, как другие безработные музыканты, не играл. Вероятно, коммерческие дела его пошли в гору. Во всяком случае, у него появился белый кабриолет, смазливая блондинка с ядовито красными губами, выполнявшая функцию водителя, новые костюмы, пёстрые галстуки с золотыми прищепками, домик в пригороде, и только тонкие, невероятно длинные пальцы напоминали о скудном, но вышнем прошлом.

Дела бизнесмена стали зримо ухудшаться. Былые аферы не удавались. Знакомые чиновники, кормившие бизнесмена государственными подрядами, стали пугливы, как горные серны, и, избегая встреч, шархались от него в стороны. Ломались строительная техника, что приносило большие убытки. Клиенты стали требовательны к качеству работ и по малейшему поводу, да и без повода, обращались в суд за защитой прав потребителя. Суд как взбесился – удовлетворял все иски, да не просто удовлетворял, а удовлетворял в больших размерах. Штрафовал дико! Знакомые судьи, с которыми

он ещё недавно ходил чуть ли не в обнимку и пил на брудершафт, категорически его не узнавали и откровенно уклонялись от объятий. Подводили партнёры и контрагенты. Рабочие пьянствовали и воровали, он их пинками прогонял с работы. Тех, кого не прогонял, – бил кулаками по испытанным мордам, за что рабочие слёзно благодарили бизнесмена, ибо расценивали это как проявление христианской доброты, после чего бежали на рабочие места с надеждой стибрить что-нибудь на опохмелку. Найти работу в городе было невероятно сложно, поэтому мордобою воспринимался рабочими как вполне заслуженная и адекватная кара, которую можно и потерпеть. Были случаи, когда жёны прогульщиков и пьяниц приходили к бизнесмену в кабинет и сами горячо просили начистить рыло негодяю-мужу, но не выгонять, только не выгонять с работы, а стоявшие за спинами жён раздолбай-мужья радостно и виновато кивали в знак согласия и солидарности с жёнами и выражали полную готовность принять наказание любой частью тела, выпячивая места для нанесения заслуженных ударов. Одним словом, от неурядиц наш бизнесмен устал.

Случайно узрев сытого, смеющегося пианиста, проезжавшего в шикарном костюме с блондинкой за рулём, бизнесмен вспомнил о займе. Возврат долга мог поправить дела. Встреча, теперь уже двух бизнесменов, состоялась на следующий день. Пообещав вернуть долг через неделю, пианист покровительственно обнял бизнесмена, «благодарно» впоследствии дорогими духами, помахал шляпой, сел в кабриолет, за рулём которого была неизменная блондинка, и уехал.

4.

Прошло ещё два года.

Бизнесмен был в отчаянье! Денег не было. Снять раздражение битьём морд было уже невозможно – все рабочие, разворовав что было можно, разбежались, унося свои побитые морды, по более состоятельным бизнесменам. Исков к нему уже не предъявляли. Маргинальное будущее сквозило из всех щелей. Пианист всякий раз обещал вернуть долг, но обещать не значит вернуть. Юристы окончательно добились бизнесмена, сообщив ему о пропуске срока исковой давности и о том, что без расписки о получении денег суд ничего с пианиста не взыщет, и посоветовали попробовать взять хотя бы расписку с должника, и если этот должник круглый идиот, то он непременно её напишет.

Во время очередной встречи пианист вновь пообещал вернуть долг вместе с процентами. На просьбу написать расписку пианист обидчиво передёрнул плечами, ибо счёл себя оскорблённым за такое недоверие, и, демонстрируя неприкрытый, откровенный идиотизм, написал расписку, текст которой, с подачи юриста, бизнесмен ему продиктовал. Уходя, пианист пообещал через неделю рассчитаться.

После ухода пианиста бизнесмен облегчённо вздохнул, успокоенно улыбнулся, погладил расписку и положил её в сейф. Прошла неделя, две, три, месяц два, три. Ни пианиста, ни денег! Долго и придирчиво изучив расписку, юрист, почуяв лёгкую добычу, профессионально пощёлкал языком, распушил щёки и заявил, что это дело чрезвычайно сложное, потребует много времени, душевных сил и издержек, но если лично он возьмётся за него,

то за десять процентов предоплаты можно надеяться на успех. Бизнесмен поморщился, сделал вид, что поверил, и предложил работать на результат. От предложения работать на результат юрист скуксился и погрузился. Во избежание судебных издержек решили встретиться с пианистом ещё раз.

В назначенное время, в дорогом и изящном костюме, с неизменно тонкими и длинными пальцами, пианист вошёл в кабинет, где его уже ожидал бизнесмен с юристом.

5.

– Дорогой мой, – мягко начал бизнесмен, – когда я смогу получить свои деньги с процентами за три года?

– Откровенно говоря, – ответил с улыбкой пианист, – я думал, что уже сегодня, но, увы, вагон с товаром задержался и будет только через два дня. Думаю, что через неделю наличные деньги у меня однозначно будут.

В подтверждение сказанного он веером выложил на стол товарно-транспортные накладные.

– Скажи, что через неделю ты со мной не считаешься, – со скрытой мольбой в голосе попросил бизнесмен, – твой вагон с товаром прибывает на станцию уже четвёртый год!

– Считаю подобный тон оскорбительным, – обиженно ответил пианист, – через неделю мы будем в расчёте, даю слово.

– Это слово я слышал много раз! Скажи, что ты через неделю со мной не считаешься!

– Слово, кстати, я даю впервые! Вот, в присутствии юриста говорю – через неделю!

– Дорогой мой, ну скажи, что через неделю ты не считаешься! Я прощу тебе все проценты! Только скажи, что не считаешься!

– Через неделю я буду здесь с деньгами и с процентами! Мне чужого не надо!

– Хорошо! Скажи, что не считаешься, и я прощу тебе, помимо процентов, половину долга!

– Не скажу!

– Нет! Ты скажи! И я прощу тебе весь долг! Только скажи, что ты не считаешься!

– Ну зачем же так оскорблять меня! – пробурчал бывший музыкант, – рассчитаюсь, и это моё последнее слово!

– Хорошо! Тогда пиши другую расписку.

– О чём?

– О том, что если через неделю ты не считаешься, то будешь должен мне двойную сумму долга!

– Не вопрос!

Через две минуты расписка была составлена, и пианист, взяв тонкими и невероятно длинными пальцами свою шляпу, учтиво поклонился и вышел во двор офиса, где сел в белый кабриолет с блондинкой за рулём и уехал.

– Ну вот, – изумлённо выдохнул юрист, – а ты говоришь! Не может он не вернуть! Он что, идиот?

– Идиот, наверное. Не вернёт. Готовь иск в суд.

– Не верю, что не вернёт. Он сегодня голову сунул в петлю!

– Это ему не впервой.

Пианист в суд не явился. Иск был удовлетворён. Суд постановил взыскать с него 500 тысяч рублей. Дело осталось за малым – исполнить решение суда. В нашем любезном Отечестве – это самая сложная, а может быть, даже самая невыполнимая задача, что

в очередной раз с нескрываемой грустью и раздражением подтвердил судебный пристав.

– Понимаете, денег у пианиста нет и имущества у него нет, и квартира не его, и всё вообще не его, и взыскать с него нечего!

– Но у него есть рояль кабинетный! Этот рояль точно принадлежит ему! Вы выясните.

– Да, – ответил бравый пристав, – я всё выяснил, рояль кабинетный у него есть, и это его рояль, но рояль старенький. Чего он стоит?

– О, это вы напрасно! – как тонкий знаток кабинетных роялей с пафосом произнёс бизнесмен, – рояль как раз и стоит огромных денег! Это же не просто музыкант, а мастер высочайшего класса! Профессионал! Можно сказать виртуоз! А он фуфлыжный рояль покупать не будет!

– Вы уверены?

– Уверен! Абсолютно! Он даже мне как-то хвастался, что купил рояль за бешеные бабки при советской власти ещё, из-под полы. Вещь стоящая!

– А вы можете удовлетвориться роялем, чтобы я мог прекратить производство за исполнением судебного решения?

– Да!

– А кто оплатит 35 000 рублей – семь процентов исполнительского сбора?

– Оплачу! Только рояль мне привезите.

– Хорошо, – радостно проворковал пристав и отправился за роялем.

Не откладывая дела в долгий ящик, бизнесмен позвонил своему другу – директору филармонии и поинтересовался, нужен ли филармонии кабинетный рояль и сколько он примерно стоит. Директор филармонии чрезвычайно обрадовался новости и сообщил, что рояль очень нужен, желательна хорошая и не очень дорогая, что из бюджета выделено только 500 000 рублей, а за такие мизерные деньги приличную вещь не купить, поэтому, мол, давно ничего найти не можем и если что, то деньги хоть завтра перегоним на счёт. Бизнесмен подпрыгнул от счастья! Впервые за много лет всё складывалось как нельзя хорошо! На радостях он даже пообещал директору филармонии десять процентов, что не очень огорчило директора.

Вернулся судебный пристав. Привёз кабинетный рояль и для подписания кучу документов о прекращении исполнительного производства. Рояль, несмотря на возраст, выглядел прекрасно! Счастливый бизнесмен не глядя подмахнул всё привезённое, заплатил 35 000 рублей исполнительского сбора, презентовав от щедрот своих бутылку коньяка и, выпроводив обалдевшего от удачи пристава за дверь, радостно затанцевал вокруг рояля.

На следующее утро явились оценщики и оценили рояль в пятнадцать, максимум в двадцать тысяч рублей.

– Дрова, – презрительно произнёс старший. Не прощаясь, оценщики удалились и унесли с собой все надежды получить хоть что-то.

Теперь уже никогда тонкие, невероятно длинные пальцы не коснутся клавиш этого инструмента.

Когда у бизнесмена, спустя несколько месяцев, родился внук с удивительно непропорциональными длинными пальцами, бизнесмен с грустью произнёс: «Да! Будет пианистом или... жуликом».

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

Ирина МОРОЗОВА

НАМ ВСЕМ НАДО ЛЕТАТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА...

В Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова завершилась выставка живописи и графики представителей трёх поколений ульяновских художников Горшуновых – Татьяны, её сына Дениса и внучки Полины. Все представители этой творческой династии очень талантливы и обладают яркими индивидуальностями, своим подчерком в изобразительном искусстве. За скобками вернисажа оказался глава семейства, супруг Татьяны Анатольевны – Владимир Николаевич Горшунов, заслуженный художник России. Он, вероятно, как настоящий рыцарь, не захотел потеснить родных в небольшом музейном зале.

– Выставка «Предчувствие весны» возникла неожиданно, – рассказывает Татьяна Горшунова, – и я подумала, что на ней должно быть что-то лёгкое, создающее ощущение этого времени года. Птиц захотелось запустить, воздуха...

Конечно же, главную скрипку в экспозиции играют работы Татьяны, признанного мастера живописи, поклонники творчества которой живут не только в России, но и далеко за рубежами нашей Родины. Для её картин характерны метафоричность, театральность, поэтизация быта и бытия. Она пишет лаконично, мягкими округлыми женственными линиями, пастельными тонами, избегает лишних деталей. Всё делается для того, чтобы внимание зрителя

Татьяна и Полина Горшуновы на открытии выставки

было сосредоточено на главном, чтобы он ощутил ауру, исходящую от полотен.

Визитная карточка художницы – образы очаровательных незнакомок, любящих уют и гармонию домашнего очага. На картинах они в обнимку с кошками, в окружении домашних цветов, мягких кресел, столиков со стоящими на них чайниками, кофеварками, чашечками... Впрочем, её героини особенные, они утонченные, романтические, творческие и художественно одаренные.

«Муза» Татьяны, что в центре экспозиции выставки, воспаряет над обыденностью и суетой на легких крыльях бабочки. Свет фонарика, что в её руке, вероятно, – свет искусства, что подаёт надежду отчаявшемуся, озаряет путь заблудшему. О том, что душа художника крылата, и о том, что именно в полёте раскрывается её красота и щедрость, напоминают образы птиц на картинах. «Нам всем надо летать, потому что жизнь прекрасна», – замечает по этому поводу Татьяна. Она убеждена, что душевный полёт женщине нужен даже в быту: «Тогда все будет получаться – и в жизни, и в искусстве!».

В работе «Спасенная птица» героиня бережно держит в руках пернатую. «Был случай, – объясняет повод для написания этой работы художница, – когда в открытую форточку моей мастерской случайно залетел молодой, глупый ещё стриж, и оказался между оконных рам. Я обнаружила это и позвала коллегу, он достал птицу и выпустил. Меня это впечатлило...»

Особая любовь Горшуновой – кошки. Вот на портрете одна из её питомцев – Рыжуля – дремлет на коленях у женщины. Это момент покоя, умиротворенности, защищенности, очень важный для обеих героинь. Еще немного, и им предстоит вернуться из этого чудесного медитативного состояния в непростой, нередко жестокий реальный мир. Татьяна комментирует: «Рыжулю оставили соседи при переезде, она приходила ко мне в мастерскую за едой и лаской и считала меня настолько родным для себя человеком, что однажды даже принесла ко мне пятерых своих котят. Мы с ней жили душа в душу...»

«Котофей» – другой представитель семейства кошачьих и другая история. Темно-коричневый пушистый красавец смотрит с картины мудрыми, спокойными, совсем человеческими глазами не то сказочника, не то философа. Есть в нем что-то от булгаковского Бегемота. Когда-то этого своего любимца хозяйка принесла художнице и попросила написать его портрет. Сказала: он уже старый – 16 лет, уйдет, и ничего от него не останется. Прошло время, кот на полотне живёт, и, кажется, что если захочет, то может сойти к зрителю, чтобы его погладили...

Татьяна, как режиссёр в душе, увлечённо разыгрывает маленькие спектакли с Коломбинами и Арлекинами, музыкантами, художниками, сказочниками. Она облачает их в декоративные костюмы, в шляпы, на полях которых могут разместиться дома, птичья стая, клетка, фрукты... Нередко персонажами выступают предметы быта. Идея «Портрета чайника» родилась в Шмелевке, где у Горшуновых есть старенький дом. Татьяна обнаружила среди другой домашней утвари видавший виды, из советских ещё времен, эмалированный зелёный чайник с обломленной ручкой, явно послуживший не одному поколению деревенских жителей. Об этой его «судьбе» нетрудно догадаться благодаря мастерству автора, который придаёт ещё и сказочность своему художественному повествованию, добавляя к композиции с чайником легкое, несомненно, волшебное птичье перышко в прозрачной бутылке.

Художница характеризует свой стиль как реализм. «Моя задача найти форму изображения своего замысла и композицию. Обязательно должен быть образ, а не просто рассказ о чём-либо. Для

меня это важно. Поиск происходит интуитивно, всё получается само собой», – говорит она.

Семейный дар передался внучке Полине. Талантливая девочка даже внешне похожа на бабушку. На портрете кисти Татьяны юная Полина обнимает птицу. Ей, будущему художнику, ещё предстоит взлететь...

– С Полиной я два года безвылазно жила в Казани. Она после 9-го класса поступила в этом городе в художественное училище, была еще маленькой, и нужен был пригляд за ней, нужно было настроить её на учёбу. Сняла квартиру и привезла мольберт. Пока Полина была на занятиях в училище, я писала картины, небольшие по формату. Сейчас внучка стала самостоятельной, ей 18 лет, и я вернулась в Ульяновск. Во время карантина Полина выдала более сотни зарисовок по Казани. Ходила по улицам и рисовала. За эту практику «пятёрку» получила», – гордится внучкой Горшунова-старшая.

Полинины впечатления от Казани, выполненные в графике и вошедшие в экспозицию выставки, действительно могут удивить взрослой манерой письма, наблюдательностью. Это стилизованные, но вместе с тем узнаваемые городские пейзажи, выполненные фломастером, гелевой ручкой, тушью, со сложной композицией: храмы, дома, заборы на улочках и в уголках старой Казани. Ощущается атмосфера этого города, в котором удивительным образом переплелись прошлое и современное, Восток и Запад. Татьяна подчеркивает: «Я старалась не лезть в процесс работы Полины, она всё делала сама».

Денис Горшунов

Денис Горшунов, как и отец, дал возможность женской половине семьи более полно представить своё творчество. Его картин на выставке немного. Они, как и графика Полины, посвящены Казани. Денис тоже в своё время, как и его родители, окончил Казанское художественное училище и очень любит этот город. Его «Рамадан» – это причудливое нагромождение старинных домиков, образующих что-то вроде «лоскутной» мечети с минаретом и полумесяцем на верхушке.

Наше общение с Татьяной Анатольевной после небольшой экскурсии по выставке продолжилось в её мастерской. Там на мольберте стоит незаконченная большая картина «Затмение»: несколько грузных, обрюзглых фигур с непроницаемыми лицами в 3D-очках на глазах, сидя против зрителя, равнодушно наблюдают за неким действием, разворачивающимся перед ними, а рука Неизвестного, скрывающегося за пределами полотна, искушая, протягивает им новые очки для новых зрелищ... Эта работа – размышление о сегодняшнем обществе, которым ловко манипулируют политики и СМИ. Но когда людям нужны лишь хлеб и зрелища, человеческая

Наша справка

Татьяна ГОРШУНОВА

Родилась 6 сентября 1954 года в Казани.

В 1974 году окончила Казанское художественное училище, а в 1983 году – Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина в Ленинграде.

Живёт и работает в Ульяновске с 1983 года.

В Союз художников России вступила в 1989 году.

В 2010 году стала лауреатом региональной Премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова.

Участница многочисленных областных, региональных, республиканских и международных выставок. На её счету 16 персональных вернисажей в России и за рубежом.

Произведения находятся в государственных музеях страны и в частных коллекциях по всему миру.

Денис ГОРШУНОВ

Родился 3 марта 1975 года в Ульяновске.

Выпускник Казанского художественного училища 1996 года.

Живёт и работает в Ульяновске.

Членом Союза художников России стал в 2000 году.

С 1994 года принимает участие в областных, межрегиональных и международных выставках. Его картины экспонировались в Московском международном художественном салоне, столичном Центральном Доме художника и других. Персональные выставки проходили в галерее «Меридиан» в Самаре, Ульяновском музее современного изобразительного искусства имени А.А. Пластова, в 1st Gallery lounge в Казани.

Работы находятся в частных галереях и коллекциях России, Швеции, Швейцарии, Югославии, США.

Полина ГОРШУНОВА

Родилась 1 октября 2002 года в Ульяновске.

Сегодня она студентка третьего курса Казанского художественного училища имени Н.И. Фешина по специальности «дизайн».

Работы начинающей художницы экспонировались впервые.

душа деградирует, и они уже, как говорит художница, «не понимают, что «король-то голый»!..

Несомненно, Муза не покидает Горшунову и продолжает дарить ей свет своего фонарика. Та в ответ платит преданностью искусству и полной самоотдачей в работе. Как результат – любовь к её творчеству публики и востребованность в среде галерейщиков. В ближайшее время персональная выставка картин Татьяны откроется в Казанской ратуше, в галерее современного искусства «Окно». А в декабре её «кошачьи вариации» можно будет увидеть на Международной выставке «Портрет кошки» в Центральном выставочном зале на Большой Морской в Санкт-Петербурге.

ДУША ХУДОЖНИКА КРЫЛАТА

Работы творческой династии Горшуновых

Татьяна Горшунова. В кресле. 2015, холст, масло, 75x50

Татъяна Горшунова. Сон. 1997, холст, масло, 94x106

Татъяна Горшунова. Птица. 2020, оргалит, масло

Татъяна Горшунова. Птица. 2018, картон, масло, 36x33,5

Татьяна Горшунова. С серой кошкой.
2021, холст, масло, 110x70

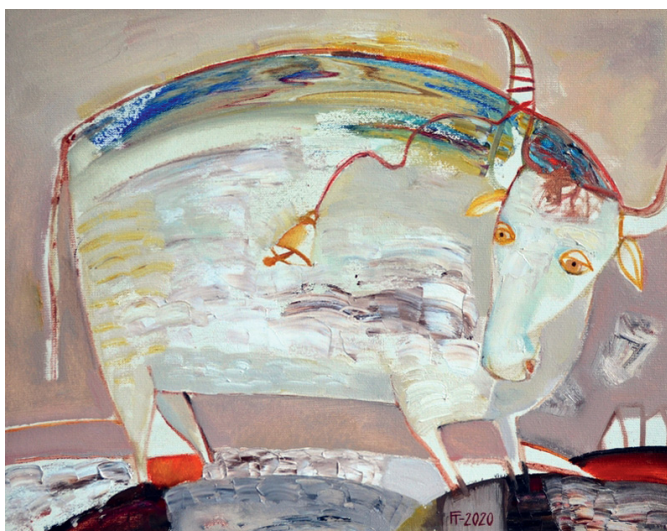
Татьяна Горшунова. Лошадка.
2013, оргалит, масло, 40x42

Татьяна Горшунова. Белый натюрморт с раковиной.
2014, оргалит, масло, 58x80

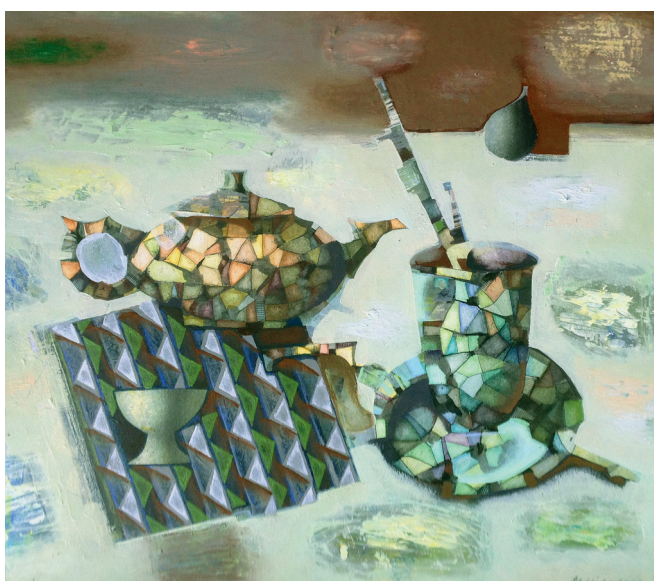
Татьяна Горшунова. Рыжуля. 2014, холст, акрил, 55x60

Татьяна Горшунова. Буйвол с колокольчиком.
2020, холст, масло, 40x50

Денис Горшунوف. Рамадан. 2019, бум., акрил

Денис Горшунوف. Инжир и чайная церемония.
2020, бум., акрил

Денис Горшунوف. Почти библейский сюжет.
2020, бум., акрил, масло

Полина Горшунова

Полина Горшунова. Зарисовка

Полина Горшунова. Зарисовка

ПОСЛОВИЦЫ В КРАСКАХ

Работы Марины Русановой

Доброе слово и кошке приятно

Зерно в колоске

Кот Казанский

Бывает почаще

Любишь кататься

Зима на лето

Спела бы рыбка

Хочется рыбку съест

Увидишь скворца

Пляшут гуляют

Без труда не выловишь

Не красна изба углами

Творческая биография:

Марина Русанова – член Ассоциации художников декоративных искусств МСХ. Участник многочисленных выставок. Работы М. Русановой находятся в собрании музеев, частных коллекциях в России и за рубежом.

Родилась в Москве в 1952 году.

С детства увлекалась художественным и литературным творчеством. Училась в художественной школе. Позже искала себя в журналистике.

С 1979 года обучалась гобеленовому ткачеству в экспериментальной группе, созданной Худфондом РСФСР, на базе текстильного училища № 111 г. Москвы. Закончила обучение с отличием.

Работала художником-исполнителем гобеленов в московских комбинатах КПИ, КМДИ, РКМДИ, с 1982 года принимала участие в московских выставках с собственными авторскими гобеленами (в основном – миниатюрами).

С середины 1990-х годов М. Русанова ищет новый путь творческого выражения и находит его в сочетании слова и изображения. С 1997 года начинается работа над циклом «Русские пословицы».

В 1999 году принимает участие в Весеннем международном салоне в ЦДХ (Москва) – впервые с графическими работами.

С 2001 года сотрудничает с детской сказочной газетой «Жили-были» в качестве художника-иллюстратора. Вступает в секцию графики Творческого союза художников России и Международной федерации художников.

Графическому циклу «Русские пословицы» Марина посвятила практически 10 лет. За это время было создано более сотни сюжетов. И в 2007 году в Московском государственном выставочном зале «Галерея «Беляево» состоялась персональная выставка М. Русановой под названием «Рукам работа – душе радость». Выставка прошла с большим успехом. Этим Марина подвела итог своей десятилетней работе.

С 2008 года М. Русанова вернулась к творчеству в области авторского гобеленового ручного ткачества. Во многих её гобеленах прослеживается стилистическая связь с её графическими работами, и русская пословица присутствует и в гобеленах.

Марина Русанова активная участница выставок Ассоциации художников декоративных искусств (АХДИ) МСХ. С 2010 года является членом АХДИ МСХ. Участница Первой и Второй российской триеннале современного гобелена в «Царицыно» (2011 г. и 2014 г.). Отмечена дипломами Музея-заповедника «Царицыно» в номинациях «Новое отношение к традиции» за гобелен «Странствие» (2011 г.) и «Лучшая работа, выполненная в традиционной технике гобелена» за работу «Размышление» (2014 г.).

Графические работы М. Русановой отмечены дипломом Фонда славянской письменности и культуры.

Произведения Марины Русановой находятся в Галерее «Славянский Дом», Музее народной графики, Музее-заповеднике «Царицыно», Музее кошек «Мурариум» и в частных коллекциях в России и за рубежом.

Марина Игоревна постоянно участвует в выставках.

В г. Ульяновске в музее народного творчества (при Дворце дружбы народов «Губернаторский») выставка М. Русановой будет работать до 20 июля 2021 года.

Маргарита СМИРНОВА, зав. музеем народного творчества, филиала ЦНХ.

НАРИСОВАННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ, ИЛИ РАЙСКИЙ МИР МАРИНЫ РУСАНОВОЙ

Впервые работы московской художницы я увидела случайно в интернете. В этот период я занималась изучением народных картинок, лубка. Её нарисованные пословицы – это своеобразная азбука русского народного творчества и народоведения. Можно не просто познакомиться с пословицами, но и бытом, обычаями, традициями русского народа. Картинки на меня произвели сильное впечатление. Сочетание пословиц и народной картинки в работах Марины мне показалось очень удачным. Я познакомилась с Мариной Игоревной в соцсетях, предложила ей показать выставку в нашем музее. Марина Русанова, безусловно, самобытный и талантливый художник. Мы запланировали и выставку, и приезд художницы на май 2020 года. Но по известной планетарного масштаба причине всё изменилось. Однако всё же ровно через год – 23 мая 2021 года – выставка «Пословицы в красках» московской художницы Марины Русановой открылась в музее народного творчества и будет работать до 20 июля. Посетители в восторге: «Обожаю этот вид искусства! Не только глазу приятно, но и очень полезно и поучительно читать!»

В экспозиции представлены графика, gobелены и сувенирная продукция (календари, открытки, тарелки и прочее). Но как таковая общая тема для графики и gobеленов – русские пословицы.

Современный художник Марина Русанова нарисовала русские пословицы и поговорки в лубочном стиле. Эти чудесные сюжеты результат глубокого изучения традиции народных картинок –

лубка, некоего проникновения в это явление, прочтения его сегодня и создание своего рисованного лубка. «Её произведения отличаются высокой культурой цвета, изяществом исполнения, тонким юмором и всегда узнаваемы. Почерк Марины Игоревны ни с кем не спутаешь» (Елена Александрова, искусствовед, член Союза художников России).

Мы надеемся, что выставка работ Марины Русановой оказывает благодатное воздействие. Непосредственность, чистоту, какое-то детское восприятие передает художница в своих работах. Посетитель, рассматривая сюжеты, невольно улыбается. На душе появляется умиление. Это мир счастья или идеальный мир, точнее – райский мир Марины Русановой, которым она щедро делится. Птицы и звезды, коты и люди изображены с любовью и нежностью, юмором и добром. Весь сюжет картинки будто защищен заключением в круглую или прямоугольную орнаментальную рамку, написанную текстом пословицы.

Каким был лубок раньше? «Русский лубок – это творения безымянных народных мастеров. Бурно развиваясь под клеймом бездарности и безвкусицы, отмеченным высокообразованной частью русского общества, сегодня он признан особой ценностью, является предметом собирательства и тщательного изучения многих ученых не только России, но и зарубежных стран, занимая достойное место на стенах музеев изобразительного искусства рядом с работами величайших мастеров прошлого...»

А вот работы Марины Русановой «...эти забавные картинки, очень изысканны по цвету. Художник работает на тонированной бумаге, весь колорит подчиняя общему фону. И технику выполнения использует оригинальную: то наносит акварель тонким слоем, заставляя светиться фон, то плотно закрывает его белилами, слегка подцветенными акварелью. Эти «картинки» – именно так хочется назвать произведения Марины Русановой – понятны как взрослым, так и детям, восхищают как художников, так и непрофессионалов. Этот успех – в искренности художника, впитавшего поэзию языка народной картинки» (Заслуженный художник РФ, член-корреспондент РАХ, профессор МГХПА им. Строганова, член СХР С.В. Гавин).

Волков бояться – в лес не ходить

ЮБИЛЕИ

С ЗАБОТОЙ О ЛЮДЯХ И О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Юбилейный вечер поэта, прозаика, публициста, члена Союза писателей России, члена Союза журналистов России, заслуженного работника культуры Чувашской Республики Николая Ларионова состоялся в конце апреля в Торжественном зале Дворца книги — Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Николай Николаевич Ларионов родился 25 апреля 1961 года в селе новое Ильмово Дрожжановского района Татарской АССР. Окончил Чувашский государственный университет (2003). С 1978 года живёт в Ульяновске. Был главным редактором областной чувашской газеты «Канаш» с 2002 по 2018 год, основатель литературного объединения «Шевле» («Зарница»). Член Союза писателей России.

Его стихи, рассказы, статьи печатались в периодической печати Ульяновска, Казани, Чебоксар, Самары. Николай Николаевич много времени уделяет переводам с русского языка на чувашский произведений своих современников. Николай Ларионов — автор книг «Пока бьётся сердце» (1998), «Жить

по совести» (2009), «Бескрайний чувашский мир» (2013) и других.

Член Союза писателей Чувашской Республики (1995), лауреат литературной премии имени А. Талвира (1994), член Союза журналистов России (1997). Заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2011). Лауреат конкурса министерства печати и информационной политики Чувашской Республики среди авторов рукописей книг для детей и юношества на чувашском языке в номинации «Для дошкольников и учащихся младших классов» за книгу «Шураська» (2017). В мае 2019 года в Чувашском книжном издательстве вышла книга «Шураська» на русском и чувашском языках для детей в переводе автора и Юлии Ларионовой.

В апреле 2019 года в Чебоксарах издана документальная повесть «Подвиг во имя матери» – замечательная, трогательная история о любви к самому близкому на земле человеку, основанная на документальном материале.

Николай Ларионов – автор 14 книг. Причём его четырнадцатая книга – «Черновая работа» – вышла совсем недавно. Она рассказывает о старшем тренере по вольной борьбе Цильнинского района Борисе Чернове. Удивительно удачное название! Действительно, вся наша деятельность – это черновик, главное же в ней – итоги и всходы, во имя человека, молодого поколения, во имя жизни.

Стихи Николая Ларионова переведены на русский и венгерский языки, напечатаны в журнале «Зов» (Будапешт).

С апреля 2018 года работает в должности главного эксперта издательского дома «Ульяновская правда».

Член редколлегии литературного журнала Тăван Атӑл («Родная Волга»), выходящего в Чебоксарах. С 1992 года печатался в чувашских и русских периодических изданиях Ульяновской области и Чувашской Республики, Башкортостана, Самарской области, а также Германии (на немецком языке).

Николай Ларионов пишет и ведёт репортажи о своих земляках, о людях, которые ему дороги, которых он знает, уважает и хочет, чтобы о них знали и другие люди. Герои его книги – руководители промышленных предприятий, фермеры, работники сельского хозяйства, ветераны, литераторы, спортсмены и просто жители родного края. Во всех он находит отличительную особенность, ценность, которую важно заметить и донести до людей. И через всё его творчество проходит красная нить – гордость за свой край, свою национальную культуру, большую и малую родину и человека.

Поэтесса Валентина Тарават

*Директор Дворца книги
Светлана Нагаткина*

Детские книги Николая Николаевича полны добра, незамутнённой чистоты к маленькому человеку, животному, к миру вокруг.

Он также много занимается переводами, пишет и на чувашском, и на русском языках, всегда ратует за качественные переводы произведений чувашских литераторов, чтобы представители других народов тоже могли ознакомиться с их творчеством, и тем самым выстраивает мост дружбы между народами России.

Добрые слова в адрес юбиляра высказали: Сваев Владимир Ильич, бывший председатель Ульяновской областной Чувашской национально-культурной автономии, почётный гражданин Ульяновской области; Валентина Николаевна Игнатьева-Тарават, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин Ульяновской области, член Союза писателей России; Дмитрий Васильевич Кузьмин, заместитель председателя Чувашского культурного центра «Ниме», а также родные и друзья юбиляра. Все отметили его доброту, благожелательность, чуткое и внимательное отношение к людям.

Музыкальные композиции очень трепетно исполнили Роза Михайловна Егорова и Владимир Дмитриевич Муравьёв, солисты ансамбля «Сарнай» Чувашского культурного центра.

Ольга ДАРАНОВА

Николай ЛАРИОНОВ

НА БУМАГЕ И В ЖИЗНИ

Когда с пристрастием, без скидки
Просмотришь рукопись, и тут
Порой досадные ошибки,
Как ни хотелось бы, всплывут.

Всё оценив самокритично,
Хотя и трудно начинать,
Ты исчеркаешь труд годичный
И перепишешь всё опять.

А в жизни – несколько иначе:
Чтоб быть с людьми самим собой,
Неразрешимые задачи
Решать приходится порой.

И что-нибудь свершить готовясь,
Всегда должны мы твердо знать:
Страницы жизни – та же повесть,
Но их нельзя переписать.

Перевод с чувашского Петра Ишутова

ВЕСЫ

Быть может, ты красивый, словно тополь,
Имеешь полный золота сундук,
И умный, как Платон и Аристотель, -
О том не знаю я, мой добрый друг.

Ум, деньги, красота – всего лишь средство.
Но пользы людям много ль ты принес?
Я на таких весах воспитан с детства
Достоинство оценивать всерьез.

Перевёл с чувашского Николай Марянин

Надежда РАЗУМОВСКАЯ

ЛИЗИНА ДУША

Памяти мамы Елизаветы Смолкиной

Перед моим взором небольшой панихидный, источающий отблеск начищенной меди стол, полностью заполненный горящими свечами в количестве сорока штук. За ними выделяется небольшой медный крест, и, слегка опираясь на него, стоит маленькая иконка, с которой смотрит скорбящими очами на прибывающих помолиться прихожан Матерь Божия Табынская. Её поставила средняя дочь усопшей, новопреставленной Елизаветы ещё во время отпевания души – настоятельница Богородице-Табынского женского монастыря Иоанна, которая приезжала из Башкирии в родные края на похороны. (Матушка Иоанна – духовное чадо митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна Снычёва, родилась и выросла на Инзенской земле, отсюда много лет назад уехала, выбрав монашеский путь.)

Сегодня сороковины, то есть сорок дней, как ушла в мир потусторонний Лизина душа после восьмидесятичетырёхлетнего странствования по нелёгкой, грешной земной юдоли...

Раннее ноябрьское утро смотрит тёмными глазами больших окон в светлое сердце храма, как бы пытаясь рассмотреть каждого прихожанина в лицо, услышать приятное, тихое потрескивание

оплавляющихся свечей и приобщиться к благословению вместе с вереницей богомольцев, идущих к протоиерею отцу Павлу Боброву, перед началом литургии. Затем, медленно расходясь по своим, облюбованным местам, люди кланяются встречным с кроткой улыбкой в знак уважения. Приветствуют и поздравляют друг друга тихими голосами, а чаще всего кивком с праздником Воскресения – малой Пасхой.

Певчие на клиросе шестят страницами богослужебных книг, перешептываясь, дают друг другу ценные указания: что читать в какой последовательности, на какой глас петь и так далее во время литургии.

Отец Павел Бобров,
протоиерей

Наконец-то открылась завеса Царских Врат, и в лоне церкви водворилась тишина. Даже очередь в иконную лавку приумолкла и словно по команде развернулась в сторону востока – на алтарь. Молодые люди вытянулись в струнку, наклонив головы, а пожилые согбенные и больные – покорно встали с табуретов и со стульев.

Вскоре зазвенело благоуханное кадило и ароматом ладана заполнилось всё пространство до самого купола. Этот сизо-голубой дымок всегда приводит молящихся в необыкновенное умиление, которое явно отражается на их лицах.

Во время каждения отец Павел остановился около меня и, обратившись по имени и отчеству, сказал: «...двадцать четыре года служу здесь, а такого не было! – Утром открываю дверь, захожу в алтарь, включаю свет и вижу – весь пол усыпан засохшими, мёртвыми мухами, запутанными в тенётах. Посмотрел вверх – чудеса, да и только! Стёкла в рамках окон под куполом блестят от чистоты! Взял веник, совок, чтобы убрать это безобразие, вдруг слышу шорохи и копошение. Ну надо же – маленькая птичка бьётся распахнутыми крыльшками о стёкла! Оказалось, что это она виновница наведения порядка. Я столько времени ломал голову – где взять длинную лестницу, чтобы дотянуться до окон, расположенных под самым куполом? Вот и отпала необходимость в этом. Я уверен вполне, что это мать Лизавета помогла... она всегда утешала меня в трудные минуты и, как оказалось, не только при жизни...»

Проговорив это, со свойственной ему быстротой отец Павел продолжил каждение дальше – мимо Матери Божией Песчанской в белом киоте, панихидного стола затем, поднявшись по ступенькам на амвон, зашёл в алтарь.

И правда, мама очень часто говорила, как дорог ей этот любвеобильный батюшка, что он ей как сын... При этом каждый раз ее глаза наполнялись слезами. Сколько было пережито вместе во время скитаний отца Павла по разным, порой очень отдалённым церквям! Тратя на дорогу, а порой и бездорожье не по одному часу, оставались на ночлег у чужих людей после всенощного бдения, чтобы утром отслужить обедню и другие требы. Мама помогала отцу Павлу в богослужениях в качестве певчей и псаломщицы. Приходилось служить даже в Башкирии какой-то период, месяцев семь приблизительно, пока не нашёлся щедрый благотворитель для доброго дела. Состоятельный школьный друг отца Павла Алексей Жарков, давно живущий в Москве, построил церковь в селе Труслейка. Храм был назван в честь Святителю Николая Чудотворца – одного из самых любимых и почитаемых во всём мире святых. Отец Павел трепетно и внимательно относится к Дому Бога Живого, к прихожанам, основная часть которых приезжает из Инзы. Благо что расстояние до Труслейки всего десять километров, и водители автобусов часто откликаются на просьбы богомольцев подвезти поближе к Обители, особенно в неблагоприятную погоду. Батюшка и ласков, и в то же время строг, в зависимости от ситуации, когда считает нужным и полезным для духовных чад. Знает судьбы всех окормляемых, подопечных, не забывает поздравить прихожан с Днём

Церковь Николая Чудотворца, Инзенский район Ульяновской области. Фото А. Сычева

ангела и даже с днём рождения, для каждого находит доброе слово. Возит на своей машине попутных богомольцев. Ему, соответственно, отвечают тем же вниманием и теплом.

Отец Павел – самый младший ребёнок в многодетной семье. Его отец – Пётр Антонович Бобров, с которым мне довелось общаться, рассказывал мне о своей жизни, когда мы гуляли несколько часов по Москве. Это было после свадьбы его младшей дочери Любви, соединившей свою судьбу со студентом Московской духовной академии Павлом в Сергиеве Посаде (тогдашнем Загорске). Все приглашённые гости после торжества разъехались кто куда – по разным делам, по магазинам... Времени до отправления нашего поезда было предостаточно, и мы не спеша прогуливались по противоположной стороне многолюдной улицы с большим универмагом «Московский». Встречные прохожие с нескрываемым любопытством смотрели на Петра Антоновича, его статность и внешний вид. Лицо с аккуратной бородкой под шляпой цилиндрической формы, прекрасный костюм, обувь... Весь этот комплект и мне казался тогда весьма изысканным. Но главным аксессуаром всё-таки была трость, похожая на музейный экспонат, которую он выставлял перед собой с каким-то особенным достоинством. В неторопливой беседе я узнала о том, что мать родную он не помнит вообще. Умерла, когда ему было всего два месяца. Воспитывала мачеха, которую звали, как и мать, Марией, что она была доброй женщиной. Детство выпало на годы раскулачивания, которое коснулось не только Воронежа, где жила семья, но и всей России. Хороший дом был отобран местной властью под сельсовет. Пришлось переселиться со своей бабушкой в баню. Но власть имущим было этого недостаточно – на Рождество Христово в 1924 году разбили окошко, ворвались, сломали печь в единственном и последнем месте жительства. Отца и деда репрессировали, отправили в лагеря, где они сгинули бесследно от кровавого жестокого режима. Петру на тот момент исполнилось всего лишь семь лет. Он поехал в Запорожье искать дядю (брата отца), но, увы, тщетно. Начались скитания, бродяжничество... Затем оказался в детдоме, где было отнюдь не сладко. Неурожайные, голодные годы скзывались на скудном пропитании воспитанников.

*Надежда Разумовская, игуменья Иоанна с матерью
Елизаветой Смолкиной*

Приходилось с дружками выходить в торговые ряды и воровать плохо лежащий хлеб с прилавков, потом разбегаться наутёк по разным сторонам, чтобы не поймали.

После, в 1936 году, Петра направили в Москву для определения в лётную школу. Для этого не доставало одной детали – вступить в комсомол. По дороге на это событие случилось непредвиденное – попали под автобус, от чего была повреждена шейка бедра и рука. Карьера, естественно, рухнула. Получил паспорт, устроился на работу. Несмотря на то что норму выполнял, работая одной рукой, платили тем не менее в два раза меньше. Так началась взрослая жизнь. Позже познакомился с девушкой Анной. Она работала на фабрике по изготовлению резиновых калош. Вскоре расписались, на конфетно-букетные ухаживания ни времени, ни средств не хватало. Даже в столице был голод. Согласно указу руководства страны того времени поехал на малую родину получить два мешка муки. А поскольку шлейф раскулаченного сына тянулся очень долгие годы, то местная власть отказала, припомнив недоимки (неуплаченный в срок налог). Ничего не поделаешь. Утёр скупую мужскую слезу и вернулся обратно ни с чем...

Продолжая рассказ, сделав остановку, Петр Антонович, глубоко вздохнув и подняв высоко над головой трость, указал на старинный многоэтажный дом из красного кирпича, продолжил: «Вот здесь мы жили. А тут сорок первый роковой год. Родина в опасности. Я был призван в армию, на Первый Украинский фронт». Фашисты подошли к Москве, и всюду были слышны взрывы, стрельба. Семья переехала в Пазухино, под Инзой. Анна знала эти места, так как сама была родом из Ночки – станции, находящейся относительно недалеко от нового места жительства. Купила дом, корову и другую живность – благо луга раздольные, рядом леса, богатые грибами, ягодами, да и речушка Сюзсюмка не за горами.

Представитель особого отдела, после победного разгрома врага запретил Петру Боброву возвращаться в Москву, всё по той же причине, всё равно отправят за 101-й километр, так как идут чистки. Так и пустила семья корни для продолжения рода на периферии. Сложная, но удивительная история... И вот у этого человека, Петра Антоновича Боброва,

такое потомство! Из девяти детей, подумать только (!), два сына монаха, пять – священников, зять – священник и четыре внука – священники. В одной Симбирской и Новоспасской митрополии служат аж четверо! И всё зарождалось ещё в бушующем атеистическом, богоборческом государстве... Непостижимо! Воистину, что невозможно человеку – возможно Богу. Отец Павел – один из достойных представителей славного рода – сейчас является благочинным храмов Инзенской земли.

Мысли, утонувшие глубоко в воспоминаниях, встрепенулись и всплыли на поверхность реальности от возгласа священника: «Благословенно царство...» – начиналась литургия, надо сосредоточиться.

С началом пения хора из алтаря вылетела птичка и расположилась где-то над певчими, и её голос сразу слился с молитвой: «Благослови, душе моя Господа...»

Сорок дней прошло с тех пор, как моя мама последний раз пела с этими же удивительно милыми, разновозрастными христианами, читала Апостол, Шестопсалмие – не такое уж это простое дело, надо сказать. Вспомнилось, как она готовилась дома к службам, и не один час. Из стопки богослужебных книг, а их немало, выбирала поочередно нужные, листала, прочитывала и на определённой странице закладывала атласную ленточку. Ведь службы каждый день разные. Даже «Господи помилуй» поётся на восемь гласов (мотивов), нужно вспомнить.

Птица тем временем продолжала активно подпевать хору. Ну, птичка и птичка, подумала я, мало ли птичек залетало в церковь. Эко диво! Вот только – что это за птичка с каким-то необыкновенно красивым, звонким и переливчатым голосом, тем более не весна на дворе, а вторая половина ноября?

Сегодня явно не мой день. Даже не умилилась этим божественным крохотным созданием в отличие от поющих на клиросе и прихожан. Снова окунулась с головой в омут предстоящих проблем, связанных с поминками, которые сразу после церковных служб должны состояться в кафе, напротив недостроенного, очень красивого собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы и почти рядом с паровозом. Да и родительский дом недалеко, за переездом. Донимали мысли – всех ли приглашённых на поминальный обед оповестила? Вдруг придут больше ста человек? Будет неловко, не дай Бог! Надо закупить как можно больше фруктов, винограда, конфет хороших на столы, по пути в кафе, ведь спиртного в нашей среде не принято ставить на поминках – не по-христиански. Ах, да! Не забыть бы позвонить сыну, чтобы своевременно привёз поминальные подаяния в церковь, раздать и тем, кто не пойдёт в кафе. Матушка Иоанна несколько дней назад проездом останавливалась, помогала раскладывать по пакетам и коробкам платки, шоколадки, мыло душистое и ещё что-то. Хорошо что сын приехал помогать и людей развезёт в сёла и вообще по домам после поминок. Так уж получилось, что у самых родных нет возможности.

Отец Пётр – сын новопреставленной Елизаветы, священник, служит в воскресный день в Оренбургской епархии. Средняя дочь – игуменья Иоанна, вернулась относительно недавно из миссионерской

паломнической поездки по Австралии, Новой Зеландии и берегам Тихого океана, в частности Америки, благословлённой Святейшим патриархом Кириллом и Митрополитом Уфимским и Стерлитамакским Никоном. Продолжается поиск иконы Божией Матери «Табынская», следы которой затерялись. Есть письменное свидетельство откликнувшегося Виктора Метленко из Сан-Франциско (США) о том, что он видел икону своими глазами в одной из провинций Китая в продолжение 17 лет, когда жил там. По словам отца (дьякона), эта икона привезена атаманом Дутовым, а после его предательства и убийства была спрятана казаками от коммунистического режима, пришедшего на Восток под лозунгом так называемой культурной революции. Вся церковная утварь подвергалась разграблению и сожжению, как и до этого в России. Образ Матери Божией Табынской очень любили жители Китая, в том числе и других вероисповеданий, обращавшиеся к ней за помощью. В знак признания, уважения и благодарности многие принимали православие.

По рассказам матушки Иоанны, особый интерес и духовное наслаждение было испытано на Аляске (штат Калифорния) в Форте-Росе, куда паломники были приглашены на юбилейное торжество по случаю 200-летия первого русского поселения в Америке. Посещение большого количества соборов, участие в литургиях (чтение Апостола в монастыре известного о. Серафима Роуза). Многочисленные встречи, события, тесно укладывающиеся в график, налагали определённую физическую усталость. По возвращении из многодневной поездки последовало очередное благословение – теперь уже в западном направлении, в Италию, в Рим, и всё с той же целью.

Младшая дочь в связи с загруженностью по работе тоже не могла приехать даже на один, выходной день...

Закончилась молитва. Певчие хора выдохнули с удовлетворением. Ну надо же и птичка умолкла! Причём одновременно с хором. Удивительно! Чтец читает – пичуга молчит. Хор поёт, и она поёт... Прихожане, покачивая головой, устремляют взгляд в правый угол, улыбаются. Невидимым ручейком поплыл между головами молящихся прихожан шепоток, коснувшийся моего слуха, – Лизина душа в птичке поёт...

Я снова погрузилась в воспоминания от младенчества и по сей день. Как будто цветные пазлы складываются мгновенно передо мной в одну большую, целую картину, которая называется – жизнь. И как мама ленты капроновые в косы вплетала, как банты завязывала. Как шила кукол из лоскутков и химическим карандашом обозначала на лице из белого колленкора глаза, нос, губы, как пришивала овечью шерсть к кукольной голове вместо волос, ну и платьице, конечно. И нам шила платья с воланами, красивыми отделками. Как учила брата читать букварь, помогала решать задачи по арифметике. Как рисовала церкви на альбомных листах каждому из нас, учила разукрашивать ярко, красиво. А когда приезжал папа на обед, мы спешно прятали эти рисунки, знали, что ему не понравится, ведь он тогда был зяблым атеистом и мечтал вступить в партию. Косился порой на святой, красный угол с иконами,

Е.С. Смолкина с дочерью Надеждой

Надежда с матерью

несмотря на то что сам делал под них полочки, помогал закреплять их. А в критические моменты, например, когда мама рожала четвёртого ребёнка в больнице, даже поставил нас на колени перед иконами и заставил молиться, чтобы Господь помог в удачном пополнении нашей семьи. Мама читала нам жития святых из дореволюционных церковных книг, с пожелтевшими от времени, но по-прежнему пахнущими сладким воском страницами, обращала внимание на библейских персонажей, изображённых на рисунках, конкретно на выражения их лиц и даже на животных рядом с ними. Научила восторгаться, радоваться и сопереживать грустным и печальным событиям, о чём рассказывали эти Вечные Книги. Каковых тогда было предельно малое количество, и владели ими только глубоко верующие люди и давали для прочтения на максимально

короткий срок. Мама любила всё это и хотела, чтобы мы также прониклись ко всему святому. За такое воспитание городские власти грозились не единожды лишить её материнства, тем более если учитывать, что мы не вступали в ряды октябрят, пионеров и комсомольцев. Она проявляла твёрдость и уверенность в своей правоте, в отстаивании собственных взглядов. Когда нас выставляли на общешкольной линейке как богомолков, носящих кресты – для высмеивания, а после уроков по дороге домой вслед нам летели камни, палки, с оскорблениями соответствующими, мама подбадривала, приводила в пример святых, претерпевших за Имя Христа. Она ведь назвала нас в честь святых Веры, Надежды и Любви, а если б родился братик для Петра, то был бы непременно Павлом. Когда брала с собой в церковь, то на протяжении всего пути, равного семи километрам, любовалась природой. Её восхищало всё – и облака, и луга на фоне леса, и пение птиц, и то, что ползало и летало. И это не могло не передаться нам. Вспомнился эпизод, когда мама подошла ко мне, уже взрослой, и сказала – посмотри на георгин, какой он красивый, высокий, пока солнышко не высушило росу, как она играет радужными цветами. Я снисходительно улыбнулась, чтоб не обидеть её, встала с постели, накрывшись чем-то, вышла в прохладный утренний сад. Вернувшись, заметила, что она изучает мои чувства по мимике на лице, разделила ли я восторг с ней...

Молилась мама всегда – сколько себя помнила. Ещё в детстве, юности уходила в заросли кустов

В праздничный день. Цветы батюшке

на берегу реки, как в пустыньку, где однажды подсмотрел за ней соседский мальчик, который не был ей безразличным, и потом, испытывая некоторую неловкость, тем не менее она продолжала это делать. Соблюдала посты особенно строгие, а мясными продуктами прекратила питаться, глядя на среднюю, совсем юную дочь – будущую игуменью.

Снова запел хор: «Во Царствии Твоем помяни нас Господи...» – птичка мгновенно влилась в молитвенное пение, да так громко и, что характерно, не нарушая мотива. Ну как не восхититься этому необыкновенному чуду? Снова улыбающиеся лица прихожан и шепоток – Лизина душа опять поёт. Рядом стоящие богомольцы осторожно трогают меня за локоть и, кивая в верхний угол, удивляются больше прежнего. Относительная отстраненность из-за поминальных хлопот и воспоминаний на этот раз полностью сменилась на противоположное чувство... Тем не менее мысли вскоре опять вернули в прошлое, связанное с мамой, её сильной молитвой, через которую она почти всегда была услышана Господом. Как пример, подтверждающий это, вспомнился один из многочисленных случаев.

Когда папа был кандидатом для вступления в партию – мама, если сказать переживала, значит ничего не сказать. Её уговоры, чтобы он отказался от своей идеи, не помогали. Убеждения о том, что в нашем роду, с обеих сторон были пострадавшие и даже заключённые от богоборческой власти – тоже. Напротив, папа истово учил любимое в тот период стихотворение Маяковского о советском паспорте, жестикуюлируя руками. Мечтал прочитать его в знак благодарности за приём в партийные ряды.

В наступивший для этого события день он надел белую рубашку, галстук, надушился «Шипром», – а ухаживать за собой он умел, любил, – и, воодушевлённый предстоящим важным для него изменением в жизни, вышел из дома. Мама со слезами встала на колени перед иконами и стала просить Бога, всех святых с небесными Силами, до исступления, чтобы его не приняли в ненавистную ей организацию. Оказавшись в каком-то забытии, сколько-то времени после усердного моления, она опомнилась от стука шагов по длинному коридору. Едва вскочив с пола, увидела мужа с ужасно недовольным лицом, резко перешагнувшего через порог избы и быстро прошедшего в зал, закрывшего за собой стеклянную дверь. Немного погодя спросила: «Ну, как, приняли?» – «Приняли», – отрывисто прозвучал ответ. – «Ну, покажи хоть документ...» – не унималась мама. Папа достал военный билет красного цвета и на расстоянии помахал им перед её опухшими от слёз глазами. «Ну вот, напрасно молилась», – с отчаяньем подумала мама и подошла к окну посмотреть на белую «Волгу», подъехавшую к дому. Из автомобиля скороспешно вышел мужчина и, буквально вбежав в дом с извинениями, стал приглашать отца вернуться назад, оправдываясь, что они, не разобравшись, грубо, незаслуженно поступили с ним, и так далее. Но папа, с присущей ему гордостью, в ответ послал обидчика далеко и надолго, а вдогонку гневно крикнул, что видел вашу партию в гробу вместе с её слугами в белых тапочках. Обескураженный посланец уехал. Когда папа пришёл в себя от ярости, то рассказал маме о том, как его унизили,

обозвав кулацким отпрыском, и что в доме иконы, жена и дети ходят в церковь и так далее. Короче – делать таким, как он, в партии нечего. А ведь отец был фронтовиком, прошел славный боевой путь. Мама, успокоив мужа, вздохнула и мысленно, обратившись к Богу с благодарностью, принялась за свои дела.

Мама родилась 7 апреля 1931 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Она несла свет Евангелия на протяжении всей жизни.

Мама всегда принимала нищих, кормила их, давала какие-то вещи. Одна из них – старенькая Наталья – жила более полугода, несмотря на стеснённые условия, в нашей большой семье. Ведь тогда ещё был жив большой отец мамы, инок Силуан, принявший монашеский постриг после смерти супруги. Случалось, что в нашем доме ночевали странники, благо папа почти всегда бывал в командировках, иногда длительных. Они приходили ночью, так как были в розыске после побега или просто освобождения из лагерей, где оказались за веру в Бога, и, лишившись крова, искали временного приюта. Это умные люди с интересными биографиями и историями. Никогда не забуду рассказ одной из них – женщины, шедшей этапом по Сибирскому тракту под конвоем. Она своими глазами видела во время остановки в пунктах для передышки, как в туалетах топили священнослужителей, взятых прямо с Богослужения в облачениях... как они пытались выплыть из вонючей жижи испражнений, стряхивая с головы, с бороды нечистоты, путаясь в епитрахлях и фелонях, хватая какой-никакой воздух, погружались снова... Но разве выбраться из глубокой отхожей ямы... Так и тонули, бедняги. Проследившись, странница сделала паузу и продолжила: «Посмотрела в сортирное очко, сердце сжалось от ужаса и жалости... ну разве можно справиться на них свою нужду?» А на вопрос – за что десять лет в лагерь? Ответ последовал незамедлительно: «Приехала в село одна молодая, пламенная революционерка, полюбила моего мужа, ну а я и двое наших совместно нажитых детей оказались помехой. Простой повод избавиться нашёлся быстро – иконы в доме, вот и отправили подальше. Детей взяли соседи, одного те, что жили справа, другого – те, что слева, главное, не разлучили совсем. Накладно прокормить в голодные годы, тем более свои семьи большие. Спасибо им, увидела детей уже взрослыми. Муж спился, туда ему и дорога. Кстати, в тот же период был случай, когда односельчанин, скрывавшийся на погосте от свирепствующей власти, был пойман, говорили, что ему вбили в темечко черепа осиновый кол. Многие слышали, как он кричал от боли, но боялись помочь... и это понятно». Много было странников, много историй они поведали, которые будут помниться всю жизнь.

Уходили такие тайные гости рано утром, на рассвете, чтобы не подвести маму, ведь были под присмотром ещё долгие годы. Несмотря на тяжёлые судьбы, эти люди не были хмурыми и угрюмыми. Вспоминаю, как они пели стихи на духовные темы, бодрились, с надеждой на лучшее будущее смотрели вперёд.

...И снова поёт хор: «Иже Херувимы...» – протяжно, красиво, достойно. Утреннюю песню нельзя петь иначе, собственно, как и всё остальное. Композитор Бортнянский сочинил эту мелодию, видимо, «подслушав» самих ангелов – по-другому не объяснить.

А уж как старалась подпевать эта птаха! Надо было слышать... Удивительно, с каким-то не птичьим понятием тянуло и дотягивало вместе с хором каждую строчку и звук молитвы это создание своим переливчатым голосом! Чудеса да и только!

Мама при жизни часто пела любимую молитву во время уборки, приготовления пищи и во время отдыха. Ничего не поделаешь, воспоминания снова уводят в прошлое. Папа, ушедший из жизни 12 лет назад, с годами стал прислушиваться к словам жены. Известно – вода камень точит. По капельке... по капельке... так и привела к Богу. Стал почитать религиозные книги. Если раньше он бывал в церкви, чтобы кого-то подвезти на автомашине и зайти между прочим как бы, или ещё по какому-то случаю, то потом пожелал причаститься Святых Таин сознательно. Чтобы не привлечь внимание окружающих, поехал в Сергиев Посад. Ему нравился храм в честь Святых первых апостолов Петра и Павла, который он однажды посетил. Вернувшись, позвонил, мама открыла дверь и увидела, как он прикрывает и поглаживает щеку ладонью с обескураженным взглядом. – «В чём дело?» – спросила она. Оказывается, попался по дороге цыган, нечистая сила в образе цыгана, в красной рубашке, широких штанах в сапогах, как на сцене, ударила его со всей силой по той самой щеке так – аж горит! Со слов отца, он посмотрел вокруг – никаких следов на снегу, и куда делся цыган – непонятно. Зато было понятно маме – враг отомстил ему за измену.

Прихожане зашевелились, зашуршали пакетами, заскрипели половицы. После исповеди и проповеди стали вставать в очередь к Святому причастию. Уже поставлен столик с подносом, на котором чайник с тёплой кипячёной водой, закрашенной вареньем, для запивки и красивые чашечки на подносе. Ко мне стали подходить кто с вопросами – не видела ли маму во сне, кто с рассказами, что и как они видели. Одной бабуле мама рассказала буквально перед смертью, как она, в своём сне переплывая реку, стала захлёбываться и утонула на самой середине... Что значит – сон в руку, река – это жизнь. Одна женщина из хора сказала, что ощущала маму за своей спиной во время пения, на месте, где пела мама. Многие сочувствовали и так далее.

Обедня подходила к концу. Отслужен молебен. Певчие хора перешли из середины церкви на другую сторону к панихидному столу, чтобы помолиться об усопших. И серая певунья перебралась – подумать надо – сюда же! Теперь она рядом со мной. Перелетает периодически с одного окна на другое мимо огромной, специально открытой для неё боковой двери. Вот только не хочет покидать, по всей видимости, святую обитель. Держится коготками на тоненьких ножках за белые рамы, а головку поворачивает в мою сторону и смотрит ласково прямо мне в глаза своими чёрными бусинками! Присмотрелась, а глаза-то мамини! До боли родные, и во взгляде её любовь и благодарность. Удивительно

Купание в Иордане

просто, так проникновенно, не передать словами. Расставив широко руки, пытаюсь направить её во время очередного перелёта в дверь, приговариваю – улетай, моя хорошая, скоро мы уйдём, как ты без еды, без воды будешь здесь целую неделю. Ты и так потрудились, ни разу не нарушила стройное богослужение...молодец. Все ектении (молитвы) пропела, и Трисвятое, и Символ Веры, и Тебе поем, и, конечно же, Отче наш. Ведь знаешь, что за дверью свобода, почему не улетаешь? Что за птица? – рассуждаю про себя, – то ли коноплянка... то ли мухоловка, то ли жаворонок... окрас как у воробья, только хвост короче, но гораздо шире... и воробьи так красиво не поют, тем более в предзимнем месяце. Кто-то из мужчин взял швабру на длинном черенке, и другие подключились на помощь, чтобы выдворить Божье творение для её же пользы. Напрасно... летает! Мысленно обратилась к Матери Божией Песчанской в белом ките с просьбой принять участие в этом деле. Наконец-то вылетела чудная птичка... Только взгляд этого необыкновенного, крылатого создания запечатлелся на всю жизнь...

После окончания панихиды забрала иконку с поминального стола, как велела матушка Иоанна, раздала оставшиеся поминальные узелочки. На деревянной, большой веранде, переходящей в широкое крыльцо из натурального дерева, ко мне подошла давняя знакомая, пожилая монашка Мария (никогда не выходящая замуж). Сказала много тёплых слов о маме. Что она хранит и очень дорожит цветной иллюстрацией, привезённой мамой из Святой Земли и подаренной ей, где изображена Мария с покрасневшим яйцом в руке, когда она сказала «Христос Воскресе!» императору Тиберию, поверившему после этого в чудо Воскресения.

К беседе присоединились и другие, подошедшие к нам. Искренне восхищались тому, что Господь, по милости Своей через состоятельную женщину из Челябинска, сделал маме в 77 лет потрясающий подарок – поездку на Святую землю. Об этих святых местах мама рассказывала всю сознательную жизнь по книгам, иконам, картинкам и не только своим

детям. И правда! Восторг от духовного паломничества на Святую землю не покидал маму все оставшиеся годы. Находясь там, она не отставала от нас, несмотря на изнуряющую жару Палестины и Израиля. Ни столпотворения, ни подъём на гору Фавор, ни долгие переходы не утомляли её.

– Как тебе это удаётся? – спрашиваю. Отвечает тихо на ушко:

– Ангел всю дорогу держит меня за руку, я это всегда ощущаю.

Много чудес она видела там... умилилась до слёз. А когда мы вошли в Иордан в белых, длинных рубашках (в ней она и была положена в гроб), держась за руки, поскольку течение очень сильное, чтобы окунуться в последний день перед вылетом в Россию, она удивилась тёплой воде, как ребёнок. Сказала, что впервые после замужества купается в реке. Несколько часов бултыхались, вода действительно святая. Бесчисленное количество раз погружались в волны Иордана с головой, предварительно читая одновременно вслух – Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

После службы в храме одна из прихожанок спросила, нашёлся ли нательный крестик, загадочно исчезнувший с шеи мамы во время обмывания и переодевания её сразу после смерти? Эта недостойная на самом деле история возмутила многих знакомых, не говоря о родных, и особенно тех четырёх из пяти присутствовавших и принимавших непосредственное участие в траурном обряде. Все знали, что гайтан из атласной ленточки был прочен. Мало того, ещё мамиными руками был завязан на два узелка у самого горла, чтобы нечаянно вместе с бельём не снялись и не потерялись её крестик и крестик её мамы, висевший рядом, о чём она, кстати, говорила лично мне не один раз. Даже на секунду боялась расстаться со своими хранителями, а тут... Их видели на покойнице все и в тот горький момент, но потом как испарились. Материальной ценности они не представляли абсолютно никакой – один медный, другой – оловянный (старинный), а вот искушение в виде недоумения и подозрения друг к другу испытали колоссальное эти бескорыстные, добродетельные люди. Одна женщина даже заболела на этой почве. Конечно, думаю, можно предположить, кто срезал гайтан с крестиками, но надо ли?

Если это народный обычай, идущий из глубокой старины, то грош цена ему, а исполнившему его – Бог судья! В конце-то концов не душу вынули из маминой груди – она к Богу отошла, а крестиков у мамы всегда было много – на всякий случай, если кто-то потеряет.

После поминального обеда стало необыкновенно легко. Обиды, которые бывают, наверное, как и во всех семьях, отошли, если не совсем, то очень далеко. Певчая птичка стряхнула их со стенок ранимой души, махая своими заботливыми, неутомимыми крылышками, как пыль и паутины с окон в куполе храма... Осталось только выместить... Дай-то Бог.

Вера СЕДОВА, родилась в 1957 году в г. Барыш. Рассказы публиковались в журнале «Мономах».

ГАНЯ-МОТАНЯ

Рассказ

Есть большой рынок, где прилавки, палатки, много товара, а есть маленький, за забором, за рынком...

Расположен он полосой между акациями и тротуаром. Торгуют здесь с коробок, ящиков, тележек. Товар разный: овощи-фрукты со своих огородов, носки-варежки, семечки, мочалки, цветы – всё, с чем на большой рынок не пойдёшь. За место тут никто денег не собирает, а покупатели есть всегда.

В субботние и воскресные дни маленький рынок растягивается от остановки до аптеки. Народ идёт туда и обратно, на рынок, в магазины, на автовокзал.

Ходит вдоль ряда Убогая, маленькая скрюченная женщина, тянет за собой тележку, просит подавание. Ей дают – денежку, продукты. Она низко кланяется, благодарит.

– Спаси вас Бог, сердешные.

А ещё ходит божж, здоровый мужик по прозвищу Ганя-Мотаня. Называют его так из-за странной поговорки – ганя-мотаня, голубая ель. Как его настоящее имя, откуда он родом – неизвестно. Кто говорит – местный, жена за пьянку выгнала, кто – приезжий. А кто утверждает, что это спившийся знаменитый актёр, и даже называют его роли и награды. Обитает он на рынке не первый год.

Подрабатывает мелкими услугами – занять место, поднести товар, убрать мусор после торговли, посторожить товар, пока хозяин бегаёт по нужде или за разменом. Караулит Ганя-Мотаня честно – в оба глаза.

Торговкам на маленьком рынке он зимой расчищает снег, прячет их ящики. Если на большой рынок приходят милиция или налоговая, то Ганя-Мотаня сразу предупреждает об этом торговков.

За это они ему дают хлеб, непроданные овощи.

Иногда он просит у торговков денежку. Этим они его не балуют.

– Лоб здоровый, работать иди!

– Не могу, сил у меня нет... Эх, ганя-мотаня, голубая ель... – канючит он жалобно. – Убогой-то даёте, жадобы!

– Убогая бабку старую кормит да сестрёнку малую, а ты на бутылку клянчишь! Забирай огурцы да уходи! Жадобы мы! Заелся!

А ещё Ганя-Мотаня читает стихи...

Встанет у ворот, сложит руки ковшичком, и начинает...

– Стихи! Читает... Ганя-Мотаня, голубая ель – я читаю!

Стихов он знает много. Читает громко, с выражением. Есть на рынке любители, подходят, просят прочитать того или другого поэта. Платят ему за это. Не читает Ганя-Мотаня только Высоцкого. Говорит, что с его стихов душа рвётся, а она у него и так в дырках вся.

Как-то подростки, народ озорной и весёлый, решили подловить Ганю-Мотаню.

Сначала подослали мальчишку-первоклассника.

– Ганя-Мотаня, а Чуковского знаешь?

Ганя-Мотаня посмотрел на него сверху вниз, улыбнулся, подёргал бородёнку свою, похожую на клок пакли, и одним духом прочитал и «Тараканище», и «Мойдодыра», и «Телефон»...

После этого его окружили старшие.

– Ганя-Мотаня, а Гумилёва знаешь?

Глазки у Гани-Мотани стали узенькие-узенькие. И улыбка – ехидной и загадочной.

– По литературе проходите, или так, для общего развития?

– Для общего развития...

Торговки затаили дыхание.

– Ну, тогда да... Слушайте...

Дочитал стихи до конца.

– Ну, Ганя-Мотаня, ты молодец!

– Дураки! Это Рубцов! А Гумилёв – вот он!

И снова читает, закрыв глаза и задрвав голову вверх.

Торговки радостно засмеялись.

– Что, уел вас Ганя-Мотаня?

Тёплым сентябрьским днём Ганя-Мотаня пришёл на маленький рынок и объявил:

– Бабы! А я сегодня в бане был! Посмотрите, какой я чистый! Подайте денежку, после бани горло смочить!

Ганя-Мотаня и в самом деле не похож на себя. Лицо розовое, чистое, борода расчёсана, волосок к волоску. Он снимает кепочку, и видны волосы, сединка с рыжиной, колечки за ушами и на затылке, ещё влажные после бани. Поворачивается туда – сюда, протягивает руки с длинными тонкими пальцами.

– Вот! Как пятак новенький!

– Где же ты баню-то нашёл?

– А у бабы Зины Сорокиной её деда-паралитика мыл!

– Ой, врешь! У бабы Зины внук приезжает, вот тогда и моют Семёна Михалыча в бане...

– Да он сам пожелал! Баба Зина рассказывала: проснулся и говорит...

Ганя-Мотаня так похоже изобразил говор парализованного, что торговки невольно рассмеялись.

– А я мимо шёл. Вот она и попросила. Я сначала его намыл, потом сам парился. Ох, хороша баня! Ганя-мотаня, голубая ель!

– Так кто строил? Сам Семён Михалыч и строил... На все руки мастер был...

– А ещё она мне одежду дала. И рубашку, и майку, и носки новые, ботинки. Вот, фуфайка, тёплая, ненадёванная. Подайте на чирочку, а?

Торговки переглядываются. Анна Ивановна, негласная старшая меж торговок, говорит:

– Ну, подруги, надо дать. Дело доброе мужик сделал. Да и чистый какой – просто жуть!

И в кепочку Гани-Мотани сыпятся денежки...

Он проходит ряд до конца, возвращается и, довольно шурясь, говорит:

– Как мне чистому-то хорошо подают! Я, бабы, так думаю. Я в речке буду каждое утро рожу мыть. И вы мне будете денежку давать. Эх, хорошо! Ганя-мотаня, голубая ель!

– Ах ты ехидна! Вот сейчас отберём денежки, и пропадёт твоя чистота!

Ганя-Мотаня понимает, что торговки шутят, но на всякий случай отходит подальше.

– Ладно, ладно, через день.

Скоро за спинами торговок, под акацией, Ганя – Мотаня накрывает «стол». На ящик стелет газету, на газету кладёт пирог, яблоки, ливерную колбасу, хлеб. И ставит четвертинку водки. Возле него крутится бездомная собака. Ганя-Мотаня наливает в пластиковую тарелку молоко из пакета, крошит туда хлеб, колбасу. И говорит:

– Ешь, собака, ешь, горемычная.

Присев на другой ящик, он отпивает из бутылки, закусывает. И разговаривает с собакой.

– Ешь, ешь. Мы братья с тобой. У нас одна беда на двоих. У тебя хозяина нет, и я никому не нужен... Ганя-мотаня, голубая ель...

Допив остатки, тут же на ящиках и засыпает. Он спит спокойно – торговки хоть и ругают его, но в милицию забрать не позволят. Спит и спит человек, не скандалит, никому не мешает. Вот как будет пьяный по рынку шариться да частушки матерные петь – есть такой грех за Ганей-Мотаней – вот тогда и принимайте меры...

Проснувшись, Ганя-Мотаня считает оставшиеся монетки. Вздыхает – мало...

Он встаёт на своё место у ворот и начинает читать стихи. Но сначала объявляет, что был в бане,

и ему надо бы горло промочить... Прохожие останавливаются, смеются и кидают в руку ему монетки.

На другое утро он опять приходит на маленький рынок, клянчит у торговок на опохмелку. Но банный день кончился вчера, и торговки гонят его.

– Иди, работай! Вон, Анвар товар привёз, сгружает.

– Не, голова болит...

– А ты арбузы руками таскай, а не головой!

Проходит осень и зима...

Тёплыми майскими днями опять идёт по ряду Убогая, ещё больше скрюченная, поседевшая... Тянет за собой тележку. Ей подают яйца, куски кулича, пироги, конфеты – идёт пасхальная неделя. Торговки вздыхают – эх, Гани-Мотани нет, поел бы вдоволь...

...Морозной январской ночью пришёл в милицию Ганя-Мотаня. На нём были валенки, стёганные штаны, солдатская шапка-ушанка и... лёгкая рубашка. В скрюченных, побелевших от мороза руках он держал свёрнутую в кулёк фуфайку.

– Вот, нашёл... – прохрипел Ганя-Мотаня.

Дежурный взял из его рук фуфайку, развернул, и увидел...ребёнка, завернутого в тонкую пелёнку.

– Я... на лесопилку... за срезками... пищит... в телогрею и бежать...

Милиционеры удивлённо переглянулись. От лесопилки до милиции путь не близкий...

– Что же ты, дурья башка, к сторожам не постучал?

– Стучал... Не пустили... Я бежал, бежал... Страшно... Не успею... Замёрзнет...

Скорая увезла в больницу ребёнка и Ганю-Мотаню.

Ребёнка выносили, и отправили в Дом малюток, Ганя-Мотаня умер через два дня в реанимации...

«...Ешь, собака, ешь, горемычная. Мы братья с тобой. У нас одна беда на двоих. У тебя хозяина нет, и я никому не нужен... Эх, ганя-мотаня, голубая ель...».

Фото Владимира ЛАМЗИНА

**ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE**

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

**Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАМВАЙ

В июне по Ульяновску проедет традиционный Литературный трамвай, а в августе – Литературный троллейбус. Ульяновцы получат возможность совершить ночное путешествие в мир современной литературы и познакомиться с 16 текстами авторов из 9 литературных городов ЮНЕСКО (Манчестер, Гранада, Нанкин, Вонджу, Айова, Милан, Данидин, Норидж, Кухмо), а также стихотворениями местных поэтов. Фрагменты произведений прозвучат в исполнении известных людей города.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ЛИДИЯ ПЕХТЕРЕВА СТАЛА ЛАУРЕАТОМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТКОНКУРСА ИМ. ИГНАТИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО

В Красноярске объявили имена лауреатов Всероссийского литературного конкурса имени Игнатия Рождественского. Третье место в номинации «Детская литература: проза» заняла сказка ульяновского автора и журналиста Лидии Пехтерева «Чудо техники». Конкурс традиционно проводится в рамках Всероссийского литературного фестиваля «Книга. Ум. Будущее», ежегодно заявки подаются около 300 авторов со всей страны.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ДАНИЛА НОЗДРЯКОВ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ФЕСТИВАЛЕ ЧТЕНИЯ В НАНКИНЕ

Во Всемирный день книги – 23 апреля – город литературы ЮНЕСКО в Китае Нанкин провел 26-й Фестиваль чтения. Онлайн-участие в нем принял ульяновский поэт Данила Ноздряков. Местные жители, а также авторы из литературных городов ЮНЕСКО делятся радостью чтения и рассказывают о своих любимых книгах. Так, Данила Ноздряков рассказал китайским читателям о романе французского писателя Альбера Камю «Посторонний».

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ТАТЬЯНА ФИЛАТОВА СТАЛА СТИПЕНДИАТОМ ФОРУМА МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИПКИ»

XX Международный форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» объявил список стипендиатов. Среди них – прозаик из Ульяновска Татьяна Филатова.

Напомним: форум «Липки» прошел в Подмосковье в конце марта. Его участниками стали 140 авторов в возрасте до 35 лет, в том числе три автора из Ульяновска – Татьяна Филатова, Алина Осокина и Владимир Артамонов.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

МУРАЛ С МАЯКОВСКИМ ПОЯВИЛСЯ В УЛЬЯНОВСКЕ

В Ульяновске появилась новая достопримечательность – мурал с изображением Владимира Маяковского, украсивший парк «Владимирский сад». Создали его два ульяновских художника – Юрий Вольф и Антон Костин. Особенностью мурала стало сочетание в нем изображения и каллиграфии. Юрий Вольф в стиле неорусской вязи написал строки из трех стихотворений Маяковского: «Вы смогли бы?», «Уличное» и «Душа общества».

Подробнее:

<http://ulyanovskcreativecity.ru>

ПЕРЕДЕЛКИНО: ОТКРЫТ ПРИЕМ ЗАЯВОК В ПИСАТЕЛЬСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ

Дом творчества Переделкино начинает работать как постоянно действующая резиденция и открыл прием заявок. Литераторы, переводчики, художники смогут принять участие в резиденциях с предоставлением проживания, питания и рабочих пространств. До конца 2021 года резиденция примет 250 человек. Жить и работать в Доме творчества смогут писатели, поэты, драматурги, сценаристы, авторы документальной литературы, переводчики. Также принимаются заявки от художников, музыкантов, музейных кураторов, авторов диджитал-проектов и организаторов книжных событий.

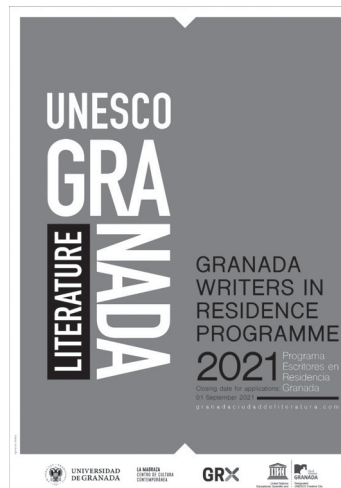
Подробнее: <https://pro-peredelkino.org/residence-program>

Творческие резиденции
в Переделкине

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В ГРАНАДЕ

Гранада – город литературы ЮНЕСКО – открывает прием заявок в писательскую резиденцию, в конкурсе могут участвовать и ульяновские авторы. Двум выбранным авторам предоставят месячное проживание с полным пансионом в Гранаде (ноябрь-декабрь 2021), покроют дорожные расходы. У авторов будет возможность не только написать текст, связанный с Гранадой, но и поучаствовать в литературной жизни города, наладить контакты с местными писателями. Заявки принимаются до 1 сентября.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ПОДПИШИСЬ НА
ЛИТЕРАТУРНУЮ
РАССЫЛКУ
УЛЬЯНОВСКА

- > ЛИТАФИША ГОРОДА
- > НОВОСТИ О МЕСТНЫХ АВТОРАХ
- > ИНФОРМАЦИЯ О РЕЗИДЕНЦИЯХ, СТИПЕНДИЯХ, ПРЕМИЯХ
- > НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИИ И МИРА

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др.

Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulskcitofliterature@gmail.com

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ИЮНЬ 2021

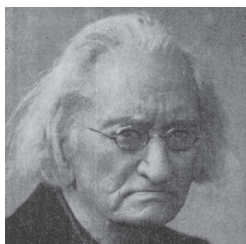
1 июня – 65-летний юбилей отмечает прозаик, драматург, сценарист **Евгений Васильевич Шишкин** (р. 1.06.1956, г. Киров). Член Союза писателей России (1993). Живёт в Москве. Автор книг: «Погода на завтра» (1989), «До самого горизонта» (1991), «Только о любви» (1992), «Бесова душа» (2000), «Я свободен» (2011), «Мужская жизнь» (2018) и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И.А. Гончарова за роман «Закон сохранения любви» (2011). Участник заседания секретариата Союза писателей России в Ульяновске (2012).

2 июня – 55 лет исполняется писателю, востоковеду, переводчику **Дмитрию Викторовичу Коваленину** (р. 2.06.1966, г. Южно-Сахалинск). Перевёл с японского на русский язык книги Харуки Мураками, сборники поэзии Тавари Мати, Такамура Токаро и др. Живёт в Москве. Автор книги «Суси-Нуар. Занимательное муракамиЕдение», сборника малой прозы «Коро-коро. Сделано в Хиппони». Лауреат литературной премии «Странник» (2002). Побывал в Ульяновске 27 мая 2018 года на открытии Центра японской культуры в областном Дворце книги.

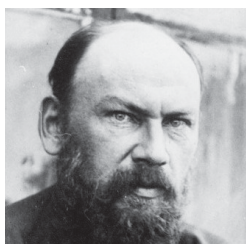

3 июня – 225 лет назад родился поэт, переводчик, мемуарист **Михаил Александрович Дмитриев** (3.06.1796, с. Богородское, ныне с. Троицкое Сызранского р-на Самарской обл. – 17.09.1866, г. Москва). Племянник поэта И.И. Дмитриева. Воспитывался у родственников в Симбирской губернии. Автор сборника «Стихотворения» (1830); переводов Горация «Наука поэзии, или Послание к Пизонам» (1853), «Сатиры Квинта Горация Флакка» (1858); мемуаров «Мелочи из запаса моей памяти» (1854), «Глава из воспоминаний моей жизни» (1866) и др.

3 июня – 175 лет со дня рождения актёра, публициста **Нила Ивановича Богдановского**, сценическое имя – Нил Мерянский (3.06.1846, г. Смоленск – 7.04.1936, г. Печоры, ныне Псковской обл.). Вошёл в историю как «дедушка русского театра». В начале

1860-х гг. переехал с семьёй в Симбирск, учился в мужской гимназии; в 1869 году был антрепренёром в Симбирске. Автор книг: «Облава на Авву. Бесовское наваждение» (1909), «Московские наброски из острозаразного барака Сокольничьей больницы» (1910), «Сцена – мой крест» (1914) и др.

3 июня – 155 лет назад родился писатель, мемуарист **Илья Львович Толстой**, псевдоним – Илья Дубровский (3.06.1866, имение Ясная Поляна, ныне Щёкинское р-на Тульской обл. – 11.12.1933, г. Нью-Хейвен, США). Сын Л.Н. Толстого. Служил в Калуге, Пензе, Симбирске страховым агентом, оценщиком в Крестьянском банке. Автор повестей «Труп», «Великая миссия»; сценариев «Справедливость», «В чём правда?»; статей «О войне», «Цель мировой войны» и др. Издал книгу «Мои воспоминания», посвящённую Л.Н. Толстому (1933).

редактора журнала «Аврора» (1969–1996). Приезжал в Ульяновск на 60-летие отца (1965) и на его похороны (1968). Автор повестей: «1703 год» (1983), «Кроншлот», «Выборгский поход 1706 года», «Отражение Любеккера» (1994); поэтического сборника «Стихи и комментарии» (2001) и др.

4 июня – 85 лет со дня рождения поэта, переводчика, историка **Александра Матвеевича Шарымова** (4.06.1936, г. Свердловск – 17.03.2003, г. С.-Петербург). Сын актёра Ульяновского драмтеатра М.Ф. Шарымова. Был ответственным секретарём и зам.

редактора журнала «Аврора» (1969–1996). Приезжал в Ульяновск на 60-летие отца (1965) и на его похороны (1968). Автор повестей: «1703 год» (1983), «Кроншлот», «Выборгский поход 1706 года», «Отражение Любеккера» (1994); поэтического сборника «Стихи и комментарии» (2001) и др.

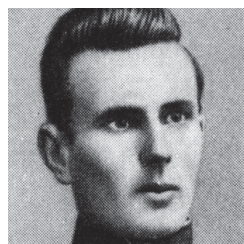
5 июня – 125 лет назад родился литературовед **Михаил Павлович Алексеев** (5.06.1896, г. Киев – 19.09.1981, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Член Союза писателей СССР (1941). В 1934–1981 гг. работал в Пушкинском Доме. Исследовал творчество симбирян

Н.М. Карамзина, В.П. Орлова-Давыдова, А.И. Тургенева, Д.В. Давыдова, Д.П. Ознобишина и др. В 1969 году по пути в Ашхабад был проездом в Ульяновской области. Автор трудов: «Этюды о Марлинском» (1928), «Пушкин: сравнительно-исторические исследования» (1972) и др.

5 июня – 70-летний юбилей отмечает писатель, телеведущий **Юрий Павлович Вяземский** (р. 5.06.1951, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Член Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры РФ (2006). Автор книг:

«Сладкие весенние бакуроты» (2008), «Странные умники» (2009), «Детство Понтия Пилата» (2010), «Бэстолочь» (2010) и др. Не раз приезжал в Ульяновск: принял участие в региональном финале игры «Умницы и умники» (2014), побывал в Кузоватовской средней школе (2018), прогулялся по парку Дружбы народов (2019).

8 июня – 135 лет назад родился библиограф, историк литературы **Ферапонт Иванович Седенко** (8.06.1886, г. Аккерман, ныне г. Белгород-Днестровский Одесской обл. Украины – 14.06.1938, полигон Коммунарка Московской обл.). В 1917 году – один

из создателей Музея революции. Автор трудов: «Частные издательства в Советской России» (1921), «Д.В. Ульянинский» (1927), «Венок книге» (1928) и др. В 1930 году был арестован и сослан в Ульяновск, где работал в музее В.И. Ленина. Расстрелян; реабилитирован в 1956 году.

8 июня – 65-летний юбилей отмечает писатель **Николай Фёдорович Иванов** (р. 8.06.1956, с. Страчево Суземского р-на Брянской обл.). С 2018 года председатель правления Союза писателей России. Автор книг прозы: «Гроза над Гиндукушем»

(1986), «Десант выбирает нас» (1989), «Чёрные береты» (1995), «Взять на мушку» (1997), «Опасен при задержании» (2000), «Зачистка» (2007), «Контрольный выстрел» (2015) и др. Не раз бывал в Ульяновске; в 2016–2018 гг. участвовал в церемонии награждения лауреатов Международной премии им. И.А. Гончарова.

8 июня – 50 лет исполняется немецкому поэту, переводчику, эссеисту **Хендрику Джексону** (р. 8.06.1971, г. Дюссельдорф, Германия). Изучал киноведение, философию и славистику. С 1 по 6 декабря 2012 года организовал во Дворце книги в Улья-

новске творческие семинары для молодых писателей и поэтов. Автор сборников стихов и эссе: «Надписи сбоку» (2001), «Ревущие выпуклости» (2004), «Внутри лозяющей скорлупы» (2007), «В свете предсказаний» (2012), «Манекены» (2015, на русском языке) и др. Живёт в Берлине.

9 июня – 275 лет назад родился литератор, переводчик **Павел Иванович Фонвизин** (9.06.1746, г. Москва – 6.05.1803, там же). Брат драматурга Д.И. Фонвизина. Автор переводов книг: «Нравоучительные сказки» Ж.-Ф. Мармонтеля (1764), испанской повести «Сила родства» М.-А. Гомес (1764), «Друг девиц» В.-К. Грайара де Гравилля (1765) и др. В 1796 году был назначен сенатором. Весной 1800 года по поручению Сената был командирован для ревизии в Поволжье; осматривал Астраханскую и Симбирскую губернии. В 1801-м вышел в отставку.

17 июня – 110 лет со дня рождения писателя, сценариста **Виктора Платоновича Некрасова** (17.06.1911, г. Киев – 3.09.1987, г. Париж, Франция). Сын З.Н. Мотовиловой из с. Цильна Симбирского у., ныне Цильнинского р-на

Ульяновской обл. После войны приезжал с матерью на теплоходе в Ульяновск. Автор повести «В окопах Сталинграда» (1946); книг прозы: «В родном городе» (1954), «Первое знакомство» (1958), «Вася Конаков» (1961), «Вторая ночь» (1965), «В жизни и в письмах» (1971), «Маленькая печальная повесть» (1986) и др.

17 июня – 70 лет назад родился журналист, прозаик, публицист **Владимир Петрович Марцинкевич** (17.06.1951, г. Ульяновск – 20.10.2014, там же). Член Союза писателей России. Работал заместителем главного редактора газеты «Ульяновский комсомолец» и «Народной газеты». Рассказы «Попужай!», «С первого выстрела», «21 августа», «Преждевременная смерть» опубликованы в журнале «Наш современник» (№7, 2005). В 2002–2006 гг. был ответственным секретарём Ульяновской региональной организации Союза писателей России.

20 июня – 65 лет исполняется библиографу, краеведу **Людмиле Юрьевне Ивашкиной** (р. 20.06.1956, г. Инза Ульяновской обл.). С 1986 года заведует отделом редких книг и рукописей Дворца книги. Автор каталогов: «Библиотека Н.М. и А.М. Языковых: опыт реконструкции» (2003), «Книги и судьбы» (2014); составитель изданий: «Библиотека в документах, письмах, воспоминаниях. 1848–1990 гг.» (2008), «Карамзинская общественная библиотека: путеводитель» (2015) и др. Заслуженный работник культуры РФ. Награждена медалью Н.М. Карамзина (2011).

21 июня – 65-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик **Людмила Владимировна Жилина** (р. 21.06.1956, с. Победино Смирныховского р-на Сахалинской обл.). В 1962 году переехала с семьёй в Ульяновск. Живёт в р.п. Павловка, где преподавала русский язык и литературу. Заведует отделением изобразительного искусства в Павловской ДШИ. Заслуженный учитель РФ (1999). Автор сборника стихов «До рассвета» (2011), двух книг повестей и сказок под общим названием «Тайны тихой провинциальной жизни» (2009, 2015).

23 июня – 70 лет исполняется краеведу, журналисту **Сергею Борисовичу Петрову** (р. 23.06.1951, г. Ульяновск). Кандидат философских наук (1989); доцент УлГУ. Автор краеведческих изданий: «Наше музыкальное наследство» (1992), «Очерки по истории музыкальной культуры Симбирского края» (1998), «Симбирская земля – родовая отчина Аксаковых» (2011), «Симбирские Глинки» (2020) и др. Обладатель Гран-при, лауреат премии в области региональной историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха» (2010).

24 июня – 90 лет со дня рождения прозаика **Бориса Васильевича Дедухина** (24.06.1931, д. Сергеевка Тамалинского р-на Пензенской обл. – 18.06.2005, г. Саратов). Жил в Ульяновске; выпускник средней школы №1 им. В.И. Ленина. Один из создателей журнала «Волга». Автор повестей и рассказов: «Боцман объявляет аврал», «Иду на вы» (1971), «Счастье тебя найдёт», «Крэк» (1974), «Приз Элиты» (1979), «Чур меня», «Тяжёлый круг» (1984), «Табуны в междуречье» (1985), романа «Крест. Иван III» (1998) и др. Член Союза писателей России.

185 лет назад родился литератор, публицист **Николай Михайлович Соколовский** (1836, г. Симбирск – после 1911, г. С.-Петербург). Окончил Симбирскую мужскую гимназию. Служил в Симбирске судебным следователем. В 1862 году переехал в Петербург, где служил присяжным поверенным. Дружил с поэтом Д.Д. Минаевым. Автор «Студенческих воспоминаний» (1863), сборника рассказов «Острог и жизнь. Из записок следователя» (1866), очерков «Русские фра-дьяволы» (1869), «Мыза и деревня» (1895), «Грамота и муза» (1897) и др.

155 лет со дня рождения адвоката, публициста **Михаила Львовича Мандельштама** (1866, г. Кролевец Черниговской губ., ныне Сумской обл. Украины – 5.02.1939, г. Москва). Родственник поэта О.Э. Мандельштама. В 1888 году был арестован и выслан на два года в Симбирск; до 1890-го служил помощником присяжного поверенного. С 1903-го жил в Москве. Автор трактата «Интеллигенция как категория капиталистического строя» (1890), сочинений «Н.Э. Бауман» (1926), «1905 год в политических процессах. Записки защитника» (1931) и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ИЮНЯ

Михаил ДМИТРИЕВ (1796–1866)

* * *

Как пернатые рассвета
Ждут, чтоб песни начинать,
Так и ты в руках поэта,
Лира – песен благодать!
Ты безмолвствуешь, доколе
Мрак и холод на земле,
Любишь песни ты на воле,
В свете солнца, не во мгле!

«Что вы песен не поёте?» –
Вопрошает Вавилон.
«Как нам петь? Вы нас гнетёте,
Ваша воля – нам закон!
Где у нас скрижаль Сиона,
Богом писанный глагол?
Песен нет, где нет закона,
Где единый произвол!»

* * *

Когда наш Новгород великий
Отправил за море послов,
Чтобы просить у них владыки
Для буйных вольницы голов,
Он с откровенностью странной
Велел сказать чужим князьям:
«Наш край богатый и пространный,
Да не дался порядок нам!»
С тех пор род Рюриков владеет,
А всё порядка не видать.
О Нестор, Нестор! кто посмеет
Тебя во лжи изобличать –
Когда на первой же странице
Печать ты правды положил?
Ни веки буйною станицей,
Ни Пётр железною десницей –
Никто её не сокрушил.
Всё тот же Руси жребий странный:
И край обильный и пространный,
И немцев – эка благодать!
А всё порядка не видать.

1848

1854

Александр ШАРЫМОВ (1936–2003)

РОЖДЕСТВО

Пахнет еловою странной листвою,
Ёлочной свечкой и спичкой.
Вновь в нашу жизнь ворвалось Рождество
Праздником, просто привычкой.
Дети, сегодня живущие с ним,
Завтра поверят едва ли,
Как этот праздник был тупо гоним,
Как нам его запрещали.
Всё же, безверие смело сломив,
Выжили в нашем паскудье
Светлая сказка, таинственный миф,
Чистая правда о чуде.

О ПРИРОДЕ

Природа всегда безобразна,
Пока не узнаешь её.
Болотная топь непролазна,
Чащоб неопрятно гнильё.
Но вспыхнет любовь в человеке –
И сразу меняется день:
В болотах рождаются реки,
Из чащи выходит олень.

МАМОНТ

Раньше было: утром выйдешь,
Хрустнешь мышцей от души,
Растворишь глаза и видишь –
Мамонт вышел из глуши.
Подойдёт к тебе он, чтобы
Подышать тебе в лицо,
А потом свивает хобот
С удовольствием в кольцо.
Добрый мамонт мохноротый,
Как мне твой приятен вид!
За доверчивость давно ты
Гнусным пращуром убит.
Оттого-то я, повинный,
Рыбной ловли не люблю,
Не охочусь – и дубиной
В кумпол мамонта не бью.

Хендрик ДЖЕКСОН (р. 1971)

ВЫХОД

После фильма темнота и дождь
или зал в котором
ещё некоторое время остаёшься
в спокойном внимании
колесо часового механизма наблюдаемо, –
после полуночи ветродуй
нагоняет краткую усталость,
наконец опрокидывает
кто-то из нас столетие над столом, как
проходную шутку,
в луже выскиваются переходы;
несказуемый непрерывный дождь
барабанит снаружи.

* * *

Что за средиземноморская голубизна?
радостно солнце на заплечье
(языкастое пламя в облаках)
со стеклянной пустотой
8-часо-вечернего-обоза
(заспанное отравление суставов)

наполни это полной
горстью прохлады. Сдвиг

втряси – в меня – просветление; прекрасное
окаймлённое, несказуемое. водоворот
(тайная надпись на шёлке)
беззащитно исходящим однажды из ниоткуда
лишённым пуповины
(возвращение позже – ожидаемо)

послание
только Туда.

ДВИЖУЩИЙСЯ КАБИНЕТ

Порыв ветра –
движение по грибной изнанке, со стороны
Переворачивать, тихое дребезжание;
Темносеребряное – переставленное
Отражение.

Рельсы, напряжение, камни –
поезд за поездом, поездки
Открытые коридоры;
Покаянность, послеобеденность –
Одолжение:

Нажатие на пластинки –
шелест, порыв, дребезжание,
Отпечатанные фигуры,
Темносеребряные. Разветвлённые
Пространствотремена.

*Перевёл с немецкого
Сергей Бирюков*

Павел ФОНВИЗИН (1746–1803)

ЭЛЕГИЯ

отрывок из стихотворения

...Я духом по тебе теперь изнемогая,
Лишаюся тебя навеки, дорогая:
Лишаюся всего, что в жизни мило мне;
А ты останешься в приятной сей стране,
С которою теперь навеки я прощаюсь,
Котору зреть опять совсем отчаиваюсь.
Возможно ль было то тогда мне вобразить,
Что тщила нас судьба с тобою разлучить,
Когда приятности несчетны мы вкушали,
Как оба равной мы любовью пылали?
Не мыслив ни о чем, свидания я ждал
И только зреть тебя по всякий час желал.
Иное в мыслях мне ничто не вображалось,
И сердце страстию тем боле наполнялось.
Несчастия сего предвидеть я не мог,
Когда сильней меня любовный пламень жег.
Но ах! К несчастью, в приятное то время
Готовилося мне ужаснейшее бремя.
Судьба, завидуя спокойной жизни сей,
Мой прекращает век жестокостью своей,
Тебя лишиться мне навек определила
И дни оставшие в слезах провеств судила.
Кому я жалобы свои могу принести?
И кто за смерть мою ей сделать может месть?
Сколь ни несосно мне с тобою разлучаться,
Однако принужден судьбе повиноваться.
Не думай, чтоб еще на свете мог я жить,
Когда могла судьба навеки той лишить,
Которая во всем участие принимала,
Кто все мои беды своими почитала.
Возможно ли сего несчастья больше ждать?
И можно ли меня чем боле наказать,
Когда, лишив приятств, забав и утешенья,
Оставить вместо их жестокие мученья?
Но как бы жестока разлука ни была
И сколько б грудь мою тоскою ни рвала,
Не может уж любви моей к тебе разрушить:
Я клятвы не могу тебе своей нарушить...

1764

Людмила ЖИЛИНА (р. 1956)

* * *

Опять зашептал золотой листопад
Мне тихую сказку о сне и покое,
Я трогаю тёплые листья рукою –
Как весточки, шлёт их пустеющий сад.

На них нахожу я лучей письма,
Румянец, веснушки – отметины лета,
Старинные, в сеточке тонкой, портреты
И чьи-то забытые мной имена.

И каждый листочек понежится рад
В оранжево-алом горячем закате...
Пока ещё всю красоту не растратив,
И сон, и покой обещает мне сад.

Я сказке волшебной внимаю, и с ней
Брожу по узорчато-пёстрым дорожкам,
И верить хочу, хоть чуть-чуть, хоть немножко,
Что холод зимы не коснётся ветвей.

БЕССОННИЦА

Войдёт бессонница неслышными шагами,
Погонит душу по кругам переживаний,
Во тьме невидимыми острыми когтями
Начнёт царапать чередой воспоминаний.

Ты не гони её, но и не поддавайся,
Упрямо думай лишь о светлом и хорошем,
Крупницы счастья собирай, и улыбайся,
И засыпай под драгоценной этой ношей.

ДО РАССВЕТА

Пока не дрогнули небесные светила,
Пока не спали с заданных высот,
Храни всё то, что было сердцу мило,
И знай: пора рассветная придёт.

Вдруг утро хмурое сияньем озарится,
И птицы нежно запоют в свой час,
И новая прекрасная страница
Судьбы земной откроется для нас.

Не всё исполнено ещё, не всё допето,
Жизнь состоит не только из потерь.
Ты потерпи немножко, до рассвета, –
Всё сложится, всё сбудется, поверь!

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ИЮНЯ

Евгений ШИШКИН (р. 1956)

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ЛЮБВИ (отрывок из романа)

Дорожные соседи по купе – армянская супружеская пара – оставили Марину в Ростове-на-Дону в одиночестве. Да и во всём вагоне попутчиков набиралось наперечёт. Один из них был живописно бросок. Немалого росту, пузатый, с большой лысой головой и с неясного цвета, какой-то серо-коричневой бородой, широкой, но редкой, как дранный метёлка. Он частенько оглаживал свою голову, проводил рукой ото лба к загривку, приминая попутно хилые пряди волос, висевшие на висках и на затылке, а после вёл ладонь от усов вниз, оправляя бороду, которая тут же начинала по-прежнему топорщиться во все стороны. В картинном облике, в крупном лице его угадывалось что-то львиное, породистое: мясистый, чуть приплюснутый нос, большие глаза – нараспашку – и клоунские улыбчивые губы. В пути Марина много раз встречалась с ним в вагонном коридоре, но их первый разговор случился только после станции Туапсе.

– Море! – воскликнула Марина, когда состав, забирая влево, к побережью, выходил на окраину портового города, открывал взгляду синий простор. – Море! – уже скромнее повторила она и стеснительно обернулась на лысо-бородатого «льва», который тоже стоял в коридоре.

Он улыбнулся ей, подошёл, спросил покровительственным тоном:

– Никак впервые, дитя моё?

Марина хмыкнула: «Ишь ты, «дитя моё?», хотела сказать, что у неё уже дочка – школьница. Но подошедший «дядька» выглядел очень приветливо и встречать его в штывы было неуместно.

– Раньше только в кино видела. Ещё на картинках. И сама на картинках рисовала. Я когда-то в художественную студию ходила.

Море и впрямь оказалось чарующим и необозримым. Белоснежная курчавина пены играла на гребнях небольших волн, тающих на берегу в прибрежной гальке. Волны так же пенно задирались

и разбивались о глыбы волнорезов и бун, о сваи пирсов. Крупные чайки кружили над побережьем. Казалось, сколько ни гляди вдаль – не набьёт взгляд оскомину от трепещущей синевы.

Колоритного бородача и звали незаурядно; басовито и кругло звучало его имя – Прокоп. Прокоп Иванович Лушин. Оказалось, едут они с Мариной до одной станции; оказалось, Прокопа Ивановича пригласил «молодой начальник из новых русских», у которого дом на побережье, отдохнуть у моря и «покумекать» над новым издательским проектом; оказалось, что у Прокопа Ивановича повсюду «творческие связи».

– В своё время, дитя моё, – с ностальгической нотой рассказывал попутчик, – я работал в крупнейшем советском издательстве. Возглавлял отдел научно-популярной литературы. О! Знали бы вы, какие коньяки мне привозили авторы с Кавказа! А какие бурдюки из Средней Азии! А кумыс, а кальвадос из Молдавии, а рижский бальзам... Но теперь не пью, – он указал рукой на правый бок, в подбрюшье, имея в виду, должно быть, печень, а потом гулко щёлкнул под бородой по горлу: – Посадил... Пришлось завязать.

Марина усмехнулась:

– Больше не хочется? – Она попробовала повторить жест попутчика, но звонкого щелчка не получилось.

– Дитя моё, что значит не хочется? Ещё как хочется! Да нельзя. Подпал под уговоры своего начальника и принял лечение нарколога. Обильная выпивка, естественно, худо. Но и без вина жизнь уж совсем пресная. «Саперави», «Кинзмараули», «Цинданали». Одни названия таят вдохновение... Живу пока в состоянии стресса. Как осуждённый!.. О-о! Уже на сорок минут запаздываем, – взглянул он на часы. – Начальник-то мой не уехал бы. Богатые бедных ждать не любят...

Дмитрий КОВАЛЕНИН (р. 1966)

СИЛА ТРУПА (отрывок из повести)

Так вот, друзья мои, язык японского допроса – это совсем не то, чем люди между собой разговаривают. Это вообще не разговорный язык. Это сплошные тычки, понукания и приказы, сокращённые до короткого гавканья. «Тэмээ!! Коноярро!!» и прочие междометия, от которых уши в трубочку сворачиваются. Язык наезда, попросту говоря.

И вот мы всё это твяканье зубрили, допросы учебные проводили, листовки писали, радиопрограммы составляли. А я всё думал: «Господи! Двадцатый век кончается! Где, когда, за каким лешим мне пригодится весь этот бред?!»

И как вы думаете, где он мне пригодился? Правильно, в японском порту. А точнее – в японской полиции, которая постоянно арестовывала и сажала в кутузку безбашенных русских морячков. За мелкие кражи, пьяные дебоши и хулиганство. Вот представьте: просыпается наш Вася в полиции. И даже не помнит, что ночью перебил окна и вытоптал весь огород какой-то японской бабушке, живущей в припортовом кварталчике. Полицейский ему: «Какого рожна ты это делал?» А он – уже мне, переводчику: «Дык а чё они, с-суки, так богато живут? Ну скажи ведь, братан! Ну зажрались же гады!!» А у бабушки, заметим, кроме этого огородика, больше и нет ни хрена, она всю жизнь за него выплачивала, а старик её умер, и доживает она свой век на одинокую пенсию в три копейки.

И вот я прихожу к нему в КПЗ. А он вообще ни черта не соображает: что происходит, где он, как сюда попал? А тут ещё самурай в военной форме припёрся и гавкает не по-нашему...

Это великая песня, друзья мои. «Интернационал» отдыхает. На подобном «допросе» хочется встать по стойке смирно и молча сглатывать слёзы. Слёзы боли, ярости и стыда за нашу неистребимую Советскую Родину в одном флаконе. Помните, у Михалкова такая поэма была – про пионера Мишу Королькова, который попал в плен к японцам и не выдал военной тайны? «Весь, как сморщенная слива, и на всё на свете зол, сам полковник

Мурасива составляет протокол»... Так вот, я вас уверяю: сам Миша Корольков плюнул бы этому морячку в его пьяную рожу и утопил в бухте Золотой Рог, спасая страну от позора. Ибо морячок этот наложил в штаны, и в извилине его билась одна только мысль: «Ой, братаны, что хотите скажу, только заберите меня отсюда!»

А мне его – вот такого – переводить. И с японской «кичи» вытаскивать, да как можно скорее. Потому что судно завтра во Владивосток уходит, и если он тут застрянет, его придётся обратно на самолёте отправлять. А это – непредвиденные расходы, очередные документы, включая новый «shore-pass» для схода на берег, а также объяснения с Иммиграцией, Губернаторством, Мэрией, Начальником порта, местной Службой безопасности – ну, в общем, тотальный геморрой для всего нашего огромного порта...

Или, скажем, как-то утром вызывают меня в полицию. Дескать, взяли троицу русских, нужен ваш переводчик. Приезжаю – сидят. Помятые, побитые, в синяках каких-то: может, друг друга мочалили, а может, и полиция приложила дубинками, – не важно, да и не жалко уже как-то, честное слово.

Что случилось, спрашиваю. Оказывается, в два часа ночи эти трое придурков проникли в зал ожидания морвокзала. Вообще-то зал ожидания открыт круглосуточно. Чтобы иногородние пассажиры, приехав на поезде вечером, могли дожидаться утреннего парохода. Вот тебе кофе, пожалуйста, вот телевизор. Холодно – обогреватель включи... Ага, раскинул тут мозгами сметливый русский морячок – и давай действовать. Обогреватель, который на нашем керосине не работает, – в мешок (здоровые такие мешки для мусора с собой прихватили). Телевизор, который на наших волнах не показывает, – в мешок. Сто двадцать восемь банок кофе – чуть не консервным ножом автомат этот бедный вскрыли – туда же. Да всю эту добычу на родное судно и понесли. Ночью, втроём, навьючив аж два велосипеда...

Илья ТОЛСТОЙ (1866–1933)

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ (отрывок из книги)

Ясная Поляна! Кто дал тебе твоё красивое имя? Кто первый облюбывал этот дивный уголок и кто первый любовно освятил его своим трудом? И когда это было?

Да, ты действительно ясная – лучезарная. Окаймлённая с востока, севера и заката дремучими лесами Козловой засеки, ты целыми днями смотришь на солнце и упиваешься им.

Вот оно всходит на самом краю засеки, летом немножко левее, зимой ближе к опушке, и целый день, до вечера, бродит оно над своей излюбленной Поляной, пока не дойдёт опять до другого угла засеки и не закатится.

Пусть бывали дни, когда солнца не было видно, пусть бывали туманы, грозы и бури, но в моём представлении ты останешься навсегда ясной, солнечной и даже сказочной.

И пусть этот луч солнца, который я вижу на Ясной Поляне, любовно позолотит эту книгу моих воспоминаний.

Когда-то Ясная Поляна была одним из сторожевых пунктов, охранявших Тулу от нашествия татар. Когда надвигались их конные полчища, лес «засекали», то есть рубили и кляли макушками навстречу врагу. Это образовывало непроходимую чащу, через которую никакая конница пробраться не могла. На

перемычках, где леса не было, выкапывали огромные рвы и насыпали валы. Остатки такого вала ещё до сих пор видны между Ясной Поляной и Тулой.

Прошли века. Татарские набеги давно уже забыты. Засака переходит во владение казны, а на Ясной Поляне вырастает деревня и усадьба князей Волконских. При замужестве княжны Марии Николаевны Волконской Ясная Поляна переходит в род графов Толстых, и 28 августа 1828 года в Ясной Поляне рождается младший сын семьи Толстых – Лёвочка, – впоследствии один из величайших писателей – Лев Николаевич Толстой.

Прежде чем говорить о своих личных воспоминаниях, приведу несколько семейных преданий, собранных мною частью со слов отца, частью из других источников.

В двадцати верстах от Ясной Поляны, в селе Солосовке, жил милейший человек, недавно умерший, Александр Павлович Офросимов. Об этом типичном «форменном русском барине» я мог бы написать целую книгу. Изредка он «по соседству» наезжал навестить Льва Николаевича, которого глубоко уважал, но больше всего я с ним сблизился уже в зрелом возрасте, постоянно встречаясь в Туле. Его, как любителя цыган, описал отец в «Живом трупе», и ему принадлежит название «Похоронная», которое он дал одной из известных разухабистых цыганских песен. Как-то я из Тулы ехал в Ясную. Офросимов останавливает меня на лестнице гостиницы.

– Илюша, к отцу едешь?

– Да.

– Поезжай, поезжай. Да скажи ему: Лев Никола-

евич форменный поэт, Офросимов сказал, понимаешь, – форменный поэт.

– Хорошо, дядя Саша, скажу.

Вот этого дядю Сашу, как его звали все мои братья, я как-то спросил, как познакомился мой отец с Берсами.

– Это дружба старинная. Не с Берсами он сначала познакомился, и познакомился не твой отец, а твой дедушка, покойный Николай Ильич, с дедушкой твоей матушки, с покойным Александром Михайловичем Исленьевым. А как это было – я тебе расскажу.

Дядя Саша говорил с некоторой нарочитой хрипотой в голосе, как любили говорить многие старинные бары.

– Мой покойный батюшка, Павел Александрович Офросимов, подарил твоему дедушке, Николаю Ильичу Толстому, чёрно-пегого выжлеца. Николай Ильич поехал в засеку на выводок волков. Помкнули по-матёрому. Он, конечно, дал прямика вёрст на двадцать. Выжлец за ним и увязался и отбил-ся к усадьбе Александра Михайловича Исленьева в Красном, под Сергиевским. Вон куда махнул! Александр Михайлович видит – собака офросимовская и послал выжлеца с письмом в Солосовку к моему покойному отцу. Батюшка, Павел Александрович, посмотрел и пишет Александру Михайловичу: этот выжлец не мой, а подарил я его графу Николаю Ильичу. Вот с тех пор граф Николай Ильич и познакомился с Исленьевым. Через этого чёрно-пегого выжлеца – офросимовского...

Михаил АЛЕКСЕЕВ (1896–1981)

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА *(отрывок из книги)*

Ещё Данте в своём «Пире» говорил о невозможности безболезненного для художественных достоинств произведения перевода его на другой язык: «Пусть каждый знает, что ничто, заключённое в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести».

500 лет спустя сходную мысль высказал Шелли в своей «Защите поэзии»: «Язык поэтов всегда стремился к известному роду однообразному и гармоничному повторению звуков, без чего он не был бы поэзией, и что вряд ли менее необходимо для сообщения её влияния, чем самые слова, взятые вне отношения к этому особому порядку. Отсюда бесплодность всякого перевода; стремиться перелить создания поэта с одного языка на другой столь же разумно как бросить фиалку в тигель, с целью открыть основной источник её цвета и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени или оно не даст цветка, – в этом заключается тяжесть проклятия вавилонского смешения языков».

Такой взгляд находит в себе многочисленных сторонников и поныне. Например, Ю. Келлер,

стоящий на той же позиции, в работе своей «О границах искусства перевода» обосновывает её достаточно вескими доводами. Переводу, полагает он, поддаются только *логические основы суждения*; в выражении их этого соответствия достигнуть нельзя: вот почему, по его мнению, возможны и необходимы только переводы научных сочинений, но и то при условии специально-выработанной и строго установленной международной научной терминологии; всё же, что носит у нас название художественных переводов, является лишь более или менее удачной подделкой под невоспроизводимый оригинал.

Перевод, вообще говоря, был бы делом нетрудным, если бы различные языки представляли бы собою комплексы различных обозначений одного и того же содержания. Но в том-то и дело, что хотя перед всеми людьми и открывается один и тот же внешний мир, но в различных языках обозначение одних и тех же предметов различны не только по своей форме, но и по своему содержанию. Между внешней и внутренней формой слова существует теснейшая связь: именно об этом говорит и Шелли, предвосхищая выводы будущей лингвистики.

Интересно, что тонкое поэтическое чутьё помогло и русскому поэту А.А. Фету сделать аналогичное наблюдение и обосновать свою точку зрения на слово как на организм, и свою теорию различия будничного и поэтического языка задолго до того, как явления того же порядка констатировал А.А. Потебня в своей книге «Мысль и язык». В статье 1807 года Фет бросает между прочим следующее любопытное наблюдение: «при выражении будничных потребностей сказать ли: «Ich will nach der Stadt» или «Я хочу в город» математически одно и то же. Но в песне то обстоятельство, что die Stadt steht, а город городится – может обнажить целую бездну между этими двумя представлениями».

Если таким образом даже в одном и том же языке то же самое слово получает разную смысловую окраску в зависимости от цели той фразы, в которую оно вставлено, и от его ближайшего словесного окружения, то естественно, что смысловая окраска слова резко изменяется в переводе. Замените один

ряд звуков другим, и содержание слова изменится. «Если слово одного языка не покрывает слово другого, говорит по этому поводу А.А. Потебня, то тем менее могут покрывать друг друга комбинации слов, картины, чувства, возбуждаемые речью; роль их исчезает при переводе: остроты непереводаемы. Даже мысль, оторванная от связи с словесным выражением, не покрывает мысли подлинника».

У известного русского лексикографа и беллетриста В.И. Даля приведён любопытный анекдот, цель которого показать, что то, что невозможно высказать на одном языке, просто высказывается на другом: «Заезжий грек сидел у моря, что-то напевал про себя и потом слёзно заплакал. Случившийся при этом русский попросил перевести песню; грек перевёл: «Сидела птица, не знаю как её звать по-русски, сидела она на горе, долго сидела, махнула крылом, полетела далеко, далеко, через лес, далеко полетела»... И всё тут. По-русски не выходит ничего, а по гречески очень жалко».

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ (р. 1951)

БЭСТОЛОЧЬ (отрывок из рассказа)

Потом, как обычно, он ушёл на кухню. Она, как обычно, попросила его остаться и курить в комнате, но он, как обычно, не послушал её.

Когда через несколько минут она вслед за ним пришла на кухню, он сидел за столом на табуретке, прижавшись спиной к холодильнику и запрокинув голову.

– Галкин, дай мне, пожалуйста, сигарету. У меня, оказывается, пустая пачка, – попросил он, сидя с запрокинутой головой.

– Ты же знаешь, я не курю, – ответила она.

– Я знаю, что ты не куришь. Но я хочу курить.

– Ну и хоти себе на здоровье, – сказала она и пошла в комнату.

Она всегда держала в доме сигареты. Потому что обычно, когда он приходил к ней, он находил в кармане пустую пачку.

Вернувшись, она протянула ему сигареты и, устроившись за столом напротив, молча смотрела, как он курит.

– Галкин, ты не представляешь себе, как мне с тобой здорово! – сказал он, глядя не на неё, а в потолок, глубоко затягиваясь и выпуская дым через ноздри. – Галкин! Ты нездешняя женщина!.. С тобой ведь с ума сойти можно! – задумчиво произносил он в перерывах между затяжками.

– Поставить чайник? Чай будешь пить? – спросила она.

– Просто кошмар какой-то! – ответил он.

Повернувшись на табуретке, она зажгла газ, поставила на конфорку чайник, снова повернулась к столу, потом встала, подняла чайник, помотала им из стороны в сторону, налила в него воды из-под крана и поставила на огонь.

– Послушай, а твоя жена... Что ты ей теперь скажешь?

– Как обычно: был на ночном дежурстве.

– И она поверит?

– Не знаю... Скорее всего – нет, не поверит.

Она засмеялась.

– Или я ей скажу, что был у любовницы. И тогда она поверит, что я был на ночном дежурстве, – сказал он, оттолкнулся спиной от холодильника, посмотрел на неё и тоже засмеялся.

– Какая же ты... бэстолочь! – улыбаясь, сказала она.

Она его так часто называла, иногда через «э» обратное.

– Между прочим, она всё понимает, – улыбнулся он. – Она прекрасно понимает, что, если она вдруг станет пиявить меня вопросами, ей самой только будет хуже... И потом, она жалеет меня. Она очень добрый человек и всё понимает.

– Не понимаю, как ты можешь с ней жить. Ведь ты её совсем не любишь. Ты любишь меня.

– Очень люблю. В этом-то и кошмар!..

– Нет, Галкин, не поэтому, – погода возразил он, хотя она молчала. – Не из-за дочки... Она мне, между прочим, как-то пообещала, что Сашка всегда будет моей. Даже если я уйду... В любой момент, когда мне захочется, я могу видеться с девочкой, брать её к себе. Она сказала, что никогда не уподобится тем женщинам, которые считают себя в праве лишать детей хороших отцов только потому, что отцам надоело жить с матерями...

– Да, от меня ты детей не дождёшься.

– Ну сколько можно! – Лицо его болезненно скривилось. – Ты же знаешь, не из-за этого! Как тебе не стыдно!

– Стыдно. Стыдно. Но при всём моём желании и твоей любви к детям...

– Да замолчи ты! – закричал он на неё. – Причём здесь дети?! Чушь какая! Я же тебе объясняю!..

Он вдруг перестал кричать, и в наступившей тишине загудел закипавший чайник. Она встала ногами на табуретку и принялась поправлять шторы; они пребывали в полном порядке, плотно прилегая друг к другу, и все петельки были на крючках...

Николай ИВАНОВ (р. 1956)

ЗАЧИСТКА (отрывок из книги)

И сказал ей бородастый главарь, увитый по лбу зелёной лентой – тебе туда. И показал стволом автомата на горный склон – за ним ты найдёшь своего сына. Или то, что от него осталось.

Если дойдёшь, конечно.

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне мины. Надёжно устанавливал – для собственной же безопасности, туда-сюда, движение.

Разведка федеральных сил не прошла – откатилась, вынося раненых.

Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов, вырывались сюда на простор и на потеху Аллаху устраивали фейерверк на растяжках.

Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса.

Сын? Нет, сына её здесь нет. Но они слышали о пленном русском пограничнике, который отказался снять православный крестик. Зря отказался: через голову и не стали снимать, делов-то – отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой нательный крестик на белой шёлковой нитке, мгновенно пропитавшейся кровью. Гордого из себя строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном. Иди, мать, а то ночь скоро – в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдёшь. Никто не доходил.

Пошла.

Пошла по траве, выросшей на минах и среди тоненьких проводков, соединявших гранатоловушки. Вдоль кустарников, израненных осколками. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вынесенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитвой. Но она шла-торопилась к своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшему бандита. О, Господи, за что?

Ведь сама, прилюдно, надевала сыночку крестик на призывном пункте – чтобы оберегал. И видела ведь, видела, что стесняется друзей её Женька, пряча подарок глубоко под рубашку. Думала грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря.

Не снял...

А ей всё смотрели и смотрели вслед те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи. Три месяца она, ещё молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления, издевательства. Три месяца её секли холодные дожди, от которых в иные времена могла укрыться лишь собственными руками. По ней стреляли свои и чужие, потому что по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда: на всякий случай или просто ради потехи. Она пила росу с листьев и ела корешки трав. Она давно потеряла в болоте туфли и теперь шла по горным тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искала сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Невыспавшейся переходила от банды к банде, голодной – от аула к аулу, закоченевшей – от ущелья к ущелью. Знала одно: пока не найдёт своего Женьку, живого или мёртвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов.

«Господи, помоги. На коленях бы стояла – да идти надо. Глаза бы выплакала, да искать надо. Исто-во молюсь, ибо знаю – слабая молитва выше головы не поднимется. Помоги, Господи. Потом заведи всё, что пожелаешь: жизнь мою заведи, душу, разум – но сейчас помоги дойти и отыскать сыночка...»

– Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

– Живучая. Но здесь ещё никто не проходил.

Ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под её ногами земля и закончатся муки...

Виктор НЕКРАСОВ (1911–1987)

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОКЕАНА (отрывок из сборника)

Ну, а Париж? Лучший в мире город Париж? И мы в нём изгнанники? Что ж, живём, работаем, ворчим, боеем, боремся против несправедливости, ссоримся всё из-за той же истины, которую каждый из нас знает лучше другого. По-прежнему пьём, кто чаще, кто реже, женщины по-прежнему часами говорят по телефону, темы никогда не иссякают, ждут не дождутся очередных «сольд», магазинных скидок.

Ну, а автор этих строк?

Посмотрев недавно по парижскому телевидению все четыре серии бондарчуковской «Войны и мира» и тут же бросившись к первоисточнику, который читал взахлёб, будто в первый раз, я понял, что из всех толстовских героев я больше всего смахиваю на старика Болконского. Так же нетерпим, ворчлив

и раздражителен, жена считает, что и деспотичен. К тому же неожиданно выяснилась ещё одна весьма прискорбная для меня деталь – оказывается, всегда казавшийся мне глубоким стариком князь Болконский моложе меня. Да-да! Если считать, что он ровесник Кутузова, а это, очевидно, было так, то оба они умерли, не дожив до семидесяти, Кутузов – шестидесяти восьми лет... А я перешагнул этот рубеж. Всю жизнь считал себя мальчишкой, делил всех на молодых и взрослых, относя себя к первым, а тут вдруг оказался не только взрослым, но и весьма и весьма преклонного возраста.

И вот сидит сейчас под любимой своей сосенкой этот самый весьма преклонного возраста господин (в просторечии просто старик), следит

за пролетающими самолётами, за длинным белым следом, оставляемым ими высоко в небе, умиляется пчёлкой-мохнаткой, перелетающей с венчика на венчик таких красивых, весенних, вчера только появившихся крокусов, сидит, курит свой «Голуаз» и думает думу свою.

Бел-горюч камень. Сколько раз попадался он на его пути. Сворачивал то туда, то сюда, объезжал, ехал прямо. А в итоге – по правильному ли, как говаривал Владимир Ильич, по нужному ли пути направлял он коня своего? И туда ли, куда хотел, приехал он? Может, с тоской вспоминается какая-нибудь оставшаяся позади тропинка, соблазнительно манившая его? Или, напротив, большак, который разумно или неразумно объехал стороной?

Нет, всё сложилось так, как и должно было сложиться. Ни на что не сетую, ни на что не жалуясь.

Ну какое я имею право жаловаться, если, отрубив весь Сталинград от первого до последнего дня, остался жив? И дошёл до самой Польши, и вернулся в родной Киев, и обнял маму, которой тоже не так уж сладко было в годы оккупации, обнял, расцеловал её, маленькую, худенькую, склонившуюся над своей дымящей из всех щелей печуркой, и прожил с ней ещё двадцать пять лет! Подумать только – двадцать пять лет! Не всякому выпало такое счастье. А на меня вот свалилось.

И жили мы в Киеве. И в Москве, и в Ленинграде, и в любимом нашем Коктебеле, и в Ялте, и на озере Севан. И ездили по Волге, и в родном маминном Симбирске побывали («Но где же хорошавки,

самые вкусные в мире яблоки, что-то не вижу я их нигде...»), и поднимались на Мамаев курган в Сталинграде, и фотографировал я её на месте наших окопов, на фоне скромного обелиска, под которым покоятся кости бойцов нашей 284-й стрелковой дивизии. Не сосчитать, сколько их полегло. И нету больше этого обелиска, снесли и бульдозером прошлись. По могилам, по окопам. И стоит на их месте стометровая Родина-мать с мечом в руке, и кругом ступени, мрамор, гранит, нагромождение бронзовых мускулов, куда-то рвущихся и кричащих солдат. Мама этого не видела. И слава Богу...

И очень не хватает мне её сейчас. Как радовалась бы она, что мы живём с ней вместе в Париже. Она долго в нём жила и любила его. «Грязный, правда, везде бумажки, мусор, собачьи кучи, но, поверь мне, совсем этого не замечаешь...» – «Но почему, мама, ты ж у меня такая чистюля?» – «А потому, что люблю парижан. Всех без разбора. Даже апашей. С одним из них, представь себе, танцевала в каком-то кафешантане. Очень был красивый, черноглазый, с усиками, в красном шарфе и клетчатом кепи набекрень. Говорят, теперь их уже нет. Куда они девались?»

Да, исчезли апаши-воры, грабители и сутенёры маминой молодости, как исчезли фиакры, трамваи, газовые фонари, пелеринки полицейских. Теперь террористы, гангстеры, хиппи, панки. Боюсь, что мама и их полюбила бы, парижане всё же...

Но мамы нет. А Париж есть.

Владимир МАРЦИНКЕВИЧ (1951–2014)

НАДЕЖДА БЕТХОВЕНА (отрывок из рассказа)

Обе её подружки – Тамара и Надежда, женщины вполне рядовые по красоте, образованию и вовсе не избалованные мужским вниманием и тем более ухаживаниями, когда впервые услышали эти мысли мудрого француза в изложении Светланы, дружно вздохнули. Есть же на свете умные мужики! Жаль только, что он жил так давно и к тому же во Франции...

У Тамары муж был горький-прегорький пьяница. Она жила с ним и мучалась, несла супруга как крест на Голгофу. А Надежда уже двадцать лет как развелась, и развелась только потому, что однажды просто поняла, что вовсе не любит своего супруга. Больше никого не встретила, да так и осталась одна-одинешенька.

На даче Светланы они собрались не столько чтобы собирать остатки урожая, сколько просто убежать от домашнего одиночества, хотя у каждой оно было своё. А музыка Бетховена неслась из дешёвого китайского приёмника. Передавали концерт по заявкам.

Когда последние аккорды сонаты стихли, Светлана, которая в детстве ещё училась и музыке, задумчиво, как бы сама себе, сказала:

– «Лунная соната» или «Соната квази уна

фантазия», соната №14, сочинение 27, до-диез минор, адажио sostenuto... Когда-то я тоже это играла. Боже, неужели это, правда, было? Эти гаммы, ноты... Зачем? Сколько молодости было потрачено, а зачем? Чтобы сейчас слушать, как играют другие, и воображать себя знатоком?..

Тамара, проработавшая всю жизнь продавщицей и никогда не слышавшая таких слов, как «сибемоль минор» и «адажио sostenuto», с завистью спросила:

– И что, ты в самом деле вот так же играла?

Светлана взглянула на неё и снисходительно улыбнулась:

– Не так, конечно, но меня тоже хвалили... Я ещё совсем маленькая была, все дети как дети, а мои папа с мамой решили, что я вундеркинд, Бетховен в юбке, ну и упражнялись со мной. Папа мой покойный очень любил Бетховена, все уши мне им прожужжал. Чуть какие гости к нам придут, он сразу начинал всем про Бетховена рассказывать. Я не знаю, он, наверное, всё о нём знал. Ну, уж во всяком случае больше чем сам Бетховен. Бывало, рассказывает, а сам на меня смотрит, как же, надежда всей семьи...

Подруги внимательно смотрели на Светлану и

так же внимательно слушали, а когда появился промежуток между фразами, Тамара вставила со вздохом и своё словечко:

– А я папашу своего только пьяного и помню. Как напьётся, бывало, заведёт патефон и ставит свою любимую песню: «Ой, ты, белая берёза, ветра нет, а ты шумишь...» Это значит, бежать из дома надо куда глаза глядят. Буйный был родитель, прости Господи! А ещё, помню, мы всё время картошку чалили, то сажали, то окучивали, то копали. Просто прорва этой картошки была, на базаре продавали, на это и жили. Я тогда пианино-то и в глаза не видела...

Светлана всё так же снисходительно выслушала подругу, достала пачку сигарет, закурила и, выпуская дым кольцами, снова вернулась к своему детству.

– Нет, я не знала, что такое картошка, этим всё как-то занимались папа, мама, бабушка. Обходились без меня. А у меня была музыка. Даже мой первый мальчик был из музыкальной школы. Он учился по классу скрипки, сейчас в симфоническом

оркестре играет. Жена у него – такая стерва, между прочим...

Светлана затянулась сигаретным дымом, опять выпустила его кольцами и продолжила:

– Он тогда ходил на занятия в очках, в белой рубашечке, галстук-бабочка, волосы чёрные, курчавые, и весь очень серьёзный. Скрипку очень хорошо чувствовал. Гением он тоже, правда, не стал, но скрипка для него всегда была важнее всего. Я ждала, что когда-нибудь он посмотрит на меня, но он не посмотрел...

Тут настала очередь и Надежде молвить словечко. Она с самой школы работала на автозаводе контролером ОТК и поэтому всех людей сравнивала с автомобилями. Одни люди были как трудяги-грузовики, вечно нагруженные чем-то. Другие были важными, как начальнические «Волги», были бедолаги, похожие на несуразные «Москвичи», а кто-то словно роскошный «Мерседес», всю жизнь только и сиял на всех ослепительной чернотой. Она, правда, никогда никому об этом не говорила, но думать всё-таки думала...

Сергей ПЕТРОВ (р. 1951)

ЕЩЁ РАЗ ОБ УЛЬЯНОВСКЕ (отрывок из интервью)

Наш Симбирск был и остаётся (после введения каналов) городом пяти морей. Отсюда можно поплыть и на север, и на юг, и беспрепятственно выйти в Мировой океан. На наш высокий берег запросто приплывали персы, арабы, индийцы. Наши места притягивали средневековых путешественников. Кстати, наши речники разрабатывают маршруты, при которых мы сможем вернуть Ульяновску звание города «пяти морей». Скоро по Волге начнут ходить иностранные суда. «Все флаги в гости будут к нам».

Симбирск был основан в 1648 году, в ту пору он был восточным форпостом тогда ещё молодого государства. Надо знать, что именно по нашему краю прошла засечная черта, которая по протяжённости может соревноваться с Великой Китайской стеной. До сих пор во многих районах нашей области встречаются фрагменты валов этой засечной черты.

Город находится между двух рек: Волгой и Свягой.

Интересна, на мой взгляд, и планировка города. Я ратую за то, чтобы она была сохранена.

Ульяновск отличается тем, что на его территории находится Государственный историко-мемориальный заповедник. Уникальность его и в том, что он расположился в центре города. В Поволжье нет ничего подобного. Заповедник бурно развивается, в нём уже 12 музеев, часть из них были созданы за последние годы.

Я разработал и предлагаю доктрину симбирско-центризма. Считаю, что все события, которые происходили в России с середины 17-го века, прямо или

косвенно связаны с нашим городом. Соседние города покорялись, а Симбирск – нет, за это был жалован царями. Симбирск называли «дворянином на Волге». Из дворян вышли известные политические деятели, литераторы (Карамзин, Дмитриев, братья Языковы, Тургенев и его сыновья). Не было политического движения, в котором начиная с 17-го века симбиряне не принимали бы участия. Войны Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Движения старообрядцев, масонов, Радищев, декабристы, народники, петрашевцы, революционные демократы. На Симбирской земле жили Огарёв, Ленин и Керенский. В XX веке три премьер-министра страны были выходцами из Симбирска: Протопопов, Керенский и Ленин.

В годы Гражданской войны Симбирск был ключевым городом на Восточном фронте. Наш кадетский корпус ушёл к белогвардейцам.

Наш город – настоящее литературное гнездо. Один Гончаров чего стоит. В городе много посвящённых ему памятных мест. На территории города пока ещё сохранилась уникальная Винновская роща, где стоит описанная в «Обрыве» беседка. Темой разговора может быть Владимир Даль и Симбирск, Аксаков и Симбирск. Особая тема – Пушкин в Симбирске.

Если взять историю знаменитых театров, то стоит вспомнить, что основой Малого театра была крепостная труппа симбирского театра Алексея Емельяновича Столыпина. Первой картиной, которую купил Павел Третьяков, была картина симбирского художника Василия Худякова «Стычка с финляндскими контрабандистами». Если продолжать

тему живописи, назову Аркадия Пластова: его картина «Фашист пролетел» вывозилась на Тегеранскую конференцию, где произвела огромное впечатление. Первый русский фильм был снят по мотивам стихотворения нашего поэта Дмитрия Садовникова «Из-за острова на стрежень».

На стихи симбирских поэтов написаны многие известные в народе песни. Например, «Запрягу я тройку борзых» написана отцом артистки Ольги Садовской – Лазаревым. Он был крепостным княгини Урусовой, которого она отпустила на волю, он уехал в Москву и пришёл в Большой театр. Известная песня «По Дону гуляет» написана на стихи симбирянина Дмитрия Ознобишина. Авторы широко известных «Из-за острова на стрежень» – наш Садовников, «Нелюдимо наше море» – это Языков. Композитор Варламов Александр Владимирович – один из основателей джаза – написал романс «Уходит вечер», который прозвучал в фильме «В круге первом», снятом по роману А.И. Солженицына,

который, кстати, в молодости бывал в Симбирске, посещал ленинские места.

Если обратиться к сфере науки, то уроженцы Симбирска оставили свой след во всех отраслях. Пулковскую обсерваторию долго возглавлял уроженец Симбирска Владимир Алексеевич Крат. В Москве есть Палеонтологический музей имени академика Орлова – нашего уроженца. Редкий знаменитый музей. В Ульяновске жил известный учёный Александр Александрович Любищев. Из нашего города вышел известный охотовед А.С. Богданов. В Ульяновске проходят международные конгрессы палеонтологов. Это не случайно: ведь до сих пор у нас находят останки динозавров.

Если вы меня не остановите, наш «путеводитель» ещё долго не кончится. Пожелаю гостям Ульяновска времени на то, чтобы успеть осмотреть наш город и успеть полюбить его так, как любим его мы – симбиряне.

Борис ДЕДЮХИН (1931–2005)

ТЯЖЁЛЫЙ КРУГ (отрывок из романа)

Пахло лекарствами и хлороформом, спиртом и эфиром, но резче, отличимее всего – кипячёным бельём, прямо как в прачечной пахло. Саша снова и снова терял сознание, бредил. Длинных и внятных слов не произносил, только выдыхал горячечно односложные вопросы. Они относились всего-навсего лишь к воню от кипящего в биксах тряпья: врачебных халатов, салфеток да бинтов, но этого никто не знал, никому и в голову не могло прийти, что его такой пустяк заботит.

Главный хирург, когда отец спросил его, какво вообще у Саши состояние, ответил не сразу, словно бы даже прикидывал, стоит ли отвечать. Покопавшись взглядом на сидевшую у дверей заплаканную Сашину мать, решился:

– Тяжёлое... Только вам, отцу, говорю это.

Когда внесли Сашу в приёмный покой, сразу же пошло шепотком:

– Неоперабельный... – То же, как тяжёлый да летальный исход, сугубо медицинское понятие.

Родителям даже и проститься с сыном не позволили и на свидание с ним не допускали больше недели. Мать поселилась у старых своих знакомых в Пятигорске вблизи больницы, в которую привезли Сашу, а отец съездил на один день домой – в дальнее степное село, чтобы договориться с начальством о своём вынужденном неурочном отпуске, и тоже томился все эти дни неизвестностью, успокаивал как мог обмиравшую от горя жену да безуспешно пытался проникнуть в палату к сыну или хоть что-то выведать о его состоянии от медицинского персонала.

Сам Саша мог воскресить в памяти из всего минувшего за неделю очень немногое и несвязное, обрывочное.

Яснее всего вспоминалось, как вдруг перевер-

нулась белая чаша небосвода вверх дном и как грохнулся он на то дно. Перед самыми глазами оказалась одна только сухая, с переломленным стеблем бустылинка. Она раскачивалась, будто пыталась собраться с силами и распрямиться. Саша потянулся, чтобы помочь ей, но это только показалось ему – потянулся: рука даже и не ворохнулась. Он пытался сообразить, как всё-таки исхитриться и выручить несчастную бустылину, но большущий кирзовый сапог вовсе прихлопнул её.

– Встать можешь? – спросил отец.

– Конечно! – Думал, что ответил, а на самом деле и не пошевелил окоченевшими губами полукрытого рта.

– Осторожно, осторожно несите! – опять отец.

«Несите»? Значит, его подняли на руки. Кто? Сам отец – раз. Конюх – два. А ещё кто же? Больше вроде некому... Но ведь – «несите», «те»? Стало быть, по крайней мере, ещё двое, кроме отца... Но кто? Вопрос этот представлялся ему очень важным до того, как он ушёл в небытие на несколько часов. Что прошло несколько часов, он догадался по солнцу – оно стало розовым, каким бывает всегда в степи зимой перед закатом. И той переломленной бустылины уже не было – он увидел сейчас старое орлиное гнездо, которое запомнил ещё с весны, сейчас отметил про себя: «Это далеко от *того* места и Возле самой дороги». Хотелось убедиться, верно ли догадался: в гнезде должны быть клочья овечьей и верблюжьей шерсти, стреляная и обесцветившаяся от дождей бумажная охотничья гильза двенадцатого калибра, смятая пачка «Беломорканала», старая уздечка – в степи со строительными материалами туго, и орлы сооружают свой дом из всего, что на глаза попадет и что им под силу унести.

Саша силился приподнять голову, чтобы заглянуть внутрь огромного, в два обхвата, гнезда, и это желание было последним, что запомнилось ему из всего происшедшего тогда в степи.

Снова пришёл в сознание уже в машине. Мотор урчал мягко, без натуги. Хотя скорость, чувствовалось, была большая. В чём, в чём, но в скоростях

Саша толк понимал.

Клаксон сирены играл почти непрерывно, как-то весело и музыкально. Но в плавном укачивании таилась неясная опасность, коварно манящая забытьём, глухим покоем. И Саша собирал всю волю, все оставшиеся силы, чтобы противиться этому забытью...

Николай СОКОЛОВСКИЙ (1836–1911)

ЭПИЗОД ИЗ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ *(отрывок из рассказа)*

Девять часов майского вечера; весь городской букет вышел на «венце» – так зовётся нагорный берег Волги, – подышать воздухом, посплетничать.

Действительно, на «венце» дышать есть чем, есть чем отсюда и любоваться: Волга разлилась вёрст на пятнадцать, очертания противоположного берега едва заметны невооружённым глазом; в воздухе не шелохнёт, на небе ни облака; на островах, не захваченных громадной полосой переливающегося по реке месячного света, мелькают огни; из садов, точно покрытых только что выпавшим снегом (яблоки, черёмуха, вишня цветут), несутся ароматные волны; местах в двадцати заливаются во всю мочь соловьи, где-то высоко слышится журавлиный крик.

На том же «венце» стоит угрюмое острожное здание. Все окна в нём настезь; в каждом четырёхугольнике железной решётки виднеются стриженные головы арестантов; в некоторых окнах эти головы расположены в два и три яруса.

Полный сноп месячных лучей и волны ароматов, врывающиеся порой через железные решётки в промозглую острожную атмосферу, странно действуют на нервы несчастной острожной братии: обыкновенно в это-то время и расходится во всю ширь каторжная жизнь, теперь же в большинстве камер царит мёртвая тишина. Уже одна эта, не совсем обыкновенная тишина говорит, что едва ли в чьей другой душе майский вечер со всеми его благодатями будит столько воспоминаний, несбыточных надежд и стремлений, как в душах замуравленного человека.

Войдите в любую камеру, и вы уловите несколько *живых картин*, несколько групп, остановившихся, так сказать, застывших на последнем движении; взгляните в выражения острожных лиц, они говорят одно – что для этих людей не существует в настоящую минуту окружающего, они оторвались от действительности, ушли в самих себя, в свои любимые грёзы и мечты; все они далеко от мрачных стен, решёток и цепей...

Закинув руки за бритую голову, неподвижно лежит на нарах недавно пойманный татарин Арзанкулов. Такая же ночь грезится дикому степняку; около реки чуть теплится костёр; вокруг храпят человек десять ребят, тут же растянулись сторожевые

псы; стреноженные лошади разбрелись по всему полю; одна из лучших кобылиц отбилась дальше от табуна и костра. Неслышно, как змея, ползёт Арзанкулов в высокой траве к намеченной добыче; собаки не чуют приближения врага. Судорожно стиснула мускулистая рука вора рукоять топора... Свистнул аркан...

«Гайда!»

Собаки бросились на крик, за ними кинулись пастухи, но поздно: припав к шее похищенного коня, далеко уже мчится дикарь по беспредельной степи...

Шагах в пяти от Арзанкулова, прислонясь к косяку, стоит высокий, лет двадцати шести арестант. Манера держать себя, тонкие, правильные черты лица высокого арестанта говорят, что не из здешних он, что божий люд, втиснутый в острожную могилу, не родня ему. Чуждые для всего остального люда картины грезятся высокому арестанту в этот поздний час: ему припомнился тёмный сад, женщина, вся в белом, последние слова любви и прощанья, клятвы победить или умереть за «ойтчизну». Ему припомнились непроходимые леса дорогой родины, боевые схватки с врагами; торжественные звуки гимнов, вопля пощады и смерти, крики торжества и победы. Широко раздуваются тонкие ноздри высокого арестанта, в чёрных глазах его засветился лихорадочный огонь... О! в этот миг он, не задумавшись, отдал бы жизнь, вынес бы все муки, чтобы только вырваться из могилы, ещё раз взглянуть на любимую женщину, лицом к лицу встретиться с врагом.

Тут же, на нарах, сидят два арестанта, перед ними карты, медяки, но хлынувшая вместе с соловьиной песней волна весеннего воздуха заставила забыть их любимое занятие. Вечно подвижное, нахальное лицо записного мазурика Васьки-Кота приняло несвойственное ему, какое-то болезненно-сосредоточенное выражение, буйная голова его партнёра, в душегубстве попавшегося мешанина Рогожникова, низко опустилась на грудь. Со всеми линиями, красками и штрихами пришла на память душегубцу такая же светлая, благодатная ночь, пасека, полногрудая женщина, убаюкивающая на крыльце ребёнка, тихая песня этой женщины, звонкий смех сынишки, бегущего навстречу душегубцу...

Михаил МАНДЕЛЬШТАМ (1866–1939)

ЗАПИСКИ ЗАЩИТНИКА (отрывок из книги)

В 1886 году я был арестован, оторван от своих товарищей по работе, которые вместе со мной переживали тогда переход от народофильской идеологии к марксистской, и выслан на родину в Казань. Здесь я начал пристально изучать политическую экономию и Маркса. Учась сам, я учил других и образцовал целый ряд кружков, в которых читал доклады по учению Маркса. Вскоре я был опять арестован и на два года выслан в Симбирск, а по отбытии опять вернулся в Казань. И в Казани, и в Симбирске всё время я работал в кружках, пропагандируя марксизм. Тогда же я выпустил одну из первых книг по боевому марксизму: «Интеллигенция как категория капиталистического строя».

В числе слушателей моих лекций был Ленин, тогда ещё совсем молодой человек. Много позднее, в Швейцарии, он рассказывал Радеку (а Радек потом напечатал) историю первого знакомства своего с Марксом: «Там в первый раз он (Ленин) услышал о Марксе. Читал доклад студент Мандельштам, будущий кадет, и развивал в докладе взгляды «Освобождения труда». Доклад был очень мутный, но всё-таки, как сквозь туман, Ильич увидел в нём мощную революционную теорию. Он добыл первый том «Капитала», который открыл ему новый мир».

Из слов К. Радека видно, что уже тогда, почти столетия тому назад, я развивал идеи «Освобождения труда» и, во-вторых, что, при всей «мутности» моих лекций, именно они впервые натолкнули Ленина на изучение Маркса. Полагаю, что это не так плохо и что даже если бы это было единственным результатом моей работы, то моя политическая жизнь была бы оправдана.

Другой мой слушатель, ныне уже старый большевик Стопани, так отзывался о тех же лекциях: «Первый ценный урок из кладеза марксизма большинство нашей группы молодых студентов получили от обладавшего достаточной по тому времени марксистской эрудицией присяжного поверенного М.Л. Мандельштама (потом левый кадет в Москве)».

Сопоставляя эти отзывы, я думаю, что Ленин был прав, находя мои лекции «мутными». Не говоря уже о том, что в то время русский марксизм был в зародыше, на моём марксизме не могла не отразиться ещё идеология «Народной Воли». Наше

поколение было на рубеже. Мы не имели ни программы, ни руководителей, ни даже литературы. Мы должны были быть собственными отцами, сами прокладывая себе путь.

Сознаюсь: мой марксизм был и остаётся, пожалуй, до сих пор «мутным». Учение, воспринятое в юности, входит не только в сознание, но и в психику человека, и часто соскрести его можно только с самой жизнью. Мой марксизм был не только «мутным», но до известной степени и оппортунистическим, что объясняется полным отсутствием тогда сознательного рабочего движения. Бытие же родит сознание.

Я был «мутным» марксистом, был марксистом оппортунистическим, но зато никогда не был вульгарным марксистом, готовым, например, дуэль Онегина с Ленским объяснить борьбой крупного землевладения с мелким.

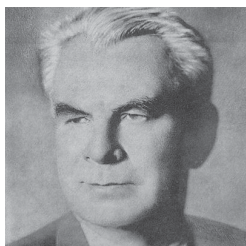
Я понимаю, что не Николай создал революцию, но я понимаю также, что личность царя содействовала её ускорению и могла бросить в оппозицию неустойчивые элементы правящего класса. Вот почему в своей речи в защиту Каляева я выдвинул один из сопутствующих моментов: невозможность для безответственных лиц, каковыми являлись великие князья, занимать ответственные места. Ни «ската от марксизма к либерализму», ни «скудости аргументов» здесь нет. Здесь просто-напросто нет опрошённого, вульгаризированного марксизма, нет упрощения всех схем, нет отбрасывания усложняющих и индивидуализирующих моментов.

В 1903 году я, ввиду начавшегося оживления политической жизни, переехал в Москву. Здесь, немедленно по приезде, я был приглашён группой большевиков регулярно работать в легальном ежемесячном журнале «Правда», где вёл общественную хронику и участвовал в редакционных собраниях. На этих собраниях участвовали М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, И.И. Степанов-Скворцов и другие. Вскоре, вследствие расхождения с издателем, мы все вместе вышли из журнала.

Приблизительно через год после этого я разошёлся с большевиками как по вопросу о бойкоте Думы, так и по другим тактическим вопросам.

ИЮЛЬ 2021

1 июля – 120 лет со дня рождения поэта, переводчика **Владимира Александровича Луговского** (1.07.1901, г. Москва – 5.06.1957, г. Ялта Крымской обл.; похоронен в Москве). В 1930 году совершил поездку с писательской бригадой в Среднюю Азию;

был проездом на станциях Инза, Барыш, Базарный Сызган, Кузоватово. Автор книг стихов: «Сплохи» (1926), «Мускул» (1929), «Страдания моих друзей» (1930), «Европа» (1932), «Жизнь» (1933), «Дангара» (1935), «Каспийское море» (1936), «Новые стихи» (1941), «Солнцеворот» (1956) и др.

4 июля – 240 лет назад родился государственный деятель, мемуарист **Александр Христофорович Бенкендорф** (4.07.1781, г. Ревель, ныне Таллин, Эстония – 5.10.1844, пароход «Геркулес»; похоронен в замке Фалль, ныне Эстония). Дважды бывал в

Симбирске, в т. ч. в мае-июне 1803 года в составе секретной экспедиции генерала Е.М. Спренгтпортена. Автор записок о своих путешествиях, которые публиковались в журналах «Русский архив» (1865) и «Наше наследие» (2004). Написал также воспоминания об участии в военных действиях.

5 июля – 120 лет со дня рождения философа, публициста **Марка Борисовича Митина** (5.07.1901, г. Житомир Волынской губ, ныне Украины – 15.01.1987, г. Москва). Был в Ульяновске 22 мая 1979 года на Международной научной конференции; выступал

с докладом в Ленинском мемориале. Автор книг: «Гегель и теория материалистической диалектики» (1932), «За материалистическую биологическую науку» (1949), «Философия и современность» (1960), «В.И. Ленин и актуальные проблемы философии» (1971) и др.

6 июля – 45 лет назад родилась поэтесса **Елена Васильевна Токарчук** (6.07.1976, г. Уральск Казахской ССР – 9.06.2007, г. Ульяновск). С 1995 года жила в Ульяновске. Член Ульяновского отделения Российского союза профессиональных литераторов (1999). Автор поэтических сборников:

«У заплаканных зеркал» (1991), «Мистерия солнца» (2000), «Крылья моей души» (2004), «Трава рождения» (2006), «Иероглиф жизни» (2007), «Святорусье» (2007), «Я иду к тебе с улыбкой» (2009), «Дружить с крылатой мечтой» (2012) и др.

7 июля – 85-летний юбилей отмечает поэт, прозаик **Игорь Миронович Губерман** (р. 7.07.1936, г. Москва). Автор книг стихов и прозы: «Еврейские дацзыбао» (1978), «Прогулки вокруг барака» (1988), «Гарики на каждый день» (1992), «Иерусалимские гарики» (1994), «Пожилые записки» (1996), «Тюремные гарики» (1997), «Штрихи к портрету» (1999), «Гарики на каждый день» (2016) и др. Приезжал в Ульяновск 25 ноября 2019 года; провёл творческий вечер во Дворце культуры «Губернаторский». Живёт в Иерусалиме.

9 июля – 195 лет со дня рождения писателя, переводчика **Петра Дмитриевича Шестакова** (9.07.1826, д. Алферьево Мосальского у. Калужской губ. – 6.12.1889, г. Казань). В 1863–1883 гг. был попечителем Казанского учебного округа. Не раз бывал в Симбирске; в

1869 году, подыскивая кандидатуру на должность инспектора народных училищ Симбирской губ., сделал выбор в пользу И.Н. Ульянова. Автор сочинений: «Из воспоминаний педагога» (1862), «Мысли Н.М. Карамзина о воспитании» (1866), «Московский университет в 1840 году» (1886) и др.

10 июля – 205 лет назад родился государственный и военный деятель, мемуарист **Дмитрий Алексеевич Милютин** (10.07.1816, г. Москва, – 7.02.1912, пос. Симеиз Таврической губ., ныне Республики Крым). С 1861 года военный министр Российской империи. В начале сентября 1875-го побывал в Симбирске, посетил военную гимназию. Автор сочинений:

«Суворов как полководец» (1839), «Первые опыты военной статистики» (1848), «Старческие размышления о современном положении военного дела в России» (1909) и др.

14 июля – 90 лет со дня рождения философа, публициста **Константина Михайловича Долгова** (р. 14.07.1931, с. Большие Посёлки Карсунского р-на Средневолжского края, ныне Ульяновской обл.). Член Союза писателей России. Научный сотрудник

Института философии РАН. Доктор философских наук (1973), профессор. Автор сочинений: «Эссе о философии власти» (1986), «Политическое мировоззрение Пушкина» (1999), «Учение Достоевского о красоте» (2000), «Духовная культура Китая» (2011), «В поисках Бога и человека» (2014) и др.

15 июля – 145 лет назад родилась белорусская поэтесса, прозаик **Элоиза Степановна Пашкевич**, литературный псевдоним – Тётка (15.07.1876, поместье Пешчин, ныне Щучинского р-на Гродненской обл. – 18.02.1916, д. Старый Двор, там же). За

стихотворение «Соседи в неволе» цензура запретила выход сборника «Крест свободы» и брошюры «Возрождение белорусской письменности». Летом 1909 года под именем Мелания Бордун приезжала в г. Мелекес, где на постройке моста через Черемшан работал инженером её будущий муж.

15 июля – 75 лет со дня рождения журналиста, поэта-сатирика **Григория Матвеевича Медведовского** (15.07.1946, г. Рубцовск Алтайского края – 23.11.2015, г. Ульяновск). Член Союза российских писателей (1993). В 1990–2006 гг. работал редактором в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества им. С.Т. Аксакова. Автор книг: «Прививка на себе» (1992), «Гороскоп на год Собаки» (1994), «Лирика и сатира» (1996), «Сантехник человеческой души» (1997), «Смеяться только и осталось» (2004), «Да какой же я, к чёрту, сатирик?» (2010) и др.

сборника стихов: «Вьюга» (2003), «Рыжий вальс» (2005), «Свет росы» (2005), «Взгляд» (2008), «Зелёный шум» (2011), «Слышу птичьи голоса» (2015) и др. Была постоянным ведущим поэтической площадки традиционного Пушкинского праздника в с. Языково. Организатор межрегионального молодежного конкурса «Друзья по вдохновенью». Лауреат премии им. Н.Н. Благова (2015).

16 июля – 245 лет назад родился прозаик, поэт, драматург **Сергей Николаевич Глинка** (16.07.1776, д. Сутоки, ныне Духовщинского р-на Смоленской обл. – 17.04.1847, г. С.-Петербург). Его дочь и сын жили в Симбирске. Прадед симбирского критика и публициста А.С. Глинки-Волжского. Издавал журнал «Русский вестник» (1808–1820). Автор исторических пьес: «Наталья, боярская дочь» (1806), «Михаил, князь Черниговский» (1808), «Ольга Прекрасная» (1808); поэмы «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян» (1807) и др.

17 июля – 130 лет со дня рождения писателя, драматурга **Бориса Андреевича Лавренёва** (17.07.1891, г. Херсон – 7.01.1959, г. Москва). Член Союза писателей СССР. В 1919 и 1923 гг. по пути в Ташкент и обратно бывал проездом на станциях Инза, Барыш, Базарный Сызган и Кузоватово Симбирской губ. Автор романа «Крушение республики Итль» (1925); повестей: «Седьмой спутник» (1927), «Гравюра на дереве» (1928), «Стратегическая ошибка» (1934), «Большая земля» (1935); драм: «Дым» (1925), «Разлом» (1927), «За тех, кто в море!» (1945) и др.

18 июля – 125 лет назад родился поэт, переводчик **Дмитрий Сергеевич Усов** (18.07.1896, г. Москва – 29.04.1943, г. Ташкент Узбекской ССР). В 1918–1923 гг. преподавал историю литературы в Астрахани. В одном из писем сообщал, что был в Симбирске во время стоянки парохода. С 1923 года жил и работал в Москве. Автор сочинений: «Догадинская картинная галерея в Астрахани» (1919), «О значении этнографии и истории культуры для Астраханского края» (1922). Стихи, переводы, статьи и письма изданы в книге «Мы сведены почти на нет...» (2011).

19 июля – 65 лет со дня рождения поэтессы **Татьяны Александровны Эйхман** (19.07.1956, с. Поповка Майнского р-на Ульяновской обл. – 26.11.2020, г. Ульяновск; похоронена в Карсуне). Член Союза писателей России (2003). Работала врачом в Карсунской районной больнице. Руководила районным литературным объединением «Родники». Автор сборников стихов: «Вьюга» (2003), «Рыжий вальс» (2005), «Свет росы» (2005), «Взгляд» (2008), «Зелёный шум» (2011), «Слышу птичьи голоса» (2015) и др. Была постоянным ведущим поэтической площадки традиционного Пушкинского праздника в с. Языково. Организатор межрегионального молодежного конкурса «Друзья по вдохновенью». Лауреат премии им. Н.Н. Благова (2015).

21 июля – 110 лет назад родился астроном **Владимир Алексеевич Крат** (21.07.1911, г. Симбирск – 2.06.1983, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). До 12 лет жил в Симбирске. Работал в Пулковской обсерватории. Член-корреспондент Академии наук СССР (1972). Автор научных книг: «Проблемы равновесия тесных двойных звёзд» (1937), «Фигуры равновесия небесных тел» (1950); соавтор «Курса астрофизики и звёздной астрономии» (1951), пособий «Баллонная астрономия» (1972) и «Стратосферная астрономия» (1976).

24 июля – 120 лет со дня рождения актёра, мемуариста **Игоря Владимировича Ильинского** (24.07.1901, д. Пирогово Московской губ. – 13.01.1987, г. Москва). Приезжал в Ульяновск с писателем Л.А. Кассилем в феврале 1945 года: выступал на заводах, в военных училищах, госпиталях; посетил Дом-музей В.И. Ленина; участвовал в творческой встрече в редакции газеты «Ульяновская правда». Народный артист СССР (1949). Автор книг воспоминаний: «К мастерству!» (1960), «Сам о себе» (1961), «Со зрителем наедине» (1964).

24 июля – 120 лет со дня рождения актёра, мемуариста **Игоря Владимировича Ильинского** (24.07.1901, д. Пирогово Московской губ. – 13.01.1987, г. Москва). Приезжал в Ульяновск с писателем Л.А. Кассилем в феврале 1945 года: выступал на заводах, в военных училищах, госпиталях; посетил Дом-музей В.И. Ленина; участвовал в творческой встрече в редакции газеты «Ульяновская правда». Народный артист СССР (1949). Автор книг воспоминаний: «К мастерству!» (1960), «Сам о себе» (1961), «Со зрителем наедине» (1964).

24 июля – 120 лет со дня рождения актёра, мемуариста **Игоря Владимировича Ильинского** (24.07.1901, д. Пирогово Московской губ. – 13.01.1987, г. Москва). Приезжал в Ульяновск с писателем Л.А. Кассилем в феврале 1945 года: выступал на заводах, в военных училищах, госпиталях; посетил Дом-музей В.И. Ленина; участвовал в творческой встрече в редакции газеты «Ульяновская правда». Народный артист СССР (1949). Автор книг воспоминаний: «К мастерству!» (1960), «Сам о себе» (1961), «Со зрителем наедине» (1964).

24 июля – 120 лет со дня рождения актёра, мемуариста **Игоря Владимировича Ильинского** (24.07.1901, д. Пирогово Московской губ. – 13.01.1987, г. Москва). Приезжал в Ульяновск с писателем Л.А. Кассилем в феврале 1945 года: выступал на заводах, в военных училищах, госпиталях; посетил Дом-музей В.И. Ленина; участвовал в творческой встрече в редакции газеты «Ульяновская правда». Народный артист СССР (1949). Автор книг воспоминаний: «К мастерству!» (1960), «Сам о себе» (1961), «Со зрителем наедине» (1964).

27 июля – 135 лет назад родился чувашский прозаик, публицист **Даниил Александрович Демидов**, псевдоним – Юлташ (27.07.1886, с. Мусирмы, ныне Урмарского р-на Чувашии – 3.05.1928, г. Казань). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую

школу (1907). Первые статьи опубликовал в газете «Хыпар» (1906); за публикацию его очерка «Новая песня» цензура запретила распространять один из номеров. Сотрудничал также с газетой «Камско-Волжская речь». Автор рассказа «Древняя сказка». Активно писал в первые годы советской власти.

75 лет со дня рождения поэта **Дмитрия Дмитриевича Лескина** (1946, аул близ Ташкента, Узбекская ССР – не позже 1997, Старомайский р-н Ульяновской обл.; похоронен в Димитровграде). Писал стихи с 15 лет. С 1972 года жил в Димитровграде, работал в газете «Строитель». Входил в литературное объединение «Черемшан». Публиковался в альманахах «Черемшанские зори» и «День волжской поэзии», в журнале «Черемшан». Трагически погиб, убит бандитами в лесу. Посмертно издан поэтический сборник «Огненные кони» (1997).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ИЮЛЯ

Владимир ЛУГОВСКОЙ (1901–1957)

ГУСИ

Над необъятной Русью
С озёрами на дне
Заготовали гуси
В зелёной вышине.
Заря огнём холодным
Позолотила их.
Летят они свободно,
Как старый русский стих.
До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветёт ольха.
Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир.
То сказкою, то былью
Становится весь мир.
Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна.
Мильоны лет за ними
Стремилась к нам весна.
Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны – на север!
На север, как всегда.

ДОРОГА

Дорога идёт от широких мечей,
От сечи и плена Игорева,
От белых ночей, Малютиных палачей,
От этой тоски невыговоренной;
От белых поповен в поповском саду,
От смертного духа морозного,
От синих чертей, шевелящих в аду
Царя Иоанна Грозного;
От башен, запоров, и рвов, и кремлей,
От лика рублёвской троицы.

И нет ещё стран на зелёной земле,
Где мог бы я сыном пристроиться.
И глухо стучащее сердце моё
С рожденья в рабы ей продано.
Мне страшно назвать даже имя её –
Свирепое имя родины.

Елена ТОКАРЧУК (1976–2007)

ОТКРОЙ МЕНЯ

Открой меня – и ты откроешь те
Безбрежные, таинственные дали,
И птиц, царящих в синей высоте,
И сны, в каких живые не витали.

Открой меня – и ты откроешь ту
Страницу из картин, стихов и басен,
И тонкую любовную мечту,
И мысль о том, что бранный мир прекрасен!

Открой меня – и ты откроешь то
Светило, оживающее в луже,
И Время, проигравшее в лото,
И всё, что есть внутри, а не снаружи.

БАБОЧКА

Крылья твои – золото и медь.
Бабочка моя – моя краса.
Отчего ты можешь улететь
В синее пространство – в небеса?

Что тебе в подарок предложить –
Облако таланта, солнце дня?
Бабочка, мне так хотелось жить,
Что ж ты вылетаешь из меня?

Бабочку стараюсь я поймать,
Чтоб вдохнуть в неё свою любовь.
Так ещё ребёнка просит мать:
«Дай тебя укрою от ветров».

Что ж ты обеззвучиваешь жизнь,
Утомленьем, вылетом глуша?
Жду тебя, прошу тебя, вернись,
Бабочка моя – моя душа.

* * *

Душица. Плавное скольжение.
В скольжение чувствую беспечность.
Когда закончится движенье,
Времени не будет – будет Вечность.

Тогда великое паденье
Внутри миров моих свершится.
Но не исчезнет вдохновенье
И запах розовой душицы.

Игорь ГУБЕРМАН (р. 1936)

ГАРИКИ

Легко слова Эзопа эти
ко всем эпохам приложить:
«Хотя и плохо жить на свете,
но это лучше, чем не жить».

* * *

Вовлекаясь во множество дел,
Не мечись, как по джунглям ботаник,
Не горюй, что не всюду успел,
Может, ты опоздал на «Титаник».

* * *

В сердцах кому-нибудь грубя,
ужасно вероятно
однажды выйти из себя
и не войти обратно.

* * *

Хотя и сладостен азарт
по сразу двум идти дорогам,
нельзя одной колодой карт
играть и с дьяволом, и с Богом.

* * *

Не в силах жить я коллективно:
По воле тягостного рока
Мне с идиотами – противно,
А среди умных – одиноко.

* * *

Бывает – проснёшься, как птица,
крылатой пружиной на взводе,
и хочется жить и трудиться;
но к завтраку это проходит.

* * *

Есть в каждой нравственной системе
идея, общая для всех:
нельзя и с теми быть, и с теми,
не предавая тех и тех.

* * *

На собственном горбу и на чужом
я вынырнул понятие простое:
бессмысленно идти на танк с ножом,
но если очень хочется, то стоит.

* * *

Привычка думать головой –
одна из черт сугубо личных,
поскольку ум, как таковой,
у разных лиц – в местах различных.

* * *

Теперь я понимаю очень ясно,
и чувствую, и вижу очень зримо:
не важно, что мгновение прекрасно,
а важно, что оно неповторимо.

Элоиза ПАШКЕВИЧ (1876–1916)

СКРИПКА

То, что слову не даётся,
Пусть без слов расскажут звуки.
Взять мне скрипку остаётся,
Взять смычок и скрипку в руки.

До тех пор, пока до неба
Мчатся думы – наши крылья,
И душа в нас просит хлеба, –
Пусть я сердце в песне вылью!

Мой смычок, будь полон силы,
Будь ему послушна, скрипка!
Всё, что дорого и мило,
Я доверю песне зыбкой.

В скрипке громы раздаются,
Скрипка сердце рвёт на части.
Если струны не порвутся,
Я сыграю вам о счастье.

Пусть сольётся гул дубравы
С шумом поля золотистым.
Пусть коса тугие травы
Подсекает с лёгким свистом.

Я хочу сыграть на скрипке
То, что ночью в тёмной хате
Мать поёт, склонившись к зыбке,
Задремавшему дитяти.

Весь народ я обняла бы
Песней жаркой и свободной
И в алтарь передала бы
Золото души народной.

И у врат его открытых
Эта песня с новой силой
Поднимала бы забитых
И соседей веселила.

То звучала бы молитвой,
То проклятьями гремела
И звала народ на битву, –
Только б струны были целы!

Что ж, начну я. Струны туги.
Лёг на них смычок мой гибкий.
Вот уж к вам, друзья-подруги,
Первый звук летит со скрипки!

Перевёл Самуил Маршак

Григорий МЕДВЕДОВСКИЙ (1946–2015)

РЕТРО

Разговоры нередки
Напрямик, без прикрас:
Ах, как строили предки!
Так не строят сейчас.

Лишь ресницами хлопай
Да с восторгом глазей,
Как велик был Акрополь
И могуч Колизей.

Двое в автомобиле.
Нет им дела до нас...
Ах, как раньше любили!
Так не любят сейчас.

Пели белому свету,
Как им сладко двоим,
Посвящали сонеты
Ненаглядным своим.

Целый мир потрясали,
Дивным даром лучась...
Ах, как раньше писали!
Так не пишут сейчас.

...Правнук фото погладит,
Погрустнеет на миг:
Ах, каким был мой прадед...
Нынче нету таких!

ВОЗРАСТ ХРИСТА

У середины жизненной дороги
Мелькала мысль, заманчиво проста,
Что подведёшь немалые итоги,
Едва достигнешь возраста Христа.

Теперь они настали, эти годы...
Ну и чего добился ты, скажи!
И вот, ни в чём не сделавший погоды,
Ты сам отодвигаешь рубежи.

И у судьбы сегодняшней в опале,
Спасительно подумаешь в ночи,
Что в тридцать три Христа уже распяли,
Но Муромец лишь только встал с печи.

Сергей ГЛИНКА (1776–1847)

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Величественна тень восходит над Дунаем!
Дунай смутился, возшумел;
Как будто молнией и громом поражаем,
В волнах он бурных закипел.
От облаков взглянул Суворов!
Летит перун от быстрых взоров;
Слова его как гром гремят,
Брега дунайские дрожат,
И стены потряслись Синила;
Над ними исполинска сила,
Суворова над ними длань:

О, сколь ужасная воспламенится брань!
Суворов рёк Багратиону:
«Ступай! Враждебную в прах опрокинь препону;
Ступай, питомец мой!..» Героев вождь ступил,
И к Александровым стопам пал Измаил!
Он пал с смирением: в трепещущих стенах
Ни гром, ни страшный меч не поселили страх.
Он славою побед предтекших низложил;
Мечу, обвитому оливой, покорился!
Так торжествует росс и миром и войной!
Дунай! престань шуметь кипящею волной:
Пуускай внимают все, что к нам гласит судьбина!
«Суворов не исчез! жива Екатерина!»

1809

СОЛОВЕЙ

Милый, звонкий соловей!
Насладись весной своей!
Пой при ясности лазури.
Что до горя? что до бури?
Милый, звонкий соловей!
Быстро минут сорок дней!

Милый, звонкий соловей!
Ты поёшь! – журчит ручей,
И луна всё посребряет,
Где твой голос пробегает
Светлой, быстрою струёй;
Пой! ты отпоёшь с весной.

Милый, звонкий соловей!
Наживёшь когда детей,
Слух пленять ты позабудешь;
Хлопотать невольно будешь:
Не до песен уж тогда,
Как заботы у гнезда!

1829

Дмитрий УСОВ (1896–1943)

ФРАГМЕНТ

А небо, Господи – предвечный циферблат,
И солнце – точно часовая стрелка,
Которая часов считает долгий ряд.
И там секунды золотом горят,
Как звёзды, по небу рассыпанные мелко.

И этот сад – он только календарь,
Который нам поставил Вседержитель.
Написанный от век, он верен, как и встарь,
И в свой черёд покажет снег Январь,
И принесёт тепло Апрель-освободитель.

А сердце – это мой зашифрованный дневник,
И каждый день свою главу приводит.
Пусть молод я – в груди моей старик,
И, голову подняв от чертежей и книг,
Вещает мне, что всё, как день, проходит.

1913

* * *

Мне хочется молиться о весне,
О той весне, где небеса – иконы,
И где берёз расцветшие короны
И рясы ёлок спят в голубизне...

Где соловей приветствует рассвет
И образок с дороги глаз не сводит,
Где платье белое в сиянии проходит,
И где так свеж фиалковый букет...

И где Господь на срубленной сосне
Глядит в весну и, зяблика лаская,
Поёт духовный стих... О чём, не знаю,
Мне хочется молиться о весне.

1914

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Кто-то шепчет: закройте глаза.
Так тревожно в тягучем бессильи...
За окном наступает гроза –
Тёмный Ангел и белые крылья.

И от крыльев колышется гром.
Вот – захлопнулись окна со звоном.
Пламень белых зарниц серебром
Пробежал по заснувшим иконам.

И, закрывшись, не видят глаза,
Погружённые в сумрак багровый,
Как плывёт восковая слеза
По зажжённой свече четверговой...

1915

Татьяна ЭЙХМАН (1956–2020)

СКОРО КОНЧИТСЯ МЕТЕЛЬ

Не судьба – чертополосица,
Суета да канитель:
Моё сердце в город просится,
А за окнами – метель.
Моё сердце с красной латкою –
Да болит-болит-болит,
Если имя твоё краткое
Кто-то вдруг мне говорит...
Снег метёт пургой иглистою –
Не добраться до тебя,
Провода мелькают искрами,
Струны гулко теребя.
Но не всё зиме морозиться,
Засыпай в лесах, метель.
Скоро небо заморосится,
С крыш закапает капель,
Травы вспрянут яркой молодью,
Зазвенит горластый грай.
Жди меня в далёком городе!
Или лучше – приезжай!

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Мне до тебя никак не дотянуться
Полётом мысли, быстротой ума,
И к тайне грёз твоих не прикоснуться...
Ты – свет! Я – тьма...

Сопутствую несчастьям и успехам,
К тебе, к тебе и в чёрный день стремлюсь,
Всё тщетно! Я твоим не стану эхом:
Ты – смех! Я – грусть...

На кольцах лет запишутся случайно
Твой голос, мой, звучащий в унисон...
Но не встречались мы, так в чём же тайна?
Ты – явь! Я – сон...

Я никогда к тебе не стану ближе,
Хоть плыть сквозь шторм,
хоть мчаться, хоть лететь,
Уж горький пепел мне глазницы выжжет!
Ты – Жизнь! Я – Смерть...

Дмитрий ЛЕСКИН (1946–1997?)

* * *

Горит земля под облаками,
Осенним пламенем горит.
Хоть повторялось так веками,
А осень снова повторит.

Уйдут цветы с полян примятых,
По небу птицы поплывут...
И лес, вчера такой понятный,
Не все, наверное, поймут.

Войдут в него, как в храм старинный,
В котором изо всех углов
Доносится неповторимый
Тягучий звон колоколов.

Здесь каждый лист – явление чуда,
Здесь каждый шорох – волшебство.
И люди думают, откуда
К ним это запросто пришло:

И этот необъятный пламень,
И в небесах зовущий крик?
И люди чувствуют, что сами
Готовы вспыхнуть изнутри!

* * *

Я знаю – всё пройдет, уйдёт.
Закон у жизни прост.
С небес немало упадёт
Горячих, чистых звёзд.
Но не в мечтах, а наяву
(Прошу иметь в виду)
Я, хочешь, сердце подниму
На небо, как звезду?
И пусть оно из ночи в ночь
Сияет всем везде...
Но если станет вдруг невмочь,
Приди к моей звезде,
Приди, не бойся опоздать,
Надежду затая.
Меня не будет, но звезда –
Останется моя.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ИЮЛЯ

Александр БЕНКЕНДОРФ (1781–1844)

ВОСПОМИНАНИЯ. 1802–1837 (отрывок из мемуаров)

Я был счастлив вновь увидеть Москву, мою тётушку и особенно её хорошеньких горничных; мы с трудом представляли, где найти нашего старину генерала, который во время моей поездки в Петербург отправился в Кострому, чтобы жениться на своей красавице и приурочить это к нашим поездкам: мы решили, что если, представляя нас генерал-губернатору Москвы, он посмотрит направо, мы поедem в Кострому, а если он бросит взгляд налево, мы направим свой путь в Царицын, куда генерал хотел отправиться после свадьбы. К несчастью, он посмотрел налево, и мы вынуждены были проделать эти 1500 вёрст без всякой пользы.

Итак, мы отправились по дороге на Рязань и Тамбов и, прибыв в Царицын, не получив там даже известий от генерала, мы тотчас же вновь поехали назад, навстречу ему; встретили его около Нижнего Новгорода и остановились с ним в Симбирске, где он всецело предался своей любви и где мы очень много скучали.

Единственным развлечением, которое у нас было, была одна поездка к некоему очень богатому дворянину, чьё имя я забыл, который имел очень миленькую деревушку, фабрики, конный завод и который в течение трёх дней дал для нас три спектакля, чтобы нам продемонстрировать свою оперу, комедию и трагедию, не считая концертов, которыми он нас потчевал за ужином и обедом. Я хотел направить свои желания на его оперную примадонну, но бедная певица была наказана кнутом за то, что вняла мне, и я старательно избегал навлечь на неё вторичное наказание.

В первые дни июня мы покинули Симбирск и поехали в Саратов; этот город большей частью своих домов, своей промышленностью и своим богатством обязан немецким поселенцам, которые со времени императрицы Екатерины обустроились в провинции, в которой Саратов является главным городом. Эти поселенцы построили великое множество деревень, и они заметно процветают.

Мы вернулись, наконец, в Царицын, откуда отправились в Сарепту, маленький немецкий городок, построенный и населённый моравскими братьями, которые здесь соблюдают всю строгость своей секты, свои обычаи и даже одежду. Можно представить себе, какой эффект производит нахождение в этом маленьком немецком городке, где всё вас заставляет забыть, что вы находитесь в степи,

населённой калмыками, и на границе с Азией; всё здесь напоминает Германию, и можно даже получить удовольствие в одной отличной харчевне, с хорошим обслуживанием и хорошо снабжаемой питанием. Эти моравские братья, числом почти 600 душ обоёго пола, занимаются всякого рода ремёслами, которые обеспечивают это поселение благами жизни, создают основу богатства; кроме того, несколько фабрик, продукцию которых они с большой выгодой продают в саму страну, вплоть до Петербурга; они обрабатывают землю и приучают калмыков не только покупать зерно и табак, но также исподволь начинать свыкаться с мыслями о земледелии.

Несомненно, что промышленность, и особенно мудрое и благочестивое поведение этой общины, не окажут ощутимого влияния на бродяжнические нравы калмыков. Один из правителей этого народа пригласил нас посетить его стан, который в тот момент располагался в добрых ста верстах от Сарепты; он послал нам лошадей и заставил сменить их на полдороге. Мы проделали эти 100 вёрст верхом и почти что мчались во весь опор, хотя эти лошади не казались усталыми от скачки: почти невероятно, что они могут выносить, и особенно если к этому добавить то, что они целый год ищут себе пищу сами. Этот князь принял нас со всеми приличиями, которые в ходу у калмыков, что сводилось к предложению кумыса, разновидности чая, и добавляя к этому ещё и сухофрукты. Мы возвратились в Сарепту, умирая от голода и от усталости, но мы насладились видом трёх или четырёх сотен войлочных юрт или шатров, множеством верблюдов, лошадей и баранов.

Мы покинули наших моравских братьев, этих кротких и искусных немцев для того, чтобы посетить Дон – край беспокойных и воинственных казаков. Мы проехали эти 70 или 80 вёрст, отделявших Волгу от Дона, которые Сулейман II и Пётр I хотели соединить одним каналом, и где видны ещё следы работ, начатых этими двумя великими людьми. Государь, который осуществит этот великий проект, сделает больше для процветания и обогащения России, чем те, кто прибавляет провинции к своей бескрайней территории. Он даст возможность вывозить в Чёрное море продукцию наиболее плодородных частей России и соединит Каспийское море с морями Европы.

Марк МИТИН (1901–1987)

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ (отрывок из книги)

Теперь перейдём к Бухарину. В своей брошюре «Ленин как марксист» Бухарин также ставит вопрос о диалектическом материализме в работах Ленина. Подходит он к этой проблеме следующим образом: он различает в марксизме две вещи: во-первых, сумму идей, положений, теоретических взглядов и т. д., во-вторых, *метод* марксизма, его методологию, с помощью которых эта сумма идей, взглядов, теоретических положений добыта, с помощью которой *проанализирована* определённая историческая эпоха и т. п.

И вот в этой связи он пишет: «Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собой разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизирующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самим Марксом и Энгельсом». Итак, с точки зрения Бухарина, ленинизм по своей методологии есть полный возврат, и *только возврат*, к марксизму, сформулированному самими Марксом и Энгельсом. В этом отношении нет никакого *дальнейшего развития*, никакого дальнейшего углубления и конкретизации марксовского учения. Таким образом мы видим, что в этом вопросе мы имеем трогательное единство взглядов у Рязанова, Троцкого, Зиновьева, Преображенского, Бухарина, Деборина, Карева и т. д.

В противовес всем неправильным установкам в этом вопросе мы имеем установку и решение этой проблемы, данные Сталиным ещё в 1924 году в его «Основах ленинизма». Он писал по интересующему нас вопросу: «То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своём критическим и революционным». Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и

конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики».

Здесь даны единственно правильные постановки и решение вопроса о ленинизме в философии. Работы Ленина по вопросам диалектического материализма, гениальное применение им материалистической диалектики представляют собой не только возврат (после всех извращений и отступлений от диалектического материализма, которые мы имели в эпоху II Интернационала) к *диалектическому материализму*. Ленинизм в философии представляет собой не только возврат, но и дальнейшее развитие и конкретизацию диалектического материализма. Ленинизм в философии представляет собою новый, высший этап в развитии философии марксизма.

Ясно и понятно должно быть для всех, что такая постановка вопроса ни в коей мере не может означать какого бы то ни было «противопоставления» ленинизма марксизму или какого бы то ни было непонимания или недооценки наследства Маркса и Энгельса. Наоборот, если действительно быть верным духу марксизма, а не его букве, если правильно понимать соотношение между методом и мировоззрением, между теорией и практикой, если понимать, что марксизм – не застывшая догма, а живое развивающееся учение, то возможен только тот ответ, который дан Сталиным по вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма. Постановка вопроса о методе диалектического материализма, данная Преображенским, Бухариным, взгляды которых исходят из того, что в области содержания марксизма, богатства его идей может быть крупное движение вперёд, но в области методологии марксизма никакого движения вперёд и углубления быть не может, базируются на полном непонимании соотношения метода марксизма и других его составных частей, на непонимании по существу, если шире поставить вопрос, соотношения между теорией и практикой, на непонимании самого метода диалектического материализма.

Пётр ШЕСТАКОВ (1826–1889)

СООБРАЖЕНИЯ О СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ИНОРОДЦЕВ (отрывок из книги)

К Казанскому учебному округу принадлежат 11 губерний: Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская, Пензенская, Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская. Рассматривая в этнографическом отношении отдельно каждую из этих губерний, мы можем представить карту населения каждой губернии

иноподчскими племенами в следующем виде.

Волга и нижняя часть впадающей в неё Оки разделяет Нижегородскую губернию в отношении этнографическом на две резко различающиеся половины: северную, совершенно свободную от инородцев, за исключением одной Заветлужской (Макарьевского уезда) группы черемисского

населения, лежащей на северо-востоке, и южную, в которой только западная окраина свободна от инородцев, вся же середина и восточная окраина губернии (уезды Нижегородский, Княгининский, Арзамасский, Ардатовский, Лукояновский, Васильский и Сергачский) наполнены большими группами мордвы, несколькими группами татар и двумя группами черемис.

В Казанской губернии все уезды населены инородцами. Северо-западная часть преимущественно черемисская, западная и юго-западная преимущественно чувашская, северо-восточная и восточная преимущественно татарская, на юго-восток и на юг есть татары, чувашаи и мордва. В Казанском и Мамадышском уездах живут татары, черемисы и вотяки, в Свияжском – татары и чувашаи, в Чебоксарском – татары, чувашаи и черемисы, в Козмодемьянском – чувашаи и черемисы, в Царёвококшайском – татары и черемисы, в Цивильском – татары, чувашаи и мещеряки, в Тетюшском, Чистопольском и Спаском – татары, чувашаи и мордва, в Ядринском – чувашаи, в Лаишевском – татары.

Если от губернского города Симбирска провести совершенно прямую черту на запад, до западной границы Симбирской губернии, то эта черта разделит инородческую северную половину губернии от южной, населённой более русскими. В южной половине инородцы рассеяны между многочисленным русским населением. В северной, напротив, инородческое население встречаем мы целыми группами. В северо-западном и северо-восточном углу Симбирской губернии, в уездах Курмышском и Буинском, по преимуществу сосредоточиваются чувашаи, рассеянно живущие по всей губернии, за исключением Алатырского и Ардатовского уездов. В северной части Симбирского уезда, между реками

Свиягою и Волгою, преобладает мордва, которая живёт и на западе губернии по левому берегу реки Суры в уездах Ардатовском, Алатырском и отчасти в Карсунском, в прочих уездах, исключая Сенгилеевский, число их незначительно. В юго-западной части Буинского уезда находим группу татарского населения, в прочих уездах, за исключением Алатырского, где их нет, они не составляют значительного сплошного населения, хотя местами встречаются огромные татарские сёла.

Если принять реку Самару за предельную черту, отделяющую северную половину губернии от южной, то этнографическая карта Самарской губернии представит нам в северной половине большие группы инородческих племён мордвы, чуваш, башкир, татар и небольшое число вотяков, – сливающиеся в сплошную массу на северо-западе; в южной же половине губернии мы встречаем лишь две довольно большие группы башкир, две группы татар-магометан, две незначительные группы мордвы и несколько отдельных разбросанных русско-мордовских и других селений.

Прямая линия, соединяющая Балашов с Вольском, разделит Саратовскую губернию на северную часть, в которой есть инородцы и преимущественно на северо-востоке, и южную, в которой инородцев почти нет, за исключением немецких колоний, занимающих плодородную полосу правого берега Волги между Саратовом и Камышиным. В Саратовской губернии, в уездах Аткарском, Камышинском и Царицынском, инородцев нет; в уездах Кузнецком, Хвалынском, Петровском и Вольском живут мордва, татары и чувашаи; в уезде Саратовском – мордва; в Балашовском – мордва и мещера, в Сердобском – мещера, в одном селении Царицынского уезда – калмыки...

Дмитрий МИЛЮТИН (1816–1912)

ДНЕВНИК. 1873–1882 (отрывок из мемуаров)

1874 год. 14 июля. Воскресенье. В пятницу утром эрцгерцог Альбрехт прислал спросить, застанет ли он меня дома вечером, по возвращении из Кронштадта. Само собою разумеется, я ответил, что приеду к нему, и в десятом часу вечера явился в Зимний дворец. Эрцгерцог принял необыкновенно любезно, продержал часа два, и тут мы перебрали всевозможные вопросы по военной части. Я мог убедиться по его дельным замечаниям, что он основательно знаком с современными вопросами нашей военной администрации; вообще он отзывался очень лестно об успехах, замечаемых в нашей армии сравнительно с прежним временем, когда он был в первый раз в России (в 1839 году). Расстались мы очень дружелюбно.

Вчера, в субботу, на Александровской станции встречали императрицу, возвратившуюся из-за границы. После того я имел доклад у государя и между прочим представил записку по вопросу о

дозволении военным носить бороду. Поводом к возбуждению этого вопроса послужил недавний случай с одним матросом из раскольников, который воспротивился бритью бороды. Подобные случаи неизбежно будут повторяться чаще прежнего при новом законе о воинской повинности, так как раскольники не будут уже иметь возможности откупаться от военной службы. Государь оставил записку у себя; любопытно знать, как взглянет он на этот вопрос!

На пути в Царское Село мне пришлось быть опять вдвоём с графом Шуваловым, и опять зашёл разговор о смене графа Бобринского и назначении Посьета. По своему обыкновению, граф Шувалов говорил о государе не стесняясь; рассказывал разные случаи, вследствие которых граф Бобринский впал в немилость; приписывал смену уже не раздору и разношерстии с министром финансов, а тому, что граф Бобринский будто бы не хотел быть беспрекословным исполнителем желаний государя по

выдаче некоторых железнодорожных концессий. (Ещё в прошлом году был подобный случай по поводу концессии на Ландварово-Роменскую линию, а потом на Муромскую, которую государь обещал княгине Гагариной...) Граф Шувалов подробно рассказывал этот последний случай так вероподобно, что нельзя усомниться в верности рассказа и остаётся только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновённым, самым элементарным началам честности и бескорыстия.

В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копеейкой и с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казённых или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются фаворитам и фавориткам концессии на железные дороги для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям. (Например, графу Бобринскому приказано было сделать очень

крупный заказ подвижного состава заводам Мальцова, но с тем, чтобы последний обязался подпиской выдавать ежегодно по столько-то тысяч рублей своей жене, приятельнице императрицы, неразлучной с нею и не живущей с мужем.)

Таки наслушался я сплетен на эту тему, что было бы невыносимо грустно, если б в них заключалась какая-либо доля правды. В рассказах графа Шувалова граф Бобринский выставляется жертвой неподкупной честности и гражданской доблести, между тем как сам же Шувалов признаёт, что друг его много вредит себе недостатком правдивости и основательности в речах, что не раз он был прямо уличаем в неверных ложных показаниях. (Всё это так, но я, со своей стороны, не могу уверить себя в том, что и в Министерстве финансов железнодорожные дела ведутся вполне законно и честно. В последнее время было много таких случаев, что невольно рождается подозрение относительно не только второстепенных чинов этого министерства, но и самого министра, который в прежнее время слыл совершенно надёжным и честным. Всё это крайне грустно.)

Константин ДОЛГОВ (р. 1931)

ЭПОХА ПОТЕРЬ И ПРИОБРЕТЕНИЙ *(отрывок из интервью)*

Ни один народ не выдержал бы натиска Гитлера, который подчинил всю Европу и заставил её работать на Германию. В начале войны Советский Союз по ряду показателей отставал от Германии, особенно в промышленности, станкостроении, в производстве военной техники. В кратчайшие сроки наша страна не только сравнялась в этом с Германией, но и стала быстро обгонять, особенно в военном производстве (танки, самолёты, орудия, стрелковое оружие и т. д.). В духовной сфере мы были несомненно сильнее, поскольку опирались на тысячелетние исторические культурные и духовные традиции нашего народа. Видимо, не случайно ещё в 1943 году Сталин разрешил восстановить Патриаршество и полноценное функционирование Русской Православной Церкви, открылись храмы и духовные школы. И это несомненно помогало нам одерживать победы над врагом.

К безусловным обретениям следует отнести и то, что народы Европы и мира, вся мировая прогрессивная интеллигенция были на нашей стороне, симпатизировали Советскому Союзу и поддерживали его, по крайней мере морально, в борьбе против фашистской нечисти. Советской Союз воспринимался как страна подлинной демократии, свободы, независимости, социальной справедливости, где нет эксплуатации человека человеком, нет расизма, оголтелого шовинизма и национализма. В нашей стране видели образ, модель для будущего развития своих стран, где всё делается для народа и ради народа: бесплатное образование, здравоохранение,

мощная система социальной защиты (бесплатное жильё, социальные льготы, пенсионное обеспечение и т. д.). Само построение и существование Советского Союза было величайшим взлётом, экспериментом мирового уровня, мирового значения. И мы не должны это недооценивать.

В связи с этим уничтожение Советского Союза следует считать величайшим преступлением и предательством. Советский Союз надо было реформировать, но не в духе непродуманной горбачёвской перестройки и не в духе ельцинских псевдореформ, опрокинувших страну в ковбойский бандитский капитализм, а в духе совершенствования производительных сил и производственных отношений на основе новейших достижений современной науки, технологий, культуры в соответствии с высшими идеалами и ценностями. Тогда бы Советский Союз не только укрепил свои завоевания в материальной и духовной сфере, но и опередил бы в своем развитии все страны мира.

В 1990-е годы был создан монополистический капитализм – по типу американского, направленный на полное уничтожение социалистической экономики, социалистического способа производства и производственных отношений, на замену их монополистическим, империалистическим капитализмом. Свидетельством тому является то, что в Соединённых Штатах львиная доля богатств и власти (85-90%) принадлежит кучке людей, составляющих 1% от всего населения Америки. И у нас в настоящее время складывается примерно такая же

картина. 1990-е – это время небывалого по масштабам расхищения и разграбления государственной, народной собственности, создававшейся не одним поколением наших граждан.

Все достижения Советского Союза в сфере социальной защиты были отброшены, у нас всё стало платным и, следовательно, малодоступным для простых людей. Россия тем самым обрекает себя на отставание от других стран. Образовалась огромная пропасть между кучкой сверхбогатых людей и остальным народом, одни не знают, куда девать миллиарды, а другие живут в бедности или даже в нищете. О каком единстве народа и справедливости может идти речь!

В настоящее время очевидны успехи нашей внешней политики, но уже сейчас довольно остро ощущаются недостатки внутренней: нам необходимо перейти к всемерному развитию нашей экономики, подъёму производительности труда, которые ещё находятся на довольно низком уровне. Нам следует выстраивать экономику, основанную на современных технологиях, делать её конкурентоспособной на мировом рынке, создавать высокотехнологические производства, готовить высококвалифицированные кадры и т. д. Словом, сейчас все силы необходимо бросить на внутренние проблемы страны, потому что без их разрешения внешняя политика будет голой, пустой.

Борис ЛАВРЕНЁВ (1891–1959)

СЕДЬМОЙ СПУТНИК (отрывок из повести)

Из окна было видно, как, потрясая разбитые торцы, мимо дома прогрохал зелёный грузовик, вoločа за собой синюю плёнку бензинной вони.

Грузовик был похож на ежа. Как ёж, он бежал, щупая дорогу тупым рыльцем радиатора, красно-гвардейские штйки торчали из него во все стороны, как вставшие иглы.

В минуту, когда он сравнился с окном, с него треснули два выстрела. Невзначай или для остротки – было не разобрать. Грузовик скрылся из поля зрения.

Евгений Павлович, качнув головой, сказал вслух:

– Поразительная страна. Три года воевали, а мужчин и патронов по-прежнему не жалеют. Только переменяли объект приложения.

Сказал и зашагал по кабинету. Шагая, заметил, что на стене покосился портрет покойной жены в тяжёлой дубовой раме. Подошёл и машинально поправил, а сам подумал тотчас же: «Зачем? Всё кривое стало».

Портьера на двери в столовую заколебалась, из-под неё высунулось востроносое старушечье обличье.

– Пелинька, ты что? – спросил генерал.

Пелинька, Пелагея – последний верный человек. За ней тридцать лет жизни в одних стенах с Евгением Павловичем и безрассудная старческая привязанность няньки к одинокому, всеми покинутому барину.

Пелагея, прищурившись, прошепелявила:

– Ходишь вшѐ, батюшка?.. Какая жизнь нашталла!.. Вшѐ ходят, ходят, покою не знают.

Евгений Павлович остановился, подразнил:

– А ты вшѐ шидишь, старая? Штулья просиживаешь?

Старушка махнула сухонькой ладошкой, нагнулась и смела фаргуком пепел с паркета. Евгений Павлович скривил губы в смешок.

– Прибираешь? Привычка. Эх, старая, когда в рай входить будешь, небось по привычке сперва порог обметѐшь? – И добавил: – Я, Пелинька, сейчас на базар схожу. Подкуплю продуктов.

Пелагея, тряся подбородком, проводила в переднюю, помогла надеть шинель. Закрыв дверь, долго звякала цепочкой, не попадая в прорез, и звяканье провожало Евгения Павловича по лестнице.

На нижней площадке попался навстречу сосед, инженер Арандаренко. Встреча была неприятной. Евгению Павловичу такие разговорчивые люди, как Арандаренко, всегда казались не настоящими, а вроде заводных игрушек или учёных дроздов; теперь же они особенно раздражали.

Поклонившись, хотел проскользнуть, но Арандаренко перегородил дорогу шестью пудами мяса, и пуговица генеральской шинели завертелась в арандаренковских огурчиках-пальцах.

– Ваше превосходительство... Здравствуйте, здравствуйте! Ну, що вы скажете? А? Голова на спину заворачивается. Вы чуяли: никакой интеллигенции им не нужно. А? Они говорят: «Каждая кухарка может управлять государством». Кухарка! А? Кухарка – министр! А мы с вами на кухню в поваренные мальчишки. «Оце дило», як кажут наши хохлы. Инженер-электрик и профессор Военно-юридической академии в поваренных мальчишках. Скаженный будынок. А?

Пуговица закручивалась всё туже, и казалось, что Арандаренко вырвет её с мясом. От этого и ещё от чего-то неосознанного генерал почувствовал едкую ненависть к инженеру и суховаато сказал:

– Не судим, да не осудят и нас.

Арандаренко выпустил пуговицу, чмокнул языком.

– Уныние? Апатия? Нельзя, дорогой Евгений Павлович. Нужно бороться до последней капли. Мы, интеллигенция...

Стало ясно, что инженер завѐлся надолго. Чтобы спасти положение и выиграть бой, генерал сказал с подчѐркнутой любезностью:

– Милости прошу вечерком, поговорить... На базар спешу, извините, а то опоздаю.

Поднеся руку к козырьку, скользнул обходным движением вдоль стены и, миновав инженера, вышел на улицу. Выйдя, огляделся. Смотреть на улицу было обидно и любопытно...

Игорь ИЛЬИНСКИЙ (1901–1987)

САМ О СЕБЕ (отрывок из воспоминаний)

В морозном воздухе раскатисто гремят звуки военного духового оркестра.

Только что залитый пруд – каток на Петровке – отражает на зеркальной поверхности потрескивающего льда фигуры катающихся.

Музыканты, погревшись у хоровень, с особым рвением, под управлением усатого бравого капельмейстера выдувают марш «Прощание гладиаторов». Сегодня на катке музыкальный день, и собралась «избранная публика». Цены здесь высокие, а в дни музыки доступны только состоятельной московской публике.

Родители мои не принадлежали к такой знати. Отец мой, скромный земский и фабричный врач, только что переехал в Москву и взялся за зубо-врачевание как специальность, имеющую большой спрос, чтобы прокормить свою маленькую семью.

Мама всё-таки привела меня, трёхлетнего клопа, с моей старшей сестрой, десятилетней Олей, сюда, на один из лучших в Москве катков. Оля уже катается, и, наверное, для неё мать устроила этот праздник, прихватив за компанию и меня. Первый ор маме приходится вытерпеть от меня из-за того, что все вместе с Олей катаются на коньках, а я нет. Меня удаётся успокоить креслом на полозьях, на котором меня катают. Тогда на катках были такие кресла для начинающих, а также для катания дам кавалерами. Второй ор приходится вытерпеть маме из-за того, что я не хочу расстаться с креслом. В конце концов меня, замёрзшего и орущего, уносят в теплушку.

В теплушке, которая находится в большом добротном бревенчатом павильоне, горят чугунные печки. На скамьях, покрытых красным сукном, отдыхают катающиеся. Тут же коленопреклонённые «матросы» (так назывались служащие катка яхт-клуба) надевают катающимся ботинки и коньки. Молодёжь, состоящая главным образом из гимназистов, реалистов и студентов в фуражках с голубым околышком, флиртует у буфета с молоденькими барышнями и гимназистками. Меня поят чаем с лимоном и дают пятикопеечный, чёрный, вкуснейший и ароматный пряник. Сколько лет потом,

уже гимназистом, я ходил сюда пешком, экономя два конца на трамвае, чтобы иметь возможность на сэкономленный гривенник выпить именно такой чай с лимоном и таким пряником.

Прости, дорогой читатель, что я начинаю мои воспоминания с катка! Но дело в том, что каток занял в моей жизни большущий отрезок времени. Мог ли я думать в то время, трёхлетний клоп, в 1904 году, что больше шестидесяти лет буду скользить по льду катка Петровки, 26.

До революции это был претендующий на фешенебельность каток Императорского московского речного яхт-клуба. После революции – филиал катка «Динамо». На нём несколько лет назад я мог бы справить шестидесятилетний юбилей скольжения по льду и моей верности этому катку. Больше всего времени в своей жизни, как это ни покажется странным, я провёл там.

В квартирах жил разных, работать пришлось с юных лет в разных театрах, но вся моя «физкультура» была сосредоточена на Петровке, 26. Зимой, как видите, с трёх-четырёхлетнего возраста – коньки, летом – теннисные корты. Вот почему я и начал с этого катка мои воспоминания о детстве.

Мне вообще кажется, что впечатления детства, в том случае если ты их помнишь во всей своей яркости и прелести, непременно сыграли роль в становлении тебя как художника, твоего вкуса, твоего характера, твоего человеческого образа, твоего творчества. Да простят меня учёные люди, если я поделюсь с читателем своей убеждённости в том, что если не в утробе матери, то уж, во всяком случае, в первые два-три года жизни в маленьком человеке, прибегая к терминологии Станиславского, уже имеется в наличии «зерно» его будущего образа. Как будут складываться и куда будут развиваться все линии характера и склонности человека, определят и покажут его жизнь, его последующее бытие. Но наследственные качества, основы характера уже есть в младенце. Возможно, это спорно, а возможно, просто неверно с научной современной точки зрения, но я остаюсь при моём заблуждении...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

К 70-летию Ульяновской писательской организации

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИЯ «ОТЧИЗНЫ ПОЭТОВ»

Вряд ли симбирский поэт и архивист Пётр Александров предполагал, что его строка в стихотворении, написанном в 1898 году к 250-летию юбилею Симбирска, станет крылатой: «Край – отчизна поэтов!». За минувшие с тех пор десятилетия многие литераторы, историки, краеведы использовали этот яркий образ в своих сочинениях. И вполне логично, что выражение «Отчизна поэтов» станет теперь названием биографического словаря писателей, связанных с Симбирским – Ульяновским краем за его более чем тысячелетнюю историю. Книга подготовлена к печати и выйдет в свет в год 70-летия Ульяновского отделения Союза писателей России. В ней действительно будет преобладать количество поэтов – их в издании более 700. Несколько лет назад мне показалось несправедливым, что регион с таким богатым литературным наследием до сих пор не объединил биографии писателей в одном словаре, это и стало для меня главным стимулом при подготовке книги.

Издание поистине уникально. Впервые в России предпринята попытка создания регионального литературного словаря, максимально вместившего биографии писателей за 11 столетий местной истории – с X по XXI век. Самым древним литератором можно считать секретаря багдадского посольства Ахмеда ибн Фадлана, посетившего в 922 году Среднее Поволжье и оставившего в своих ярких записках упоминание о переправе через реки Черемшан, Урень, Майну и Утку на территории нынешней Ульяновской области. В 1675 году первый литератор появился в Симбирске, это был Пётр Кашинский, издавший в собственном переводе с польского языка сборник из 260 басен Эзопа, Бабрия и Абстемия; около 120 из них были переведены в России впервые. А самая юная в этом издании представительница «отчизны поэтов» – ульяновская поэтесса Анна Кольцова, лишь два года назад окончившая университет. Всего же в словаре представлено 1648 биографий писателей, и это совпадение тоже уникально: в 1648 году, как известно, был основан Симбирск.

В словарь включены биографии самых разных категорий литераторов: те, кто родились, жили, работали или умерли на территории Симбирского – Ульяновского края; приезжали в города и селения региона на творческие встречи или в гости к родственникам, друзьям и знакомым; бывали здесь проездом, в ссылке или эвакуации во время войны; имеют в поселениях региона корни своей родословной. Писатель Лев Толстой, к примеру, более 20 раз бывал в Симбирской губернии проездом, в основном на пароходе по Волге. Многие известные литераторы проезжали на поезде через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово:

Белла Ахмадулина, Юрий Бондарев, Максимилиан Волошин, Сергей Есенин, Михаил Зощенко, Леонид Леонов, Владимир Луговской, Самуил Маршак, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Константин Паустовский, Николай Рубцов, Константин Федин, Дмитрий Фурманов, Марина Цветаева, Корней Чуковский, Иван Шмелёв и др. Но если Паустовский и Шмелёв оставили в своих произведениях и записках впечатления об остановке в Базарном Сызгане и Барыше, то у других литераторов письменные свидетельства об этом пока не найдены, и надеюсь, что это подтолкнёт литераторов и краеведов к новым поискам. Требуют более глубокого исследования и родословные связи с Симбирским – Ульяновским краем некоторых знаменитых поэтов и прозаиков: Анны Ахматовой, Александра Грибоедова, Владимира Набокова, Виктора Некрасова, Фёдора Тютчева и др.

Писатели в словаре представляют различные направления литературного творчества. Более всего среди них мастеров художественной литературы – поэтов и прозаиков (1138 авторов). Значительное число писателей можно объединить по специфическим литературным жанрам: публицисты (243 автора); переводчики (187); мемуаристы (175); историки и краеведы (170); драматурги и сценаристы (157); литературоведы, историки литературы и литературные критики (155); фольклористы и этнографы (47); путешественники (45); философы и мыслители (27); языковеды, филологи и лингвисты (25); духовные писатели (24). Списки литераторов по указанным категориям будут опубликованы в жанровом именном указателе в конце книги.

Широко представлены и национальные писатели Симбирского – Ульяновского края: татарские (67 авторов), чувашские (67), мордовские (8). Среди них есть просветители и языковеды древних поволжских народов: основатель Симбирской чувашской учительской школы Иван Яковлев, составивший на основе русской графики новый чувашский алфавит и написавший чувашский букварь; преподававший в Старой Бесовке педагог и переводчик Авксентий Юртов, создавший эрзя-мордовский алфавит на основе кириллицы и издавший «Букварь для мордвы-эрзи»; языковед и литературный критик из Татарского Урайкина Латыф Заляй, первым обосновавший существование трёх диалектов в татарском языке; богослов и педагог Закир Аюханов из Татарского Калмаюра, разработавший башкирский алфавит и выпустивший «Букварь» для башкирских школ. Со списками национальных писателей региона тоже можно будет ознакомиться в одном из приложений книги.

Среди персоналий словаря сложились целые литературные династии писателей, связанных

с Симбирским – Ульяновским краем: Аксаковы (5 авторов), Анненковы (5), Бурлюки (3), Воейковы–Ильины–Жобер (6), Глинки (4), Гончаровы-Симон (6), Дмитриевы (4), Жиркевичи (3), Завалишины (3), Кнорринги–Софиевы (3), Кривошеины (3), Мусины-Пушкины (3), Назарьевы (4), Ознобишины (4), Панфёровы (4), Столыпина (3), Струйские (3), Сушковы (5), Толстые (8), Тургеневы (7), Ульяновы (5), Фармаковские (3), Хлебниковы (3). Нашли место в словаре и близкие родственники известных симбирских литераторов: путешественник Семён Пазухин – прадед, а поэт Александр Карамзин – сын историкографа Н.М. Карамзина; писатель Николай Боголюбов – внук А.Н. Радищева; переводчица Юлия Засецкая – дочь поэта Д.В. Давыдова; драматург и беллетрист Николай Насакин – внук поэта и переводчика М.А. Дмитриева; писательница Вера Калицкая – племянница поэта Д.Н. Садовникова; публицист и сценарист Евгений Петров-Скиталец – сын писателя С.Г. Скитальца; прозаик и публицист Антонина Коптяева – жена писателя Ф.И. Панфёрова; поэт Николай Арнольд – праправнук С.Т. Аксакова; мемуаристка Пелагея Скобелева-Неверова – жена прозаика А.С. Неверова; духовный писатель Иван Ювачёв – отец поэта Д.И. Хармса; поэтесса Людмила Копылова – жена поэта Г.А. Русакова; поэтесса Светлана Гужева – дочь поэта и прозаика А.Р. Кузнецова; драматург Анастасия Чеховская – правнучка писателя Д.К. Дудкина и др.

Отдельная статья в книге будет посвящена происхождению буквы «ё». Причём установлено, что с Симбирским – Ульяновским краем были связаны практически все литераторы, имевшие отношение к созданию, первому использованию в печати и популяризации этой буквы в России и СССР: Василий Татищев, Екатерина Дашкова, Гавриил Державин, Иван Дмитриев, Николай Карамзин, Анатолий Луначарский, Виктор Чумаков. Среди мемуаристов, прозаиков и публицистов, связанных с нашим краем, в словаре оказались даже руководители государства в разные периоды истории: Иван Грозный, Екатерина II, Александр Керенский, Владимир Ленин, Леонид Брежнев, Борис Ельцин и Владимир Путин. Связаны с Симбирским-Ульяновским краем и некоторые лауреаты Нобелевской премии по литературе: Иван Бунин, Борис Пастернак, Бертран Рассел, Александр Солженицын, Иосиф Бродский.

В начале книги будет опубликован список сокращений и аббревиатур, используемых в словаре. Биографические статьи изложены в алфавитном порядке с фотографиями писателей и ссылками на литературные источники, которые более полно представлены в списке литературы, опубликованном в конце издания. В начале словарной статьи вынесена информация о принадлежности персоналий к Союзу писателей СССР, РСФСР и России. Внутри статей фамилии литераторов, биографии которых изложены в отдельных статьях, выделены курсивом. Для удобства поиска персоналий на своих местах по алфавиту будут приведены также литературные псевдонимы и подлинные фамилии авторов со ссылкой на основную статью словаря. В каждой статье после фамилии, имени и отчества по возможности развернуто приводятся дата и место рождения и смерти писателя: сначала указана дата по

новому стилю, затем в квадратных скобках – по старому стилю; при указании мест рождения и смерти приводятся прежние и современные названия населённых пунктов, административно-территориальных единиц и государств. Знак вопроса будет означать, что дата или место рождения пока не выяснены. Даты событий до 1918 года, расположенные внутри статьи, указываются по старому стилю. Биографии писателей в словаре составлены нейтрально, без оценки творчества; в статьях излагаются в основном лишь вехи жизненного пути, литературные достижения, награды, изданные книги. В качестве «лирического отступления» в некоторых статьях будут приведены связанные с нашим краем цитаты литераторов из их мемуарных, краеведческих или поэтических произведений.

При подготовке словаря были найдены или уточнены даты и места рождения и смерти многих литераторов. В спорных случаях для уточнения биографических данных использовались записи в метрических книгах. К примеру, установлены точные даты рождения сказочника Авраамия Новопольцева из села Ясашное Помряского, мелекесского поэта Спиридона Денисова, литературоведа Александра Ревякина из села Паньшино и др. У некоторых литераторов исправлены ошибки, касающиеся места рождения. К примеру, поэт Николай Панов родился в селе Софьино не Сызранского уезда Симбирской губернии, а Самарского уезда Самарской губернии; писательница Вера Жакова родилась в селе Никулино не Сызранского, а Курмышского уезда Симбирской губернии и т. д.

После биографического раздела в словаре публикуется несколько приложений и указателей, позволяющих расширить объём сведений о литературной жизни региона и облегчить поиск в книге нужной информации. В приложениях будут даны списки наиболее заметных литературных объединений и литературных изданий Симбирского – Ульяновского края, краткая история Ульяновского отделения Союза писателей России, имена лауреатов литературной премии имени И.А. Гончарова и поэтической премии имени Н.Н. Благова, перечень библиотек и школ Ульяновской области, названных именами писателей. Там же будет приведён список из 97 литераторов, состоявших и ныне состоящих на учёте в Ульяновской писательской организации за 70 лет её существования (1951–2021 гг.).

В хронологическом именном указателе в конце словаря для удобства поиска литераторов разных эпох все 1648 писателей, связанных с Симбирским – Ульяновским краем, поделены на исторические периоды, в которые они жили и творили. Закономерно, что количество писателей век от века возрастало от единиц и десятков до сотен и тысяч: X – XVI вв. – 13 авторов; XVII в. – 13; XVIII в. – 75; XIX в. – 316; XX и начало XXI вв. – 1254 автора. В их число вошли и 23 литератора, выделенных внутри статей жирным шрифтом (близкие родственники писателей, связанных с Симбирским – Ульяновским краем, на которых пока не нашлось достаточных оснований для включения их биографий в отдельные статьи словаря). Из периода Средневековья, к примеру, в словарь включены: бывавшие в Волжской Булгарии арабский путешественник

Аль-Гарнати и тюркский поэт Кул Гали, автор «Хождения за три моря» Афанасий Никитин, князь Андрей Курбский, дипломат Дон Хуан Персидский и др. В XVII веке наш край посещали: московский купец Федот Котов, немецкий поэт Пауль Флеминг, голландский путешественник Ян Стрэйс, участник осады Синбирска чувашский поэт Байдул Искеев, синбирский воевода Алексей Головин и др. Среди литераторов XVIII века, связанных с Симбирским – Ульяновским краем: шотландский врач Джон Белл, шведский пленник Георг Борнеман, поэт Антиох Кантемир, польский писатель Ян Потоцкий, китайский дипломат Ту Ли Чэнь, граф Дмитрий Хвостов и др. Из ныне живущих писателей в книге будут опубликованы биографии 498 авторов.

Пожалуй, самым востребованным приложением словаря станет географический именной указатель. В первом его разделе приводятся разбитые по городам и районам 303 населённых пункта Ульяновской области, с которыми связаны те или иные литераторы края: Ульяновск – 1175 авторов; Новоульяновск – 4; Димитровград – 107; Базарносызганский район – 65; Барышский – 85; Вешкаймский – 18; Инзенский – 88; Карсунский – 67; Кузоватовский – 73; Майнский – 42; Мелекесский – 29; Николаевский – 14; Новомалыклинский – 14; Новоспасский – 17; Павловский – 14; Радищевский – 29; Сенгилеевский – 43; Старокулаткинский – 14; Старомайнский – 30; Сурский – 34; Тереньгульский – 21; Ульяновский – 37; Цильнинский – 45; Чердаклинский – 54 автора. У 15 симбирских писателей конкретное место рождения пока не установлено. Во втором разделе литераторы расписаны по 75 регионам России, с которыми связаны их биографии, в т. ч. соседствующими с Ульяновской областью: Татарстан – 68 авторов; Чувашия – 58; Мордовия – 27; Пензенская область – 44; Саратовская – 52; Самарская – 175 авторов. В третьем разделе указаны более 60 зарубежных стран, с которыми связаны биографии имеющих в словаре писателей: Украина – 134 автора; Франция – 66; США – 46; ФРГ – 36; Казахстан – 35; Узбекистан – 35; Беларусь – 26; Великобритания – 19; Латвия – 16; Польша – 16; Грузия – 12; Китай – 11, Иран – 10, Азербайджан – 10 авторов и др. Наконец, в календарном именованном указателе все литераторы распределены по дате рождения от 1 января до 31 декабря, а в скобках после фамилии указан ещё и год рождения, что позволит оперативно установить грядущие дни рождения и юбилеи писателей; при этом в календаре лишь несколько дней в году остались незанятыми.

В целом словарь призван вернуть ульяновцам сотни забытых и открыть немало новых литературных имён, стать своеобразной «литературной

библией» нашего региона. Книга будет полезна учителям и преподавателям русского языка и литературы, школьникам и студентам, работникам библиотек, краеведам, литераторам и всем любителям русской словесности нашего края. Наверняка словарь заинтересует также писателей и краеведов регионов, граничащих с Ульяновской областью, т. к. содержит немало персоналий, связанных с литературной историей наших соседей. Надеюсь, что приведённые в словаре факты, связывающие имена многих известных и неизвестных писателей с Симбирским – Ульяновским краем, подтолкнут исследователей к дальнейшим литературоведческим поискам и к созданию более полной литературной летописи нашего региона.

В заключение большое спасибо хочу сказать краеведам, литераторам, сотрудникам библиотек, музеев и архивов – всем, кто оказывал мне содействие в поиске биографических данных. Особая благодарность – А.М. Пупышеву, оперативно находившему нужные метрические книги для уточнения даты и места рождения писателей. В словаре будет также обращение к читателям, будущим пользователям словаря, с просьбой: если в биографиях литераторов обнаружатся опечатки или неточности, сообщить об этом автору по указанной в книге электронной почте. Конечно же, в издание включены не все писатели, связанные с Симбирским – Ульяновским краем. Нельзя объять необъятное, и в словаре помещены биографии лишь тех из них, кто попал в поле зрения автора-составителя. Поэтому буду благодарен тем, кто после знакомства с книгой пришлёт неизвестные мне имена литераторов, которые тоже были бы достойны войти в этот словарь, в особенности писателей минувших веков, чтобы учесть их в возможных переизданиях.

И последнее. Уже сейчас многие литераторы, краеведы и любители русской словесности спрашивают меня, где можно будет приобрести словарь «Отчизна поэтов». Он будет издаваться по губернаторской программе книгоиздания и распространяться по библиотекам Ульяновской области. Все заявки на дополнительный тираж принимаются предварительно на электронную почту nikma56toz@mail.ru (указать фамилию, имя, отчество, количество экземпляров). Когда книга поступит в издательство, я сообщу каждому её стоимость и номер счёта, куда следует перевести нужную сумму, а после выхода словаря – место, где можно будет книгу получить.

Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед,
член Союза писателей России

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ УЛЬЯНОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР, РСФСР, РФ

13 июня 1934 г. на заседании комиссии по приёму в Союз советских писателей по Средневолжскому краю в члены Союза писателей был принят В.З. Иванов-Паймен; в кандидаты – С. Шавлы, А.А. Возняк, Л.Н. Правдин, А.И. Рутько, В.А. Багров, С.К. Урайский.

19 июля 1934 г. в Средневолжском крайкоме ВКП(б) состоялось совещание с участием писателей, на котором рассматривались вопросы о состоянии краевой писательской организации. От Ульяновска в нём принял участие А.И. Рутько, от Мелекесса – Л.Н. Правдин и А.М. Троепольский. В совещании участвовал Артём Веселый, выступивший с большой речью о лит. движении в крае.

8 – 12 августа 1934 г. на краевом съезде писателей Средней Волги образовано Средневолжское краевое отделение Союза писателей СССР (центр – г.Самара), в котором участвовали и писатели из Ульяновска. Были избраны делегаты на 1-й съезд Союза писателей СССР (от Ульяновска – А.И. Рутько).

17 августа 1934 г. на 1-м съезде советских писателей в Москве был создан Союз писателей СССР.

27 января 1935 г., в связи с переименованием Самары в Куйбышев и Средневолжского края в Куйбышевский край, появилось Куйбышевское отделение Союза писателей СССР. На учёте здесь состояли в т. ч. и литераторы, жившие в Ульяновске и окружающих районах, а с 1943 г. – писатели Ульяновской обл.

В 1946–1951 гг. в Ульяновске при областном Дворце книги сложилась лит. группа в составе: член Союза писателей – Г.И. Коновалов, кандидаты – П.С. Бейсов, В.А. Дедюхин, Н.С. Краснов.

7 января 1951 г. состоялось организационное собрание по созданию Ульяновского отделения Союза советских писателей; отв. секретарём избран Г.И. Коновалов. На основании этого Ульяновский обком КПСС направил ходатайство в секретариат Союза писателей СССР о создании в Ульяновске регионального отделения Союза советских писателей.

25 июня 1951 г. принято постановление секретариата Союза советских писателей об образовании Ульяновского отделения Союза писателей СССР.

1 июля 1951 г. на основании постановления секретариата Союза советских писателей от 25 июня создано Ульяновское отделение Союза писателей СССР, которое расположилось по адресу: ул. Пролетарская площадь, дом 4 (ныне бульвар Пластова).

В 1951–1954 гг. отв. секретарём Ульяновского отделения Союза писателей СССР был Г.И. Коновалов.

14 апреля 1954 г. решением секретариата Союза писателей СССР Ульяновское отделение было ликвидировано «за малочисленностью состава»; ульяновские писатели вновь встали на учёт в Куйбышевское отделение Союза писателей СССР.

7 – 13 декабря 1958 г. на 1-м съезде российских писателей в составе Союза писателей СССР создан Союз писателей РСФСР, частью которого стало Куйбышевское отделение Союза писателей РСФСР.

В марте 1960 г. образовано самостоятельное Ульяновское региональное отделение Союза писателей РСФСР, которое в разные годы возглавляли:

1960–1967 гг. – В.А. Дедюхин;

1967–1971 гг. – В.В. Карпенко;

1971–1976 гг. – В.И. Пырков;

1976–1983 гг. – Н.Н. Благов;

1983–1991 гг. – А.М. Наумов.

23 – 30 августа 1991 г., после поражения ГКЧП, Союз писателей СССР раскололся на два идеологических лагеря. В результате этого в Союзе писателей РСФСР были образованы «демократический» Союз российских писателей и «патриотический» Союз писателей России. Составной частью последнего стало Ульяновское региональное отделение Союза писателей России, которое в разные годы возглавляли:

1991–1997 гг. – Е.З. Мельников;

1997–1999 гг. – Ю.Л. Соколов;

1999–2002 гг. – С.И. Матлина;

2002–2006 гг. – В.П. Марцинкевич;

2006–2008 гг. – Г.И. Дёмин;

2008–2018 гг. – О.Г. Шейпак;

2018–2020 гг. – И.А. Таранов;

с 2020 г. – О.Н. Даранова.

Члены Союза писателей СССР, РСФСР и России, состоявшие и состоящие на учёте в Ульяновском региональном отделении в 1951–2021 гг. (в скобках – год вступления):

Алиева Н.В. (1998), Андрюхин А.Н. (1989), Анисимова Г.Ю. (2014), Аржанцев Б.В. (2004), Артамонов В.Н. (2015), Бармин А.В. (1994), Бейсов П.С. (?), Белова А.Г. (1998), Благов Н.Н. (1958), Богдан М.Ю. (2018), Бондаренко Н.А. (1978), Власенко Е.Ю. (2006), Гаак И.А. (2012), Гарипов А.К. (1993), Гогин С.В. (1998), Гордеев В.Л. (?), Горобцов Ф.А. (2000), Даранова О.Н. (2018), Дашко А.А. (2018), Дворянсков В.Н. (1978), Дедюхин В.А. (?), Дёмин Г.И. (?), Дудкин Д.К. (1949), Евдокимова Л.А. (1999), Егорова (Бурлакова) Л.А. (?), Ерёмин В.А. (2016), Ермилов (Юман) А.Ф. (1983), Жданов А.А. (2012), Зазимко С.В. (2017), Игнатъева (Тарават) В.Н. (1995), Ионов В.Б. (1973), Ишутов П.И. (2009), Каримов Р.И. (1993), Карпенко В.В. (1962), Касимов Ф.Д. (2003), Кашкирова Р.И. (2009), Козина О.А. (2018), Коновалов Г.И. (?), Коробков В.В. (1998), Кочетков В.Н. (2010), Краснов Н.С. (1949), Крылова Н.В. (2005), Крылова О.В. (2002), Кувшинникова Е.В. (1994), Кузнецов В.Н. (2012), Лайков А.Д. (2000), Ларин Е.С. (1984), Ларионов Н.Н. (1995), Малахов В.Л. (2006), Манухин В.Н. (2005), Марасов А.Н. (1998), Марцинкевич В.П. (?), Марянин Н.В. (2012), Матвеев Г.Ф. (2000), Матлина С.И. (1992), Мельник В.И. (1994), Мельник Т.П. (2006), Мельников Е.З. (1977), Мердеев А.А. (2010), Наумов А.М. (?), Никитина Л.К. (1982), Никонов А.Ф. (1998), Осипов А.С. (2007), Осокина А.А. (2020), Первушин В.М. (1999), Подгорнов В.М. (?), Полежаев А.М. (?), Полотнянко Н.А. (1988), Пырков В.И. (1971), Рогачёв Я.К. (1995), Сафронов Е.В. (2018), Сергеев В.Н. (1988), Сидоров (Рябинин) Н.Р. (?), Смольников Д.Е. (2003), Соколов Ю.Л. (?), Сульдин В.В. (2009), Суспицын В.П. (1984), Таранов И.А. (2001), Тимаков А.А. (2017), Тихонов А.И. (?), Трудников Д.М. (2012), Ульянова И.В. (1968), Филатов А.В. (2012), Филатова В.А. (1999), Филатова Т.О. (2020), Фомин Л.Л. (1971), Фомиченко А.А. (2014), Царёв А.И. (1962), Цухлов А.Ю. (2006), Чебанов А.С. (?), Чеховская А.Д. (?), Шакун М.В. (2006), Шейпак О.Г. (2006), Шерстнёв Ю.И. (2018), Шутый А.М. (2006), Эйхман Т.А. (2005), Ягвокина Е.А. (2005).

Подготовил **Николай МАРЯНИН**

Николай МАРЯНИН

СИМБИРСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Устав от своих и заморских советов,
Россия творит перемены в судьбе,
и нашему краю – отчизне поэтов –
настала пора заявить о себе!
Был Дмитриев, был Карамзин и Аксаков,
Языков с Минаевым и Гончаров...
В их ряд мы посеём каких пастернаков,
каких сельдереев, каких кабачков?
И ныне по прошлым творцам ностальгия
является гордостью наших знамён:
воспряньте ж, чтоб вздрогнула снова Россия
от творческой мощи симбирских имён!
Служители ямба, питомцы хорей,
в наитие дней посадите росток,
чтоб вырос у нас не пучок сельдерея,
а яркой поэзии дивный цветок!
Его поливать обещаемся щедро
и верим, в эпоху дерзаний и смут
богатые мыслью симбирские недра
цветочками аленькими прорастут!

2011

ОТЧИЗНА ПОЭТОВ

Симбирский край! Пора в венке сонетов
воспеть твои былые имена,
не зря же нас отчизною поэтов
когда-то называла вся страна...
Они пришли из пушкинской плеяды –
Языков, Ознобишин, Карамзин,
и сами бесконечно были рады
в России вновь поднять адреналин.

И Дмитриев вещал в волне флюидов,
что истина – и в басне, и в вине,
а вслед лихой гусар Денис Давыдов
из Верхней Мазы мчался на коне!
За ними шли Минаев и Коринфский,
Садовников, Аксаков, Гончаров,
и лёгок был их шаг гардемариновский,
и аура за каждым – будь здоров!
А что двадцатый век? Словесных магов
немного он добавил в тесный круг:
в апостолы прорвался только Благов,
а где Майоров, Грунин и Бурлюк?
Слегка заметен в них налёт московский,
но в этот круг всегда войдут легко
и Мельников, и Хармс, и Медведовский,
и Чесноков, и Бунин, и Крушко.
Ульяновских пиитов разноцветье
обогастило летопись времён,
ведь только за одно тысячелетье
в ней накопилась тысяча имён...
Взять Ларина, седого ветерана:
наш девяностолетний аксакал
поэмой «Бог» про Сталина-тирана
ещё в хрущёвской эре засверкал!
А Матлина с печалью монастырской
и вечной жаждой благородных дел:
для бабушки поэзии симбирской
издать полсотни книжек – не предел...
Ну а во мгле большой литературы
Лидолия – считай что наше всё:
боюсь сказать, её миниатюры –
покруче, чем Коэльо и Басё!

И Полотнянко здесь не лишней даже,
романы – к Коновалову близки,
ведь орден Достоевского не зря же
ему недавно дали пермяки!
Здесь Марасов, писатель и философ,
мир познаёт с упорством муравья:
из тьмы его ответов и вопросов
сквозит антропный принцип бытия!
А Дворянсков – наш гений деревенский:
он, судя по стихам, не из дворян,
его простой и ясный слог вселенский
звучит как на завалинке баян!
Похожа на большую хризантему
писательница главная – Шейпак:
любую, хоть «абломовскую» тему
она осовременит только так!
Поэт Лайков все тайны слова знает,
воспел фрамугу, Волгу и арбуз:
его и астраханцы почитают,
и даже венгры пробуют на вкус!
Кувшинникова – с мыслями о чуде,
в её стихах – высокая мечта:
огонь она, мерцающий в сосуде,
а не сосуд, в котором пустота!
Льёт густо Эйхман пластовские краски
в поэзию карсунских деревень,
и резвых строк волнующие пляски
сбивают солнцу шапку набекрень!
Творец Малахов с выдержкой Сизифа
лет тридцать своего момента ждал,
но, не дождавшись милости калифа,
вагон стихов за свой же счёт издал...
Таков удел сегодняшних поэтов –
и тех, кто юн, и тех, кто староват:
творят за счёт их собственных бюджетов
Сергеев, Фомиченко, Тарават,
Алиева, Сульдин, Крылова, Жданов,
Яговкина, Манухин, Горобцов,
Анисимова, Никонов, Таранов,
Цухлов, Филатов, Гогин, Кузнецов,
Юман, Касимов, Шутый, Нецветаев,
Сократова, Матвеев, Тимаков,
Гаак, Сурков, Марянин, Миндубаев,
Шакун, Белова, Мельник, Кочетков,
Даранова, Ерёмин, Артамонов,
Шерстнёв, Зазимко, Осипов, Дашко,
Кашкирова, Узрютова, Сафронов
и все, кто призван мыслить широко!
Толпятся за писателем писатель:
и горы ярких книг, и море лиц...

Один лишь алфавитный указатель
легко заполнит несколько страниц!
А сколько бы ещё дивизионов
в ульяновской словесности взросло,
когда б из суммы в двадцать миллионов
не всё у нас художникам ушло?
И мне мечты в сознание крадутся:
принять бы губернатора в Союз,
тогда резервы нужные найдутся,
чтоб утолить желанья местных муз!
Ведь если б губернатор стал поэтом,
представьте, как, чтоб мир завоевать,
шедевры наши и зимой, и летом
конвейер книжный начал выдавать...
Возрос бы вал и критики, и прений,
окации неслись со всех сторон,
и рос поток литературных премий,
и ввысь рвалось сияние имён!
До солнца вознеслась бы наша муза,
не сдерживая яростную прыть,
а отделение местного Союза
в Париже можно было бы открыть...
Но возвращаюсь в Винновскую рощу,
у нас тут далеко не Васюки:
поэзию, как ласковую тещу,
мы любим все, сомненьям вопреки!
И потому нам так сегодня снова
хотелось ощутить былую статью:
хотя бы у беседки Гончарова
имеем же мы право помечтать!
О том, что зазвучит веночек сонетов,
листая над обрывом времена,
и что опять отчизною поэтов
нас назовёт любимая страна...
И сердце будет мучить ностальгия,
и ранить будут вещице слова,
пока жива великая Россия,
пока в душе поэзия жива!

2016

* * *

В гигантском столкновении времён,
шалых идей и кровных интересов
куда твой взор, писатель, устремлён
на торге сдержек и противовесов?
Менять на переправе лошадей
уже не вправе ты и призван снова
глаголом вещим жечь сердца людей
с высокой страстью пушкинского слова!

2019

